

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

И. Брилліантовъ

ОВРАПОНТОВЪ БѢЛОЗЕРСКІЙ

Монастырь

Его Сиятельству

Князю Александру Васильевичу

Оболенскому,

Председателю Комитета
по реставрации Дератанова
и консультору,

от автора.

И. Брилліантовъ.

ӨЕРАПОНТОВЪ БѢЛОЗЕРСКІЙ

нынѣ упраздненный

МОНАСТЫРЬ,

МѢСТО ЗАТОЧЕНІЯ

ПАТРІАРХА НИКОНА.

къ 500-лѣтию со времени его основанія

1398—1898.

Съ приложеніемъ очерка „Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлозерѣ”.

съ 32 рисунками

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. И. Лопухина (Телѣжный пер., д. № 3—5).

1899.

CONTINU

~~~~~  
Извлечено изъ журнала „Странникъ“ за 1898 и 1899 годы.  
~~~~~

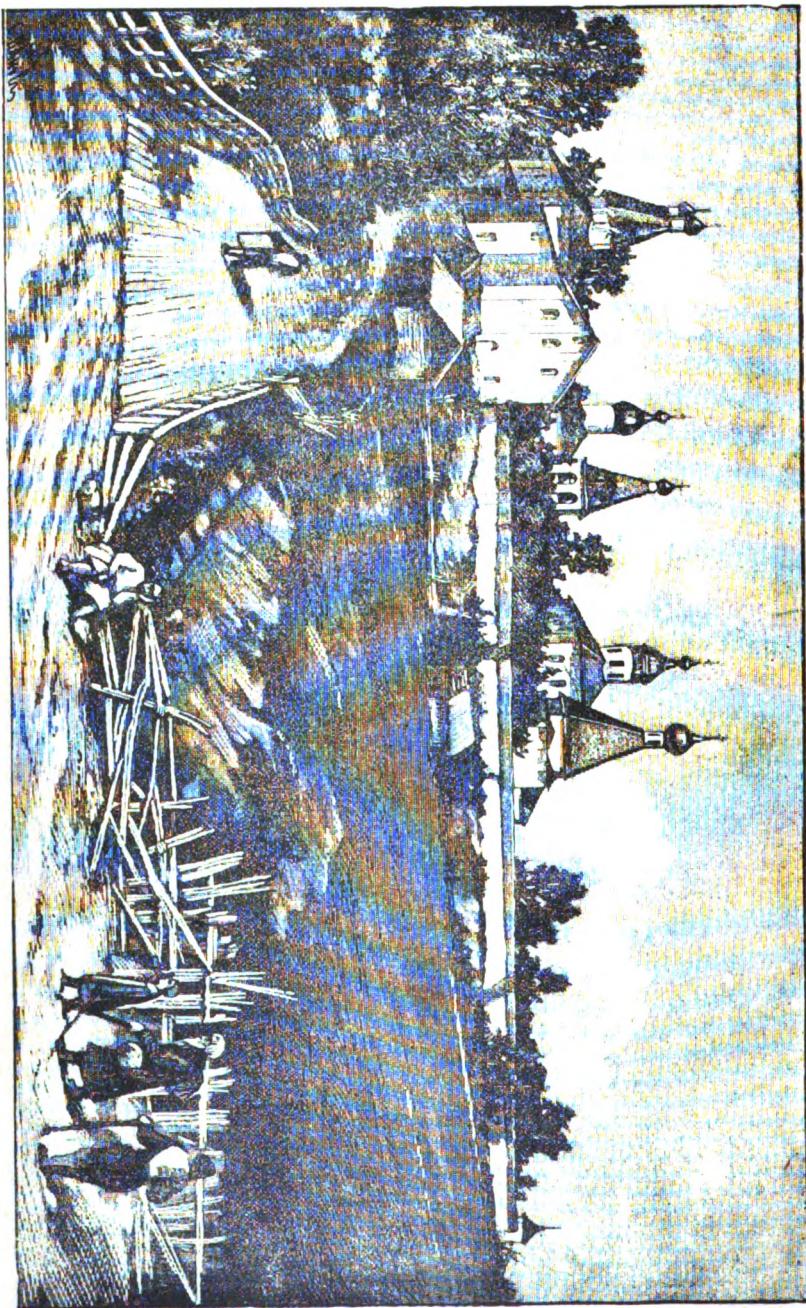
PRESERVATION.
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

EX 583
F4 B75

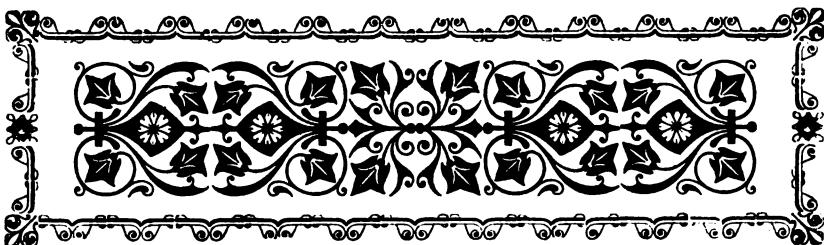
105

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Преподобный Ферапонтъ I, II.	5 — 14
2. Преподобный Мартиніанъ III, IV, V	15 — 41
3. Времена процвѣтанія обители при св. Мартиніанѣ и его ближайшихъ преемникахъ.	42 — 65
4. Внѣшній ростъ монастыря и состояніе его до конца XVII вѣка.	66 — 99
5. Послѣдній вѣкъ существованія обители и ея за- крытие.	99 — 107
6. Прогулка по Ферапонтовой обители и ея окрест- ностямъ	107 — 121
Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлъозерѣ. Исторический очеркъ I, II, III, IV, V, VI . .	123 — 240
Приложенія	241 — 246

ЧЕРНЯХОВСК. УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ.
(видъ съ южной стороны).

Верапонтовъ монастырь — мѣсто заточенія и послѣднихъ лѣтъ жизни патріарха Никона.

(Къ 500-лѣтію основанія этого монастыря: 1398—1898).

„Мѣста прекрасныя, благословенныя! На всякомъ шагу природа даритъ вамъ адѣль свои возвышенныя впечатлѣнія, освященныя памятью мужей, угодившихъ Богу и засѣявшихъ всю эту землю сѣменами духовнаго просвѣщенія”...

(С. П. Шевревъ. Поездка
въ Кирилло-Бѣлозерскій мона-
стырь).

Бѣлозерскую страну справедливо называютъ русской Ои-ваидой на сѣверѣ. Въ періодъ разцвѣта на Руси иноческой жизни, въ XIV, XV и XVI вѣкахъ, пустынныя дебри Бѣла-озера привлекаютъ къ себѣ множество иноковъ, ищущихъ уединенія для подвижнической жизни. Среди дремучихъ лѣсовъ, на берегахъ рекъ и озеръ, которыми особенно богата Бѣлозерская страна, одна за другою возникаютъ обители отшельниковъ, становясь впослѣдствіи центрами материальной и духовной культуры для дикаго края. Во главѣ всѣхъ бѣлозерскихъ

обителей стоитъ знаменитый монастырь преп. Кирилла Бѣло-
зерскаго, въ іошѣ прошлаго 1897 года съ разрѣшенія св.
Синода торжественно праздновавшій свой пятисотлѣтній юбилей.
Въ настоящемъ году исполняется пятьсотъ лѣтъ другой бѣло-
зерской обители хотя и не столь славной, какъ знаменитая
„лавра“ пр. Кирилла, но тѣсно связанной съ нею по своему
происхожденію, небезызвѣстной также и въ исторіи отече-
ственной церкви. Это Ферапонтовъ Богородице-рождественскій
Мартиніановъ монастырь, основанный въ 15 верстахъ отъ
Кириллова пр. Ферапонтомъ, сподвижникомъ и спутникомъ
пр. Кирилла и устроенный потомъ пр. Мартиніаномъ, бли-
жайшимъ ученикомъ Кирилловымъ. Ровно сто лѣтъ прошло
съ тѣхъ поръ, какъ этотъ небольшой монастырь закрытъ и
 обращенъ въ приходскую церковь, но онъ и теперь привлекаетъ
къ себѣ богомольцевъ почивающими въ немъ мощами его
основателя пр. Мартиніана и интересуетъ любителей родной
старины какъ мѣсто заточенія знаменитаго іерарха русской
церкви святѣйшаго патріарха Никона. Желая познакомить
читателя съ этой древней упраздненной обителью, для которой
настоящій годъ является вдвойнѣ знаменательнымъ, мы прежде
всего должны сообщить свѣдѣнія о жизни ея преподобныхъ
основателей. Для этой цѣли мы послѣдуемъ изложенію древняго
рукописнаго житія XVI вѣка ¹.

¹ Житія преп. Ферапонта и Мартиніана, написанныя неизвѣстнымъ
илюкомъ Ферапонтова монастыря (Матеемъ. по догадкѣ Ключевскаго,—
Др. рус. житія святыхъ с. 272) въ половинѣ XVI вѣка, до сихъ поръ не
изданы въ печати, за исключеніемъ отрывковъ изъ житія пр. Марти-
ніана, напечатанныхъ въ Лѣтописи занятій Археографической Ком-
миссіи (1860. I.). У настъ подъ руками было два списка этихъ житій.
Одинъ изъ библіотеки С.-Петербургской духовной академіи (сборникъ
Соф. бібл. № 467 (741) писалъ полууставомъ и по всѣмъ признакамъ от-
носится къ XVI вѣку. Другой, принадлежащий церкви упраздненнаго
Ферапонтова монастыря, писалъ въ листвѣ крупнымъ уставомъ уже въ
XVIII вѣкѣ. Изъ подписи на книгѣ видно, что она пожертвована въ
монастырь въ 1766 году „для души своея помилованія“ бѣльмъ дьяко-
номъ Ферапонтова монастыря Самсономъ Васильевымъ Фалиновымъ,
который написалъ ее свою рукою „безденежно“. Въ Ферапонтовской
церкви она находится въ числѣ богослужебныхъ книгъ, такъ какъ по
ней доселѣ править тамъ службу чудотворцу Мартиніану, которой тоже
не имѣется въ печати. Въ текстѣ обоихъ списковъ нѣть большихъ раз-
личій. Разница въ числѣ чудесъ пр. Мартиніана: сверхъ 10 чудесъ, имѣю-
щихся въ обоихъ спискахъ, въ послѣднемъ записаны еще въ 6 чудесъ,
совершившихся въ позднѣйшее время вплоть до 7174 (1666) года. Встрѣ-

1. Преподобный Ферапонтъ.

I.

„Любезно начну повѣдати, яко о святѣмъ
отъ начала, рожденіе и восхиганіе и
прочее пребываніе“.

Писатель житія пр. Ферапонта.

Происхождение преп. Ферапонта. — Раннее поступление въ Симоновъ монастырь. — Путешествія под разными мѣстами и на Бѣлоозеро. — Пр. Кириллъ. — Чудесный голосъ ему въ Симоновомъ монастырѣ. — Разговоръ съ преп. Ферапонтомъ. — Совместное путешествіе на Бѣлоозеро. — Основаніе Кирилло-Бѣлоозерской обители. — Разлука подвижниковъ и основаніе Ферапонтомъ своей обители. — Труды и опасности отшельнической жизни на избраннымъ мѣстѣ.

Основатель Ферапонтова монастыря преп. Ферапонтъ родился въ городѣ Волоколамскѣ, въ семействѣ боярскихъ дѣтей Поскочиныхъ и крещенъ былъ съ именемъ Феодора. Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался благочестіемъ и пользовался общей любовью не только своихъ родныхъ, но и всѣхъ сосѣдей. Но міръ не могъ привязать къ себѣ юнаго Феодора. Рано въ его душу запало стремленіе бѣжать отъ житейской суеты подъ тихую сѣнь монастырской обители. И вотъ однажды онъ тайно оставилъ родительскій домъ и пришелъ въ Симоновъ монастырь близъ Москвы, прося архимандрита и братію принять его въ число иноковъ. Какъ бы по внушенію свыше архимандритъ не сталъ препятствовать желанію прішельца, и юный Феодоръ былъ постриженъ въ иночество съ именемъ Ферапонта. Новоначальный ишокъ былъ отданъ подъ руководство опытнаго въ духовной жизни старца и, находясь въ полномъ послушаніи своему руководителю, преуспѣвалъ въ подвигахъ иночества. Всѣ свои помыслы и желанія опъ открывалъ своему старцу и, такимъ образомъ, при помощи поста и молитвы съ успѣхомъ отражалъ стрѣлы врага. Скоро своею строгой жизнью, смиренiemъ и послушаніемъ инокъ Ферапонтъ пріобрѣлъ расположение всей братіи. Недалекъ онъ

чающіяся ниже ссылки на рукописное житіе сдѣланы по рукописи С.-Петербургской духовной академіи.

былъ въ грамотѣ, но этотъ недостатокъ книжной мудрости восполнялся его природнымъ здравымъ умомъ и душевною добротою¹.

Эти качества доставили ему особое довѣріе архимандрита и братіи, которые стали посыпать его съ разными порученіями по дѣламъ монастыря, для закупки припасовъ и т. п. Во многихъ мѣстахъ пришлось побывать Ферапонту при исполненіи подобныхъ порученій монастырского начальства. Бывалъ онъ и въ далекой странѣ бѣлозерской, которая представляла собою обширную пустыню, покрытую лѣсами, озерами и болотами. Любуясь на красоты дикой сѣверной природы, преп. Ферапонтъ не разъ думалъ о томъ, какъ хорошо было бы уединиться здѣсь для совершенного безмолвія и служенія Богу. И онъ обошелъ все Бѣлоозero, желая лучше познакомиться съ мѣстоположеніемъ понравившейся ему страны.

Въ это время вблизи Симонова монастыря жилъ старець Кириллъ, извѣстный впослѣдствіи бѣлозерскій чудотворецъ, заѣтной мыслью котораго съ давняго времени сдѣлалось стремление къ уединенію и безмолвію. Ради этой мысли, между прочимъ, онъ оставилъ Симоновъ монастырь, гдѣ былъ архимандритомъ и поселился невдалекѣ отъ него въ бывшей обители Рождества Богородицы (старый Симоновъ), но и тутъ не находила себѣ удовлетворенія его жаждавшая новыхъ подвиговъ душа. Усердно молился онъ пресв. Богородицѣ, прося устроить его жизнь, и однажды во время молитвы было ему видѣніе. Въ глубокую ночь предъ отходомъ ко сну Кириллъ по обыкновенію читалъ акаистъ Божій Матери и когда дошелъ до мѣста: „странице убо рождество видѣвшe, устранимся міра и умъ на небо приложимъ“, то вдругъ услышалъ голосъ: «Кириллъ, иди отсюда на Бѣлоозero, тамъ уготовано тебѣ мѣсто, гдѣ ты можешь спастись». Вмѣстѣ съ тѣмъ яркій свѣтъ заблисталъ въ келліи. Открывъ оконце кельи, Кириллъ увидѣлъ сіяніе на сѣверной сторонѣ неба по направлению къ Бѣлоозеру. Исполненный радости, Кириллъ бодрствовалъ до утра, размышляя о чудномъ видѣніи, и эта знаменательная ночь была для него свѣтлымъ днемъ.

¹ „Аще бѣ святый и не хитръ грамотѣ, но душевную добруту и умъ здравъ стажа“. Житіе, л. 19.

Немного времени спустя послѣ этого видѣнія поѣтиль преп. Кирилла Ферапонть, который былъ ему сверстникомъ по лѣтамъ и вмѣстѣ съ нимъ принялъ постриженіе. «Есть ли, возлюбленный, мѣста на Бѣлоозерѣ, гдѣ можно было бы безмолвствовать иноку», началъ распрашиватъ гостя преп. Кирилль. «Весьма много тамъ такихъ мѣсть, отче», отвѣчалъ преп. Ферапонть на распросы своего друга о знакомой ему Бѣлоозерской странѣ. Но ничего еще не сказалъ тогда преп. Кирилль о бывшемъ ему чудесномъ указаніи свыше.

Вскорѣ оба друга согласились вмѣстѣ оставить Симоновъ монастырь и идти на Бѣлоозеро. Много дней были они въ пути прежде чѣмъ достигли этой новой обѣтованной Кириллу земли. Но вотъ они на Бѣлоозерѣ. Подъ руководствомъ своего опытнаго спутника пр. Кирилль осматриваетъ мѣста обширной бѣлоозерской пустыни. Много мѣсть обошли они. Ни одно не нравится пр. Кириллу: онъ ищетъ того мѣста, которое предносилось его взору въ чудномъ видѣніи. Наконецъ путники пришли на одинъ холмъ, съ трехъ сторонъ окруженный озерами. Тотчасъ Кирилль узналъ здѣсь мѣсто, указанное въ видѣніи, остановился и сказалъ: «се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣсь поселюсь, какъ изволила Пречистая. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка»!

Отшельники водрузили крестъ на этомъ мѣстѣ и воспѣли благодарственный канонъ Богородицѣ. Теперь только открылъ преп. Кирилль своему другу о бывшемъ ему въ Симоновѣ видѣніи и таинственному голосу, повелѣвавшему идти на Бѣлоозеро, на то именно мѣсто, которое они теперь нашли. Услышавъ это преп. Ферапонть не менѣе своего друга радовался о явленной здѣсь милости Божией. Снова прославили путники Бога и Пречистую Его Матерь и стали водворяться на избранномъ ими мѣстѣ. Простой шалашъ изъ вѣтвей служилъ имъ первоначальнымъ убѣжищемъ, потомъ они выкопали пещеру въ холмѣ и начали проводить вмѣстѣ подвижническую жизнь. Такъ было положено начало Кирилло-Бѣлоозерскому монастырю.

При взглядѣ на убогую землянку, пріютившую двухъ отшельниковъ, кто могъ тогда подумать, что видѣть предъ собой колыбель величайшаго монастыря въ Россіи!

Но недолго жилъ здѣсь преп. Ферапонть. Душа его жаждала новыхъ подвиговъ и стремилась извѣдать полнаго

безмолвія и уединенія. Во время своихъ странствій по бѣло-
зерской пустынѣ онъ уже намѣтилъ себѣ мѣсто, которое ему
очень понравилось; туда теперь хотѣлъ онъ уединиться для
своихъ подвиговъ. Онъ открывась о своемъ желаніи своему
сподвижнику, съ которымъ привыкъ о всемъ совѣтоваться, и
просить у него совѣта.

— «Есть у меня, отче, одно желаніе и не даетъ оно
мнѣ покоя: хочется мнѣ идти на другое мѣсто и безмолвствовать
отдельно».

— «Если будетъ на то воля Господня, то можешь исполнить
это желаніе, братъ мой»; — отвѣчалъ ему преп. Кириллъ.

— «Есть одно мѣстечко, отче, продолжалъ Ферапонтъ,
недалеко отсюда, верстъ 15 или немнога больше. Тамъ я
хочу поселиться, если Богу будетъ угодно. Но Бога ради,
прошу тебя, чтобы ты не обидѣлся на меня за то, что я
разлучаюсь съ тобою».

— «Воля Божія да будетъ во всемъ, братъ мой», —
сказалъ ему на это пр. Кириллъ.

Друзья съ любовью разстались, согласившись молиться
другъ о другѣ и по прежнему обо всемъ совѣтоваться между
собой. Преп. Кириллъ остался на избранномъ имъ мѣстѣ, а
Ферапонтъ удалился отъ него на 15 верстъ къ сѣверовостоку.
Здѣсь онъ остановился на мѣстѣ, которое уже прежде при-
влекло его вниманіе своей замѣчательной красотою. Оно на-
ходилось на возвышеніи между двухъ озеръ, лежавшихъ одно
выше другаго па разстояніи полета стрѣлы, пущенной изъ
лука¹. На этомъ то прекрасномъ мѣстѣ поселился преп.
Ферапонтъ, очевидно обладавшій душою чуткою къ красотамъ
природы. Онъ поставилъ здѣсь небольшую келью и, разчистивъ
мѣсто вокругъ, обнесъ его оградой. Вскорѣ онъ пришелъ къ
преп. Кириллу и рассказалъ ему, гдѣ и какъ онъ поселился.
Пр. Кириллъ похвалилъ мѣсто, избранное Ферапонтомъ и bla-
гословилъ его безмолвствовать тамъ.

Ободренный совѣтами и благословеніемъ почитаемаго друга,
вернулся пр. Ферапонтъ къ своей одиноко стоявшей въ глу-

¹ „И обрѣте мѣсто близъ езера Паское зовомо, другое же езеро по-
выше того — Бородавское, промежъ ихъ яко же стрѣлы верженіе или
мало множае; весьма красно мѣсто то и угодно на жительство паче
ниѣхъ мѣсть, и возлюби єе блаженный зѣло“ (Житіе л. 25 на об.).

хомъ лѣсу келейкѣ и принялся за устройство своего мѣстожительства. Многихъ трудовъ стоила ему борьба съ суровой сѣверной природой. Постепенно разчищалъ опъ мѣсто вокругъ кельи, вырубая стоявшій кругомъ пепроходимый лѣсъ. Собирая хворость въ одно мѣсто, онъ подготовлялъ землю къ посѣву, чтобы промыслить себѣ пропитаніе въ этой скучной странѣ¹. Такъ въ постоянныхъ трудахъ и молитвѣ проходила жизнь преподобнаго.

Страшна и неуята была жизнь отшельника въ глухомъ мѣстѣ, много страху и беспокойствъ испыталъ преподобный и днемъ и ночью. Въ лѣсу жило много звѣрей, ревъ которыхъ раздавался по ночамъ вокругъ одинокой кельи. Но еще больше беспокойства причиняли преподобному разбойники, укрывавшіеся въ лѣсахъ, гдѣ то неподалеку отъ его обители. Много разъ приходили они къ святому, требовали отъ него имущества и грозили смертю, если онъ не уйдетъ отсюда. Преподобный терпѣливо переносилъ эти нападки, пока наконецъ разбойники не оставили его въ покое, видя, что у него неѣть ничего.

II.

„Также по слухъ начаша приходити къ святому мнози отвсюду—овіи пользы ради, ипніи же хотяху сожительствовати съ нимъ“.

Рук. житіе пр. Ферапонта.

Возникновеніе поческой общины въ обители пр. Ферапонта.—Постройка церкви.—Прибытие священно-испока.—Первое постриженіе.—Иноческая жизнь въ новой обители.—Процвѣтаніе обители.—Милости Можайскаго князя.—Княжескій намѣстникъ въ Ферапонтовой обители.—Вызовъ преподобнаго въ Можайскъ.—Невольная разлука съ обителю.—Преподобный у Можайскаго князя.—Основаніе Лужецкаго монастыря.

Но вотъ святой уже не одигъ въ своей пустынѣ. Къ нему начинаютъ приходить люди, подобно ему искавшіе уединенія отъ міра и спасенія души. Они умоляютъ преп. Ферапонта

¹ „Посемъ же святому лѣсъ посѣкшу и мѣсто отребившу и во едино собирая храстіе оно, мысляше бо блаженныи и зеліе нѣкое насѣянія, за еже скучну быти мѣсту тому и отнюдъ пустынну, тѣмъ себѣ святый нужную кормлю управляя бяше на тѣлесную потребу“. Житіе л. 26 на об.

позволить имъ оставаться у него, чтобы спасаться подъ его руководствомъ. Преподобный не въ силахъ отказать ихъ просьбѣ, и воть рядомъ съ его кельей возникаютъ одна за другою кельи поселившихся съ нимъ братій. Число пришедшихъ иноковъ постепенно возрастаетъ: воть уже ихъ 10, 15 и болѣе. Новообразовавшейся общинѣ иноковъ необходимъ храмъ для молитвенныхъ собраній. По просьбѣ братіи, Ферапонтъ, испросивъ совѣтъ и благословеніе святителя (Бѣлоозеро отпосилось тогда къ Ростовской епархіи), приступаетъ къ постройкѣ деревянной церкви въ честь Рождества Пресв. Богородицы и, устроивъ ее, снабжаетъ необходимой утварью и книгами.

На первыхъ порахъ не всегда было можно совершать литургію въ новоустроенному храмѣ, такъ какъ въ числѣ братіи не было ни одного іерея. Но воть пришелъ однажды въ обитель священноинокъ и съ радостью принялъ его Ферапонтъ, благодаря Бога за устройство своей обители.

Этимъ священноинокомъ совершено было и первое постриженіе въ новой обители. Первымъ постриженникомъ ея былъ крестьянинъ ближней вѣси, который былъ постриженъ съ именемъ Григорія и, будучи искуснымъ рыболовомъ, обильно снабжалъ братію рыбою.

Самъ преп. Ферапонтъ подавалъ братіи примѣръ неустаннаго труда. Съ топоромъ и лопатой выходилъ онъ изъ своей кельи на работу и трудился цѣлый день, а нерѣдко случалось, что цѣлые ночи онъ проводилъ безъ сна въ молитвѣ и подвигахъ¹. Словомъ, и примѣромъ наставляя братію иноческому житію, онъ самъ въ свою очередь пользовался совѣтами и наставлѣніями преп. Кирилла, котораго часто навѣщалъ изъ своей обители для духовной бесѣды. Поэтому порядки иноческой жизни, которые заводилъ въ своей обители преп. Ферапонтъ, были тѣ самые, что заповѣданы были въ уставѣ преп. Кирилла². Всѣ иночки должны были вкушать пищу только въ трапезѣ и въ урочное время. Исключеніе дѣлалось только для больныхъ и престарѣлыхъ. Въ келліяхъ

¹ Повсегда же святый исходя отъ келии своея, вземъ сѣчиво и котыгу, труждашеся по вся дни зѣло, многажды же и въ пощи безъ спа пребываюши бяше". Л. 30 на об.

² „Единъ чинъ и начало имѣютъ братія Кириллова монастыря и Ферапонтова". Жит. л. 84.

ничего не позволялось держать, кроме иконъ, книгъ и орудий, необходимыхъ для рукодѣлій. Житіе рисуетъ картину жизни иноковъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ. Пребываніе въ церкви «на соборномъ пѣніи», чередуется у нихъ съ посильнымъ и разнообразнымъ трудомъ всѣхъ и каждого на пользу общую. Одни пишутъ книги, другіе учатся грамотѣ, третьи плетутъ сѣти, кто строить кельи, кто работаетъ въ поварнѣ и хлѣбнѣ¹. Житіе замѣчаетъ, что все дѣлалось тогда руками самихъ иноковъ и не держали еще въ монастырѣ «мірскія чади» для исправленія работъ.

Между тѣмъ монастырекъ начинаетъ пріобрѣтать известность. Изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ начинаютъ приходить сюда для пользы душевной не только простые люди, но и бояре. Многіе посылаютъ въ новый монастырь милостыни «на церковное устроеніе, свѣщи и воскъ, фиміанъ и братіи въ упокоеніе». Эти приношенія христолюбцевъ способствуютъ благоустройству монастыря. Сюда начинаютъ приходить изъ дальнихъ странъ и монастырей «пѣвцы церковные и служебники всякаго чина». Вокругъ церкви возникаютъ новыя кельи «двоекровны и трикровны и великой покой бяше братіи», замѣчаетъ житіе.

Радовался преп. Ферапонтъ, видя процвѣтаніе своей обители, и со свойственнымъ ему смиреніемъ говорилъ братію: «отцы и братія, не я оградилъ святое мѣсто сіе, но пречистая Богородица; она направить насъ на полезное и заступить отъ всѣхъ бѣдъ». По своему смиренію онъ уклонился отъ игуменства въ основанной имъ обители. Игумепомъ былъ избранъ другой старецъ, но житіе не называетъ его по имени.

Дошелъ слухъ о возникновеніи новой обители и до князя Андрея Димитревича Можайского, вотчиной которого была тогда Бѣлозерская страна. Благочестивый князь весьма радъ былъ устройству обители въ его вотчицѣ. Охотно предоставилъ онъ инокамъ пользоваться окружающей землей, озерами и реками. Пославъ въ монастырь щедрую милостыню на цер-

¹ „Пѣніе въ церкви Божіей, безмолвіе по келліямъ со всякимъ утвержденіемъ всякаго рукодѣлія чинъ воображающе: ини книги пишутъ, друзіи книгамъ учатся, ини сѣти плетутъ на рыбная ловленія, друзіи келліи дѣлаютъ, дрова въ магерницу и въ хлѣбню и въ трапезу, ини воду носаще и хлѣбы и варенія приготовляютъ“. Житіе. л. 35.

ковное строеніе и монастырскія нужды, онъ въ особомъ по-
сланіи просилъ преп. Ферапонта и братю молиться по немъ.

Скоро князю Андрею представился случай ближе узнать
преп. Ферапонта. Однажды случилось быть въ Ферапонтовой
обители боярину, который былъ намѣстникомъ князя па Бѣ-
лозерѣ. Бояринъ посѣтилъ преп. Ферапонта и бесѣдовалъ съ
нимъ. Кроткій и смиренный образъ преподобнаго старца, его
назидательная рѣчи произвели глубокое впечатлѣніе на боя-
рина. Вернувшись къ князю, онъ сообщилъ ему о своемъ по-
сѣщеніи Ферапонтовой обители и о томъ впечатлѣніи, какое
онъ вынесъ изъ бесѣды съ преподобнымъ старцемъ. Возгла-
годарилъ Бога благочестивый князь и еще болѣе сталъ по-
читать преп. Ферапонта.

Благоворя обителямъ Кирилловой и Ферапонтовой, воз-
никшимъ въ далекой бѣлозерской вотчинѣ, князь возымѣлъ
благочестивое намѣреніе устроить монастырь близъ своего го-
рода. Сталъ онъ искать опытнаго инока, которому бы можно
было поручить это дѣло. Долго не находилъ онъ способнаго
къ этому дѣлу инока. Наконецъ, послѣ совѣщанія съ боярами,
князь пришелъ къ мысли, что никто другой не можетъ лучше
исполнить его планъ, какъ преп. Ферапонтъ, успѣшно устроив-
шій обитель на Бѣлоозерѣ.

Рѣшившись вызвать къ себѣ преп. Ферапонта, князь прежде
всего посыаетъ въ его обитель дары и щедрую милостыню, не со-
общая пока преподобному о своемъ желаніи. Спустя пѣмного
времени, князь посыаетъ къ преподобному одного изъ своихъ
служилыхъ людей съ посланіемъ, въ которомъ усердно при-
глашаетъ старца къ себѣ въ Можайскъ, такъ какъ онъ, князь,
хочетъ принять отъ него благословеніе, и побесѣдоватъ па-
единѣ объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Получивъ это посланіе, преподобный старецъ былъ не
мало смущенъ и не зналъ, что отвѣтить посланному князю.
Созвавъ къ себѣ всю братію и сообщивъ ей о посланіи князя,
онъ просилъ совѣта, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ.
Братія совѣтовала ему исполнить желаніе князя, дабы не
оскорбить его отказомъ, тѣмъ болѣе, что онъ благодѣтель мо-
настыря, да и самій монастырь стоять на его землѣ.

„Воля Господня да будетъ о всемъ“, сказалъ преподоб-
ный, выслушавъ совѣтъ братіи, и призвавъ княжескаго по-
сланца, началъ говорить ему: „какое же дѣло можетъ быть

у великаго князя до мене, нищаго и худаго чернеца? Мы чернецы должны молиться Богу за князей, а не шататься по миру на позоръ и осужденіе мірскимъ людямъ... Посланый, упавъ на колѣни, умоляль преп. Ферапонта исполнить волю князя, говоря, что ему не велѣно возвращаться иначе, какъ въ сопровождениі преподобнаго. Уступилъ преп. Ферапонтъ просьбамъ братіи и посланца и прослезившись снова сказалъ: «да будетъ воля Господня».

Черезъ нѣсколько дней преподобный Ферапонтъ собрался въ путь. Отпѣвъ молебенъ Спасу и пресв. Богородицѣ и наказавъ братіи заботиться о церкви и обители, онъ отправился въ Можайскъ въ сопровождениі княжескаго посланаго и одного изъ своихъ иконокъ. Не зналъ еще тогда преподобный, что ему не суждено болѣе вернуться въ свою обитель.

Съ великой честью встрѣтилъ князь Андрей пришедшаго къ нему святаго старца. „Богъ да воздастъ тебѣ, отче, за твою любовь къ намъ“, говорилъ обрадованный князь. Онъ почтилъ дорогого гостя трапезой и упокоилъ его въ приготовленномъ ему помѣщеніи. Давъ старцу отдохнуть съ дороги, князь сталъ распрашиватъ его о своей бѣлозерской вотчинѣ и объ устроеніи тамъ обителей пресв. Богородицы (Кирилловой и Ферапонтовой). Въ бесѣдѣ съ пр. Ферапонтомъ князь лично убѣдился въ справедливости того, что ему приходилось слышать раньше о достоинствахъ святаго старца. „Знаешь ли, отче, сказалъ онъ старцу, зачѣмъ я призвалъ тебя“, . и въ отвѣтъ на выраженное старцемъ недоумѣніе, продолжалъ: «есть у меня одно намѣреніе, отче, и я открою его тебѣ, но молю твою святость, исполни то, о чемъ я тебя попрошу». «Что могу, сдѣлать для тебя, государь, я, худой и грѣшный чернецъ», со смиренiemъ возразилъ преподобный.

Тогда князь, посадивъ старца подлѣ себя, началъ просить его, чтобы онъ устроилъ обитель близъ его города. Смиренный старецъ всячески старался отклонить отъ себя это порученіе князя, ссылаясь на свое недостоинство и немощи. Онъ умоляль князя отпустить его на Бѣлоозеро въ свой монастырь, чтобы докончить его устройство.

Но князь уже рѣшилъ не отпускать отъ себя такъ понравившагося ему старца.

«Лучше для меня все потерять, нежели разстаться съ тобою, отче, сказалъ онъ преподобному. А о монастырѣ своемъ

ты не тужи. Забота о немъ—на моей душѣ. Я и дѣти мои всегда будемъ имѣть о немъ попеченіе. Только ты останься съ нами и исполни мое желаніе, устрой мнѣ домъ Пречистой».

Всѣ просьбы старца отпустить его на Бѣлоозеро были напрасны. Чѣмъ больше преподобный отказывался отъ возлагаемаго на него порученія, тѣмъ настойчивѣе упрашивалъ его князь. Наконецъ преп. Ферапонтъ долженъ былъ подчиниться непреклонной волѣ властелина. Радовался князь, получивъ согласіе преподобнаго, и вскорѣ предложилъ ему выбрать място для основанія обители. Преп. Ферапонтъ выбралъ красивое място на берегу рѣки Москвы на разстояніи одной версты отъ Можайска. Пришелъ сюда и самъ князь и похвалилъ выборъ преподобнаго.

На этомъ мястѣ при щедромъ содѣйствіи князя пр. Ферапонтъ основалъ монастырь, получившій название Лужецкаго—(«въ лужкѣхъ») отъ луговъ, раскинувшихся около него по берегамъ рѣки Москвы. Церковь въ ней была построена во имя Рождества Пресв. Богородицы, по совѣту пр. Ферапонта, для котораго новая обитель замѣнила собою монастырь, оставленный имъ на Бѣлоозерѣ. Благодаря заботамъ князя, успѣшно шло устроеніе новой обители; скоро въ ней былъ избранъ игуменъ, а потомъ учреждено архимандричество. Преподобный Ферапонтъ, какъ строитель монастыря, пользовался большими почетомъ у князя. Пребывая въ постоянныхъ трудахъ, онъ дожилъ до глубокой старости и скончался 27 Мая 1426 года, годомъ раньше своего друга и собесѣдника, преп. Кирилла Бѣлозерскаго. Въ Лужецкомъ монастырѣ донынѣ почиваютъ его мощи.

По словамъ житія, преп. Ферапонтъ до самой смерти не переставалъ печалиться объ оставленной имъ на Бѣлозерѣ обители и молился Богу «дабы не запустѣло мястцо то и чинъ бы монастырскій укрѣпился въ немъ по уставу святыхъ отецъ»¹⁾. И еще цѣлыхъ четыре вѣка существовала его любимая обитель, прежде чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ пробилъ для нея послѣдній часъ.

¹⁾ Житіе л. 47 на об.

2. Преподобный Мартиніанъ.

III.

Сей же блаженный Мартиніанъ, Богомъ приведенъ въ него (пр. Феопонта) мѣсто, къ намъ прииде, и вселися въ достояніе его, аки наслѣдникъ иѣкій или братъ по плоти быше, пріельпія желанно.

Рукоп. житіе п. Мартиніана.

Мѣсто рожденія пр. Мартиніана.—Отрокъ Михаилъ у пр. Кирилла.—Обученіе грамотѣ у монастырскаго дьяка.—Постриженіе.—Школа иноческой жизни подъ руководствомъ пр. Кирилла.—Копчина пр. наставника.—Удаленіе пр. Мартиніана на озеро Воже.—Переходъ иъ Ферапонтова и избраніе въ игумены.—Процѣтканіе обители подъ игуменствомъ пр. Мартиніана.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти пр. Ферапонта въ Лужецкомъ Можайскомъ монастырѣ, оставленная имъ на Бѣллозерѣ обитель пріобрѣла себѣ другого опытнаго руководителя въ лицѣ пр. Мартиніана, который довершилъ устройство ея, начатое преп. Ферапонтомъ. Говоря о пр. Мартиніанѣ, житіе сравнивается его съ Іисусомъ Навиномъ, кото-раго Богъ послалъ древнимъ израильянамъ вмѣсто Моисея¹.

Преп. Мартиніанъ (въ мірѣ Михаилъ) происходилъ изъ крестьянъ волости Сямъ,² верстахъ въ 50 отъ Ферапонтова монастыря. Точнѣе мѣстомъ рожденія пр. Мартиніана называются деревню Березники, существующую доселѣ и находящуюся въ Вологодскомъ уѣздѣ вблизи Сямского Богородицкаго монастыря въ 60 верстахъ отъ Вологды³. Еще въ отроче-

¹ См. сборникъ № 467 (741) Соф. бібл. С.-П. Дух. Акад. „Житіе и подвизы пр. отца нашего Мартиніана бѣлоозерскаго, ученика св. Кирилла чудотворца“. Начинается словами: „Богъ всемилосердый не павыче прензири угодникъ своихъ“ л. 49.

² „отъ ближнихъ властей святаго (Кирилла) Сямъ зовомо“ л. 52.

³ Вѣстникъ Имп. Русскаго Географ. Общества за 1854 годъ XI,

скомъ возрастѣ Михаилъ былъ приведенъ родственниками къ пр. Кириллу въ его обитель ¹. Житіе разсказываетъ, что отрокъ Михаилъ, видя предъ собою пр. Кирилла, «аки ангела стояща и разсмотряюща юность его», не зналъ, что говорить и, въ смущеніи упавъ къ ногамъ святаго, повторялъ только: «возми меня къ себѣ, господине!». Прозорливый старецъ, видя благонравіе отрока, велѣлъ оставить его у себя и вскорѣ позаботился о его обученіи. Уже въ то время обитель пр. Кирилла становилась центромъ книжнаго просвѣщенія для бѣлозерской страны. Около нея жилъ дьякъ монастырскій Алексѣй Павловъ, занимавшійся перепиской книгъ и обученіемъ дѣтей грамотѣ ². Ему то поручилъ отрока пр. Кириллъ, наказавъ блести его какъ зѣницу ока. Даровитый отрокъ удивилъ своими успѣхами всѣхъ окружающихъ: тѣгостный и продолжительный въ старину періодъ обученія грамотѣ для него прошелъ незамѣтно какъ сонъ ³, и дьякъ скоро возвратилъ отрока пр. Кириллу. Преподобный, замѣтивъ любознательность отрока и наклонность его къ книжному ученію, велѣлъ ему продолжать занятія книгами въ своемъ монастырѣ ⁴.

отд. 2 с. 188. „Описаніе Ферапонтовской волости“. Статья эта, напечатанная за подписью архимандрита Макарія, составлена урожденцемъ ферапонтовской волости іеромонахомъ Сергиемъ Мармариссовымъ, впослѣдствіи ректоромъ Иркутской Духовной Семинаріи († 1895 г. въ Селенгинскомъ забайкальскомъ монастырѣ). Въ Березникахъ есть часовня во имя пр. Мартиніана. По словамъ мѣстныхъ старожиловъ, существующій въ этой деревнѣ родъ крестьянъ Стомонаховыхъ, есть будто бы, толь самыи, откуда происходилъ пр. Мартиніанъ.

¹ „Еще ему сущу отъ младыхъ версты, сродница его приведше поставиша его близъ святаго“ л. 50 на об. По другому преданію, отрокъ Михаилъ тайно ушелъ къ пр. Кириллу прямо съ поля, гдѣ онъ боронилъ вспаханную отцомъ полосу. См. „Описаніе ферапонтовской волости“ въ Вѣстникѣ Имп. Геогр. Общества 1854. XI.

² „И въ та времена прилучися близъ обители святаго человѣкъ нѣкій живяще, имя ему Олеша Павловъ, діакъ монастырскій (въ другомъ спискѣ: „мірскій“) дѣло его бѣзше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости, и зѣло искусенъ сый таковому художеству“ л. 51.

³ „И вскорѣ Божію благодатію научи его грамотнѣй хитрости довольно и спѣшно, яко всѣмъ дивитися скорому его наученію; аки во снѣ шествіе преисоша молитвами святаго“. л. 51 на об.

⁴ „И еще ему изъ младыхъ версты сущу, искушаше и смотряше его святый, кое предложеніе имать, и повелѣ ему святой книгамъ по-

Когда онъ достигъ юношескаго возраста, пр. Кирилль постригъ его съ именемъ Мартиніала и сдѣлалъ своимъ ученикомъ, поселивъ его въ своей келліи. Находясь подъ ближайшимъ руководствомъ такого великаго подвижника, кавокъ былъ пр. Кирилль, постоянно имѣя въ лицѣ своего наставника живой примѣръ всѣхъ иноческихъ добродѣтелей, молодой иночъ Мартиніанъ сдѣлался усерднымъ подвижникомъ. Онъ простеръ свое усердіе до того, что просилъ своего наставника назначить ему постъ «выше трапезнаго времени», но опытный старецъ не согласился на это и велѣлъ ему вкушать пищу вмѣстѣ съ братію. Цѣлые ночи проводилъ юный подвижникъ на молитвѣ съ преподобнымъ учителемъ и только предъ утреней позволялъ себѣ небольшой отдыхъ¹. Питая къ своему старцу глубокоеуваженіе, онъ

учатися». Тамъ же. Такое же послушаніе пр. Кирилль далъ другому своему ученику—Христофору. Христофоръ и Мартиніанъ прославились какъ искусные переписчики книгъ, и ихъ трудами по благословенію пр. Кирилла положено было начало знаменитой библиотекѣ Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря. Сохранился канонникъ, писанный рукою пр. Мартиніала на пергаментѣ въ 8-ку крупнымъ уставомъ. Въ концѣ книги молодой иночъ сдѣлалъ слѣдующую приписку, въ которой выразилось благочестивое настроение его души. „Въ лѣто 6931 (1423) мѣсяца северия въ 1 писаны быша сия книги душеполезныя въ обители пречистыя богорадица, благословеніемъ господина старца Кирила игоумена въ славоу святых Троица аминъ. Одѣво богоизбранная о отроковице богоиевѣстная о владычице мироу пречистая богорадице въ о всемирныхъ ти моленіихъ къ сыну своему и богу. Помяни госпоже милостивая и мене грѣшнаго протягшаго недостойную мою роукую вси. Всякому дѣлу благу Христосъ есть зачало и конецъ. тому слава въ безконечныя вѣки аминъ. Господи Иисусъ Христе спаси писавшаго и имѣти хотящаго сие. Господи ие старецъ аноуфри створи любовь. Поминай грѣшнаго въ молитвахъ своихъ святыхъ мартиньяна иноха. лжею иноха, а не истинною“. С. П. Шевыревъ. Поездка въ Кириллобѣлоозерскій монастырь. Москва. 1850. Часть вторая. стр. 17—18. Рукою же пр. Мартиніала написана другая рукопись—святцы тоже на пергаментѣ въ 8-ку, еще до смерти пр. Кирилла, какъ полагаетъ архим. Варлаамъ. См. описание рукописей Киприллобѣлоозерскаго монастыря въ Чтеніяхъ Имп. Общества Исторіи и Древностей за 1860 г. кн. 2, отд. III, 14—16. На первомъ блокѣ листъ рукописи стоитъ надпись: „святцы съ кануны чудотворцова ученика Мартиніана“.

¹ „Егда же блаженный Кирилль въ келіи своей пѣніе совершає, сему повелѣваше поклоны творити, и сія многажды бываше, и до времени клепанія мало нѣчто дающе ему сна причаститися тѣлесныя ради

открывалъ ему свои помыслы всякий разъ, когда уныніе или лѣнность угрожали овладѣть его душой. Радовался пр. Кирилль усердію своего любимаго ученика и говорилъ, что изъ него будетъ хорошій инокъ¹.

Въ тѣ времена для усовершенствованія въ иноческой жизни считалось необходимымъ для каждого новонаачального инока прохожденіе низшихъ монастырскихъ службъ, работы въ хлѣбнѣ и поварнѣ. Съ усердіемъ и смиреніемъ прошелъ этотъ искусъ пр. Мартиніанъ. Наконецъ пр. наставникъ находитъ его достаточно опытнымъ въ иноческой жизни и благословляетъ жить въ особой келіи подобно прочимъ инокамъ. Но и здѣсь бдительный глазъ старца слѣдитъ за каждымъ шагомъ молодаго инока. Однажды Мартиніанъ послѣ трапезы зашелъ въ келлію другаго брата. Пр. Кирилль тотчасъ замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ нарушаетъ уставъ монастырской. «Боюсь, съ улыбкой возразилъ старцу Мартиніанъ, что когда я войду въ свою келью, то уже не въ силахъ буду съ ней разстаться, а у меня есть дѣло къ брату». «Сначала иди въ свою келью, чтобы сотворить тамъ молитву. отвѣчалъ ему строгій наставникъ, а потомъ уже къ брату, такъ какъ твоя келья тебя всему научить»².

По желанію пр. Кирилла искусный въ книгахъ Мартиніанъ сдѣланъ былъ клирикомъ и въ санѣ діакона служилъ вмѣстѣ съ преподобнымъ въ соборной церкви³. Потомъ онъ посвященъ былъ въ іерея. Какъ любимый ученикъ пр. Кирилла, самъ отличавшійся примѣрнымъ усердіемъ и терпѣ-

---

нужды". л. 53. При описаніи этихъ подвиговъ пр. Мартиніана авторъ житія пользуется тѣми же словами, въ какихъ описываются подвиги пр. Кирилла въ его житіи: ср. житіе пр. Кирилла, рк. Соф. библ. № 1322 л. 69 на об.

¹ „Сей хочеть, братіе, искусенъ ипокъ быти“. л. 54.

² Объ этомъ случаѣ разсказывается въ житіи пр. Кирилла и, вѣроятно, со словъ самого же пр. Мартиніана. „Святый же (Кирилль) яко поопошная ему глаголаше, тако ли сохраняєши чинъ монастырскій, не можаше ли ити въ кѣлію свою первіе и должностная молитвовати, также аще нужно ти бяше къ брату ити; опъ же яко осклабився рече, яко пришедшу ми въ кѣлію и къ тому не могу изыти. Святый же рече ему: сице твори всегда—первіе въ кѣлію иди, кѣлія всему научить тя“. Житіе пр. Кирилла, рк. Соф. библ. № 1322 л. 73.

³ „И тако мало время згодивъ въ діаконство поставляеть его въ соборнѣй церкви съ нимъ служити“ л. 55.

ніемъ, пр. Мартиніанъ пользовался уваженіемъ и любовію братій Кирилловой обители. Но были среди нихъ и завистники, осужденія и нападки которыхъ терпѣливо переносилъ молодой иноокъ¹.

9 іюня 1427 года скончался пр. Кирилль. Схоронивъ своего учителя, пр. Мартишанъ началъ подвизаться еще усерднѣе, храня въ сердцѣ наставленія и примѣры почившаго угодника. Не малое время пробылъ онъ такимъ образомъ въ Кирилловой обители. И вотъ послѣ всѣхъ подвиговъ явилось у него желаніе удалиться въ особое мѣсто для уединенія и безмолвія. Помолившись Богу и пр. Богородицѣ и поклонившись гробу своего наставника, пр. Мартиніанъ оставилъ Кириллову обитель и удалился на 100 верстъ отъ нея къ с.-в. на озеро Воже (иначе Чарондское). Здѣсь онъ поселился на одномъ пустынномъ островѣ, представлявшемъ удобства для отшельнической жизни. Но вскорѣ стали приходить сюда другіе инооки и на пустынномъ островѣ возникла небольшая иноческая община, для которой пр. Мартиніанъ построилъ церковь во имя Преображенія Господня².

Однажды пр. Мартиніанъ пришелъ помолиться въ Ферапонтовъ монастырь. Игуменъ и братія, уважая въ немъ достойнаго ученика пр. Кирилла, стали просить его остатись жить въ ихъ монастырѣ. Пр. Мартишанъ, видя ихъ любовь къ себѣ, не отвергъ ихъ просьбы, отвѣтивъ, что, если Богу будетъ угодно, то онъ поселится у нихъ. Возвратившись послѣ этого «въ свою пустыню» пр. Мартиніанъ, по разсказу житія, провелъ тамъ еще «не малое время», въ теченіе котораго увеличилось число поселившихся съ нимъ братій.

Видя, что основанная имъ обитель, благодаря прилежанію инооковъ, можетъ существовать и безъ его руководства, пр. Мартиніанъ съ согласія братіи перешелъ отъ нихъ въ Ферапон-

¹ „Овіп любяще его и моляху Бога о немъ, ииіп же завистю подстрекаеми, зазирающе ему осуждаху л. 56.

² „Начаша же церковь созидати во имя Преображенія Господа нашего и Спаса Іисуса Христа и по обычаю свѣщами, иконами и кнїгами украсивъ ю; даже п до днесь стоять во славу Божию“ л. 58. Этотъ основанный пр. Мартиніаномъ Вожеезерскій Спасскій монастырь существовалъ до 1764 года, когда онъ былъ закрытъ и обращенъ въ приходскую церковь, по бѣдности. Въ 1744 году за шимъ числилась только 1 крестьянская душа. Чт. Имп. Общ. Исторія 1860, III. 1 отд.

тову обитель¹, исполняя обещание, данное имъ Ферапонтовскимъ инокамъ. Съ великой честью игуменъ и братія приняли пришедшаго къ нимъ подвижника, который при своемъ смиреніи давалъ высокій примѣръ иноческой жизни и пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Вскорѣ не стало въ монастырѣ игумена², и братія приступила къ пр. Мартиніану съ просьбой занять его мѣсто. Долго отказывался пр. Мартиніанъ отъ игуменства, но наконецъ уступилъ усиленнымъ просьбамъ всей братіи. Избравъ пр. Мартиніана въ игумена, братія отправляется его въ Можайскъ, чтобы князь утвердилъ его избрание. Князь³, еще раньше знавшій пр. Мартиніана, съ радостью исполнилъ желаніе братіи, — утвердилъ пр. Мартиніана на игуменствѣ особою грамотою и, давъ милостыню на монастырь, съ честью отпустилъ его, обѣщавъ впередъ имѣть пощечине о его обители⁴.

Сдѣлавшись игуменомъ Ферапонтова монастыря, пр. Мартиніанъ ревностно занялся его устройствомъ, въ строгомъ соотвѣтствіи уставу своего наставника пр. Кирилла⁵. Слухъ о новомъ игуменѣ, строгомъ блюстителѣ завѣтовъ пр. Кирилла, привлекъ въ Ферапонтовъ много братій, искающихъ истинной иноческой жизни⁶. Около 12-ти лѣтъ былъ пр. Мартиніанъ игуменомъ Ферапонтовой обители⁷ и много успѣлъ сдѣлать

¹ „Блаженныи же, видѣвъ ихъ прилежаніе, оставилъ ихъ ту жительствовать, и се имъ прирекъ: якоже сами изволили есте“ л. 58 на об.

² „Волею Божію игуменъ игуменство монастыря того оставилъ“ л. 59 на об.

³ Авторъ житія, называя этого князя Михаиломъ Андреевичемъ, неувѣренъ однако, былъ ли это Михаилъ Андреевичъ или его отецъ Андрей Дмитриевичъ: „иначе же глаголють, самого еще князя Андрея предавша монастырь Пречистыя Богородицы Мартиніану. Мы же о семъ не прекращаемъ, но попече едино имѣша произволеніе и отецъ и сынъ его князь Михаило“ л. 60 на об.

⁴ „Часа того поставилъ (князь и его сродники) его игумена Ферапонтову монастырю и поконти монастырь его довольно обѣщавшася, писаніемъ утвердивъ и милостыню ему давъ и отпустиша его въ монастырь къ Пречистѣй Богородицѣ“. Тамъ же.

⁵ „Вся устроаетъ во образъ отъ Кириллова обычая“ л. 61.

⁶ „Многи отовсюду стекахуся, якоже пчелы иѣкія, слышаще цвѣть медовный“ л. 62.

⁷ Въ рукописномъ житіи Софійской библіотеки говорится, что пр. Мартиніанъ игуменствовалъ въ Ферапонтовѣ „болѣе 20 лѣтъ“ (л. 63).

для ея внѣшняго и внутренняго благоустройства. «Многа же добра сотвори монастырю тому блаженный Мартишанъ, говорить житіе; распространи и укрѣпи въ славу Божію»¹. Поэтому Ферапонтовъ монастырь въ старину нерѣдко назывался по имени своего строителя «мартемьяновымъ монастыремъ»².

IV.

Наставникъ показался страпамъ свѣтомъ являя божественая повелѣнія, князя умудряя и вельможа свѣтлы творя зарямы подвигъ твоихъ.

Изъ рукоп. службы пр. Мартиніану.

Междоусобія въ русской землѣ. — Посѣщеніе Ферапонтова княземъ Вас. Вас. Темынымъ. — Препод. Мартиніанъ — игуменъ Троицко-Сергіева монастыря. — Случай съ бояриномъ и мужественное обличеніе преподобныхъ игуменомъ великаго князя. — Удаленіе на покой въ любимую обитель. — Заботы объ ея устройствѣ. — Послѣдніе дни жизни пр. Мартиніана и его блаженная кончина.

Промыслу угодно было, чтобы такой свѣтильникъ вѣры и добродѣтели, какъ пр. Мартиніанъ, не оставался «подъ спудомъ», но свѣтиль всѣмъ «на свѣщницѣ». И вотъ смиренный игуменъ скромной бѣлозерской обители становится вдругъ настоятелемъ знаменитаго Троицко-Сергіева монастыря, преемникомъ пр. Сергія, совѣтникомъ князей и бояръ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ русской землѣ шли тогда постоянныя смуты и междоусобія князей, враждавшихъ между собою изъ за власти. Въ 1446 году Галиц-

по это, очевидно, описка („двадесять“ вмѣсто „дванадесять“). Въ 1447 году пр. Мартиніанъ былъ уже игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря, но мы уже знаемъ, что онъ пришелъ въ Ферапонтъ не въ 1427 году (годъ смерти пр. Кирилла), а пѣсколько лѣтъ спустя и, стѣдовательно, не могъ пробыть въ Ферапонтовѣ игуменомъ 20 лѣтъ. Если же онъ былъ тамъ игуменомъ 12 лѣтъ, то начало его игуменства въ Ферапонтовѣ можно опредѣлить 1485 годомъ. Князя Андрея Димитріевича тогда уже не было въ живыхъ († 1482).

¹ л. 62 на об.

² См. напр. духовная грамоты кн. Михаила Апдреевича Верейскаго († 1486), князя Ивана Борисовича Волоцкаго (около 1504 г.). Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, т. I, №№ 121, 122, 132.

кій князь Димитрій Юрьевич Шемяка, желая завладѣть великопляжескимъ престоломъ на Москвѣ, неожиданно напалъ на своего двоюроднаго брата великаго князя Василія Васильевича, когда послѣдній былъ па богомольѣ въ Сергіевѣ монастырѣ, ослѣпилъ его, сослалъ въ Угличъ, а самъ занялъ сго престолъ. Однако вскорѣ онъ согласился освободить его оттуда и поселилъ его со всѣмъ семействомъ въ Вологдѣ, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе не домогаться возвращенія себѣ престола. Но сочувствіе прочихъ князей, бояръ и народа было на сторонѣ изгнаннаго князя. Противъ Шемяки началось движеніе: на помощь злополучному князю стали съѣзжаться князья и бояре изъ разныхъ мѣстъ русской земли. Ободрился духомъ великий князь. Въ число своихъ сторонниковъ онъ привлекъ тверскаго князя Бориса Александровича, обѣщавъ ему женитьство своего сына па его дочери. Но совѣсть князя была связана клятвою, которую выпудилъ у него Шемяка. И вотъ прежде чѣмъ выступить въ походъ противъ соперника, князь отправился изъ Вологды на богомолье въ Кирилловъ монастырь, гдѣ игуменъ Трифонъ разрѣшилъ его отъ клятвы и благословилъ идти на борьбу съ похитителемъ престола. Въ то же время великий князь заѣхалъ и въ Ферапонтовъ монастырь¹. Преп. Мартиніанъ съ крестомъ, въ сопровожденіи всей братіи, вышелъ изъ монастыря па встрѣчу слѣпцу-князю, съ честью принялъ его въ своей обители и, совершивъ молебное пѣніе, предложилъ ему трапезу. Въ бесѣдѣ съ княземъ пр. игуменъ ободрялъ его, совѣтовалъ смѣло идти па борьбу съ вѣроломнымъ Шемякой, который сѣль па великому княженіи не Божію волею, но надѣясь на свою гордыню. Бесѣда съ пр. Мартиніаномъ вполнѣ успокоила князя, который сразу почувствовалъ къ старцу любовь и уваженіе. «Отче Мартиніане, сказалъ онъ игумену, если будетъ на мнѣ милосердіе Божіе и пречистой Богородицы и я твоими молитвами сяду на свое престолѣ, то я обезпечу (упокою) монастырь твой и тебя приближу къ себѣ». Взявъ благосло-

¹ „Такожде и въ Ферапонтовъ пріиде со всѣми вои своими сущую тамо братию накормити и благословити отъ никъ; срѣтъ же его игуменъ Мартиніанъ со всею братіею впѣ монастыря съ великою честію и радостію и благослови его честнымъ и животворящимъ крестомъ молебная пѣвъ и любезно трапезою учреди, довольно покой давъ и благо-щадежна сотвори его утѣшителіными словесы“. л. 69.

веніе отъ преподобнаго и одаривъ монастырь милостынею «елико сила можаше», князь отправился въ походъ на Шемяку. Дорогою къ нему присоединился тверской князь съ войскомъ Шемяка, стоявшій со своимъ войскомъ въ Вышнемъ Волочкѣ, услышавъ о приближеніи союзной рати и видя, какъ быстро рѣдѣютъ ряды его сторонниковъ, со стыдомъ бѣжалъ въ Галичъ, а оттуда въ Новгородъ, гдѣ умеръ несчастной смертью, отравленный своимъ поваромъ.

Возвративъ себѣ велиокняжескій престолъ, князь Василий Васильевичъ не забылъ о ѿерапонтовскомъ игуменѣ Мартиніанѣ, оказавшемъ ему правственную поддержку своими совѣтами. Какъ разъ въ это время скончался игуменъ въ Сергіевомъ монастырѣ—пятый по пр. Сергіѣ. Великій князь пожелалъ видѣть на его мѣстѣ пр. Мартиніана и тотчасъ послалъ за нимъ Бѣлоозеро. Съ неохотой уступилъ пр. Мартиніанъ волѣ князя¹ и оставилъ любимый имъ ѿерапонтовъ монастырь². По прибытии въ Москву пр. Мартиніанъ и волѣ князя сдѣланъ былъ игуменомъ Троицко-Сергіева монастыря. Его подпись въ званіи игумена Сергіева монастыря стоитъ въ числѣ первыхъ на грамотѣ (отъ 29 декабря 1447 года), въ которой русскіе святители угрожали Шемякѣ отлученіемъ отъ церкви³. Въ лицѣ пр. Мартиніана Сергіева обитель получила рѣдкаго по своимъ качествамъ игумена, который съ юныхъ лѣтъ возрѣсъ и воспитался въ иноческой жизни подъ ближайшимъ руководствомъ пр. Кирилла. Наставляя ввѣренную ему братію словомъ и примѣромъ, пр. Мартиніанъ былъ въ то же

¹ „...И не хотѧщу ему умоли и взяти его“. л. 71 на об.

² По разсказу житія игуменомъ въ ѿерапонтовѣ послѣ пр. Мартиніана поставленъ былъ Филоѣй. „Въ него же (Мартиніана) мѣсто... у Пречистыя въ ѿерапонтовѣ постави (князь) игумена ихъ же постриженника, именемъ Филоіа. Послѣ того великой Перми и Вологдѣ 30 лѣтъ повѣдаются владычество держаль“. Тамъ же. Но еще до Филоіе упоминаются игумены Германъ (1450) и Іоакимъ. См. Стросевъ. Списки ієарховъ, 81.

³ За подпсями владыкъ слѣдуютъ подписи настоятелей монастырей: „и мы ваши пищіе и молебницы Героптій, архимандритъ Симановский, Мартиніанъ, игуменъ Сергіева монастыря“. Карамзинъ. И. Г. Р. т. V. прим. 350. Акты Ист. I, № 40. Обыкновенно эту грамоту относятъ къ 1447 году. Но еще въ августѣ 1448 г. пр. Мартиніанъ называется игуменомъ ѿерапонтова монастыря см. жалованную грамоту в. княгини Софіи Вптовтовны ѿерапонтову монастырю отъ 4 авг. 1448 (6956) въ

время духовнымъ отцомъ для великаго князя и имѣль на него большое вліяніе.

Житіе разсказываетъ объ одномъ случаѣ, изъ котораго видно, что пр. Мартиніанъ въ духѣ древнихъ подвижниковъ не боялся обличать самого князя въ неправыхъ поступкахъ. Одинъ бояринъ, бывшій на службѣ у великаго князя, отошелъ отъ него къ князю тверскому. Великій князь, дорожившій этимъ бояриномъ, какъ союзмъ близкимъ собѣтникомъ хотѣлъ вернуть его къ себѣ и съ этой цѣлью обратился къ посредничеству пр. Мартиніана, прося его убѣдить боярина въернуться въ Москву. При этомъ князь обѣщалъ, что онъ не только ничего худого не сдѣлаетъ боярину за его измѣну, но даже наградить его. Преп. Мартиніанъ, положившись на слово князя, убѣдилъ боярина вернуться на службу къ московскому князю. Но какъ только бояринъ явился къ своему повелителю, послѣдній не могъ сдержать гнѣва на измѣника и, забывъ обѣщаніе, данное преподобному игумену, тотчасъ приказалъ заковать въ цѣпи злополучнаго боярина и посадить въ тюрьму. Родственники боярина сообщили объ этомъ пр. Мартиніану. Оскорбился преподобный игуменъ, узнавъ о такомъ поступкѣ князя. Тотчасъ садится онъ на коня и прѣѣзжаетъ въ Москву, во дворецъ великаго князя. Привратники князя докладываютъ ему о неожиданномъ прибытіи игумена, и князь тотчасъ велитъ впустить его. Помолясь Богу, вступаетъ игуменъ въ покой великаго князя и, ставъ предъ нимъ, съ не-годованіемъ начинаетъ говорить. «Такъ вотъ какъ справедливо ты научился судить, самодержавный и великій князь! Почто ты продаль грѣшную душу мою и послалъ въ адъ? Почто ты нарушилъ данное тобою слово и заковалъ боярина, за котораго я поручился душей своей? Да не будетъ моего благословенія на тебѣ и твоемъ княженіи». Сказавъ это, онъ въ гнѣвѣ вышелъ, сѣлъ на коня и, не медля въ Москвѣ ни минуты, тотчасъ вернулся въ Сергиевъ монастырь.

Задумался князь, пораженный смѣлой рѣчью преподобнаго игумена. Созналъ онъ свою вину въ нарушеніи данного слова и, убоявшись суда Божія, рѣшилъ загладить свой проступокъ. Его удивила смѣлость, съ какою смиренный дотолѣ игуменъ

А. А. Э. № 41. Если даты обѣихъ грамотъ вѣрны, то послѣдняя грамота дана пр. Мартиніану заднимъ числомъ, когда онъ былъ уже игуменомъ у Троицы.

открыто и рѣзко обличилъ его въ неправдѣ. Призвавъ къ себѣ бояръ, онъ, какъ бы гнѣваясь, говорить имъ: «смотрите, бояре, каковъ этотъ болотный чернецъ! Что онъ сдѣлалъ со мною? Вдругъ пришелъ ко мнѣ, обличилъ и лишилъ Божія благословенія¹. Въ недоумѣніи слушали бояре эту притворно-гнѣвную рѣчь властелина.

«Самъ я, братія, продолжалъ уже въ другомъ тонѣ князь, виноватъ предъ Богомъ и предъ нимъ, такъ какъ нарушилъ свое слово. Пойдемъ же къ игумену въ монастырь, помолимся вмѣстѣ св. Троицѣ и преп. Сергію, чтобы получить прощеніе». Тотчасъ онъ снялъ опалу съ провинившагося боярина, пожаловалъ ему вотчину и далъ ему почетное мѣсто на своей службѣ. Послѣ этого онъ со всѣми боярами отправился въ Сергіевъ монастырь. Съ великой радостью встрѣтилъ князя пр. Мартиніанъ, видя его раскаяніе. Помолившись у гроба пр. Сергія, князь со смиреніемъ просилъ преподобнаго игумена о прощеніи и благословеніи. Съ любовью благословилъ игуменъ раскаявшагося князя и тронутый его смиреніемъ самъ просилъ у него прощенія за слишкомъ рѣзко высказанное обличеніе. Послѣ этого случая великій князь еще больше сталъ уважать преподобнаго Мартиніана, видя въ немъ безстрашнаго поборника правды.

Восемь лѣтъ былъ пр. Мартиніанъ игуменомъ въ Сергіевой лаврѣ (1447—1455). Къ нему уже приближалась старость съ ея недугами. Управление обителю, находившейся вблизи столицы, начинало тяготить пр. Мартиніана². Частыя посѣщенія князя и бояръ доставляли не мало хлопотъ старцу, любившему уединеніе и помнившему слова своего наставника пр. Кирилла о необходимости для инока безмолвія и нестяжанія³. Его влекло въ бѣлозерскіе края, въ мѣста своихъ раннихъ подвиговъ, и именно въ Ферапонтовъ монастырь. Мысль о любимомъ монастырѣ не давала ему покоя. Онъ всегда

¹ „Онъ же (князь) единако глагола аки гнѣваяся: боляре, смотрите ми черньца того болотнаго, что мы сотвори, напрасно пришедъ въ храмину мою и обличи и Божіе благословеніе снять и безъ великаго княженія мя постави“. л. 75.

² „Ово подвига ради, ово попеченій многихъ ради находящихъ винъ отъ царствующаго града и ино отъ монастырскаго нахожденія; того дѣлма святый хотяше игуменство оставить“ л. 78 на об.

³ Слова пр. Кирилла: „добро (рече) иноку молчаніе хранити и нестяжаніе и отѣгати вредящихъ душевныя чувства“ л. 79.

скорбѣль, что многаго не успѣль сдѣлать для его устройства¹. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ рѣшилъ оставить игуменство въ Сергиевѣ монастырѣ и удалиться на покой въ Ферапонтовъ монастырь. Не сразу отпустила братія своего игумена: по просьбѣ ишоковъ пр. Мартиніанъ оставался у нихъ короткое время, прежде чѣмъ разстаться съ Троицкой обителю. Наконецъ, собравъ всѣхъ иноковъ, преподобный игуменъ далъ имъ свое послѣднее наставленіе, затѣмъ, помолившись у гроба преп. Сергія, онъ простился съ пими и отправился въ путь на Бѣлоозеро².

Велика была радость ишоковъ скромной Ферапонтовой обители, когда они увидѣли возвратившагося къ нимъ своего бывшаго игумена. Радовался и преподобный своему возвращенію въ мирную обитель. Съ любовію благословлялъ и цѣловалъ онъ братію, раздавая всѣмъ подарки, какъ отецъ возлюбленнымъ дѣтямъ. Возвращеніе преподобнаго игумена было настоящимъ праздникомъ для иноковъ Ферапонтовой обители³. Всѣ почитали его какъ отца и самъ игуменъ уступалъ ему свое мѣсто. Видя такую любовь къ себѣ братіи, пр. Мартиніанъ благодарилъ Бога и говорилъ, что по молитвамъ брата его Ферапонта Господь исполнилъ его желаніе возвратиться въ любимую обитель. Вскорѣ игуменъ и братія стали просить пр. Мартиніана принять на себя попеченіе обѣ устройствѣ обители⁴. Долго отказывался отъ строительства пр. Мартиніанъ, говоря, что для того то онъ и оставилъ Сергиеву обитель и при-

¹ „Немалу убо праведный скорбь имаше о Пречистыя обители Ферапонтова монастыря. Начепшу ми, рече, тамо игуменити и пичтоже ихъ ползовавшу, и велими зазираше себѣ о томъ блаженныи, како бы пимъ помощи; попеже не у еще мѣсцо то, рече, потребами пужными удоволися, и яко останомъ стрѣчемъ отъ совѣсти всегда попеченіемъ обители тоя“. л. 79.

² Послѣ пр. Мартиніана игуменомъ въ Троицкомъ монастырѣ былъ поставленъ въ 1455 году Вассіацъ Рыло, ученикъ пр. Пафнутія Боровскаго. См. Голубинскій. Преп. Сергій Радонежскій. 1892, с. 135.

³ „Сlyша же игуменъ и братія вси съ великою радостю встрѣтиша святаго и пріяша и аки отца истинна. . . . . онъ же всѣхъ любезно цѣловавъ и дарми и благословеніемъ всѣхъ одаривъ. И бысть радость велика въ братіи о пришествіи святаго и сотвориша праздникъ честепъ ради пришествія его“. л. 80 на об.

⁴ „И по малѣ времени пачать игуменъ и вся братія молити святаго, дабы строительство взяль мѣста того и попеченіе о обителї Пречистыя Богородицы“ л. 81 на об.

шель къ нимъ, чтобы здѣсь найти покой и безмолвіе для своей старости. Но усиленныя просьбы братіи заставили его уступить ихъ желанію и принять на себя строительство въ обители. Такимъ образомъ любвеобилыый старецъ пожертвовалъ желаннымъ покоемъ для пользы любимой имъ обители и па старости лѣтъ удивилъ всѣхъ своимъ усердіемъ и прилежаніемъ¹.

До конца своей жизни опь былъ руководителемъ для игуменовъ и братіи Ферапонтова монастыря и, умудренный долгимъ опытомъ, давалъ имъ указанія и советы относительно не только духовной жизни, но и виѣшняго устройства монастыря².

Въ то время, какъ пр. Мартиніанъ жилъ на покоѣ въ Ферапонтовѣ, па Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь прибыль извѣстный писатель житій святыхъ—и покъ аѳонской горы Пахомій Сербъ (Логоѳетъ) съ порученіемъ отъ митрополита Феодосія и в. кн. Василія Василіевича—составить житіе пр. Кирилла, бѣлозерскаго чудотворца³. Живя въ Кирилловѣ, Пахомій собираль па мѣстѣ свѣдѣнія о пр. Кириллѣ отъ учениковъ его, оставшихся въ живыхъ и лично знавшихъ преподобнаго игумена. Между прочимъ, опь обращался къ пр. Мартиніану, который по его просьбѣ разсказалъ ему все, что зналъ и помнилъ о своемъ благоговѣйно чтимомъ наставникѣ. Разсказы пр. Мартиніана, какъ ближайшаго ученика Кириллова, были особенно цѣнны для Пахомія и послужили, по его словамъ, главнымъ источникомъ при написаніи имъ житія пр. Кирилла⁴.

¹ „И толико потрудился блаженный и подвиги показа па старость жительства своего, яко всѣмъ чудитися и давитися прилежанію его и усердію еже по Еозѣ“ л. 82 на об.

² „Якоже отъ иѣкоего сокровища емля отъ пѣдръ своихъ ино отъ устава Кириллова монастыря и ино отъ Живопачальныя Тропцы Сергіева монастыря“ л. 82 на об. и 83 „вѣ же бывающія и гумены и братіи обители тоя по чину яко къ иѣковому кладязю баше пепечер-паемому приходяще . . . . сице и о тѣлесныхъ пощечепихъ баху весь совѣтъ и указаніе о потребныхъ монастыря того вси прѣемлюще баху отъ пр. Мартиніана“ л. 83. Такимъ образомъ пр. Мартиніанъ по возвращеніи въ Ферапонтовъ взялъ па себя не игумопство (ср. Горскій. Описаніе Троицкой Лавры въ Чт. О. Ист. 1878 г. IV, 63—64), а строительство надъ монастыремъ.

³ Эта поездка Пахомія на Бѣлоозеро была въ 1461 или 1462 году. См. Ключевскій. Житія святыхъ стр. 123.

⁴ „Елма же азъ слышавъ отъ самовидца того житія, говорить Па-

Пр. Мартиніанъ дожилъ до глубокой старости. Одолѣваемый старческими недугами, онъ былъ бодръ духомъ и во всей строгости исполня уставъ монастырскій, продолжаль быть во всемъ примѣромъ для братіи. Подъ конецъ онъ уже не могъ самъ ходить въ церковь и братія по его просьбѣ носила его туда или водила подъ руки¹. Почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ призвалъ къ себѣ игумена и братію и въ бесѣдѣ съ ними загѣщевалъ соблюдать уставъ монастырскій, преданный обители пр. Ферапонтомъ и имъ. Произошло трогательное прощеніе умирающаго аввы съ братію, получившей отъ него послѣднее цѣлованіе и благословеніе. Причастившись св. Таинъ Христовыхъ, пр. Мартиніанъ преставился ко Господу въ воскресенье 12 января 1483 года.

По словамъ житія, онъ скончался «въ совершенномъ образѣ» т. е. въ великой схимѣ и провелъ въ иночествѣ болѣе семидесяти лѣтъ². Отсюда можно заключать, что онъ жилъ приблизительно столько же, сколько и наставникъ его пр. Кириллъ, т. е. девяносто лѣтъ.

хомії, паче же достовѣрнѣйша всѣхъ, отъ самого того ученика Мартиніана именемъ, бывшаго игумена тезоименитаго монастыря Сергіева звонма, иже отъ мала возраста живша со святымъ Кирилломъ, иже и вѣдый извѣстно о святѣмъ, съ поряду вся сказоваше мнѣ о немъ». Житіе пр. Кирилла, рук. Соф. бібл. № 1822 л. 68 на об. Писатель житія пр. Мартиніана приводить этотъ отзывъ Пахомія о Мартиніанѣ. Рук. Соф. б. № 467 л. 85. Нѣкоторыя мѣста житія пр. Кирилла несомнѣнно записаны Пахоміемъ со словъ Мартиніана, какъ напр. упомянутый выше случай обличенія Мартиніана пр. Кирилломъ за несоблюденіе въ точности монастырскаго устава (рук. Соф. б. 1822 л. 78) или разсказъ о явленіи пр. Кирилла по его кончинѣ пр. Мартиніану съ цѣлію успокоить ипока Феодора, который при жизни пр. Кирилла стѣвалъ па него за отказъ отъ селя, пожертвованыхъ бояриномъ. Тамъ же л. 79.

¹ „И до самыхъ послѣднихъ дней не отступи отъ соборнаго пѣнія, о келейномъ же что и глаголати, такожде баше и пощеніе соверши, якоже наученъ бысть отъ отца своего преподобнаго Кирилла, па соборное же пѣніе братію возимъ, иногда руками поддержанъмъ баше старости ради и помощи многія“ л. 92.

² „Житъ же въ чернечествѣ множе седидесяти лѣтъ преблаженныи и преподобный отецъ нашъ Мартиніанъ и представиша къ Богу отъ дней въ недѣлю въ старости добрѣй въ совершенномъ образѣ въ лѣто 6991 года мѣсяца генваря въ 12 дечь“ л. 94. Въ отрывѣ изъ лѣтописи начата XVI в. извѣстіе о смерти пр. Мартиніана записано такъ: „въ лѣто 6991 генваря 12 въ недѣлю преставиша старецъ Мартеміянъ ферапонтовскій“. Рук. сборникъ И. П. Вибл. древлехр. Погодина № 1554 отр. З, л. 20 об.

Съ плачемъ собрались иноки къ тѣлу почившаго аввы и съ честію погребли его у соборной церкви Рождества Бого-родицы по правую сторону алтаря.

V.

Мало же нѣчто и отъ чудесъ свя-
таго и преподобнаго отца нашего
Мартиніана повѣдати изволихомъ.

Писатель житія
п р. Мартиніана.

Шрославленіе пр. Мартиніана. — Открытие его мощей. — Чудодѣйствен-
ная вода. — Исцѣленіе разслабленнаго старца Сильвестра. — Исцѣленія
бѣсноватыхъ женщинъ. — Бѣсноватый юноша. — Бѣсноватый дьякъ Си-
меопъ. — Исцѣленіе прокаженнаго юноши. — Капонизація пр. чудотвор-
цевъ Ферапонта и Мартиніана.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ кончины пр. Мартиніана Богъ прославилъ его открытиемъ нетлѣнныхъ мощей. Житіе разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ произошло это событие. 6 октября 1512 въ Ферапонтовѣ скончался жившій здѣсь на покой Ioасафъ, архіепископъ Ростовскій¹. Игуменъ ферапонтовскій Сильвестръ съ братіей рѣшили похоронить владыку на почетномъ мѣстѣ вблизи пр. Мартиніана, какъ ради знатности его происхожденія (изъ рода князей Оболен-скихъ), такъ и потому еще, что онъ былъ ученикомъ и по-стриженникомъ преподобнаго игумена². Сотворивъ молитву «соборомъ», игуменъ и братія со страхомъ начали копать землю надъ гробомъ преподобнаго и, когда открыли гробъ, то къ удивленію увидѣли, что не только тѣло преподобнаго оказалось нетлѣннымъ, но и одежда, въ которой онъ былъ по-гребенъ осталась совершенно цѣлою. По замѣчанію житія,

¹ „Въ лѣто 7022 (1518) году“ (говорится въ „Житіи л. 98), „октоврія въ 7 день“ добавлено въ ферапонтовскомъ спискѣ (л. 106), по въ отрывкѣ изъ лѣтописи XVI в. время смерти Ioасафа опредѣляется иначе: „въ лѣто 7021 (1512) мѣсяца октября 6 на память апостола Фомы въ годъ вечерни“, Рукоп. Имп. П. Б. № 1554 (Погод.), л. 21 на об. Отдаемъ предпочтеніе показанію лѣтописи.

² „Помянувъ добродордіе его, понеже сродникъ онъ бывше великаго князя, но и постриженникъ преподобнаго Мартиніана и ученикъ; сего ради бывше восхотѣша у святаго положити й, Богу тако изволишу“. л. 99.

это чудесное нетлѣніе было тѣмъ удивительнѣе, что гробъ окруженнъ былъ водою, какъ это наблюдалось и при открытии мощей пр. Сергія Радонежскаго ¹. «Игуменъ же и братія, разсказываетъ житіе, страхомъ и ужасомъ многимъ одержими, по разсудивъ богоодарованнаго того дара, повелѣша изъ гроба святаго воду испустити. Нѣцы же отъ братій, вземше, желѣзо и провергтъша малу скважню и нача вода она течи на землю и бысть невидима. Нѣцы же отъ братій бяху вѣрою утверждени къ святому, взяша отъ воды тоя въ сосудъ малъ на благословеніе, такожде и мірстіи человѣцы близъ ту сподобиша быти и взяша такожде въ сосуды воды тоя» ².

Писатель житія со словъ очевидцевъ разсказываетъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, полученныхъ вѣрующими отъ этой воды. Старець Єерапоптова монастыря Памва, страдавшій тяжкимъ недугомъ, «вѣрою истинною обдергимъ къ святому, испить отъ воды тоя и помаза тѣло все и здравъ бысть отъ часа того» ³. Такъ же чудесно исцѣлились при помощи этой воды крестьянинъ сосѣдняго селенія Иткли Тарасъ, болѣвшій водяною ⁴, и приходскій дьякъ Губа. ⁵. Послѣдній давалъ эту воду многимъ больнымъ прихожанамъ и всѣ получали исцѣленіе. Очевидцы, присутствовавши при открытии мощей пр. Мартиніана, разсказывали потомъ писателю житія, что эта чудесная вода не походила на обыкновенную воду, но отличалась особыми свойствами ⁶.

Со временеми открытия мощей пр. Мартиніана начались

¹ „Егда честпную ону раку открыша, вода отъ обою страпу ковчега видяшеся, тѣлеси же святаго и разъ его никакоже сотвори вредити, якоже иногда древле въ преподобнаго гробѣ Сергія явся такожде вода“ л. 99 на об.

² л. 100.

³ л. 100 на об.

⁴ „Растяше утрока его, уже п смерти падъяшеся ...отецъ же его духовный взять отъ воды тоя испити ему повелѣ и мазаше чрево его и все тѣло, и отъ того дни здравъ бысть человѣкъ той“ л. 101.

⁵ „Человѣкъ нѣкій мирянинъ, имя ему бяше Губа, по діакъ бяше христіаномъ тѣмъ приходникомъ“ л. 101 на об.

⁶ „Вѣдѣ же и азъ педостойныи нѣкіхъ отъ братій, глаголющихъ о богоодарованнѣй сей водѣ: аще бы нынѣ такова вода была, многими златниками каплю едину куповали быхомъ, и свидѣтельствуютъ о пей глаголюще: нѣсть ея видъ, яко же есть земными водамъ естество, но чиста бяше всяко и свѣтла, яко же слеза нѣкая“ л. 102.

совершаться чудеса при его гробѣ¹. Старець монастыря Сильвестръ, страдавшій разслаблениемъ², имѣя вѣру къ преподобному Мартиніану, ночью приползъ изъ своей находившейся неподалеку кельи къ гробу преподобнаго и со слезами усердно молился угоднику. И вдругъ болѣзнь его исчезла какъ сонъ и онъ сталъ совершенно здоровъ. Утромъ на разспросы удивленной братіи онъ рассказалъ имъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи у гроба преподобнаго. «Прилучивый же ся ту братъ слыша, той мнѣ повѣда всю истину», говорить писатель житія³.

Въ житіи разсказывается нѣсколько случаевъ исцѣленія бѣсноватыхъ у гроба пр. Мартиніана. Два такихъ случая сообщены писателю житія священникомъ Кириллова монастыря Мартиніаномъ, который часто приходилъ въ Щерапонтовъ и служилъ тамъ, отбывая свою очередь. Однажды, живя въ Щерапонтовѣ, онъ былъ приглашенъ въсосѣднюю деревню къ болѣющему «поновленія ради... понеже не прилучися священникъ ихъ мирскія чади». Совершивъ требу въ крестьянской избѣ, священноинокъ Мартиніанъ, по его разсказу, увидѣлъ тутъ «жену на примостѣ пещнемъ сѣдящу и глумы нѣкія творить бѣснуясь». На вопросъ его, что это за женщина, больной объяснилъ, что это его дочь, жена Гавриила Крамзы, и что она давно уже бѣснуется, а съ наступлениемъ сумерекъ становится глухой, пѣмой и слѣпой. Тогда іеромонахъ послѣдователь привести больную къ гробу пр. Мартиніана. Чрезъ нѣсколько дней мужъ больной съ ся матерью пришли съ нею въ Щерапонтовъ, и привели ее къ гробу пр. Мартиніана, а упомянутый іеромонахъ началъ служить молебенъ Богородицѣ. По прочтѣніи евангелія «начать больная очищатися отъ недуга своего... и бысть здрава... глаголаше же къ намъ обратився: се чудотворецъ, воставъ изъ гроба, благослови мя крестомъ и отьиде»⁴.

Любопытенъ разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватой женщины Акулины изъ селенія Суслы, записанный со словъ того же

¹ Моши пр. Мартиніана послѣ ихъ обрѣтепія не были оставлены поверхъ земли, а были опять скрыты въ ней выѣстѣ съ гробомъ и такимъ образомъ доселѣ почиваются „подъ спудомъ“.

² „Всѣ уди его разслабѣли бѣша и гпаше плоть его, уже пи ходити могій ниже самъ кормитися“ л. 102 на об.

³ („Чюдо) о разслаблениемъ“ л. 102 на об. — 106.

⁴ „(Чюдо 5) о беснующейся женѣ“ л. 106 на об. — 107 на об.

инока Мартиніана. Женщина эта давно страдала, будучи одержима нечистымъ духомъ. Мужъ и родственники ея пѣсколько разъ водили ее въ Кирилловъ монастырь на праздникъ чудотворца Кирилла, но пользы отъ этого не было: «не да чудотворца похуляю, замѣчаетъ писатель, да не будетъ, но Богу тако изволшу». Однажды послѣ богомолья въ Кирилловѣ больная въ сопровождениі родныхъ возвращалась домой на другой день Кирилловскаго праздника. Дорога лежала мимо Ферапонтова монастыря. Лишь только путники поравнялись съ монастырскими воротами, какъ бѣсноватая начала вопить такъ страшно, что въ первое время всѣ въ страхѣ разбѣжались. Женщина тоже хотѣла бѣжать, гонимая бѣсомъ, но ее удержали съ помощью монастырскихъ людей. Она громко кричала и повторяла одно и то же: «чернецъ бѣть меня древомъ». Силой привели ее къ гробу чудотворца Мартиніана и инокъ Мартиніанъ началъ пѣть молебенъ Богородицѣ. Бѣсноватая по немногу начинала успокоиваться, но продолжала повторять тѣ же слова. «Что ты говоришь, спрашивали ее присутствовавшіе, вѣдь никто не бѣть тебя?» «Развѣ вы не видѣли, отвѣчала она, что еще за воротами чернецъ началъ бить меня древомъ, говоря: всегда ходите мимо моихъ воротъ, а меня презираете». «Гдѣ же этотъ чернецъ, который бѣть тебя, мы его не видимъ», говорили ей присутствовавшіе.

«Вотъ онъ пошелъ, отвѣчала женщина, указывая перстомъ на гробъ святаго, вотъ, и одежда у него черная».

«Мы же познахомъ, заключаетъ свой разсказъ инокъ Мартиніанъ, яко въ видѣніи преподобнаго видѣ, и бѣса того въ ней измучи и отгна»¹.

Много разсказовъ о чудесныхъ исцѣлѣніяхъ у гроба пр. Мартиніана передавалъ автору житія священникъ Симеонъ, тридцать пять лѣтъ служившій при сосѣдней церкви пр. Иліи. Онъ по недѣлямъ отбывалъ чреду служенія въ Ферапонтовѣ и былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ чудесъ при гробѣ пр. Мартиніана². Вотъ, что напримѣръ, онъ рассказывалъ писателю жи-

¹ „Чюдо 6“ о друзей женѣ беснующейся“. л. 107 на об.—109.

² „Азъ же слышахъ отъ священника того сіа изъ усть писанію предахъ, яко не ложенъ бяше свидѣтель и самовидецъ не токмо симъ, но и первымъ слышатель п свидѣтель истый, полчетвертацать (35) бо лѣтъ священствуя бяше въ единомъ мѣстѣ у святаго пророка Иліи и въ обители Пречистыя всегда недѣли своея чреду служаше и молебная

тія объ исцѣленіи своего племянника юноши Гавріила Никифорова. Юноша этотъ, изъ волости великаго князя, верстахъ въ 10 отъ Ферапонтова, былъ одержимъ нечистымъ духомъ. «По вся дни находя бѣсь давляше его, многы пѣны тоща и злѣ разбиваше его и толико облада имъ, еже не познавати ему отца и матерь и всѣхъ сродникъ». Положеніе больнаго становилось все хуже и хуже и грозило ему смертю. Сосѣди и родственники совѣтовали убитымъ горемъ родителямъ свести больнаго къ гробу пр. Мартиніана въ Ферапонтовъ монастырь. Дали знать объ опасномъ положеніи юноши его дядѣ Ильинскому священнику Симеону, рассказалому потомъ объ этомъ событіи. Онъ тотчасъ явился и, видя плачевное положеніе юноши, одобрилъ совѣтъ сосѣдей. Больнаго положили на телѣгу и повезли въ Ферапонтовъ, родные ѿхали вслѣдъ за нимъ. Мать съ плачемъ провожала своего сына, который совсѣмъ находилъ на мертвѣца съ своей безжизненной опустившейся головой и закрытыми глазами¹. Но какъ только больнаго привезли черезъ ворота въ монастырь, онъ открылъ глаза и громко проговорилъ: «охъ мнѣ бѣды! ни мало покоя не дадутъ кричаніемъ своимъ». Стрый же (дядя) его притеckъ со ипъміи нача вопрошати его, что глаголеть, онъ же къ нимъ отвѣща глядаа: «се вонъ осталися на мосту томъ многія черны и страшны воплемъ воздухъ наполняюще, глаголютъ: не возите его, уже нашъ есть; ныпѣ же ихъ никого не вижду». Мы же обрадовахомся о милости Божіей и вопрошахомъ его: «насъ знаеш ли?». Онъ же глядаа бяше отвѣща: «знаю васъ и парековаа имяна». Больнаго на рукахъ при-

---

пѣпія; и ина чудодѣйствія слышахъ многая, вѣдомая человѣкомъ и не-вѣдомая» л. 114. Священника этого звали Симеопъ (л. 113). Неизвѣстно, на какомъ основаніи Н. П. Успенскій, въ статьѣ о Ферапонтовѣ монастырѣ („Новгородскія Епарх. Вѣдомости“ 1898 г., № 11, стр. 668), называетъ авторомъ житій „пр. Ферапонта и Мартиніана іеромонаха Кириллова монастыря Матоєя, бывшаго первоначально священникомъ при Цыпинской церкви (Ильи пророка) Ферапонтова монастыря, очевидца многихъ чудесъ, бывшихъ при обрѣтеніи мощей св. Мартиніана“. Авторъ, описывавшій чудеса, ни разу не называетъ очевидцемъ ихъ ни себя, ни іеромонаха Матоєя.

¹ „Мати же его аки мертвъ съ плачемъ провожающи, видя страшное видѣніе сына своего, не токмо бяше безгласна его зряци, но и главѣ его кромѣ крѣпости тѣлесныя трясатися и очи его замжарени блху“ л. 111 па об.

несли къ гробу преподобнаго, и монастырскій священникъ началъ служить молебенъ, причемъ рассказчикъ-іерей Симеонъ пѣлъ вмѣсто дьяка. Больной попемногу началъ приходить въ себя и говорить здраво, потомъ, вставъ на поги, началъ плакать и молиться, самъ полагая на себѣ крестное знаменіе. Послѣ этого ему предложили въ монастырѣ пищу, опь стала бѣсть и пить и ушелъ изъ монастыря совершенно здоровымъ¹.

У того же іеря Симеона былъ родственникъ (брать) по имени тоже Симеонъ, служившій дьякомъ въ церкви на Волоку Словинскомъ, верстахъ въ 8 отъ монастыря. Съ этимъ то дьякомъ случилось наказаніе Божіе, какъ это «многажды бываетъ въ человѣцѣхъ, многаго ради питія и обѣяденія. «Внде бѣсь лютъ въ человѣка того и начать неистовитися и нелѣпая глаголати и бити начать всѣхъ сущихъ въ дому его и немощно его бяше умирити отъ многаго злодѣянія». Пришлось связать его и сковать ему ноги желѣзными цѣпями. Немного времени спустя родственники, не въ силахъ будучи выносить его буйство, рѣшились вести его въ Ферапонтовъ монастырь къ гробницѣ пр. Мартиніана. Четверо человѣкъ привели его связаннаго къ гробу пр. Мартиніана. Во время молебна бѣсноватый становился тише, съ него сняли веревки и опь самъ началъ молиться. Послѣ этого опь выздоровѣлъ и въ теченіи трехъ дней приходилъ къ гробницѣ святаго, со слезами благодаря Бога за свое исцѣленіе².

Какъ о послѣднемъ «новоявленномъ» чудѣ писатель жилъ, тоже со словъ другихъ³, разсказываетъ о исцѣленіи юноши Стефана «срѣброкузнеца, псковитина родомъ», который заболѣлъ проказою: «опроказися рука деснаа ему и бысть толико тяжка, яко желѣзо пѣкое и мало можаше владѣти сю». Юноша «обумѣвся» обратился къ молитвѣ и «обѣщася по святымъ чудотворцемъ ходити», «по общедѣ многа мѣста и не обрѣте никою же пользы».

¹ „(Чудо 8) о юноши бѣспущемся Никифоровѣ“ л. 110 на об.—113.

² „(Чудо 9) о діакѣ Семіонѣ бѣснущемся“ л. 113—115.

³ „Къ симъ же и сіе повелѣно ми бяше, новоявленное сіе чудо великаго милосердія Божія явствено сотворити: бысть рече“ и т. д. л. 115. Это чудо представляеть позднѣйшую приписку къ житію, первоначальная редакція котораго оканчивалась описаніемъ 9 чуда, какъ это видно изъ его заключительныхъ словъ: „ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“.

Пришелъ онъ и «въ пресловущую лавру святаго чудотворца Кирилла, пишемъ патателя», былъ и въ Ферапонтовѣ у гроба пр. Мартиніана, ходилъ на Сяму къ чудотворной иконѣ Божией Матери, «отъ нея же милость многимъ бываетъ, съ вѣрою приходящимъ», но все не получалъ облегченія. Тогда онъ взялъ у кого-то иноческія одежды, надѣль ихъ на себя и снова явился въ Кирилловъ монастырь, прося игумена Афанасія и старцевъ «дабы его причли стаду Христову». Но игуменъ не принялъ его въ монастырь по причинѣ проказы, и онъ, проживъ три недѣли «въ страннопрѣемницѣ виѣ монастыря со инѣми болѣющими» и видя ухудшеніе своей болѣзни, ушелъ отсюда въ Ферапонтовъ монастырь. Игуменъ ферапонтовскій Гурій, собирался въ то время (рождественскій постъ) въ Москву «потребъ ради монастырскихъ». По ходатайству братіи онъ принялъ мнимаго инока въ свой монастырь «яко иноческая носяща» и поселилъ его въ келью одпого изъ просившихъ за него иноковъ. Около 12 недѣль прожилъ здѣсь юноша, а проказа все усиливалась: «рука же его толико согни, яко не возмощи съ нимъ никому же въ келіи жити, ни близъ его стояти смрада ради бывающаго отъ него». Онъ уже боялся, что его выгонять изъ обители, такъ какъ обязанный исправлять клиросное послушаніе¹ опѣ между тѣмъ не могъ уже по болѣзни творить поклоновъ, а креститься могъ только лѣвою рукою. Удрученный скорбю пришелъ онъ однажды къ гробу пр. Мартиніана² и со слезами началъ молиться ему о своемъ исцѣленіи, давая обѣтъ до конца жизни работать въ Ферапонтовѣ. Послѣ этого онъ пошелъ къ келарю и старцамъ и сознавшись имъ, что совсѣмъ не былъ постриженъ, «но тако просто облечеся во иноческій образъ пріятія ради», просилъ теперь совершить надъ нимъ постриженіе. По приказанію келаря и старцевъ, іерей Симеонъ постригъ его съ именемъ Сергія, но взять его къ себѣ подъ началъ и быть его старцемъ упорно отказывался. На другой день послѣ постриженія, въ воскресеніе, юноша пришелъ къ гробу угодника, «аки залогъ нѣкій имѧ обѣща-

¹ „Служенія же его бяше крылоспая отъ среднихъ въ чину“. 118.

² „съ великою вѣрою вниде въ гробницу къ гробу пр. Мартиніана“. „Гробницею“, очевидно, называлась палатка или часовня, устроенная надъ гробомъ пр. Мартиніана.

нія своего и со многою жалостію и слезами па мнозѣ моляшеся, прилагая и руку свою болящую къ рацѣ святаго». И вотъ ночью въ тотъ же день «воздремавшу ему, и видѣ, яко пѣкто пришедъ двигъ его и рече: востани и молися, онъ же отъ страха возбнувъ и не видѣ никого же и ощути лехкость безмѣрную отъ сущія ему болѣзни; бѣ бо рука его обвита портищемъ, и толико согни плоть его, яко едина рана отъ мышцъ и до перстъ и въ четырехъ мѣстахъ кости видѣтися». Послѣдствія чуда были поразительны: «отпадшу бо портищу яко лубъ, и се тѣло явися яко отрочате младу». Всѣ иночи дивились очевидному знаменію милости Божіей, явленной больному чрезъ угодника Мартиніана, и разсказали о чудѣ возвратившемся изъ Москвы игумену¹.

Всѣ приведенные разсказы о чудесахъ пр. Мартиніана показываютъ, что какъ въ самомъ Ферапонтовѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ свято чтилась память преподобнаго игумена. Надъ гробомъ его, какъ мы видѣли изъ описанія чудесъ, была устроена «гробница», т. е. нѣчто въ родѣ крытой палатки или часовни, и тамъ служились молебны, хотя не самому угоднику, а Богородицѣ — Одигитрії. Но благословеніе высшей церковной власти на празднованіе памяти пр. Мартиніану, а вмѣстѣ съ нимъ и пр. Ферапонту, послѣдовало уже въ половинѣ XVI вѣка при митрополитѣ Макарії. Въ это время въ Москвѣ былъ цѣлый рядъ соборовъ, созывавшихся митрополитомъ Макаріемъ для установленія празднованія русскимъ угодникамъ². Со всей русской земли отъ мѣстныхъ духовныхъ властей были затребованы свѣдѣнія о мѣстно чтимыхъ подвижникахъ, ихъ чудесахъ и прославленіі. Полученныя свѣдѣнія разсмотривались на соборѣ, и на основаніи ихъ соборъ устанавливаль однимъ святымъ общеперковное празднованіе, другимъ только мѣстное. Этимъ то розыскамъ о мѣстныхъ чудотворцахъ было обязано своимъ происхожденіемъ житіе пр. Ферапонта и Мартиніана съ описаніемъ чудесъ послѣдняго. Оно написано было съ нарочитой цѣлію

¹ „Чудо 10) о юноши болящемъ“ л. 115—120.

² Объ этихъ соборахъ см. Ключевскій. „Житія святыхъ“, стр. 221—228. В. Васильевъ. „Історія канонизаціи русскихъ святыхъ“. Москва. 1893, стр. 156—203 и написанное по поводу послѣдней книги изслѣдованіе проф. Голубинскаго: „Історія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“. Москва, 1894, стр. 62—78.

представленія на соборъ для канонизації этихъ бѣлозерскихъ подвижниковъ. Писатель житія намекаетъ, что трудъ его былъ не вполнѣ добровольный: «не самъ сія изволихъ или начати дерзнухъ», говорить онъ¹. Но трудъ его не подоспѣлъ къ собору 1547 года, и по этой причинѣ пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ не были канонизованы на этомъ соборѣ. Въ самомъ житіи есть запись, уже потомъ, какъ это ясно само собою, добавленная къ первоначальной редакції, объ обстоятельствахъ канонизації пр. Ферапонта и Мартиніана подъ особымъ заглавiemъ: «о благословеніи митрополита Макарія»². Эта интересная добавка къ житію, сдѣланная, можетъ быть, самимъ же авторомъ житія, имѣеть, такъ сказать, апологетическую цѣль — устраниТЬ всякий поводъ къ уменьшению славы бѣлозерскихъ угодниковъ. Прежде всего авторъ записи просить читателей не смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что именъ пр. Ферапонта и Мартиніана нѣть въ грамотѣ собора 1547 года. «Да не соблазняться, говорить онъ, нѣцы о семъ глаголюще: почто великий святитель Макаріе митрополитъ русскія земли не положи въ грамотахъ, иже послалъ по градомъ и великимъ монастыремъ въ лѣто 7055 (1547) года, въ предъименованіи царя и великаго князя Иоанна Васильевича и всеа россіи³, и иже избра и разсуди с того же бяше собора [?] пѣти и праздновати повелѣ святыхъ отецъ по всѣмъ церквамъ великія россіи, а сихъ остави».

Далѣе авторъ объясняетъ, какимъ образомъ произошло это упущеніе. «Но понеже не небреженіемъ сія сотвори святый митрополитъ, ниже просто якоже прилучися вещь сія. Пріѣхавшу убо игумену тоя обители⁴, послѣ собора того много

¹ Житіе л. 15.

² Л. 94 об.—96 об. Она помѣщена вслѣдъ за разсказомъ о кончинѣ и погребеніи пр. Мартиніана.

³ Грамоту эту, и именно списокъ ея, посланный на Вологду и Бѣлоозеро, см. въ Актахъ Арх. Экспедиції т. I, № 213.

⁴ Игуменомъ въ Ферапонтовѣ былъ въ то время Гурій (см. Строевъ Списки іерарховъ, стр. 81—83). О поѣздкѣ Гурія въ Москву говорится, какъ мы выше видѣли, въ описаніи 10 чуда: Гурій въ рождественскомъ посту собиралсяѣхать въ Москву, „потребъ ради монастырскихъ“ (л. 117). Во время этой поѣздки онъ вѣроятно и вручилъ митрополиту написанная въ Ферапонтовѣ житіе и чудеса. По возвращеніи его въ Ферапонтовъ къ житію прибавлено было по его приказанію („повелено ми бяше“)

дній минувшимъ, и житія святихъ отецъ Ферапонта и Мартиніана съ собою привезшу повелѣніа и благословеніа господска просити, и вдасть сія въ руцѣ святителя. Великій же сія баше разсмотрѣвъ, повелѣ паки собору быти. И собравшимся къ нему всѣмъ святителямъ первого того собора: Алексію еп. Ростовскому и т. д. (— перечисляются 7 епископовъ бывшихъ на соборѣ), и взять книги тыя и повелѣ предъ собою прочести житія святихъ и чудеса и разсудивъ всѣмъ тѣмъ соборомъ, яко неправедно есть отставити святихъ, благослови и повелѣ игумену тоя обители пѣти и праздновати святихъ отецъ съ предреченными святыми пр. Ферапонта и Мартиніана и житіе ихъ чести на соборѣ (т. е. въ соборной церкви на богослуженії) въ славу Отца и Сына и Святаго Духа, Вседержителя Бога». Такимъ образомъ, пр. Ферапонть и Мартиніанъ были канонизованы послѣ собора 1547 года, но нельзя сказать точно, когда именно. Дѣло въ томъ, что точныхъ списковъ святихъ, канонизованныхъ макарьевскими соборами, не сохранилось, а въ имѣющихся данныхъ нигдѣ не упоминается о канонизаціи на этихъ соборахъ пр. Ферапонта и Мартиніана. Нѣкоторые изслѣдователи (Васильевъ), основываясь на томъ, что составъ собора, канонизовавшаго бѣлозерскихъ чудотворцевъ, былъ по свидѣтельству приведенной записи, тождественъ съ составомъ собора 1547 года, относять ихъ канонизацію ко времени ближайшему послѣ этого собора — именно къ собору 1549 года¹. Проф. Голубинскій замѣчаетъ на это, что на соборѣ 1549 года присутствовали далеко не всѣ епископы, бывшіе на соборѣ 1547 года, и полагаетъ, что «авторъ записи, не имѣвъ дѣйствительныхъ свѣдѣній объ епископахъ, присутствовавшихъ на соборѣ, на которомъ канонизованы были Ферапонть и Мартиніанъ, беретъ списокъ ихъ (епископовъ) изъ грамоты собора 1547 года». Со своей стороны

говорить писатель) описаніе 10 чуда, случившагося въ его отсутствіе. Тогда же, можетъ быть, сдѣлана и приводимая вставка о канонизаціи пр. Ферапонта и Мартиніана. Въ рукописи XVI в., принадлежащей библіотекѣ с.-петербургской духовной Академіи (Соф. библ. № 467, прежде 741), эта вставка уже имѣется. Отсутствіе ея въ другихъ древнихъ спискахъ (см. Ключевскій с. 273) можно объяснить тѣмъ, что эти списки могли быть сдѣланы съ того экземпляра житія, который былъ оставленъ игуменомъ въ Москвѣ.

¹ Васильевъ. Исторія канонизаціи, с. 187—188 прям.

проф. Голубинский считаетъ болѣе вѣроятнымъ относить ихъ канонизацію не къ собору 1549 года, а къ собору одного изъ слѣдующихъ ближайшихъ годовъ, — можетъ быть, 1553 года¹. Подобное же мнѣніе высказывалъ и преосв. Макарій². При отсутствії твердыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса трудно сказать что-нибудь болѣе опредѣленное³.

Недоумѣніе возникаетъ и на счетъ того, какой степени чествованія удостоены были пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ. Извѣстно, что «причислявшіеся къ лику святыхъ подвижники раздѣлялись на три класса: на мѣстныхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, на мѣстныхъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова и на общихъ или общещерковныхъ, т. е. на такихъ, которымъ назначалось празднованіе только въ самомъ мѣстѣ ихъ погре-

¹ Голубинскій. „Исторія канонизаціи“, стр. 79.

² Макарій. „Исторія Русской Церкви“ т. VII, с. 450.

³ Если допустить, что запись о канонизації сдѣлана при игуменѣ Гурії и содержитъ иѣрархія свѣдѣнія объ іерархахъ, присутствовавшихъ при канонизації пр. Ферапонта и Мартиніана, то невольно является предположеніе, не дачо ли разрѣшеніе на празднованіе этимъ святымъ хотя отцами собора 1547 года, но уже послѣ закрытия собора и разсылки грамоты, когда святители еще не успѣли уѣхать изъ Москвы. Разсудить, что „неправедно есть отставити“ бѣлозерскихъ угодниковъ по той причинѣ, что житія ихъ не попали на соборъ, Макарій, пужено думать, не захотѣлъ отпустить ферапонтовскаго игумена, такъ сказать, съ пустыми руками, а „благослови и повелъ игумену тоя обители пѣти и праздновати святыхъ отецъ“. Но въ грамоту собора пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ уже не могли быть включены. Это обстоятельство не могло не смущать исковъ Ферапонтова монастыря и вызвало необходимость вставки: „да не соблазнятся иѣцып“. Если бы пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ были канонизованы обычнымъ образомъ вмѣстѣ съ прочими святыми, съ упоминаніемъ въ грамотѣ объ установленіи имъ празднованія (мѣстнаго или болѣе обширнаго), то повода къ соблазну не было бы; тогда не было бы нужды писать упомянутую вставку и доказывать въ пей, что пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ, согласно благословенію митрополита Макарія, должны быть почитаемы не въ одномъ только Ферапонтовѣ монастырѣ. Можно, поэтому, думать, что благословеніе митрополита Макарія и прочихъ святителей не сопровождалось грамотой и потому не имѣло строго официального характера, если только не подтверждено было послѣдующими соборами. Замѣтимъ, что и патріарху Никону, по-видимому, не извѣстенъ былъ фактъ официальной соборной канонизаціи („свидѣтельствованія“) пр. Ферапонта и Мартиніана. „Дѣло о патріархѣ Никонѣ“. Изд. Археогр. Коммиссіи. Спб. 1897, № 100, стр. 370. О возможности канонизаціи „путемъ устныхъ“, безъ указовъ, см. Голубинскій. С. 288.

бенія,—въ монастырѣ или у приходскаго храма, на такихъ, которымъ назначалось празднованіе въ одной своей епархіи, и на такихъ, которымъ назначалось празднованіе во всей русской церкви»¹. Проф. Голубинскій относить пр. Ферапонта и Мартиніана къ святымъ мѣстнымъ въ тѣснѣшемъ смыслѣ слова. «По ясному свидѣтельству той же записи, говорить онъ, празднованіе преподобнымъ было установлено мѣстное въ тѣснѣшемъ смыслѣ слова, имѣвшее совершаться только въ Ферапонтовѣ монастырѣ»². Между тѣмъ самъ авторъ записи энергично возстаетъ противъ такого мнѣнія и предостерегаетъ читателей, чтобы они не понимали благословенія митрополита въ этомъ узкомъ смыслѣ слова. «Но и се да не возлаголють нѣціи мнѣніемъ рекуще: повелѣль есть святый митрополитъ единой церкви обители тоя праздновати святыхъ; смотри и испытай извѣстно, не бываетъ сицево повелѣніе во святыхъ писаніяхъ, неправды зазоръ сотвориши и обрящешися ложь предъ Богомъ... добрѣ святый митрополитъ сотвори и зѣло полезно есть»³. Конечно, такой протестъ можно объяснять своего рода мѣстнымъ патріотизмомъ автора, по мнѣнію которого несогласно было бы съ св. Писаніемъ такое постановленіе, чтобы святой въ одной церкви почтался, а въ другой нѣть. Однако, мы не должны упускать изъ виду нѣкоторыхъ данныхъ, показывающихъ, что пр. Ферапонту и Мартиніану праздновали не въ одномъ только Ферапонтовѣ монастырѣ. Такъ въ обиходникѣ Кириллова монастыря (около половины XVII в.) говорится: «того же 12 дня (мѣсяцъ январь) поемъ Мартиніану, ученику Кирилла чудотворца, безъ литії»⁴. Указаніе на празднованіе пр. Мартиніану есть также въ святыцахъ Троице-Сергіевой лавры⁵. Канонъ и житіе пр. Мар-

¹ Голубинскій. Тамъ же с. 24.

² Тамъ же, стр. 79.

³ Житіе л. 96. Една ли можно согласиться съ пониманіемъ этого мѣста у Строева (Библіологический словарь, с. 336) будто въ приведенныхъ словахъ „авторъ ropesетъ на то, что митрополитъ Макарій съ освященнымъ соборомъ опредѣлилъ праздновать святымъ Ферапонту и Мартиніану только въ обители Ферапонтовой“. Напротивъ, авторъ возстаетъ противъ мысли о томъ, что такое повелѣніе было сдѣлано митрополитомъ.

⁴ Обиходникъ старца Кириллова монастыря Матея Никифорова. Соф. біб. № 1162 л. 148.

⁵ „Въ святыцахъ Троице-Сергіевой лавры подъ 15 Мая замѣчено:

тиніана были въ старину распространены въ нѣсколькихъ спискахъ¹. Въ XVII вѣкѣ пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ помѣщаются въ иконописныхъ подлинникахъ, съ указаніемъ, какъ должно изображать ихъ на иконахъ². Очевидно, что по крайней мѣрѣ уже въ XVII вѣкѣ чествование пр. Ферапонта и Мартиніана не ограничивалось Ферапонтовы монастыремъ.

по уложенію митр. Макарія и прочихъ святителей россійскихъ поуть съ величаніемъ Еуфросину и Абраамію Смоленскому и Мартиніану Бѣлоезерскому⁴. Васильевъ. с. 186 прим.

¹ См. Строевъ. Библіологический словарь. Сборникъ отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ т. XXIX. 1882. № 4 стр. 886. Барсуковъ. Источники русской агиографіи. Спб. 1882 с. 855. 614. Житіе пр. Ферапонта и Мартиніана и канонъ послѣднему упоминаются въ числѣ книгъ патріарха Филарета Никитича. Русск. Истор. Библіотека III, 908, 909.

² Барсуковъ. с. 855, 614. О пр. Ферапонте см. подъ 14 февраля: подобіемъ сѣдъ, брада и власы аки у Власія (ср. о Власіи подъ 6 февраля: „подобіемъ надсѣдъ, брада долга, раздвоилась на обѣ стороны“), ризы монашескія и подъ 27 мая: „подобіемъ старъ и сѣдъ, власы съ ушей, брада аки Сергіева, подоль и пошире, ризы преподобническія“. О пр. Мартиніанѣ подъ 11 января: „подобіемъ сѣдъ, брада аки Власіева, ризы преподобническія, иніи пишуть поповскія“. Филимоновъ. Сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка. Москва. 1874, стр. 46, 48. Описаніе изображенія пр. Мартиніана, игумена Ферапонтова монастыря, находится также въ спискѣ подлинника (XVII в.), принадлежащаго Имп. Публ. Библіотекѣ (древлехр. Погодина № 1928 подъ 13 февраля). См. Д. Григорьевъ. Русский иконописный подлинникъ. Записки Имп. Русского Археол. Общества. Спб. 1887, т. III, вып. I. Новая серія, стр. 142, 143. Въ Кирилловѣ монастырѣ еще въ концѣ XVI в. (1585) пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ вмѣстѣ съ прочими святыми изображались фресковой живописью на сводахъ святыхъ воротъ. См. Н. К. Никольский. Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь и его устройство. Томъ I, вып. 1, Спб., 1897, стр. 195, 196.

3. Времена процвѣтанія обители при св. Мартиніанѣ и его ближайшихъ преемникахъ.

VI.

Мнози отъ нѣдръ онѣхъ преподобныхъ отецъ (Ферапонта и Мартиніана) епископы изыдоша, мнози игумены и учителя и наставницы общимъ житіемъ и сія вѣмъ не не вѣси, мнози отцы и братія ученицы ихъ прозорливи быша и мнози Божія благодати исполнени и райскія пищи сподобишася.

Рукоп. житіе пр. Мартиніана.

Ученики и преемники пр. Мартиніана.—Блаженный Галактіонъ, Христа ради юродивый.—Епископы, вышедши изъ Ферапонтова монастыря: Филоеей пермскій, Иоасафъ ростовскій, Ферапонтъ суздальскій.—Пр. Кассіанъ Грекъ.—Письменность въ Ферапонтовѣ монастырѣ.—Митрополит Спиридонъ.—Старецъ Пансій.

Судьба Ферапонтова монастыря тѣсно связана съ личностью и дѣятельностью пр. Мартиніана. Только благодаря этому знаменитому игумену Ферапонтовъ монастырь выдвинулся изъ ряда многочисленныхъ обителей и пустынекъ сѣверово-сточной Руси¹ и успѣлъ занять мѣсто въ исторії. Мало того, можно сказать, что эпоха пр. Мартиніана и ближайшее къ ней время (приблизительно до половины XVI вѣка) были временемъ процвѣтанія Ферапонтовой обители какъ въ духовномъ, такъ и въ материальномъ отношеніи.

¹ Въ концѣ XV в. монастыри Кирилловъ и Ферапонтовъ были центрами, вокругъ которыхъ группировались другіе маленькие монастырьки. Въ грамотѣ вел. княгини Маріи Ярославовны кирилловскому архимандриту Нифонту (отъ 1477 года) о раздачѣ по монастырямъ кормовыхъ денегъ, между прочимъ, читаемъ: „въ вашъ монастырь по 4 рубли, то

О духовной жизни монастыря въ это время говорить появленіе въ немъ лицъ, извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ и подвигами. Личность пр. Мартиніана, мужа высокихъ подвиговъ и духовныхъ дарованій, привлекла къ нему многихъ учениковъ, которые, по словамъ житія, стекались къ нему «яко пчелы нѣкія слышаще цвѣть медовый». Писатель житія го-

Церковь XV вѣка на р. Бородавѣ, принадлежавшая Ферапонтову монастырю. Видъ ея въ 1847 г.

ворить, что изъ нѣдръ пр. Ферапонта и Мартиніана вышли епископы, игумены и святые мужи, отличавшіеся прозорливостью¹. Но пр. Ферапонтъ недолго жилъ въ Ферапонтовѣ и

вамъ и съ вашими монастыри съ тѣми, которые къ вашему монастырю тянутъ, въ Ферапонтовѣ давайте по 3 рубли, то имъ съ ихъ монастыри съ тѣми, которые къ Ферапонтову тянутъ». См. Дополн. къ Актамъ Истор. I, № 210. Эти монастырьки, состоявшіе иногда изъ 2--3 старцевъ, исчезали безъ всякаго слѣда. Но еще въ концѣ XVI вѣка встрѣчаемъ упоминаніе о существованіи при Соровской Рождественской церкви (верстахъ въ 12 отъ Ферапонтова) 4-хъ келій, въ которыхъ „живутъ старцы черноризцы, а питаются отъ церкви Божіей“. Писцовая книга, издаваемая Имп. Рус. Геогр. Обществомъ. Ч. I, отд. 2. Бѣлогорскій уѣздъ 411—417 стр.

¹ Рип. Житіе л. 88.

упомянуть здѣсь только потому, что былъ основателемъ монастыря; пр. Мартиніанъ по преимуществу можетъ быть названъ духовнымъ родоначальникомъ Ферапонтовой обители.

Изъ учениковъ пр. Мартиніана, прославившихся святыми жизни и прозорливостью, извѣстенъ блаженный Галактіонъ, о которомъ говорится въ самомъ житіи преподобнаго, а также въ Степенной Книгѣ¹. Блаженный Галактіонъ происходилъ изъ Бѣлоозера, былъ на военной службѣ. Постригшись въ Ферапонтовѣ, онъ сдѣлался ученикомъ пр. Мартиніана и служилъ ему. Когда старецъ-подвижникъ былъ уже не въ силахъ ходить въ церковь, Галактіонъ, по сказанію житія, носилъ его туда на соборное пѣніе. Ревностный и усердный къ службѣ подвижникъ, Галактіонъ доходилъ въ своихъ подвигахъ до крайняго самоотреченія. По сказанію Степенной Книги, онъ нисколько не заботился о пищѣ и одеждѣ, хотя часто оставался голоднымъ и страдалъ отъ холода. Никогда ничего онъ не просилъ и довольствовался тѣмъ, что изъ жалости давали ему сами старцы. Онъ не имѣлъ своей кельи и ночевалъ, гдѣ придется. Обыкновенно, при выходѣ изъ церкви или трапезы онъ шелъ вслѣдъ за какимъ-нибудь старцемъ и, если успѣвалъ попасть вмѣстѣ съ нимъ въ его келлію, то оставался тамъ до заутрени, а если не успѣвалъ и находилъ дверь закрытою, то не искалъ уже себѣ пріюта въ другихъ кельяхъ, а оставался ночевать тутъ же предъ дверьми, на помостѣ или даже на голой землѣ. Многія странности въ его вѣнчанемъ поведеніи показывали, что въ числѣ прочихъ подвижниковъ онъ взялъ на себя подвигъ юродства. Братіи было извѣстно, что самъ пр. Мартиніанъ благословилъ его на этотъ подвигъ².

Всѣ считали Галактіона святымъ³ и приписывали ему даръ прозорливости. Житіе разсказываетъ о нѣсколькихъ слу-

¹ Тамъ же, л. 88 об.—91 об. Степенная Книга. Изд. Миллера. Москва. 1775, ч. II, стр. 175, 176.

² О происхожденіи и званіи Галактіона говорится только въ Степенной Книгѣ: „Во время же оно бысть въ Ферапонтовѣ монастырѣ, иже на Бѣлоозерѣ, искій иноокъ именемъ Галактіонъ, родомъ Белоозерецъ, и прииде во иночество отъ воинскаго чина“.

³ „Яко юродъ вмѣняшеся“. Степ. Книга. „И сіа отъ него извѣстно видѣша, яко блаженнымъ Мартиніаномъ разсудися и благословенъ бысть отъ него на чудное сіе и блаженное дѣланіе“. Жит. л. 90 об.

⁴ Степ. Кн.: „его же вси тогда яко свята имѣаху“.

чаяхъ проявленія въ немъ этого дара. Однажды онъ пришелъ въ трапезу, которая только что была вновь построена, и слыша, что братія хвалятъ постройку, «яко добра сущи и зъло красна», сказалъ юродствуя: «добра, добра, да недолговѣчна». Братія не придали тогда никакого значенія этимъ словамъ юродствовавшаго подвижника. Но вотъ на другой день случился пожаръ въ одной келліи, за нею загорѣлась другая. Огонь быстро охватилъ рядъ братскихъ келлій, такъ что ничего не успѣли изъ нихъ вынести. Въ Щерапонтовѣ жилъ тогда на покой Ioасафъ, бывшій архіепископъ ростовскій¹, также ученикъ пр. Мартиніана. Въ его кельѣ осталась одна драгоцѣнная вещь, которую онъ предназначалъ на нужды монастыря. Келья загорѣлась и Ioасафъ сильно тужилъ о своемъ сокровищѣ², которое неминуемо должно было погибнуть въ огнѣ. Юродивый Галактіонъ, подойдя къ нему, началъ «прѣти ему глаголя: «что твориши, отче, Бога прогнѣваєши скорбя». «Азъ, брате, не себе ради сіе удержахъ, но нужды ради монастырскія», возразилъ юродивому владыка Ioасафъ. «Аще сице глаголеши, сказалъ юродивый, да гдѣ суть и въ коемъ мѣстѣ лежитъ сокровище бно?» И узнавъ отъ Ioасафа, въ какомъ мѣстѣ кельи хранится сокровище, юродивый оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и неустранимо бросился въ пылающую келью. Скоро онъ вышелъ оттуда съ сокровищемъ въ рукахъ и, положивъ его предъ владыкою Ioасафомъ, сказалъ: «се, не тузи, о худомъ дѣлѣ скорбиши». Всѣ дивились смѣлому поступку юродиваго. Между тѣмъ огонь быстро распространился по монастырю, дошелъ до новой трапезы и уничтожилъ ее. Пламя угрожало теперь деревянной звонницѣ. Чтобы спасти колокола, люди прибѣжали къ звонницѣ съ топорами и начали было рубить ее. Но юродивый не дозволилъ

---

¹ Авторъ Исторіи Россійской Іерархіи говоритъ, что пожаръ, опустошившій монастырь, былъ предъ кончиною пр. Мартиніана (И. Р. I. т. VI, 853). Правда, раза казъ о пожарѣ въ связи съ свѣдѣніями о бл. Галактіонѣ помѣщены въ житіи прежде разсказа о кончинѣ пр. Мартиніана, но отсюда еще не слѣдуетъ, что пожаръ предшествовалъ кончинѣ преподобнаго. Ioасафъ въ разсказѣ о пожарѣ называется „бывшимъ владыкою“ и „владыкою“, а въ этомъ санѣ онъ жилъ въ Щерапонтовѣ уже постѣ смерти пр. Мартиніана.

² „Ioасафъ, бывшій владыка ростовскія земли, востужи си зъло о положеніи вещи нѣкія монастырскаго ради строенія“. Жит. л. 89.

имъ этого и прогналъ ихъ назадъ, говоря: «сему не горѣть», а самъ сталъ у звонницы. И дѣйствительно, по слову бла-женнаго колокольня осталась невредимой, а стоявшая вблизи новая трапеза была истреблена огнемъ¹.

Братіи случалось наблюдать и другіе случаи прозорливости бл. Галактіона. Такъ писателю житія разсказывалъ одинъ братъ, «уже старецъ, кынѣ болій тридесети лѣтъ держа игу-менства» что однажды, когда онъ жилъ въ Щерапонтовѣ и былъ ученикомъ бл. Галактіона, случилось ему впасть въ тяжкое уныніе, такъ что онъ хотѣлъ было совсѣмъ уйти изъ монастыря («отнюдь спроста хотѣхъ отступити отъ обители Пречистыя»). Эти помыслы не укрылись отъ прозорливаго старца, который, сѣвъ на порогъ кельи, началъ говорить малодушному брату: «что это, братъ, ты замыслилъ? Врага слушаешь, но хоть и уйдешь отъ насъ, все равно нигдѣ не изѣбъшишь его волненій и не уйдешь отъ его сѣтей». Иночъ пораженъ былъ прозорливостью старца, обнаружившаго его затаенные мысли, и, поборовъ искушеніе, остался въ монастырѣ².

Въ Степенной книгѣ записано преданіе о томъ, что ѿера-понтовскій старецъ Галактіонъ юродивый предсказалъ поко-реніе Казани царемъ Иваномъ Грознымъ за 47 лѣтъ до этого события. Весной 1506 года великий князь Василій Ивановичъ послалъ войско подъ начальствомъ своего брата Димитрія Ивановича въ Казань для покоренія Казанскаго царства. По-ходъ этотъ оказался неудачнымъ (по причинѣ неспособности князя предводителя) и сопровождался большими потерями для русскаго войска. Слухъ объ этомъ событии дошелъ до Щерапонтова монастыря. Среди ѿерапонтовскихъ иноковъ были тогда любители поговорить о политикѣ. Съ сожалѣніемъ на-чали они толковать о несчастномъ походѣ. Въ этомъ разго-ворѣ братіи о современной политикѣ принялъ участіе и бл. Галактіонъ, самъ когда-то бывшій воиномъ. «И еще не одинъ разъ, сказалъ онъ, великий князь Василій будетъ подни-маться войной на Казанское царство, но безъ успѣха. Только впослѣдствіи его богодарованный сынъ овладеетъ Казанскимъ

---

¹ Жит. л. 88 об.—90.

² л. 91.

царствомъ»¹. Галактіона тогда уже считали святымъ и, согласно его предсказанию, стали изъ года въ годъ ждать рожденія у князя сына. Но, какъ известно, у князя Василія въ теченіи двадцатилѣтняго супружества съ княгинею Соломоніею совсѣмъ не было дѣтей, и пророчество Галактіона долго не сбывалось. Когда Галактіонъ скончался, то уже перестали вѣрить въ его предсказаніе полагая, что онъ «несмысленно юродствова». Но спустя 24 года со времени предсказанія у великаго князя родился отъ второй супруги Елены сынъ Иоаннъ, который на 23 году своей жизни сдѣлался покорителемъ Казани. «Тогда воспомянуша, яко истинно есть пророчество Галахтіоново, и прославиша Бога».

По сказанію житія, бл. Галактіонъ предсказалъ и свою кончину за нѣсколько дней, а также кончину друга своего Саввы. Брать Савва «совѣтникъ его присный» былъ постриженникомъ Симонова монастыря и, поселившись въ Ферапонтовѣ, занималъ здѣсь должность просфорника. Когда блаженный заболѣлъ, Савва пришелъ навѣстить больнаго друга и началъ высказывать сожалѣніе о его болѣзни. «Не скорби, брате, о мнѣ», сказалъ ему блаженный, хотя я и ухожу отъ васъ, но въ восьмой день и ты пойдешь за мной». Скончался блаженный, а вскорѣ послѣ того заболѣлъ другъ его Савва и умеръ на восьмой день послѣ кончины блаженаго согласно его слову.

Кончину бл. Галактіона обыкновенно относять къ 1506 году². Но къ этому году, по сказанію Степенной книги (за 24 года до рожденія Грознаго) — относится его предсказаніе о покореніи Казани, а изъ разсказа видно, что блаженный жилъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого предсказанія. Поэтому правильнѣе будетъ сказать, что бл. Галактіонъ умеръ послѣ 1506 года, но неизвѣстно, когда именно. Блаженный Галак-

¹ „Иніи монастыря того скорбящеся, повѣдаше же о сихъ прежереченному иноку Галахтіону, онъ же яко спроста глагола имъ, сице пророчествуя: „не толико сего будеть, но многажды имать подвизатися великий князь Василій на Казанское царство, и ничто же успѣть, нѣкогда же послѣди благодатный сынъ его той одолѣвъ и обладаетъ Казанскимъ царствомъ“. Ст. Кн. 176.

² Книга глаголемая о россійскихъ святыхъ, изд. гр. М. Толстымъ въ Чт. Общ. Исторіи и Древностей 1887, IV, стр. 148. Филаретъ. Житія святыхъ. Изд. 2. Спб. 1892 подъ 12 января.

тіонъ не быль канонизованъ даже для мѣстнаго почитанія¹. Самое мѣсто погребенія его въ настоящее время неизвѣстно съ точностью². По преданію, указываютъ его подъ монастырской колокольней, направо при входѣ въ паперть, у основанія сѣверной арки.

Извѣстности Ферапонтовой обители въ цвѣтущій періодъ ея существованія не мало содѣствовало то обстоятельство, что постриженники ея не разъ избирались на епископскія каѳедры. Еще при жизни пр. Мартиніана изъ его обители стали выходить епископы. Первымъ постриженникомъ Ферапонтова монастыря, возведеннымъ на каѳедру епископа, былъ Филоеей. Онъ быль игуменомъ въ Ферапонтовѣ, хотя и не сразу послѣ пр. Мартиніана, какъ ошибочно сообщаетъ о томъ житіе³. 2 ноября 1471 года⁴ онъ быль рукоположенъ въ епископа пермскаго (въ 1492 году къ его епархіи была присоединена и Вологда) и пробылъ въ этомъ санѣ 30 лѣтъ. Между прочимъ онъ принималъ участіе въ борьбѣ съ еретиками жидовствующими, былъ на соборѣ 1491, созванномъ въ Москвѣ, и по приглашенію архіепископа новгородскаго Геннадія составилъ пасхалію на 19 лѣтъ⁵. Зимой 1501 года онъ оставилъ епархію и удалился на покой въ Кирилловъ монастырь⁶. Но скончался онъ въ мѣстѣ своего постриженія—въ Ферапонтовѣ, въ 1508 году⁷, и тамъ погребенъ, но неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ.

¹ Книга о святыхъ, тамъ же. Архимандритъ Леноидъ. Святая Русь. Спб. 1891, стр. 258

² Книга о святыхъ говоря, что бл. Галактіонъ погребенъ у ногъ пр. Мартиніана, очевидно, смѣшиваетъ его съ погребеннымъ адѣсь архіепископомъ Іоасафомъ.

³ Объ этой неточности замѣчено было выше см. стр. 28, прим. 2. По Строеву, Филоеей упоминается игуменомъ Ферапонтова монастыря въ 1467 году. Строевъ. Списки, стр. 81.

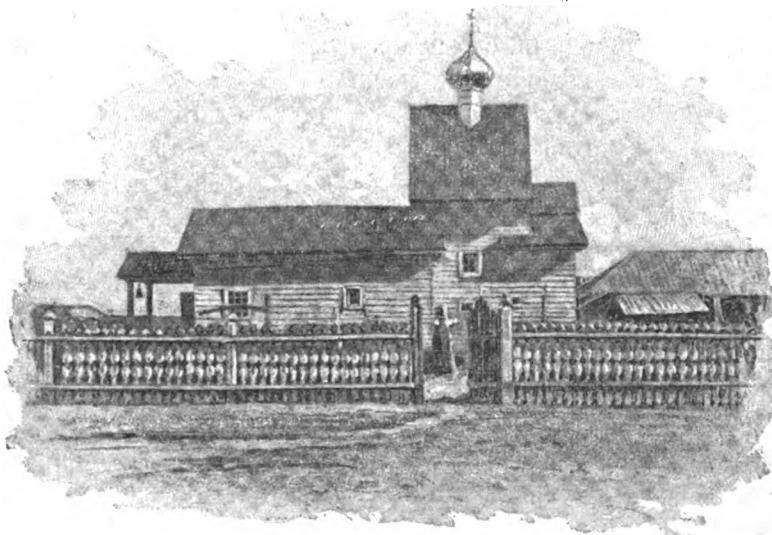
⁴ См. Строевъ. Ср. однако Соф. 2 лѣт.: въ лѣто 6980 ноября 8 поставша епископа Перми Филоея, бывшій игуменъ Ферапонтова монастыря. Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI, 194.

⁵ „Правосл. Обозр.“ 1880, III, 749, статья Грандицкаго объ архіепископѣ новгородскомъ Геннадіи.

⁶ Полн. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 240.

⁷ Рукоп. И. П. Б. № 1554, л. 22: „Въ лѣто 7016 мѣсяца октября во 2 день на память св. муч. Кипріана и Устинъ на третьемъ часѣ почи преставися Филоеей, бывшій епископъ пермскій и вологоцкой, въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ своемъ постриженіи“.

Спустя 10 лѣтъ послѣ возведенія Филоея на епископство, Ферапонтовъ монастырь далъ русской церкви другого іерарха — Иоасафа, архіепископа ростовскаго. Иоасафъ происходилъ изъ знатнаго рода князей Оболенскихъ и въ мірѣ назывался Иваномъ Никитичемъ².

Внѣшній видъ церкви на р. Бородавѣ въ настоящее время.

Есть любопытное преданіе о томъ, что архіерейскій санъ предсказанъ былъ молодому князю Оболенскому ростовскимъ юродивымъ Исидоромъ Твердисловомъ. Это было какъ разъ во время свадьбы князя, который женился на молодой красавице княжнѣ Дарьѣ Андреевнѣ Луговской. Въ самый разгаръ брачнаго пиршества св. Исидоръ юродивый съ шумомъ вбѣжалъ въ палату, поколотивъ при этомъ двухъ, не пускав-

---

² См. А. Титовъ. Преданія о ростовскихъ князьяхъ. М. 1885, стр. 134. Въ статьѣ «Древнія святыни Ростова» (Чт. М. О. И. Л. 1847, № 2), онъ названъ Иоасафомъ Михайловичемъ. Иванъ Никитичъ и Иоасафъ Михайловичъ были двоюродные братья. См. Росс. родосл. сборникъ. Спб. 1841, I, 60.

шихъ его служителей. Въ рукахъ у него была шапка, сплетенная изъ травы и полевыхъ цветовъ. Подойдя къ новобрачному князю, онъ черезъ столъ подалъ ему эту шапку, приговаривая: «вотъ тебѣ, Иванушко, и архіерейская шапка». Обращаясь затѣмъ къ новобрачной княгинѣ, юродивый сказалъ: «Рахиль-Дарья, породиши ты сына Савву на великую славу». Всѣ смутились, такъ какъ было известно, что слова «Твердислова» всегда сбываются, а между тѣмъ никто не понималъ, что значать эти загадочные слова юродиваго, которыми онъ сопровождалъ свой подарокъ. Однако новобрачный подавилъ свое смущеніе и съ притворной веселостью благодарили блаженного за его подарокъ. Но вскорѣ всѣмъ стала понятенъ подарокъ блаженнаго. Черезъ годъ молодая супруга князя умерла отъ родовъ, назвавъ родившагося сына Саввою. Безутѣшному князю свѣтъ сталъ не миль послѣ потери любимой жены. Онъ удалился отъ міра и постригся въ монахи въ Ферапонтовѣ монастырѣ, сдѣлавшись впослѣдствіи ростовскимъ архіереемъ. Такъ сбылись слова бл. Исидора объ «архіерейской шапкѣ¹.

Въ Ферапонтовѣ Іоасафъ былъ постриженъ самимъ пр. Мартиніаномъ и сдѣлался его ученикомъ. По всей вѣроятности, онъ былъ впослѣдствіи поставленъ игуменомъ въ Ферапонтовѣ, хотя о его игуменствѣ въ лѣтописяхъ нѣть упоминанія².

---

¹ Это преданіе впервые напечатано было въ „Яросл. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1875, № 46, по рукописи крестьянина Артынова, но съ большими искаженіями. Въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ оно изложено въ упомянутой книгѣ Титова, стр. 132—141. Здѣсь дѣло представляется такимъ образомъ, что архіепископъ Іоасафъ самъ разсказываетъ эту исторію въ бесѣдѣ съ княземъ Луговскимъ и казанскимъ царевичемъ Кайдакуломъ, которого онъ обращалъ въ православіе.

² Въ Спискахъ Строева Іоасафъ стоитъ въ числѣ игуменовъ Ферапонтова монастыря, но о. Діевъ сомнѣвается въ томъ, чтобы онъ былъ хиротонисанъ изъ монастырскихъ настоятелей. Матеріалы для исторіи русск. церкви. Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1890. май—іюнь, стр. 115. Въ рукоп. синодикѣ Ферапонтова монастыря 1641 года въ спискѣ игуменовъ (листъ 19), имѣющемъ большія различія отъ списка Строева, упоминаются, почти рядомъ, два Іоасафа до игумена Сильвестра (1511). Одинъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, былъ князь Оболенскій.

Еще при жизни пр. Мартиніана Іоасафъ былъ вызванъ изъ Ферапонтова для замѣщенія ростовской каѳедры¹, освободившейся за смертью архіепископа Вассіана, (который былъ преемникомъ пр. Мартиніана по игуменству въ Сергіевомъ монастырѣ). 22 іюля 1481 года митрополитъ Геронтій посвятилъ Іоасафа въ архіепископа ростовскаго². Семь слишкомъ лѣтъ былъ владыка Іоасафъ на ростовской каѳедрѣ. Въ 1483 году онъ участвовалъ въ избраніи новгородскаго архіепископа Сергія. Въ то время въ Москвѣ продолжался еще споръ о посолонномъ хожденіи при освященіи церквей, начавшійся въ 1479 году. Въ этомъ спорѣ Іоасафъ, подобно своему предшественнику Вассіану, принялъ сторону великаго князя и вмѣстѣ съ чудовскимъ архимандритомъ Геннадіемъ, впослѣдствіи архіепископомъ новгородскимъ, защищалъ посолонное хожденіе, хотя все остальное духовенство было на сторонѣ митрополита, отстаивавшаго практику, существующую нынѣ въ православной церкви³.

Возведенный на высоту архіепископской каѳедры, Іоасафъ не забывалъ о близкомъ его сердцу Ферапонтовѣ монастырѣ, который находился въ его ростовской епархіи. Въ монастырскихъ владѣніяхъ на рѣкѣ Бородавѣ въ 25 верстахъ отъ монастыря былъ монастырскій поселокъ. Іоасафъ построилъ въ немъ деревянную церковь во имя Положенія Ризы Богородицы и самъ освятилъ для нея антиминсъ въ 1486 году. Антиминсъ этотъ сохранился до нашего времени и представляетъ собою любопытный памятникъ церковной древности⁴. Щѣла до сихъ

¹ „Того же лѣта (6989) поставленъ бысть Ростову архіепископъ Іоасафъ, бывалъ князь Оболенскій, а приведоша его съ Бѣлаозера съ Ферапонтова монастыря“. П. С. Р. Л. VI, 292.

² Тамъ же, IV, 154.

³ Тамъ же, VI, 223. Макарій, И. Р. Ц. VI, 66.

⁴ Антиминсъ Бородавской церкви, одинъ изъ древнѣйшихъ писанныхъ антиминсовъ, найденъ былъ священникомъ этой церкви, благочиннымъ Павломъ Левицкимъ, въ 1866 г. и хранится теперь въ ризнице Александро-Невской Лавры. Онъ сдѣланъ изъ холста и отличается малыми размѣрами ($3\frac{1}{2}$ вершка въ длину и ширину). Крестъ на немъ шестиконечный, подъ крестомъ на срединѣ падпись: „Освятился олтарь великаго Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа въ церкви Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы честнаго Положенія ризы смиреннымъ Архіепископомъ Іоасафомъ при благовѣрномъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ и сыне его Великомъ Князѣ Иванѣ Ивановичѣ въ лѣто 6994

порь и самая церковь, построенная Иоасафомъ. Проф. Шевыревъ во время своей поѣзки въ Кирилловъ монастырь въ 1847 году посѣтилъ, между прочимъ, эту церковь и упоминаетъ о ней какъ объ особой достопримѣчательности. «Подобные древніе деревянные храмы, говорить онъ, встрѣчаются только въ этомъ краю. Я находилъ такие и въ другихъ здѣшнихъ селахъ, но изо всѣхъ мною видѣнныхъ, этотъ и наиболѣе привлекъ мое вниманіе своею постройкою и смиренною наружностью. Мне казалось, что, глядя на него, вижу образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквицъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ Русскихъ св. Угодниковъ и съ которыхъ начиналось всегда учрежденіе обителей»¹.

Впослѣдствіи, при удаленіи на покой, Иоасафъ выхлопоталъ у своего преемника архіепископа ростовскаго Тихона грамоту для построенной имъ на Бородавѣ церкви. Въ этой грамотѣ (отъ 1 апрѣля 1489 года) архіепископъ Тихонъ освободилъ Бородавскую церковь отъ различныхъ даней и

на память Покрова Пресвятаго Богородицы». См. описаніе этого антиминса и снимокъ съ него въ изслѣдованиіи протоіерея К. Т. Никольскаго „Объ антиминсахъ православной русской церкви“. Спб. 1872, стр. 293—294, рис. Б.

¹ Шевыревъ. Поѣзда въ Кириллобѣлозерскій монастырь. М. 1850. Ч. II, стр. 90. Тамъ помѣщенъ и рисунокъ виѣшняго вида церкви въ 1847 году. Ризположенская Бородавская церковь находится въ сель Бородаевѣ Кирилловскаго уѣзда и приписана къ Богнемской приходской церкви, находящейся отъ нея въ 3-хъ верстахъ. Эта небольшая церковка представляетъ собою рѣдкій и хорошо сохранившійся образецъ древнерусскихъ деревянныхъ храмовъ. Она не подвергалась существеннымъ передѣлкамъ; только въ недавнее время къ ней пристроена паперть, а два года тому назадъ ее покрыли снаружи тесомъ и выкрасили масляной краской, чтѣ отчасти измѣнило ея древній видъ. Внутри она, можно думать, осталась въ томъ же видѣ, какъ была 400 лѣтъ тому назадъ, только волоковыя окна замѣнены рамами. Иконостасъ, царскія двери, деревянные подсвѣчники — отличаются древностью и простотою устройства. При церкви хранятся древнія облаченія. Снаружи при входѣ висѣть большое желѣзное било. Прилагаемые здѣсь рисунки виѣшняго (стр. 49) и внутреннаго вида (стр. 57) этой древней церкви, воспроизведены съ фотографій, сдѣланныхъ нами лѣтомъ 1897 года. Чтобы читатель могъ судить о томъ, какой видъ имѣла эта церковь 50 лѣтъ тому назадъ, когда видѣлъ ее Шевыревъ, приводимъ здѣсь также рисунокъ изъ его книги въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ (стр. 43).

пошлины, какъ онъ говоритъ, «бывшаго дѣля архіепископа Іоасафа»¹.

Архіепископъ Іоасафъ занималъ ростовскую каѳедру до 1488 года. Въ концѣ этого года, онъ оставилъ епархию и удалился на покой въ Ферапонтовъ монастырь². Невѣдомо, что побудило Іоасафа оставить каѳедру, но этимъ поступкомъ недовольны были великій князь и тогдашнее общество. Геннадій, бывшій тогда уже новгородскимъ архіепископомъ, узнавъ объ оставленіи Іоасафомъ каѳедры, тогда же, въ концѣ февраля, написалъ къ нему укорительное посланіе³. Это посланіе, любопытное во многихъ отношеніяхъ, въ данномъ случаѣ интересно для насъ потому, что можетъ пролить пѣкоторый свѣтъ на обстоятельства удаленія Іоасафа съ каѳедры. Геннадій въ то время былъ занятъ борьбою съ еретиками жидовствующими. Въ посланіи къ Іоасафу онъ жалуется на то, что въ Москвѣ уже перестали обращать вниманіе на ересь, причемъ упрекъ отчасти относится и къ Іоасафу. «И какъ мню, пишетъ Геннадій, нынѣ положили то дѣло ни за что, какъ бы вамъ мнится, Новгородъ съ Москвою не едино православіе; не поболѣзвновали есте о томъ ни мала». Горько упрекаетъ онъ Іоасафа за оставленіе своей епархіи среди столь трудныхъ для церкви обстоятельствъ «Ты бу-

¹ Эта грамота любопытна по перечисленію тѣхъ многочисленныхъ даней и пошлинъ, которыми бывали обложены церкви въ старину. „Се язъ Архіепископъ Тихонъ Ростовскій и Ярославскій и Бѣлозерскій бывшаго дѣля архіепископа Іоасафа пожаловалъ есмь: что поставилъ церковь онъ же на новѣ Ризѣ Положенія св. Богородицы на Бородавѣ, и у тое церкви кто будетъ игуменъ и попъ и діаконъ, не надобъ имъ мои дань Петровская и Рождественская, ни десятина, ни данскіе пошлины, ни десятиннические пошлины, ни доводщици, ни забѣздчици, ни зазывщици, ни благословенная куница, ни явленная куница съ грамотою, ни полотъ, ни иные ни которые пошлины, ни что по ряду; ни казенныхъ алтыновъ ни даютъ, ни писчего, ни людскаго. А дана грамота лѣта девятьдесятъ седьмаго мѣсяца апрѣля въ 1 день. Подписанъ архіепископъ дьякъ Федоръ Сытинъ“. Акты Арх. Эксп. I, № 125.

² П. С. Р. Л. VI, 238: „въ лѣто 6997“. 15 янв. 1489 года былъ хиротонисанъ его преемникъ Тихонъ. См. Материалы въ Ч. О. Люб. Дух. Пр. 1890, май—июнь, стр. 115, 116.

³ См. это посланіе въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847. VIII. „Бывшему архіепископу ростовскому и ярославскому Іоасафу. Въ лѣто 6997 февр. 23, 24 и 25 преписахъ сіе посланіе“.

деши нѣчто оскорблень отъ кого въ тѣлесномъ дѣлѣ, да оставилъ архіепископію, да предалъ еси овцы волкомъ на расхищеніе и слыша таковую бѣду церковную. А гдѣ бы въ то время терпѣніемъ великимъ вооружитися, аще бы что и пострадати за православіе душевныя ради пользы, чая отъ Господа Бога за то мзду воспріятии... Да и се въ слухъ мой пришло, что-де и посыпалъ по тебѣ князь великій и неодинакова, и ты-де и не поѣхалъ къ нему. А могль бы еси и тамо крѣпость свою подержати, за что будеши оставилъ архіепископію, а Государское бы еси сердце не ожестиль. Да не мни: то малъ грѣхъ сотворилъ еси, что ся не учинить пакость какова христіанину въ твоей архіепископіи или бы еси церкви каковую управу учинилъ въ ту пору; ино то все на твоей головѣ легло. Да однова нѣчто Государь Князь Великій вѣснalu учинить и на монастырь тебе же для, ино тебѣ и за то отвѣтъ дати».

Отсюда видно, что великій князь разгневался на Іоасафа настолько, что, по словамъ Геннадія, княжеская опала могла угрожать даже Ферапонтову монастырю, куда удалился Іоасафъ. Гнѣвъ князя, вѣроятно, былъ вызванъ удаленіемъ Іоасафа на покой вопреки его волѣ. Іоасафъ «ожестиль» сердце князя тѣмъ, что не поѣхалъ къ нему, не смотря на неоднократное приглашеніе¹). Геннадій совѣтуетъ ему на будущее время Ѳхать къ князю, если князь пошлетъ за нимъ.

Въ заключеніе Геннадій просить Іоасафа не гнѣваться за его прямая рѣчи: «Иной тебѣ того молвити стыдится или не смѣеть, пишеть онъ. А многіе люди добрые духовные тому зазрять. А язъ то отъ слуху же слышаль... Да чтобъ еси мнѣнія не подержаль, продолжаетъ онъ, знаешь, о не наше дѣло гнѣвъ держать». Въ самомъ концѣ письма Геннадій считаетъ нужнымъ дать Іоасафу наставленіе, чтобы въ случаѣ, если онъ совершенно оставилъ святительскій санъ, «хотя смиренія образъ воспріятии», то не гордился бы высотою этого подвига, «но паче, совѣтуетъ Геннадій, подобаетъ ти имѣти помыслъ всегда уничиженъ».

---

¹ Преосв. Филаретъ говоритъ, что „Іоасафъ удалился на покой отягченный гнѣвомъ князя“. Филаретъ. Житія. Октябрь, 2 число. Но повидимому гнѣвъ князя былъ не причиной, а слѣдствіемъ удаленія Іоасафа на покой.

Такимъ образомъ, возможно, что Ioасафъ оставилъ каѳедру потому, что въ тиши Ферапонтова монастыря хотѣлъ предаться подвигамъ и безмолвію. Повидимому, онъ имѣлъ наклонность къ тихой созерцательной жизни и не походилъ своимъ характеромъ на неугомоннаго Гениадія. Какъ извѣстно, «заволжскіе» монастыри, къ числу которыхъ принадлежалъ Ферапонтовъ, давали своимъ старцамъ направление созерцательное въ отличіе отъ иноковъ-практиковъ школы пр. Іосифа Волоцкаго.

Во время пребыванія Ioасафа на покоѣ, въ Ферапонтовѣ случился большой пожаръ, о чёмъ уже сказано выше. При этомъ сгорѣла и келья архіепископа, но келейная казна его, назначавшаяся имъ на нужды монастыря, была спасена отъ огня юродивымъ Галактіономъ и, конечно, сослужила большую службу при устроеніи обгорѣвшей обители. Архіепископъ Ioасафъ прожилъ на покоѣ въ Ферапонтовѣ около 25 лѣтъ, провѣдя послѣдніе годы своей жизни въ совершенномъ безмолвіи. Онъ скончался 6 октября 1513 года, и погребенъ 7 октября у ногъ своего учителя пр. Мартиніана, причемъ, какъ мы уже знаемъ¹, были открыты и мощи послѣдняго.

Къ этимъ двумъ епископамъ, вышедшимъ изъ Ферапонта,—Филоею и Ioасафу, нужно присоединить еще третьяго—Ферапонта. Онъ былъ игуменомъ въ Ферапонтовѣ въ 30-хъ годахъ XVI в.² и въ 1539 году хиротонисанъ во епископа суздальскаго. Епископъ Ферапонтъ скончался въ 1543 году и погребенъ въ Сузdalльскомъ соборѣ³.

Съ именемъ архіепископа Ioасафа связано имя его друга пр. Кассіана Грека, князя Макнувскаго, который также былъ постриженникомъ Ферапонтова монастыря⁴. Въ мірѣ онъ назывался Константиномъ и происходилъ изъ рода греческихъ

¹ См. стр. 29.

² Упоминается игуменомъ въ 1580 г. (Акты юрид. № 154) и въ 1583 г. (А. А. Э. I, № 176) годахъ.

³ Строевъ. Списки, стр. 665.

⁴ Житіе преп. Кассіана написано въ XVI в. около 1560 года (Ключевскій, 299) со словъ „боговдохновеннаго“ старца Ферапонтова монастыря Силуана, а также учениковъ преподобнаго, и помѣщено въ Прологѣ подъ 21 мая.

князей Макнускихъ или Мангупскихъ¹. Послѣ паденія Византіи князь Константинъ нашелъ себѣ пріютъ въ Римѣ. Въ числѣ другихъ знатныхъ грековъ проживавшихъ въ Римѣ находилась, между прочимъ, племянница византійскаго императора дочь морейскаго деспota Фомы Зоя (Софья) Палеологъ. Она пользовалась покровительствомъ папы и особенно своего единоплеменника знаменитаго кардинала Виссаріона, которому удалось подготовить бракъ ея съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ III². Въ 1472 году состоялось сватовство князя, и папа Сикстъ IV, возлагавшій большія надежды на этотъ бракъ, отпустилъ Зою въ Москву съ большими почетомъ въ сопровожденіи многочисленнаго посольства и свиты изъ знатныхъ грековъ и итальянцевъ. Въ свите принцессы отправился въ Москву и князь Макнуский³.

По прибытии въ Москву спутники Софии были награждены великимъ княземъ и получили мяста на службѣ. Князю Константину великій князь также предлагалъ «грады съ волости въ кормленіе», но онъ отказался, «славы міра сего не хотяще». Тогда князь сдѣлалъ его бояриномъ у ростовскаго архіепископа Іоасафа⁴. Константинъ такъ подружился съ Іоасафомъ, что когда послѣдній въ 1488 году удалился на покой въ Ферапонтовъ монастырь, то Константинъ послѣдовалъ за своимъ другомъ. Въ Ферапонтовѣ князю-греку дали келью и приставили къ нему для береженія священноинока

¹ „Сей убо пр. Касианъ роду убо отъ великаго и стараго Рима царствующаго града нарицаемаго амория . . . родство и господство имѣя княжения своего глаголемо отъ Макнуса“. Житіе рк. И. П. Б. № 1563, л. 64. Макнусъ = Мангупъ-Кале въ Крыму. А. Титовъ. Ученская Кассиана нова пустынь. „Ист. Вѣст.“ 1895, августъ, стр. 394.

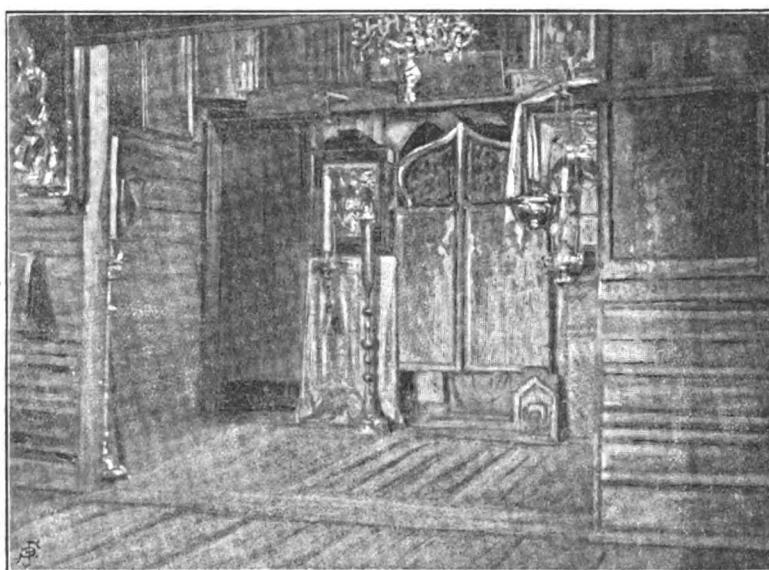
² О бракѣ этомъ см. П. Пирлингъ. Россия и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Спб. Изд. Суворина. 1892.

³ „Посылается же тогда и первопрестольникъ папа Римскій пословъ проводити царевну благочинно и велелѣпно... въ нихъ же сей благовѣрный князь Константинъ макнускій“. Ркп. И. П. Б. № 1563, л. 65. на об. О Константинѣ, какъ спутнику Софии, упоминается и Пирлингъ (стр. 69).

⁴ Въ житіи пр. Паисія Угличскаго говорится, что пр. Кассианъ живѣть въ его обители до поступленія къ архіепископу Іоасафу; онъ былъ тамъ въ 1479 и еще въ 1482 году при основаніи и освященіи храма Покрова Пр. Богородицы. См. Филаретъ. Житія, подъ 2 октября.

Филарета¹. Проводя въ монастырѣ вполнѣ иноческую жизнь, князь почему-то не хотѣлъ принимать постриженія. Житіе разсказываетъ, что онъ постригся только вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія.

Однажды, утомленный всенощнымъ бдѣніемъ, князь Константінъ отдохалъ въ своей кельѣ и задремалъ. Но вдругъ, внезапно проснувшись, онъ началъ громко звать жившаго

Внутренній видъ церкви на р. Бородавѣ.

съ нимъ монаха: «Филарете, Филарете!» Когда Филаретъ пришелъ на его зовъ, князь казался до того испуганнымъ, что не могъ говорить. Филаретъ доложилъ о случившемся архиепископу Иоасафу и игумену. Архиепископъ велѣлъ привести князя къ себѣ и, сотворивъ молитву, «начать вопрошати его съ тихостью». Князь сталъ по немногу приходить въ себя и, наконецъ, рассказалъ Иоасафу о видѣніи, которое привело его въ такой ужасъ. «Видѣлъ я,—рассказывалъ Кон-

¹ „Предана ему въ монастырѣ келію, некоему приказаша его бречи священноиноку Филарету имянемъ“. Ркп. жит., л. 67.

стантина, — церковь каменную большую и укraшенную и въ ней множество предстоящихъ иноковъ. Посрединѣ церкви возвышался престоль, а на немъ сидѣлъ пр. Мартиніанъ, бывшій игуменъ сей обители, «его же гробъ видимъ бысть и донынѣ»¹. Въ руکѣ у него былъ жезль. И говорить онъ мнѣ: «постригись». А я отвѣчаю ему: «не постригусь». Снова говорить мнѣ божественный Мартиніанъ: «я буду бить тебя этимъ жезломъ, постригись». Долго спорилъ я со святымъ, какъ вдругъ онъ поднялъ руку съ жезломъ и хотѣлъ ударить меня. Тутъ я проснулся и закричалъ, и смущилась душа моя. Нынѣ молю тебя, повели постричь меня въ ангельскій образъ». Взволнованный видѣніемъ, князь со слезами просилъ архіепископа о постриженіи. По приказанію архіепископа игуменъ постригъ князя, причемъ послѣдній получилъ имя Кассіана и былъ отданъ въ руководство тому же старцу Филарету².

Инокъ Кассіанъ недолго оставался въ Єерапонтовѣ. Вскорѣ онъ ушелъ оттуда въ сопровожденіи нѣсколькихъ иноковъ и при содѣйствіи угличскаго князя Андрея Васильевича основалъ обитель недалеко отъ Углича при впаденіи рѣки Учмы въ Волгу³. По имени этой рѣки пр. Кассіанъ сталъ называться Учемскимъ, а обитель его Учемскою⁴. Преп. Кассіанъ скончался 1504 г. 2 октября. Въ этотъ день празднуется его память православною церковью, которая считаетъ его въ числѣ своихъ святыхъ подъ именемъ Кассіана Грека.

Есть мнѣніе, что пр. Кассіанъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ основателемъ скитскаго житія на Руси пр. Ниломъ Сорскимъ, который по возвращеніи съ

¹ Замѣтимъ, что это было еще до открытия мощей пр. Мартиніана.

² Ркп. жит., л. 67 на об.—69.

³ Это было не позже 1491 года, когда умеръ князь Андрей Угличский. Житіе не говоритъ о причинахъ, побудившихъ Кассіана уйти изъ Єерапонтовой обители въ сопровожденії другихъ иноковъ. Не было ли поводомъ къ выселенію иноковъ изъ Єерапонтова временное оскудѣніе монастыря послѣ вышеупомянутаго пожара, истребившаго въ немъ братскія кельи и новую трапезу?

⁴ Кассіанова-Успенская-Богородице-Пречистенская-Учемская мужская пустынь, находится въ Ярославской губерніи, въ Угличскомъ уѣздѣ. Въ 1764 году упразднена. См. Звѣрицкий. Материалы для историко-топографического описанія монастырей, II, № 861. А. Титовъ. Учемская Кассіанова пустынь. „Ист. Вѣст.“ 1895, стр. 392—410.

востока основалъ свою обитель на рѣкѣ Соркѣ по соседству съ Ферапонтовымъ монастыремъ, въ 15 верстахъ отъ него. Указываютъ на два посланія пр. Нила, будто бы написанныя имъ къ Кассиану. Одно изъ нихъ небольшая записка — «посланеце къ брату съ восточныхъ странъ», показываетъ, что пр. Ниль иногда лично бесѣдовалъ съ этимъ братомъ, подъ которымъ можно разумѣть Кассиана. Въ другомъ самомъ обширномъ посланіи («посланіе отъ божественныхъ писаний во отоцѣхъ къ скорбящему брату») пр. Ниль ка-сается бѣдственной участіи «скорбящаго брата», изображая ее въ чертахъ, имѣющихъ сходство съ біографіей пр. Кас-сиана. Такъ, онъ говорить о чужеземномъ и знатномъ про-исхожденіи «скорбящаго брата», о его плѣненіи и заве-деніи въ чужую землю. Это сходство дало поводъ изслѣдо-вателямъ разумѣть подъ «скорбящимъ братомъ» Кассиана¹. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что біо-графическая данная, заимствуемая изъ посланія Нила, не вполнѣ совпадаютъ съ данными житія пр. Кассиана. Такъ, изъ посланія видно, что «скорбящій братъ» пришелъ къ пр. Нилу въ его скитъ и тамъ принялъ постриженіе, а о пр. Кассианѣ житіе говорить, что онъ постригся въ Ферапонтовѣ вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія. Даѣе, пр. Ниль въ своемъ посланіи выражается о «скорбящемъ братѣ» такъ, какъ будто бы онъ раньше не былъ христіаниномъ, а принялъ крещеніе въ зрѣ-ломъ возрастѣ², въ Россіи подпалъ новымъ искушеніямъ и скорбямъ и въ данное время находился въ заточеніи на ка-комъ то островѣ («на отоцѣхъ»), такъ что пр. Ниль утѣ-шаетъ его надеждой на освобожденіе. Всѣ эти черты непри-ложимы къ пр. Кассиану, а потому это посланіе, нужно ду-мать, было написано не ему, а другому брату. Но во вся-комъ случаѣ, хотя житіе пр. Кассиана не упоминаетъ о близ-кихъ отношеніяхъ его къ пр. Нилу, такія отношенія вполнѣ

¹ А р х а н г е л с к і й . Н и л ъ С о р с к і й . С пб . 1882 , стр . 55. 56. Того же мнѣнія были преосв . Ф и л а р е т и М а к а р і й .

² Яко изведе тя (Богъ) изъ земли Египетскія въ землю Израилеву и сотвори тя познати Единаго Себе, истиннаго Бога нашего Іисуса Христа, во плоти пришедша, и крещеніемъ Его крестився, и потомъ сподоби тя ангельскому образу еже у насъ начало положити во убогой нашей келейцѣ . Тамъ же . 77.

возможны и даже въроятны. Преп. Кассиану, лишившемуся родины и послѣ долгихъ скитаній попавшему въ далекій Ферапонтовъ монастырь, вполнѣ естественно было войти въ сношенія съ сосѣднимъ подвижникомъ, который самъ путешествовалъ на востокъ и изучилъ греческій языкъ на ряду съ уставами и обычаями восточныхъ монастырей.

Въ XV и XVI вѣкахъ заволжскіе монастыри славились просвѣщеніемъ своихъ иноковъ и богатствомъ книгъ; особую известность въ этомъ отношеніи получилъ Кирилловъ монастырь. Ферапонтовъ монастырь въ цвѣтущую пору своего существования по части просвѣщенія и письменности шелъ по слѣдамъ своего знаменитаго собрата и отчасти раздѣлялъ его славу въ этомъ отношеніи. Пр. Мартиніанъ, въ теченіи долгаго времени руководившій жизнью Ферапонтовой обители, успѣлъ сообщить ей характеръ духовно-просвѣтительного центра. Унаследовавъ отъ пр. Кирилла любовь къ книжному просвѣщенію и слѣдуя во всемъ примѣру своего учителя, пр. Мартиніанъ смотрѣлъ на занятіе книгами какъ на одно изъ послушаній монастырской жизни. По словамъ житія, переписка книгъ и обученіе грамотѣ съ самого начала стали обычнымъ занятіемъ для нѣкоторыхъ иноковъ («иніи книги пишуть, друзіи книгамъ учатся»). Нѣкоторые изъ нихъ достигали большаго искусства въ писаніи книгъ и назывались «доброписцами». Таковъ былъ старецъ Варлаамъ доброписецъ, о смерти которого въ 1514 году упоминается въ одной лѣтописи¹. Въ концѣ XV в. Ферапонтовъ монастырь на ряду съ Кирилловымъ былъ известенъ какъ мѣсто собранія рукописей. Геннадій, архиепископъ новгородскій, въ упомянутомъ выше посланіи къ Іоасафу спрашивалъ, нѣть ли въ Кирилловѣ, Ферапонтовѣ или въ Спасокамennomъ монастыряхъ нѣкоторыхъ перечисленныхъ имъ книгъ, нужныхъ ему для борьбы съ еретиками. Въ Новгородѣ Геннадій не могъ достать этихъ книгъ, хотя у еретиковъ онѣ были². Неизвестно, нашелъ ли для него Іоасафъ требуе-

¹ „Въ лѣто 7022 мѣсяца июня въ 4 день на память иже во святыхъ отца нашего Андрея Критскаго преставися старецъ Варлаамъ доброписецъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ“. Ркп. И. П. Б. № 1554, л. 22.

² „Да есть ли у васъ въ Кирилловѣ или въ Фарафонтовѣ или на Камennomъ книги (слѣдуетъ перечисление), зане же тѣ книги у еретиковъ всѣ есть“.

мые книги. Въ Ферапонтовѣ несомнѣнно было много книгъ, для которыхъ было устроено особое книгохранилище надъ теплой церковью Благовѣщенія. Это книгохранилище съ пустыми теперь полками по стѣнамъ доселѣ можно видѣть въ Ферапонтовѣ¹.

Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка въ Ферапонтовѣ жилъ чловѣкъ, выдававшійся тогда своимъ образованіемъ и умѣньемъ владѣть перомъ. Это Спиридонъ, митрополитъ киевскій, который жилъ въ заточеніи въ Ферапонтовѣ монастырѣ, явившись въ этомъ отношеніи предшественникомъ патріарха Никона. Свѣдѣнія о митрополитѣ Спиридонѣ чрезвычайно скучны и отрывочны. Лѣтопись говорить о немъ, что онъ былъ «родомъ тверитинъ, поставленъ на мзѣ патріархомъ, а повеленіемъ турскаго царя» въ митрополиты и прибыль въ Литву въ 1476 году². Самъ Спиридонъ говоритъ о себѣ, что патріархъ константинопольскій Рафаиль поставилъ его въ митрополита киевскаго и всея Руси³. Но Спиридона не приняли въ Литвѣ, а король посадилъ его въ заточеніе. Пріѣхавъ въ Москву въ 1483 году, Спиридонъ жаловался великому князю Ивану Васильевичу на поступокъ короля, указывая на то, что король взялъ себѣ мощи, которыя онъ везъ князю отъ патріарха. Но въ Москвѣ Спиридону посчастливилось не больше, чѣмъ въ Литвѣ: великий князь не захотѣлъ ссориться по его жалобѣ съ Казимиромъ, а на самаго Спиридона въ Москвѣ взглянули подозрительно. Лѣтописецъ не даромъ отмѣчаетъ прозвище «Сатана» данное Спиридону за «рѣзвость»

¹ Ферапонтовскія рукописи находятся въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ: въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ библіотекѣ Спб. Духовной Академіи (Софійской и Кирилловской); ихъ можно также встрѣтить въ разныхъ монастыряхъ и въ рукахъ частныхъ лицъ.

² См. у Карамзина VI, пр. 629.

³ „Изложеніе о православнѣй вѣрѣ Спиридона архіепископа киевскаго всея Руси“ въ сборнике Кириллова монастыря, № 1451 Соф. библ. Спб. Дух. Академія, л. 243 „Фенгари семтеврія 8 каландѣ. бѣлѣгъ (sic) соборный святѣйшаго патріарха Киръ Рафаила Константинополя Нового Рима и иже о немъ священнаго собора святыхъ митрополитъ и бого любивыхъ епископъ, по благословенію священнаго сего собора и рукоположеніе честнаго пресвитерства и о Христѣ діаконства благословеніе пріяхомъ поставленіе Киевскаго митрополия всея руси“. Такимъ образомъ, Спиридонъ покъхалъ въ Царьградъ простымъ чернецомъ, не имѣвшимъ священнаго сана, а вернулся оттуда митрополитомъ.

(бойкость?), когда онъ былъ еще простымъ чернецомъ¹. Можетъ быть, изъ опасенія новыхъ интригъ и происковъ позабылись заточить Спиридона куда-нибудь подальше отъ Москвы. Злополучному митрополиту было поставлено въ вину главнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ «взыскалъ поставленіе въ области безбожныхъ турковъ поганскаго царя». Послѣ взятія Константиноополя турками русскіе склонны были считать поставленіе въ Царьградѣ незаконнымъ на ряду съ поставленіемъ отъ латынянъ, такъ что Константинопольскій патріархъ впослѣдствіи протестовалъ противъ обиднаго подозрѣнія въ своемъ православіи. Въ началѣ XVI в. въ архиерейскую присягу включено было клятвенное обѣщаніе не признавать митрополитовъ, поставленныхъ въ Римѣ или Царьградѣ, причемъ имя Спиридона упоминается наряду съ именами латинствовавшихъ митрополитовъ Исидора и Григорія².

Неизвѣстно, когда Спиридонъ попалъ въ заточеніе въ Ферапонтовъ монастырь и долго ли жилъ тамъ. Находясь въ заточеніи, бывшій митрополитъ написалъ «Изложеніе о православной истинной нашей вѣрѣ»³, можетъ быть, съ той цѣлію, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ неправославіи и освободиться изъ заточенія. Самъ Спиридонъ поводомъ къ написанію этого сочиненія выставляетъ то обстоятельство, что по его наблюденіямъ въ православномъ мірѣ многое творится вопреки правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, почему онъ и

¹ „Того же лѣта (6990) прїѣздилъ изъ Литвы отъ Митрополіи же чернецъ бывалъ, его же Сатаною зовутъ за рѣзвость его: и шедъ въ Царьградъ, ста въ митрополиты на Русь и прїѣха въ Литву. Король же ять его и посади въ заточеніе. И сказаша отъ него князю великому: яко много, рече, мощей отъ патріарха везохъ къ тебѣ, король же вся поима къ себѣ. Князь же великий держа долго пана того и отпусти рекъ: не подымати рати, ни воеватися съ королемъ за се“. Соф. Временникъ II, 228. Ср. Львовскую лѣтопись у Карамзина (VI, пр 475): „Пріѣзжалъ посолъ изъ Литвы отъ митрополита, иже здѣ чернецъ бывалъ и пр.“

² „Отрицаюся Исидора и къ нему пріобщенія и ученика его Григорія съ нимъ и Спиридона, нарицаемаго Сатану, взыскавшаго въ Царьградѣ поставленіе въ области безбожныхъ турковъ поганскаго царя, также и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ когда случится кому прійти на Кіевъ отъ Рима латынскаго или отъ Царяграда турецкия державы“. Волокол. ркп. 284. См. Филаретъ. Исторія Русской Церкви. Изд. 6, 1875, стр. 309.

³ Ркп. Соф. бібл. № 1451, л. 248—257.

считаетъ нужнымъ изложить эти правила. Излагая определенія вселенскихъ соборовъ по поводу разныхъ ересей, Спиридонъ добавляетъ, очевидно, не безъ особаго намѣренія, что и онъ отрицаєтъ и анаемствуетъ всѣ тѣ ереси. Онъ считаетъ себя пострадавшимъ невинно за православіе и въ этомъ находить для себя утѣшеніе. «Сладки намъ юзы, пишетъ онъ, и радостна изгнанья, иже по преданію св. апостолъ правиломъ и по святыхъ седьми соборъ вселенскихъ умрети, не жели святыхъ попранію приближитися; радость миръ всему православію»¹. О суровости своего заточенія Спиридонъ говоритъ, что находясь въ узахъ какъ злодѣй, онъ дѣлаетъ своими руками, чтобы никому не быть въ тягость². Въ заключеніе онъ дѣлаетъ нравственныя наставленія читателямъ о состраданіи къ нищимъ, о роскоши, сребролюбіи и т. п.³.

Кромѣ этого «Исповѣданія» Спиридонъ во время Ферапонтовскаго заточенія совершилъ другой литературный трудъ — обработку житій пр. Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, по зацисямъ инока Досиоіея. Объ этомъ трудѣ Спиридона говорить Досиоіей и самъ Спиридонъ. Архіепископъ Генадій просилъ Досиоіея, бывшаго соловецкаго игумена, ученика Зосимы, написать житіе соловецкихъ чудотворцевъ. Досиоіей написаль, какъ могъ, но былъ недоволенъ своимъ писаніемъ, такъ какъ оно изложено было языкомъ простымъ, а не книжнымъ. Однажды случилось Досиоіею быть въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ то время, когда тамъ жилъ митрополит Спиридонъ, извѣстный своей образованностью. Къ нему то обратился Досиоіей съ просьбой изложить житіе «стройно» и далъ ему свои записи⁴. Спиридонъ исполнилъ его просьбу

¹ л. 243 об.

² „Азъ же законопреступники возненавидѣхъ, законъ же Твой возлюбихъ Владыки Христа моего и Бога... сего ради и страждемъ до узъ, яко злодѣи, дѣлающе своими руками, да никому ничимъ тяжки будемъ“.

³ „да не будемъ, любиміи, злату хранители и серебру собиратели и ризамъ мягкими любиви“ и т. п.

⁴ „И бывшу ми, разсказываетъ Досиоіей, на Бѣлъозерѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ и понудихъ тамо пребывающа бывшаго митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житіе начальниковъ соловецкихъ и написанные тыя памати дахъ ему, бѣ бо онъ тому мудръ умъ писанія ветхая и новая, и Божіимъ изволеніемъ не отречеся, понуди старость свою и написа на общую пользу“. Ркп. Соф. библ. (сб. кир. мон.) № 1490. Житія пр. Зосимы и Савватія, л. 84. О сотвореніи житія.

и написалъ житіе соловецкихъ подвижниковъ въ 1503 году, какъ онъ самъ говорить¹. Досиоей представилъ написанное Спиридономъ житіе арх. Геннадію, который, похваливъ трудъ, съ большимъ уваженіемъ отозвался о самомъ Спиридонѣ. «Сей человѣкъ, сказалъ онъ, въ нынѣшняя роды бѣяше столпъ церковный, понеже измѣда иззыче священная писанія»². Изъ этихъ словъ Геннадія («бѣяше») можно заключать, что въ то время, когда они были сказаны, Спиридона уже не было въ живыхъ и что онъ скончался вскорѣ послѣ написанія житія, вѣроятно, въ томъ же 1503 году³. Нѣть никакихъ основаній думать, чтобы Спиридона, бывшаго уже въ преклонныхъ лѣтахъ, написали нужнымъ перевести изъ Ферапонтова въ болѣе отдаленный монастырь, а потому нужно предполагать, что онъ скончался и погребенъ въ Ферапонтовѣ, а не въ Соловецкомъ монастырѣ, какъ почему-то утверждаютъ нѣкоторые авторы⁴.

Въ XVI вѣкѣ изъ подъ пера одного Ферапонтовскаго инока, именемъ Паисія, вышло «Сказаніе о сочетаніи втораго брака» кн. Василія Ивановича⁵. Въ этомъ сочиненіи осуждается разводъ великаго князя Василія Ивановича съ неплодной супругой Соломоніей и вступленіе его во второй бракъ съ Еленой Глинской, сообщается о томъ, что патріархъ и аѳонскіе старцы въ присланныхъ ими грамотахъ⁶ не дали князю разрѣшенія на разводъ и приводится предсказаніе патріарха іерусалимскаго Марка

¹ „Въ лѣто 7011 списашася житія сія... митрополитомъ всея Руси Спиридономъ, поточену ми бывшу тогда въ странѣ Бѣлаозера въ монастыри Пречистыя Богородицы Ферапонтовѣ, понужену ми сущу отъ иѣкоего мниха тыя обители соловецкія именемъ Досифея“. Тамъ же, л, 85 об.

² Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, стр. 200 прим.

³ Въ іюлѣ 1504 года Геннадій былъ уже удаленъ съ каѳедры, а въ декабрѣ 1505 скончался. Ключевскій, тамъ же.

⁴ Напр., преосв. Филаретъ. И. Р. Ц., стр. 304.

⁵ Напечатано Бодянскимъ въ Чт. М. Общ. Исторіи 1847, VIII. Полное заглавіе сказанія таково: „Выпись изъ государевы грамоты, что присланы къ великому князю Василію Ивановичу о сочетаніи втораго брака и о разлученіи первого брака чадородія ради, твореніе Паисіино старца Ферапонтова монастыря“.

⁶ Грамоты изъ Аѳона, по словамъ сказанія, присланы были съ Гавріломъ „старцемъ Ферапонтова монастыря св. горы“, котораго привезъ съ собою изъ Крыма посолъ великаго князя Иванъ Колычевъ.

о жестокостяхъ и беззаконіяхъ Ивана Грознаго, родившагося оть новаго брака. Сказаніе это считается изслѣдователями написаннымъ нѣ въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка, когда совершился разводъ князя Василія съ Соломоніею (1525), а гораздо позднѣе, во второй половинѣ XVI вѣка, и можетъ быть, даже по смерти Грознаго. Не бывъ современникомъ описываемыхъ событій, авторъ пользовался устными о нихъ преданіями изукрашенными иискаженными¹. Кто былъ старецъ Паисій, имя котораго стоить въ заголовкѣ «сказанія?» Судя по языку сказанія, тяжелому и книжному, изобилующему нерусскими словами и непонятными реченіями², можно предположить, что авторъ его былъ одинъ изъ грековъ, которыхъ въ то время нерѣдко можно было встрѣтить въ русскихъ монастыряхъ, и между прочимъ, въ Ферапонтовѣ. Старецъ ферапонтовскій Гавріилъ, упоминаемый въ сказаніи, тоже едва ли не былъ грекомъ.

Къ XVI в. относится большая часть уцѣлѣвшихъ Ферапонтовскихъ рукописей. Но въ этомъ вѣкѣ, повидимому, и закончился въ Ферапонтовѣ періодъ процвѣтанія письменности, начало которому положилъ пр. Мартиніанъ.

---

¹ Макарій. И. Р. Ц. VI, 173, 174. Ср. Иловайский. Исторія Россіи, III, 609.

² Таковы, напр., слова: „друкели, урдюкели, ардарила, сарападасійстіи, келевдеріи, дохери, ароуны, тефлизы“. Нѣкоторые изъ этихъ словъ пояснены въ самомъ сказаніи. Напримеръ: о друкелехъ, или урдюкелехъ, рекше о православныхъ христіанѣхъ; Сарападасійстіи, рекше болярстіи; ардарила, рекше шапку.

4. Внѣшній ростъ монастыря и состояніе его до конца XVII вѣка.

VII.

Многа же добра сотвори монастырю тому блаженный Мартиніанъ, распространя и укрѣпилъ его во славу Божію.
Ркп. житіе пр. Мартиніана.

Возникновеніе церквей и зданій. — Церкви Рождества и Благовѣщенія. — Литовское разореніе. — Постройки XVII вѣка. — Пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній. — Споры съ сосѣдями. — Отношеніе къ монастырю древнихъ князей и государей. — Вклады и пожертвованія въ монастырь. — Внутреннее устройство монастыря. — Экономический упадокъ его въ XVII вѣкѣ.

Преп. Мартиніанъ, сообщившій извѣстность Ферапонтову монастырю своими подвигами и развитіемъ въ немъ духовной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возвысилъ и материальное благосостояніе этой скромной обители. Ниже мы, увидимъ, что пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обеспечившихъ собою дальнѣйшее существованіе монастыря, относится главнымъ образомъ ко временамъ игуменства и строительства въ немъ пр. Мартиніана.

Слѣдя за внѣшнимъ ростомъ обители, остановимся прежде всего на возникновеніи монастырскихъ зданій. Началомъ обители, какъ извѣстно, послужила келья пр. Ферапонта, поставленная имъ среди дремучаго лѣса между озерами Бородавскимъ и Пасскимъ. Мы уже видѣли, что за короткое время пребыванія здѣсь пр. Ферапонта (1398—1408) его одинокій скитъ разросся въ небольшой монастырь, въ которомъ число братіи доходило до 15 человѣкъ и болѣе. Для нихъ выстроены были кельи «двоекровны и троекровны» и деревянная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы. Заботами пр. Ферапонта эта церковь была снабжена необходимой утварью, «книгами и честными иконами, елико сила можаше». Во времена пр. Мартиніана число братіи въ монастырѣ увеличилось и монастырь расширился подъ его опытнымъ руковод-

ствомъ. Пахомій Сербъ (Логоєть), бесѣдовавшій съ пр. Мартиніаномъ во времена его строительства въ Ферапонтовъ и, конечно самъ, видѣвшій монастырь, называетъ его «зѣло краснымъ» и имѣющимъ много иноковъ¹. Изъ житія пр. Мартиніана известно, что еще въ XV в. въ Ферапонтовѣ была звонница съ колоколами и новая трапеза, своимъ устрой-

Колокольня, соборная церковь Рождества Пр. Богородицы и церковь пр. Мартиніана въ Ферапонтовѣ монастырѣ.

ствомъ вызывавшая себѣ похвалы со стороны братіи. Всѣ эти постройки были деревянными, и часть ихъ въ концѣ XV вѣка была истреблена пожаромъ. Вполнѣ понятно, что до нашего времени отъ нихъ не осталось и слѣда. Единственный памят-

---

¹ «Есть монастырь на мѣстѣ томъ зѣло красенъ, много имущи братіи Господеви работающихъ даже и до сего дне». Макарій И. Р. Ц. т. IV, прилож. XXI.

никъ, уцѣльвшій оть той эпохи, представляетъ собою упомянутая выше Бородавская церковь¹.

Каменные зданія въ Ферапонтовѣ монастырѣ, какъ и въ Кирилловѣ, начинаютъ появляться въ самомъ концѣ XV в. Въ это время была построена въ Ферапонтовѣ первая каменная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы на мѣстѣ прежней деревянной церкви. Время этой постройки опредѣляется надписью, находящейся внутри церкви на аркѣ съверныхъ дверей². Изъ этой надписи видно, что Рождественская церковь построена при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и Василии Ивановичѣ и при архіепископѣ Тихонѣ, слѣдовательно, между 1492—1503 годами³, вѣроятно, въ 1500—1501 годахъ. Строили ее, какъ можно думать, ростовскіе каменщики, которыми около того же времени (1497 года) была построена въ Кирилловѣ церковь во имя Успенія Божіей Матери. Бѣлозерская область находилась тогда въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ростовомъ, какъ своимъ епархіальнымъ городомъ. Кроме того, бывшій владыка ростовскій Іоасафъ жилъ въ Ферапонтовѣ какъ разъ въ это самое время. Самая архитектура Рождественской церкви, напоми-

---

¹ У преосв. Филарета въ Житіяхъ Святыхъ (подъ 12 января) говорится объ „уцѣльвшихъ памятникахъ, которые представляютъ заботливость игумена Мартинiana о Ферапонтовой обители“. Здѣсь, очевидно, разумѣются каменные постройки монастыря, но они возникли уже послѣ пр. Мартинiana.

² Къ сожалѣнію, эта надпись, писанная вязью, въ нѣсколькихъ мѣстахъ стерлась и повреждена трещиной. Стерлась и послѣдняя цифра въ датѣ, хотя по оставшимся слѣдамъ (двѣ точки рядомъ) можно догадываться, что это было и (8). Вотъ эта надпись: „въ лѣто 1503ъ мѣцѣ авгуستа въ є на преображеніе Г҃о нашего Г҃о Ха начата бысть по... церковь + а кончана на єлѣ мѣцѣ сеставрѣа въ ѹ на рожество престыя бл҃ца нашыа єца мрии: при благовѣрномъ великому князе іване васильевиче всеа руси. і при великомъ князе василіе іванов. всеа руси. при... хонѣ + а пісци (?) деонісіе иконникъ съ своїмъ ч... о... вс... ізбави ихъ муки вѣчныя...“ Упоминаемый здѣсь Діонісій иконникъ не тотъ ли знаменитый въ свое время иконописецъ Діонісій, которому въ 1482 заказывалъ писать иконы архіепископъ ростовскій Вассіанъ (П. С. Р. Л. VI, 283)?

³ Ср. проф. Н. К. Никольскій. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 1897. I, 1, 276 пр.

нающей собою Успенскую церковь въ Кирилловѣ, служить яснымъ доказательствомъ происхожденія ея изъ рукъ ростовскихъ мастеровъ¹.

Церковь эта небольшихъ размѣровъ: оть дверей до иконостаса она имѣеть 9³/₄ арш. и 15¹/₄, арш. оть южной стѣны до сѣверной. Она построена прямоугольникомъ, восточная часть алтаря оканчивается тремя полукружіями, раздѣленными между собою стѣнами. Въ сѣверной части алтаря находится жертвенникъ, въ южной вмѣсто діаконника устроенъ (не позже XVII вѣка) придѣль во имя чудотворца Николая. Внутри церкви два четырехугольныхъ столба вмѣстѣ съ иконостасной стѣнкою служатъ основаніемъ для арокъ, на которыхъ покояится куполъ. Въ парусахъ сводовъ видны отверстія голосниковъ (глиняныхъ кувшиновъ, вставлявшихся въ своды, какъ полагаютъ, для усиленія звуковъ). Полъ церкви значительно возвышенъ надъ землей (церковь построена «на взмостѣ», какъ выражались въ старину) и состоитъ изъ кирпичей двухъ цвѣтovъ: темныхъ и красныхъ. Стѣны собора, не исключая его сводовъ и купола, сплошь украшены старинной фресковой живописью. Между фресками можно отмѣтить: изображенія седьми вселенскихъ соборовъ, бракъ въ Канѣ галилейской, притчу о званыхъ на вечерю, страшный судъ, явленіе креста императору Константину, сидящему на конѣ, изображенія разныхъ святыхъ, композиція «О Тебѣ радуется», и многія другія. Эта живопись была поновлена въ 1738 году, при игуменѣ Павлѣ, какъ говорить надпись на стѣнѣ алтаря².

Иконостасъ, состоящій изъ четырехъ ярусовъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько древнихъ иконъ. Между ними особенно заслуживаютъ вниманія большія иконы нижняго яруса въ серебряныхъ басменныхъ окладахъ, съ серебряными патами и вѣнцами, украшенными мелкимъ жемчугомъ и камнами. Таковы мѣстный образъ Рождества Пр. Богородицы «въ дѣяніи»,

---

¹ Видъ ея на стр. 72, взяты нами изъ упом. книги проф. Н. К. Никольского „Кирилло Бѣлозерскій монастырь“.

² „1788 сентября въ... въ день поновлена бысть сія соборная церковь стѣнное письмо и связана связи жетѣзными радѣніемъ і раченіемъ ігумена Павла и добродѣющихъ въ пречестную церковь сію“.

образъ Богоматери Одигитріи, образъ Воскресенія Христова (сопшествіе во адъ), на которомъ въ видѣ ниспровергаемыхъ бѣсовъ изображены разныя страсти и пороки, напр. скорбь, отчаяніе, гордость и пр., иконы «Неопалимая Купина» и «О Тебѣ радуется», пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ «съ житіями» на поляхъ, «Явленіе Аврааму св. Троицы». На послѣдней иконѣ сзади доски сохранилась надпись вязью, изъ которой видно, что икона написана въ 1530 году¹. Предъ иконостасомъ висить большое мѣдное паникалио (см. рис. на стр. 77), пожалованное Ферапонтову монастырю царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ въ 1639 году². Оно украшено сверху двухглазымъ орломъ и имѣть 20 канделябровъ, расположенныхъ двумя ярусами. Особаго вниманія заслуживаетъ орнаментъ на канделябрахъ этого паникалила. Вместо обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ изображеній херувимовъ мы видимъ на каждомъ канделябрѣ литое изображеніе головы въ царской шапкѣ (см. рис. на стр. 81). Это изображеніе, отчасти напоминающее собою суровый профиль Ивана Грознаго, представляетъ рѣдкое и любопытное явленіе въ области русской церковной орнаментики³.

При выходѣ изъ Рождественской церкви по обѣимъ сторонамъ дверей до сихъ поръ сохранились мѣста для келаря и казначея простаго древняго устройства съ откидными сидѣньями (см. рис. на стр. 85). Эти мѣста, рѣдко гдѣ уцѣ-

¹ „Въ лѣто 7038 го(да) мца июля въ 11 день стые прехвальные великомученицы Евфимию написана бысть икона... чуднаго таинства... при митрополитѣ... и при архіепископе Кирилии ростовскомъ по благословенію... отца нашего игумена Ферапонта...“.

² „Посреди церкви противъ Спасова образа государева жалованья царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Россіи паникалио мѣдное о двадцати шанданехъ въсомъ семнадцать пудъ двенадцать гриненокъ (фунтовъ)“. Отписная книги Ферапонтова монастыря 7181 (1678) года, рук. архива Кириллова монастыря № 108 (по нумерации Н. П. Успенскаго) л. 15 об. Время пожертвованія этого паникалила (20 июля 7147 года) известно изъ вкладной книги и взято нами изъ описи ферапонтовской приходской церкви. Самая вкладная книга, къ сожалѣнію, утрачена.

³ Въ тверскомъ музѣѣ хранятся остатки царского паникалила съ такимъ же орнаментомъ (литы въ завивныхъ рожкахъ рыцарскія головки). Полагаютъ, что паникалио это остатокъ утвари, пожертвованной Грознымъ, и что упомянутый орнаментъ представляетъ собою портретное изображеніе жертвователя. [См. Описаніе Тверскаго Музей. Археол. Отд. А. К. Жизневскаго. М. 1888, с. 182, № 590.]

львішія въ нашихъ монастыряхъ, вызываютъ въ памяти одну черту древняго монастырскаго устава. Въ старину монастырскія власти — келарь и казначей становились у дверей церкви для наблюденія за приходившими въ церковь и уходившими изъ нея иноками.

Снаружи стѣны собора раздѣлены плоскими выступами (лопатками) на три фаса, заканчивающіеся вверху полукружіями. По верхней части стѣны, равно какъ по барабану купола, идетъ поясъ орнаментовъ, довольно разнообразный по своему составу. Тутъ есть и обронный (выпуклый) орнаментъ, и орнаментъ изъ кирпичей, образующихъ зигзаги и впадины, и орнаментъ изъ бусынокъ (колонки, поставленныя во впадинкахъ). На западной стѣнѣ собора этотъ поясъ орнаментовъ шире, чѣмъ на другихъ (см. рис. на стр. 73). Паперть и ризница, съ трехъ сторонъ примыкающія къ собору, пристроены къ нему впослѣдствій. Нѣсколько оконъ въ немъ пробиты вновь. При всемъ томъ Ферапонтовскій Рождественскій соборъ и внутри, и снаружи сохранилъ свой первоначальный видъ въ гораздо большей степени, чѣмъ его ровесникъ по лѣтамъ — Успенскій соборъ въ Кирилловѣ, значительно измѣненный позднѣйшими пристройками.

Второю по времени постройки каменною церковью въ Ферапонтовѣ была теплая церковь Благовѣщенія, построенная вмѣстѣ съ каменной трапезою. Время этой постройки (1530—1534) обозначено въ надписи на плитѣ, вставленной въ стѣну направо отъ входа въ церковь ¹.

---

¹ „Лѣта 7038 начата бысть сія церковь дѣлати во имя Владычицы Богородицы честнаго Ея Благовѣщенія у святых трапезы при благовѣрномъ великому князе Василіе Ивановиче всея руси, при архіепископе ростовскомъ Кирилле и при игумене ферапонтовскомъ Ферапонте. а совершина бысть при сыне его при великому князе Иване Васильевиче всея русі. а священа бысть при архіепископе Кирилле, при игумене Ферапонте, лѣта 7048 ноября 21 на праздникъ Пресвятая Богородица честнаго ея вѣденія“. Ср. показанія лѣтописи: „въ лѣто 7043 совершина бысть въ Ферапонтовѣ монастырь трапеза и церковь кирпичная теплая. Въ лѣто 7045 (1536) мѣсяца декабря въ 3 день на память пророка Софонія освящена бысть церковь теплая благовѣщенія пресв. Богородицы въ ферапонтовѣ монастырѣ“. Ркп. И. П. Б. сб. № 1554. Неизвѣстно, чѣмъ объясняется это разногласіе надписи съ лѣтописной замѣткой.

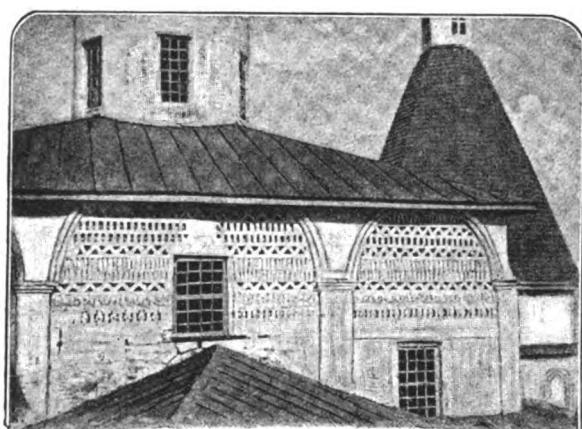
Благовѣщенская церковь построена въ видѣ прямоугольника небольшихъ размѣровъ ($1\frac{2}{3}$ саж. отъ з. къ в. и $3\frac{1}{2}$ саж. отъ с. къ ю., алтарь 2 с. и $3\frac{1}{2}$ с.). Съ запада къ ней примыкаетъ большая трапезная палата ($7\frac{1}{3}$ с. $\times$ $7\frac{1}{3}$ с.),

Соборная церковь Рождества Пр. Богородицы
(съ сѣверной стороны).

устроенная по типу древнихъ монастырскихъ трапезъ. По срединѣ большой четырехугольный столбъ поддерживаетъ своды, внизу подъ церковью находились опустѣвшія теперь хлѣбня и каменные погреба. Съ сѣверной стороны къ трапезѣ примыкали кладовая палата и келарская келья, нынѣ

уже несуществующія. Въ 1851—3 годахъ трапезная палата, долгое время остававшаяся въ запустѣніи, была обращена въ церковь, причемъ бывшая церковь образовала собою алтарь. Еще доселѣ въ бывшей трапезѣ стоять массивныя деревянныя скамы, на которыхъ обѣдали иноки. Скамы эти—старинного устройства, съ рѣзными спинками, перекидывающимися на обѣ стороны. Въ старину изъ Благовѣщенской церкви былъ устроенъ въ стѣнѣ глухой ходъ въ главу церкви. Теперь этотъ ходъ закладенъ, и проникнуть въ главу можно только съ большимъ

Орнаментъ на западной стѣнѣ соборной церкви Рождества Богородицы.

трудомъ, чрезъ небольшое отверстіе, пробитое въ стѣнѣ на чердакъ. Чрезъ это отверстіе можно попасть прежде всего въ бывшее монастырское книгохранилище, продолговатую комнату съ опустѣвшими полками на стѣнѣ. Отсюда узкимъ и темнымъ ходомъ можно со свѣчей въ рукахъ пройти въ главу церкви и осмотрѣть находящееся тамъ помѣщеніе. По всей вѣроятности, это помѣщеніе служило въ старину монастырскимъ казнохранилищемъ, куда не сразу могли проникнуть лихіе люди.

Въ настоящее время церкви Рождества и Благовѣщенія соединены между собою каменной галлереей съ окнами по обѣимъ сторонамъ. Посрединѣ я возвышается монастырская колокольня (см. рис. на стр. 67). Каменные переходы съ колокольней существово-

вали еще въ XVII вѣкѣ, но неизвѣстно, когда построены. Правда, во время постройки Благовѣщенской церкви число монастырскихъ колоколовъ увеличилось двумя, которые были пожертвованы въ монастырь Иваномъ Третьяковымъ да Димитриемъ Воронцовымъ.¹ Но каменная колокольня для нихъ, повидимому, была выстроена позднѣе. Еще въ XVII вѣкѣ надъ колокольней «въ брусовой часовнѣ» были устроены «часы боевые съ перечасьемъ», которые въ позднѣйшей описи называны «нѣмецкими». Въ настоящее время отъ нихъ остался одинъ только изломанный механизмъ.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка Ферапонтовъ монастырь пострадалъ отъ литовскаго раззоренія. Какъ извѣстно, послѣ неудачной осады Троице-Сергіевой Лавры шайки казаковъ и литовцевъ направились на сѣверъ, грабя и раззоряя все на своемъ пути. На Бѣлоозеро привлекали ихъ слухи о несмѣтныхъ сокровищахъ Кириллова монастыря, которымъ они пытались завладѣть. Но Кирилловскіе монахи во главѣ съ игуменомъ Матеемъ, горячимъ патріотомъ и умнымъ администраторомъ, дали рѣшительный отпоръ литовскимъ шайкамъ. Нѣсколько разъ воровскія шайки пытались взять монастырь. Почти пять лѣтъ Кирилловъ находился въ осадномъ положеніи, но крѣпкія стѣны спасли его отъ раззоренія². За то подверглись опустошенію беззащитныя окрестности Кириллова монастыря и между ними Ферапонтовъ монастырь. Въ декабрѣ 1614 года казацкій отрядъ, подойдя къ Кириллову изъ Устюжны, не рѣшился сдѣлать приступъ и, постоявъ двое сутокъ на Взвозѣ, ушелъ на Словинскій Волокъ и Рукину слободку. Здѣсь онъ встрѣтился съ другими шайками казаковъ и литовцевъ подъ начальствомъ атамановъ Колынскаго и Булата. Раззоривъ до основанія окрестныя села и деревни, казаки и «черкасы» свернули къ Ферапонтову, чтобы идти въ Чарондскій округъ и на Каргополь. Проходя мимо Ферапонтова, шайка грабителей остановилась въ немъ для грабежа. Но

¹ „Въ лѣто 7043 далъ Иванъ Третьяковъ колоколь въ ферапонтовъ монастырь.—Въ лѣто 7044 сплющилъ колоколь въ ферапонтовъ монастырь Дмитрий Семеновичъ Воронцовъ“ Ркп. И. П. Б. сб. № 1554 (Погод.) л. 26.

² Объ осадѣ литовцами Кириллова монастыря см. въ упом. изслѣдованіи проф. Н. К. Никольскаго „Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь“ I, 1 с. 50—60.

имъ едва ли удалось поживиться въ Ферапонтовѣ. Въ это тревожное время монахи, конечно, давно были наготовѣ и заранѣ успѣли скрыть въ надежное мѣсто наиболѣе цѣнныя вещи. Грабители унесли черный бархатный покровъ съ гробницы пр. Мартиніана, подвергли церкви поруганію, въ кельяхъ ставили лошадей, сожгли монастырскія ворота и двери въ кельяхъ и замучили до смерти многихъ окрестныхъ жителей. Вскорѣ по уходѣ казаковъ власти Кириллова монастыря послали своихъ людей на Волокъ и къ Ферапонтову, чтобы «провѣдать про казаковъ, куда онѣ пошли». Монастырскій служка Григорій Морозъ, посланный въ Ферапонтовъ, своими глазами видѣлъ слѣды хозяйственія здѣсь казаковъ и, вернувшись въ Кириловъ, такъ докладывалъ о видѣнномъ монастырскимъ властямъ и воеводѣ. «Былъ-де онѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ, и на чудотворцевой де раки былъ бархатъ чорнъ, и тотъ-де бархатъ казаки взяли, и въ церквяхъ-де ходили, и Божій-де престолы обругали по церквамъ, и ворота-де и по кельямъ двери всѣ призжены, и въ кельяхъ и въ сѣнѣхъ лошади стояли, и християнъ-де многихъ и жонокъ и дѣвокъ мучили и огнемъ жгли, и жжонныхъ хрестьянъ многихъ видѣлъ и мертвыхъ». О судьбѣ монаховъ развѣдчикъ ничего не говоритъ; вѣроятно, они заблаговременно успѣли скрыться отъ разбойниковъ. Встрѣтившійся ему ферапонтовскій мужикъ Анисимко сказалъ, что онѣ провожали казаковъ до Чарондской округи, откуда они хотѣли идти подъ Каргополь¹.

Но литовское раззореніе, нарушившее мирную жизнь обители, не остановило ея роста. Спустя 25 лѣтъ послѣ него въ Ферапонтовѣ строится новая каменная церковь во имя пр. Мартиніана, надъ мѣстомъ его погребенія, гдѣ раньше стояла гробница или часовня. Эта церковь примыкаетъ къ соборной церкви съ южной стороны и имѣеть видъ прямоугольника съ болѣшимъ выступомъ на восточной сторонѣ. Ширина ея неодинакова: 2 и $3\frac{1}{2}$, сажени, длина первоначально была около $6\frac{1}{2}$, сажень, но въ 1836—38 году церковь удлинена къ западу на $2\frac{1}{2}$, сажени. У входа вставлена въ стѣну плита съ надписью о времени построенія церкви въ 1640—41 году². Моши

¹ Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 27.

„Лѣта 7148 зачата бысть сія церковь во имя отца нашего Мартиніана при благовѣрномъ царѣ и великому князю Михаилѣ Феодоровичѣ

пр. Мартиніана покоятся подъ спудомъ у съверной стѣны церкви. Въ нишѣ этой стѣны надъ мѣстомъ его погребенія стоитъ рака, деревянная, украшенная рѣзьбой съ позолотой (см. рис. на стр. 89). На сторонахъ раки въ пяти кругахъ (пятый кругъ, находящійся на восточной сторонѣ, не виденъ зрителю) вырѣзаны вязью отрывки изъ житія пр. Мартиніана, повѣствующіе объ открытии его мощей и о двухъ чудесахъ, бывшихъ при его гробѣ: исцѣленіи старца Памвы и бѣсноватой женщины Акулины съ Суслы. Выше этихъ круговъ по верхнему краю доски вырѣзана вязью въ двѣ строки надпись о времени сооруженія раки въ 1646 году ². На верхней доскѣ раки находится древнее изображеніе пр. Мартиніана во весь ростъ. Направо отъ раки у съверныхъ дверей алтаря стоитъ небольшое надгробіе, покрытое доской безъ всякой надписи. Здѣсь погребенъ ученикъ преп. Мартиніана, упомянутый выше Іоасафъ, архіепископъ ростовскій, бывшій князь Оболенскій.

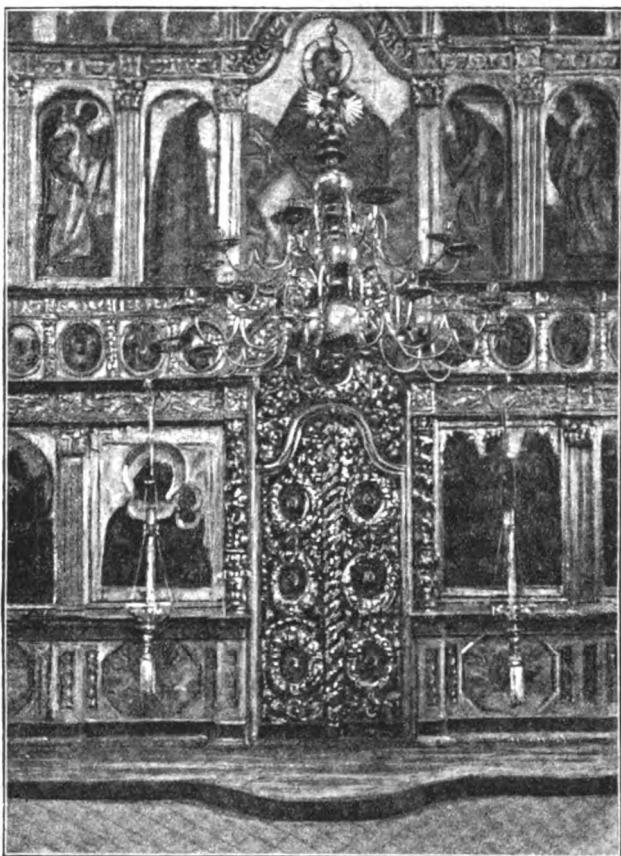
Въ половинѣ XVII вѣка въ Ферапонтовѣ были освящены еще двѣ церкви на монастырскихъ воротахъ: одна—во имя Богоявленія Господня, другая—во имя пр. Ферапонта. Изъ нихъ Богоявленская церковь замѣчательна тѣмъ, что впослѣдствії была отведена для опального патріарха Никона. Время постройки этихъ церквей неизвѣстно съ точностью, но годъ

всехъ руссіи и при благовѣрномъ цесаревичѣ великомъ князѣ Алексѣ Михайловичѣ и при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскомъ и при игуменѣ Герасимѣ и при строителѣ старцѣ Петрѣ, а совершена бысть церковь сія въ 149 году августа...⁴. Надпись эту, замазанную известью, теперь съ трудомъ можно разобрать. Ее читаль въ пятидесятыхъ годахъ А. Н. Муравьевъ. Но въ книгѣ его «Русская Фиваида на Съверѣ» дата надписи сообщена невѣрно: въ лѣто 7083 (1495, sic.), с. 885.

² «Божію милостію и пресвятыя Богородицы помощію подписана бысть рака сія преп. отца нашего Мартиніана со всею рѣзью и по-злащена въ лѣто 7154 мѣсяца марта въ 17 день, при державѣ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всехъ руссіи и при Иосифѣ патриархѣ московскомъ и всехъ руссіи, и при Варлаамѣ митрополитѣ ростовскомъ и ярославскомъ, и при игуменѣ Варламѣ Ферапонтова монастыря. На восточной сторонѣ раки находится слѣдующій неизвѣстно куда относящейся отрывокъ надписи: «...лите Кириллъ. и архіепископъ ростовскомъ Корниліе. и при игуменѣ Игнатіе тоя обители». А. Н. Муравьевъ, читавшій эту надпись, принялъ послѣднюю цифру въ датѣ за 7 и прочиталъ 7151 вместо 7154. Русская Фиваида, с. 885.

освященія ихъ извѣстенъ изъ надписей на сохранившихся отъ того времени осмиконечныхъ деревянныхъ крестахъ, какіе обыкновенно употреблялись при освященіи церквей. Согласно

Иконостасъ и царское паникатило въ соборной Рождественской церкви.

этой надписи, Богоявленская церковь была освящена въ 1649, а въ томъ же году и церковь пр. Ферапонта¹. Обѣ

¹ Надпись на крестѣ церкви Богоявленія: «Освятился олтарь сей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и водруженъ бысть крестъ сей въ церкви Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа лѣта 7157 мѣсяца августа въ 28 день при благовѣрномъ царѣ и вели-

церкви представляютъ собою одно помѣщеніе, раздѣленное аркою на двѣ половины: въ сѣверной находится церковь Богоявленія, въ южной — пр. Ферапонта; у каждой свой отдельный алтарь. Размеры обѣихъ церквей очень невелики: обѣ церкви имѣютъ въ длину отъ сѣверной стѣны до южной всего 5 сажень, а отъ иконостаса до западной стѣны $1\frac{1}{2}$ сажени. Алтари имѣютъ отъ з. къ в. не болѣе $3\frac{1}{2}$, аршинъ. Входъ въ церкви общій, съ южной стороны, по крытой деревянной лѣстницѣ. Надворотнія церкви имѣютъ два островерхія верха, которые придаютъ монастырскимъ воротамъ своеобразный видъ, напоминающій нѣсколько островерхія кровли средневѣковой готики.

Кромѣ пяти каменныхъ церквей въ Ферапонтовѣ было три каменныхъ погреба съ «сушилами». Одно изъ нихъ, «большое сушило», сохранилось доселѣ рядомъ со святыми воротами на югозападномъ углу монастыря. Въ погребахъ и сушилахъ хранились хлѣбные и другіе монастырскіе запасы. Изъ каменныхъ зданій въ XVII вѣкѣ упоминаются еще: каменная палата (повидимому, то самое помѣщеніе, которое примыкаетъ къ монастырской трапезѣ съ южной стороны), «ѣственная» каменная палата, поварня и придѣланныя къ св. воротамъ «кѣлья да сторожка каменные». Остальные зданія были деревянныя. Въ 1673 году въ монастырѣ было деревянного строенія «21 келья старыхъ и новыхъ съ сѣни и засѣниами и со всѣмъ строеніемъ». Кругомъ монастырь былъ обнесенъ деревянной оградой, которая была уничтожена пожаромъ въ 1666 году вмѣстѣ съ многими деревянными постройками. Нѣкоторыя зданія находились внѣ монастыря. Такъ за черными воротами (на сѣверъ отъ монастыря) «стояла поварня квасная и при ней служебная келья». Противъ нея находилась шваленная изба съ сѣниами и чул-

---

комъ князъ Алексѣй Михайловичъ всея Россіи и при патріархѣ Іосифѣ Московскому и всея Россіи и при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскому и ярославскому. Церковь пр. Ферапонта освящена «лѣта 7158 октября въ 9 день», т. е. почти чрезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ освященія Богоявленской церкви. Мы опять должны отмѣтить невѣрность въ показаніяхъ А. Н. Муравьевъ, по словамъ котораго Богоявленская церковь «была сооружена въ 1645 году, какъ явствуетъ изъ напрестольного креста». Русская Фиваида, с. 886.

нами: въ ней жили «мастеровые люди». Противъ св. воротъ черезъ дорогу стоялъ конюшенный дворъ съ горницей на подклѣти, при немъ конюшня, сѣнницы и амбары. Кромѣ того подъ монастыремъ находился скотный дворъ и три мельницы съ амбарами: одна вблизи монастыря, двѣ другихъ нѣсколько дальше на рѣчкѣ Паскѣ за Паскимъ озеромъ¹. Таковы были постройки монастыря въ 1673 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда въ Ферапонтовѣ жилъ патріархъ Никонъ.

Въ первое время Ферапонтовъ монастырь существовалъ отчасти, благодаря неутомимымъ трудамъ его насельниковъ, отчасти при помощи нѣкоторыхъ христолюбцевъ, посылавшихъ ему милостыни. Житіе разсказываетъ, что князь Андрей Димитревичъ, узнавъ о возникновеніи обители, взялъ ее подъ свое покровительство и далъ ей земли съ рѣками и озерами «въ питаніе обитателемъ тѣмъ». Итакъ еще при своемъ основателѣ Ферапонтовъ монастырь владѣлъ земельной собственностью. Извѣстно, между прочимъ, что пр. Кириллъ купилъ у пр. Ферапонта починокъ Мигачевскій².

Послѣ ухода пр. Ферапонта въ Можайскъ земельные владѣнія основанного имъ монастыря продолжали постепенно расширяться. Можайскіе князья, согласно обѣщанію Андрея Димитревича, не забывали Ферапонтовой обители. По словамъ житія, они «не токмо дому великія приложиша съ пашнями, но и озера многія и рѣки, и на нихъ грамоты жалованныя съ крѣпкими подписми и печатми Пречистыя ради Богородицы даже и донынѣ нами видими суть». До нась не сохранилось грамотъ, данныхъ на имя пр. Ферапонта и его первыхъ замѣстителей. Всѣ извѣстныя намъ грамоты, данныя Ферапонтову монастырю, относятся уже ко временамъ пр. Мартиніана и его преемниковъ. Житіе не даромъ приписываетъ ему заслугу расширенія и укрѣпленія обители. Первая по времени изъ этихъ грамотъ дана княземъ Иваномъ Андреевичемъ (сыномъ князя Андрея), въ 1435 году на деревню Крохинскую (на р. Шекснѣ близъ Бѣлозерска). Князь даль-

¹ Отписные книги Фер. мон. 1673 г. (рк.).

² Рус. Ист. Библ. II № 9. За деревню Мигачевскую „серебро платить отъ игумена отъ Кирилла чернецъ Денисей чернцу Ферапонту“. См. проф. Никольскій I, 1, прилож. 8, с. XLI.

эту деревню Ферапонтову монастырю «по матери своей по княгине по Огрофене»¹. Имя игумена въ этой грамотѣ не упомянуто, но въ этомъ году игуменомъ, вѣроятно, былъ уже пр. Мартиніанъ, который во всякомъ случаѣ въ это время жилъ въ Ферапонтовѣ. Другой сынъ князя Андрея, Михаилъ Андреевичъ, въ годъ своей свадьбы (около 1437 года) пожаловалъ Ферапонтову монастырю пустоши и пашни въ окрестностяхъ обители². При игуменѣ Германѣ, преемнике пр. Мартиніана, Ферапонтовъ монастырь получилъ отъ князя Михаила Андреевича лѣсъ на рѣкахъ Сусль и Шелекшѣ³.

Предъ своей смертью († 1485) князь завѣщалъ Ферапонтову монастырю «Липникъ да Марозеро» (около Бѣлаго озера)⁴. Великій князь Иванъ Ивановичъ (сынъ Ивана III?) далъ Ферапонтову монастырю село Остроконье въ замошской волости бѣлозерскаго уѣзда, а другой сынъ Ивана III Юрий Ивановичъ Дмитровскій далъ село Парамоново въ Дмитровскомъ уѣздѣ⁵. Княземъ Андреемъ Кемскимъ данъ Коневскій лугъ на р. Ковжѣ за Бѣлымъ озеромъ (въ 1568 году)⁶.

Земли жертвовались въ монастырь не только князьями, но и простыми людьми съ согласія князей. Такъ Данило Блинъ около 1444 года далъ «въ домъ Пречистой въ Мартемьяновъ монастырь свою куплю Сару Михайловское сельцо со всѣми пустошами, съ лѣсами и пожни»⁷. Конюшій в. княгини Софіи Витовтовны (матери в. к. В. В. Темнаго) Иванъ Юрьевичъ

¹ Акты юрид. № 5.

² „Святна дѣла Богородицы, се яѣтъ князь Михайлъ Ондреевичъ пожаловалъ есми игумена Мартемьяна съ братью Ферапонтовой пустыни, на Ципинѣ Онтушовская пустошь, да Ееимьевская пустошь, да Федкова пустошь Горнѧя; да на Бородавѣ Волкова пустошь, да Захаровская пустошь, да Кнышевская пустошь, да въ Зазерницахъ Гридинская пустошь, Да выдковская пустошь, да Зиновова пустошь, да Пиласова пустошь, да Гриди Чернаго пустошь да Уломскія пожни, да и что къ тѣмъ пустошемъ потягло“... „А дана грамота того лѣта коли государь князь Михайлъ Ондреевичъ женился“. А. А. Э., I, № 31.

³ Акты юрид. № 5.

⁴ Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, I. № 121, 122.

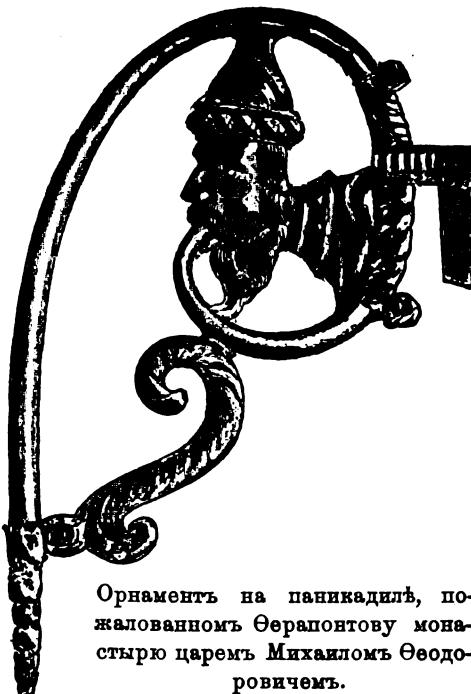
⁵ Кормовая книга Ферапонтова монастыря, рк. л. 6 об. и 25 об.

⁶ Акты юрид. № 116.

⁷ Акты юрид. № 3.

«далъ игумену Мартемьяну съ братьемъ свои земли въ Янгосарѣ (въ вологодскомъ уѣздѣ) и съ лѣсы и съ пожнями и съ селищи... по своей души». Эта даръ конюшаго былъ подтверждены въ княгиней въ грамотѣ отъ 4 августа 1448 года¹. Въ 1484 году вотчинникъ Григорій Перхушковъ далъ «въ Мартемьянову пустынь по своемъ роду и по своей души въ Востромъ концѣ деревни и пустыя селищи»². Вологжанинъ Семенъ Клепало далъ монастырю
пожно Клепалицу на р.
Сухонѣ въ 1518 году³.

Кромѣ земель, получаемыхъ въ даръ, монастырь пріобрѣталъ нѣкоторыя земли покупкою. Въ 1438 году кн. Михаилъ Андреевичъ разрѣшилъ пр. Мартиніану купить у Тупика пустоши въ Сороярѣ⁴. Прѣемникъ Мартиніана игуменъ Германъ въ 1450 году купилъ «земли на Короткой рѣчкѣ у архимандриита Касьяна общаго монастыря можайскаго»⁵. Въ XVI вѣкѣ Оерапонтову, принадлежали, кроме упомянутыхъ земель, еще многія села и де-

Орнаментъ на паникаилѣ, по-
жалованномъ Оерапонтову мона-
стырю царемъ Михаиломъ Феодо-
ровичемъ.

¹ А. А. Э. № 41.

² Акты юрид. № 122.

³ Кормовая книга, л. 11 об. Перечень монастырскихъ грамотъ въ отписныхъ книгахъ 1690 года, рк.

⁴ А. А. Э., I, № 86.

⁵ Тамъ же № 44. Куплены были: „Енкинская пустошь, Мелеховская пустошь, на Кишемскомъ островѣ Осташовская п., на Уломскомъ озерѣ островъ, что къ тѣмъ землямъ и пустошамъ потягло изъ старины, лѣсы и пожни, Водышское озеро, Кишемское озеро, Палшемьское озеро, Кониньское озеро, на Уломѣ рѣцѣ 4 наволочки и кудѣ топоръ ходить и коса и соха ходила“.

ревни¹. Нѣкоторыя вотчины Ферапонтова монастыря находились въ дальнихъ уѣздахъ: дмитровскомъ, (села: Парамоново, Аксеново), костромскомъ (Ефимово, Квасино, Сычево) и галицкомъ (Молевъ починокъ), какъ видно изъ описи монастырскихъ грамотъ.

Появленіе Ферапонтова монастыря въ глухомъ Бѣлозерскомъ краю имѣло большое значеніе для оживленія этой дикой мѣстности. Это значеніе хорошо понимали древніе князья. Желая содѣйствовать монастырю въ колонизаціи края, они предоставляли ему право перезывать на свои земли крестьянъ изъ другихъ вотчинъ, за исключеніемъ своихъ княжескихъ. Селившимся на монастырскихъ земляхъ давалась свобода отъ податей на 10 или 20 лѣтъ, а также свобода отъ суда княжескихъ волостелей съ подчиненіемъ игуменскому суду во всѣхъ дѣлахъ, «опричь душегубства»². Занимая земли «кудѣ топоръ и коса и соха ходили», монахи являлись распространителями культуры въ этомъ дикомъ краю. Князь Михаилъ Андреевичъ разрѣшилъ игумену Мартемьяну съ братией чистить болото противъ монастырского села Крохина³. Въ монастырскихъ вотчинахъ населеніе увеличивается, въ селахъ одна за другою ставятся церкви для крестьянъ. Въ 30-хъ годахъ XVI вѣка извѣстны уже шесть церквей, поставленныхъ въ монастырскихъ вотчинахъ, кромѣ Бородавской, построенной еще въ XV в.⁴.

Въ началѣ XVII в. въ восьми волостяхъ бѣлозерскаго уѣзда Ферапонтову монастырю принадлежали «два погоста, да

¹ Такъ Ферапонтову принадлежали, между прочимъ: „деревни на Словинскомъ Волочку, на Кленовѣ, на Чеберомъ озеркѣ и на Бородавѣ, да въ Надпорожскомъ стану въ Карголомѣ и въ Озаткахъ и въ Лозѣ село Лукьянское Козохта съ деревнями да въ Пунемѣ Вожга“. Отрывокъ изъ пересказа грамоты (7047 г.?) на монастырскія вотчины въ бумагахъ Ферапонтова монастыря.

² А. А. Э., I, 31, 36, 41, 47; Акты юрид. № 5.

³ Акты юрид. № 5.

⁴ Въ 1533 году архіепископъ ростовскій Кириллъ освободилъ отъ даніи слѣдующія шесть церквей, стоявшія на монастырской землѣ: „церковь Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа въ Козотѣхъ, да церковь св. чудотворецъ Никола на Кленовѣ, да св. пророкъ Илія на Ципинѣ, да Петръ святой на рѣцѣ на Сустѣ на пустынѣ, да Петръ же святой на Сидкѣ, да церковь Зачатія Пр. Богородицы въ Раменейцѣ, въ Бѣлозерской десятинѣ“. А. А. Э., I, 176.

4 села, да 2 сельца, да 52 деревни живущихъ, да 3 деревни пустыхъ¹. Крестьяне платили оброкъ монастырю хлѣбомъ и деньгами. Для собиранія оброка и завѣдыванія хозяйствомъ въ монастырскихъ селахъ жили посельские старцы и цѣловальники.

При обилии озеръ и рѣкъ въ Бѣлозерской области большое значение въ хозяйствѣ монастыря имѣли рыбная ловли. Еще во времена пр. Мартиніана кн. Михаиль Андреевичъ позволилъ монастырскимъ ловцамъ безпошлино ловить рыбу «на Бѣлѣзорѣ и на Прутищѣ на Осиновомъ и въ Шекснѣ», где монастырю принадлежали участки въ «ѣзахъ» (тоняхъ), и торговатъ сущемъ и рыбью въ Бѣлозерѣ и во всей княжеской вотчинѣ². На самомъ Бѣлѣзорѣ Ферапонтову принадлежали двѣ тони, а на Шекснѣ ему изстари принадлежала тоня въ устьяхъ Шексны отъ рѣки Бородавы до рѣки Чайки³. Бородавское озеро, на берегу которого стояль Ферапонтовъ, также принадлежало ему, впрочемъ не все цѣликомъ: четвертая часть его, какъ известно изъ писцовыхъ книгъ XVI в., принадлежала государю⁴. Изъ другихъ озеръ Ферапонтову принадлежали: Сороярское озеро, которымъ онъ владѣлъ со-

¹ „Выпись съ вологодскихъ писцовыхъ книгъ 7186—7188 г., отрывокъ въ бумагахъ упразд. Ферапонтова монастыря.

² Акты юрид. № 5.

³ Указъ Бѣлозерской провинціальной канцелярии отъ 13 марта 1744 года (рк. въ бумагахъ монастыра). Шексна издавна славилась своими стерлядями („шекснинска стерлядь“ упоминается и въ стихахъ Державина), но теперь онѣ становятся въ ней рѣдкостью. Въ XVII вѣкѣ ферапонтовскіе крестьяне села Крохина вмѣстѣ съ другими крестьянами Каргулиной слободы и Великоселья брали на оброкъ „заповѣдныя воды государевы“ (царскія тони) на Шекснѣ. Въ теченіи года они должны были доставить на царскій рыбный дворъ въ Бѣлозерскѣ 228 живыхъ стерляди длиной по $\frac{3}{4}$ аршина „отъ глаза до хвостового послѣдняго пера“. Стерляди менѣше этой мѣры отдавались 3 за 2 и 2 за 1. За стерлядей, доставляемыхъ сверхъ оброчного числа, государевъ рыбный дворъ платилъ: за стерлядь въ аршинъ длиною — 10 денегъ, за $\frac{3}{4}$ аршина — 8 д., за $\frac{1}{2}$ арш. — 3 деньги. Малыя стерляди по царскому указу велено было опускать назадъ въ воду „впредь для плода“. Дополн. къ акт. ист. т. VI, № 74. Въ настоящее время большія стерляди въ Шекснѣ попадаются очень рѣдко.

⁴ „четыре того озера царя и великаго князя... а $\frac{1}{4}$ Ферапонтова монастыря“. Писцовые книги, изд. Рус. Геогр. Общ. Ч. I, отд. 2. Спб. 1877. Бѣлозерскій уѣздъ 411—417.

обща съ Кирилловымъ монастыремъ¹, озера Водышское, Кипческое, Палшемское, Конинское и др. Изъ приходорасходныхъ книгъ ѿерапонтовскихъ XVII вѣка видно, что у монастыря были особые ловцы-крестьяне, для которыхъ постоянно покупались рыболовныя принадлежности.

Не лишены интереса въ бытовомъ отношеніи споры, въ которые ѿерапонтовъ монастырь не разъ вступалъ съ сосѣдями изъ-за своихъ земельныхъ владѣній. Первый известный намъ споръ былъ съ Кирилловымъ монастыремъ при игуменахъ кирилловскомъ Касьянѣ и ѿерапонтовскомъ Германѣ около 1450 года. Споръ возникъ обѣ озерѣ Уломскомъ. Здѣсь на островѣ кирилловскіе монахи построили «пять хоромъ». Игуменъ ѿерапонтовскій Германъ велѣлъ тѣхъ хоромы изломать и бросить въ воду. Однако кн. Михаилъ Андреевичъ, «обыскавъ того по старинѣ, какъ было при отцѣ его Андрѣѣ Дмитріевичѣ», рѣшилъ споръ въ пользу Кириллова монастыря, обязавъ игумена Германа построить вновь разрушенныя имъ хоромы на томъ же самомъ мѣстѣ². Это былъ не единственный случай спора между двумя сосѣдними обителями, судя по тому, что князь Михаилъ Андреевичъ велѣлъ Аѳанасію Внукову отвести земли Кириллова монастыря отъ ѿерапонтовскихъ подлѣ озера Сороярского и рѣчки Илосы, чѣмъ и было сдѣлано въ присутствіи старцевъ, представителей обоихъ монастырей³.

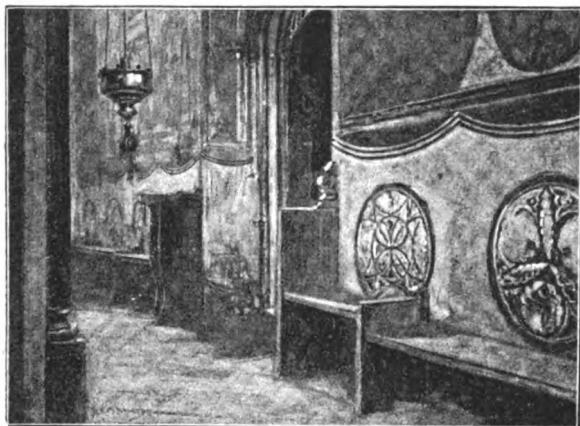
Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка у ѿерапонтова монастыря возникло нѣсколько земельныхъ споровъ съ сосѣдними крестьянами. Споры эти не всегда оканчивались въ пользу иноковъ. Такъ при князѣ Иванѣ Васильевичѣ III ѿерапонтовскій старецъ Кириллъ судился съ крестьянами южской волости изъ за пустошней на рѣкахъ Югѣ и Сарѣ, данныхыхъ монастырю Даниломъ Блиномъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Хотя старецъ Кириллъ представилъ судьямъ самого вкладчика, Данилу Блина, и его грамоты: купчую и вкладную вмѣстѣ съ грамотой князя Михаила Андреевича, но судьи указали на несоблюденіе въ грамотахъ нѣкоторыхъ формальностей (отсут-

¹ Рус. Ист. Библ., II, № 25.

² Д. Мейчикъ. Грамоты XV и XVI вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи. 1883. М. Прилож. стр. 100.

³ Русск. Ист. Б., II, № 25.

ствіе княжеской печати, а также подписей дьяка и послуховъ) и рѣшили дѣло въ пользу крестьянъ¹. Такъ же не въ пользу монастыря окончилась тяжба его съ крестьянами Словинскаго Волока о разчищеннемъ лѣсъ на р. Суслѣ. Она тянулась нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока наконецъ по слову в. к. Ивана Васильевича писецъ Василій Наумовъ «крестьянъ оправдалъ, а еерапонтовскаго старца Феогнаста Батмана обвинилъ². Около 1490 года писцы вел. князя приписали къ Бѣлозерску принадлежавшее Еерапонтову монастырю село Крохино, оста-

Мѣста келаря и казначея въ соборной церкви.

вивъ старцамъ только мѣсто подъ дворъ въ 30 сажень. Но на этотъ разъ еерапонтовскому старцу Евстратію удалось отстоять права монастыря послѣ предъявленія трехъ княжескихъ жалованныхъ грамотъ и послѣ долгихъ препирательствъ³. Эти тяжебныя дѣла, съ протокольной подробностью изложенные въ дошедшихъ до насъ судныхъ и правыхъ грамотахъ, наглядно воспроизводятъ картину земельныхъ споровъ въ древней Руси. Какъ видно, суды относились съ большой осторожностью къ грамотамъ, предъявляемымъ тяжущимися сторонами. Важное значеніе имѣлъ тогда голосъ свидѣтелей старожиловъ. Въ дѣлѣ о Крохинской деревнѣ судьи, не доволь-

¹ Акты юрид. № 3.

² Тамъ же, № 11.

³ Акты юрид. № 5.

ствуясь предъявленными монастырем грамотами, призвали старожиловъ Гриду Лимонова 90 лѣтъ да Іова Терехова 70 лѣтъ, которые и рассказали имъ исторію Крохинской деревни по своей памяти. Иногда свидѣтели старожилы давали противорѣчивыя показанія, чѣмъ ставили судей въ затруднительное положеніе. Въ спорномъ дѣлѣ Ферапонтова монастыря съ Есюнинскими крестьянами о сусельскихъ земляхъ (въ 1530 году) свидѣтели старожилы Ферапонтовскіе и есюнинскіе взаимно упрекали другъ друга во лжи. Обѣ стороны выражали готовность рѣшить дѣло судомъ Божиимъ, нѣсколько разъ заявляя судье: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божью правду, цѣлуемъ крестъ да лѣзмъ на поле битися». Дѣло это докладывалось потомъ у великаго князя и кончилось тѣмъ, что судья Федоръ Гнѣвашевъ приказалъ ферапонтовскимъ старожиламъ съ иконой въ рукахъ обойти по спорнымъ межамъ и по ихъ указанію отвелъ монастырскія земли отъ крестьянскихъ¹.

Насколько нетвердо были установлены границы монастырскихъ владѣній даже въ половинѣ XVI вѣка, можно видѣть изъ того, что въ 1546 году ферапонтовскій игуменъ Гурій былъ челомъ в. князю Ивану Васильевичу Грозному на крестьянъ Словинского Волочка и волостей Цыпинской и Иткольской, присвоившихъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ монастырскіе починки и деревни. По этой жалобѣ Грозный поручилъ Третьяку Гнѣвашеву вмѣстѣ съ судью, котораго выбрали отъ себя крестьяне, юхать на спорные земли и тамъ въ присутствіи старостъ, цѣловальниковъ и тutoшнихъ старожильцовъ обыскать, «чья то земля и лѣсъ и пожни и починки и деревни изстари» и по этому обыску учинить межи и положить грани². Въ началѣ XVII в. владѣнія монастыря были вновь описаны въ бѣлозерскихъ и вологодскихъ писцовыхъ книгахъ, выписи изъ которыхъ хранились въ монастырской казнѣ. Тѣмъ не менѣе споры о земляхъ продолжали возникать до конца XVII в.³.

Русскіе монастыри въ старину пользовались разными льготами отъ князей. Много льготъ получилъ въ свое время отъ рус-

¹ Тамъ же, № 154.

² А. А. Э., I, 209.

³ Опись монастырскихъ грамотъ въ отписныхъ книгахъ 1690 года (рк.).

скихъ князей и государей и Ферапонтовъ монастырь. Мы уже упоминали выше объ освобождении монастырскихъ крестьянъ отъ податей и мірского суда. Эти льготы подтверждены были потомъ грамотами Иоанна Грознаго (1541 и 1584 г.) и Михаила Феодоровича (1624)¹. Монастырские люди не свободны были только «отъ ямскихъ денегъ, стрелецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городового и острожного дѣла». Извѣстны и другія льготы, содѣйствовавшія экономическому благосостоянію монастыря. Верстахъ въ 10 отъ Ферапонтова находился Словинскій Волокъ—древнійшій торговый путь между Шексной и системой Кубенскаго озера къ Бѣломорскому побережью. Князь Михаилъ Андреевичъ при кирилловскомъ игуменѣ Касьяне² (1448—1469) «пожаловалъ» Кирилловъ и Ферапонтовъ монастыри: «велѣлъ имъ треть волочити а два жеребя велѣль... волочити волочаниномъ волостнымъ людямъ и слугамъ и чернымъ³. При жизни пр. Мартиніана монастырю было разрѣшено торговать безпошлино рыбой и сущемъ (сушеные снѣтки) по всей княжеской вотчинѣ³. Въ той же грамотѣ онъ освободилъ монастырь отъ рыбнаго оброку при ловлѣ рыбы на Бѣлоозерѣ и Шекснѣ («ибо имъ не надобѣ рыбное, ни ночь княжа»). При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ монастырю дано было право провозить безпошлино запасы, покупаемые въ разныхъ городахъ. Такъ въ грамотѣ 1539 года разрѣшено было монастырю купить въ Каргополѣ соли «десятьдесять» пудовъ, да въ другихъ городахъ, Москвѣ, Бѣлозерскѣ или Вологдѣ, разрѣшалось покупать одинъ разъ въ годъ на монастырскій обиходъ 200 пудовъ меду, да 1000 четъ ржи да 1000 четъ овса да на 50 рублей рыбы и масла. При провозѣ этихъ товаровъ въ монастырь намѣстникамъ и таможникамъ не велѣно было «тамги имати и вѣсчего и подряднаго и гостиаго и мостоваго и перевознаго и побережнаго и амбарнаго и перцу и привозу и отвозу и иныхъ никоторыхъ пошлинъ». Крестьяне монастырскихъ вотчинъ освобождены были отъ обязанности давать подводы боярамъ, дьякамъ и служилымъ людямъ. Всѣ

¹ Тамъ же.

² См. Никольскій, I, 1, с. 17, пр. 2.

³ Акты юрид. № 5. Но въ таможенной бѣлозер. грамотѣ 1497 года это право было уже ограничено: Ферапонтову позволено было торговать только въ Бѣлозерскѣ, а „за озеро ѿздити не велѣно“. А. Э., I, 184.

эти льготы подтверждены были грамотой Михаила Феодоровича въ 1624 году¹.

Многочисленность извѣстныхъ намъ княжескихъ и царскихъ грамотъ, жалованныхъ Ферапонтову монастырю, показываетъ, что эта скромная обитель не была забыта древними князьями и государями². Нѣкоторые изъ нихъ упоминали о Ферапонтовѣ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, оставляя ему вклады на поминъ души. Такъ Михаилъ Андреевичъ, бывшій покровителемъ монастыря при своей жизни, завѣщалъ ему въ своей духовной грамотѣ «на поминокъ по своемъ роду и по своей души Липникъ да Марозеро». Но если великій князь Иванъ Васильевичъ, которому послѣ его смерти будетъ принадлежать Бѣлозеро, захочетъ оставить эти села у себя, то онъ долженъ уплатить монастырю «50 рублевъ». Кромѣ того въ этомъ завѣщаніи мы находимъ любопытное упоминаніе о долгѣ князя монастырю въ размѣрѣ 2 рублей, которые занялъ на соль княжескій человѣкъ Микитка³. Племянникъ великаго князя кн. Иванъ Борисовичъ Волоцкой въ своей духовной грамотѣ занѣщалъ по себѣ и по своей матери въ Мартемьянъ-новъ монастырь 10 рублевъ да кожухъ бархать на соболехъ шить золотомъ да серебромъ»⁴. Несчастный внукъ великаго князя—Димитрій-Ивановичъ, печально кончившій дни свои въ тюрьмѣ (1509), просилъ въ своемъ завѣщаніи послать

¹ Содержаніе этихъ обѣихъ грамотъ, Ивана Грознаго и Михаила Феодоровича (на сколько намъ извѣстно, нигдѣ не напечатанныхъ), паложено въ отрывкѣ рукописи XVII в., любезно предоставленной въ наше пользованіе досточтимымъ настоятелемъ церкви упраздненнаго Ферапонтова монастыря о. П. А. Разумовскимъ вмѣстѣ съ другими документами — остатками монастырскаго архива.

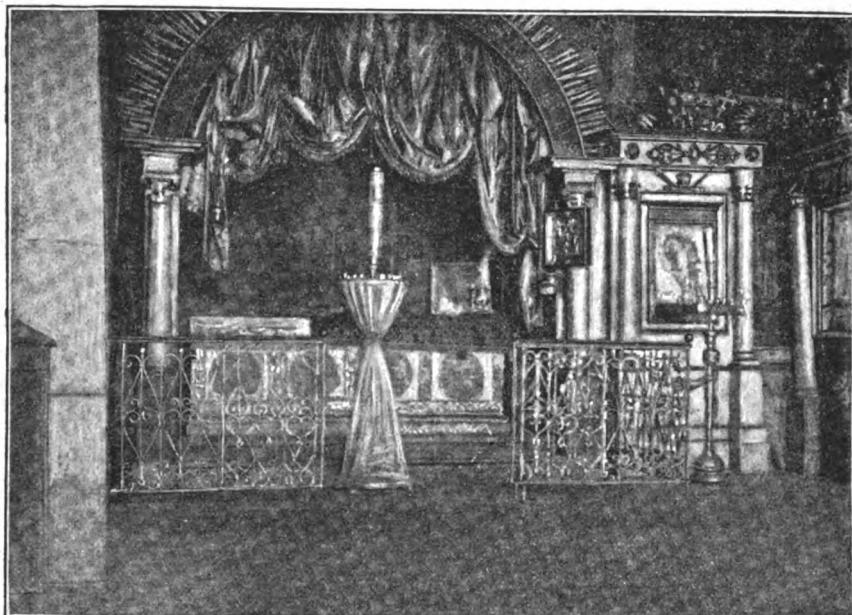
² Въ перечѣ грамотъ, хранившихся въ монастырской казнѣ, упоминаются грамоты слѣдующихъ князей: Михаила Андреевича (1), Ивана Васильевича Грознаго (11), Феодора Ивановича (1), Владимира Андреевича (1), Михаила Феодоровича (6), Алексѣя Михайловича (1), Феодора Алексѣевича (1), царевичей Иоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи (2). Отписная книга Ф. м. 1690 г. Хотя этотъ перечень далеко не полонъ и не заключаетъ въ себѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ печати грамотъ, но за то въ немъ упоминаются и такія грамоты, которыхъ, по видимому, досель нигдѣ не были изданы.

³ Собр. госуд. грамотъ, I, № 121, 122.

⁴ Собр. госуд. грамотъ, I, № 132.

милостыню въ поминъ своей души, между прочимъ, и въ Ферапонтовъ монастырь¹.

Нѣкоторые князья сами пріѣзжали въ монастырь на богослужение. Выше уже было сказано о посвященіи монастыря кн. Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ въ игуменство пр. Мартиніана. Въ 1528 году въ декабрѣ Ферапонтовъ монастырь посвященъ былъ в. княземъ Василіемъ Ивановичемъ, который вмѣстѣ съ супругой Еленой ѿздилъ тогда на богослужение въ

Рака пр. Мартиніана.

Вологду и Кирилловъ монастырь, чтобы испросить себѣ давно желанного наслѣдника². Вскорѣ послѣ этой поѣздки родился у нихъ сынъ Иванъ (25 августа 1529 года). Приписывая рожденіе его молитвамъ чудотворца Кирилла, обрадованный

¹ Тамъ же, № 147.

² «Въ лѣто 7037 декабря ѿздилъ князь великий Василій Ивановичъ цесаря Руси съ в. княгинею съ Еленою по монастырямъ молитися и быть на Вологдѣ, въ Кирилловѣ, Ферапонтовѣ и, назадъ ѿдучи, быть въ Ярославлѣ». П. С. Р. Л., VI, с. 265.

отечь велѣль поставить въ Кирилловѣ двѣ церкви по этому случаю. Впослѣдствіи самъ Иванъ Васильевичъ Грозный піталъ особую любовь къ Кириллову монастырю. Онъ былъ въ Кирилловѣ три раза, осыпалъ его щедрыми приношеніями и даже высказывалъ желаніе постричься въ немъ, приказавъ построить для себя особыя кельи.

Благодаря отчасти своему сосѣдству съ Кирилловымъ монастыремъ, Ферапонтова обитель также пользовалась милостию вниманіемъ къ ней грознаго царя. Преданіе о предсказаніи ферапонтовскимъ старцемъ Галактіономъ покоренія Казани, записанное въ Степенную книгу, конечно, было извѣстно Грозному и могло содѣйствовать расположению его къ Ферапонтову монастырю. Иванъ Васильевичъ посѣтилъ Ферапонтовъ монастырь два раза въ 1547 и 1553 году. Въ послѣдний разъ онъ пріѣхалъ въ Кирилловъ съ супругою Анастасіею, сыномъ Димитріемъ и братомъ Юріемъ. Оставивъ ихъ въ Кирилловѣ, онъ одинъ поѣхалъ оттуда въ Ферапонтовъ.

Большая часть грамоты, жалованныхъ Ферапонтову монастырю и хранившихся въ монастырской казнѣ, принадлежитъ Ивану Грозному. Достойны вниманія его щедрыя жертвы монастырю. Въ поминъ царицы Анастасіи († 1560) онъ послалъ «сто рублей да по иноке Александрѣ сто рублей, въ поминъ царевича Ивана 600 рублей, да по Иванѣ и Игнатѣ и по семидесяти человѣкамъ опальныхъ побиенныхъ крестъ золотой, да рѣзную икону Успѣнія, обложенную золотомъ съ каменьями, да шубу во сто рублей, да звѣзу золоченую, да (по убітомъ имъ) сынѣ по царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ († 1582) спорокъ съ шубы венеціанскаго бархату съ петлями золотыми, да бархату лубскаго, да сани съ хомутомъ съ песцовыми хвостами и полсть и барсовой тюфякъ да по сыне жъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ ожерелье, терликъ¹, седло бархатное съ камкою и 14 рублей; да 200 рублей да платья парчевые да посуды да матеріи да ковшей золотыхъ 2 да чарокъ 5, да еще двѣ тысячи рублей, да платья шелковаго да сукна два постава»². Ни прежде, ни послѣ Ферапонтовъ монастырь не имѣлъ такого щедраго жертвователя.

¹ Одежда, похожая на узкій каftанъ. См. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей. 1896, с. 145.

² Опись царскихъ и другихъ вкладовъ въ Ферапонтовъ монастырь. „Новг. губ. вѣд.“ 1852 г., № 21.

Благоволили къ Ферапонтову монастырю и лица изъ царского дома Романовыхъ. Отецъ царя «великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ всеа Руси далъ 50 рублевъ да общую минею, инока царица Мареа Ивановна 50 рублевъ да она же дала по инокѣ царицѣ Марее Федоровнѣ 50 рублевъ, да на церкву тридцать рублевъ, за царевну, за Ирину Михайловну». Самъ Михаиль Федоровичъ далъ «въ поминъ матери своей царицы иноки Мареы сто рублевъ да (упомянутое выше) паникадило (мѣд)ное ¹.

Много пожертвованій монастырь получалъ отъ князей и бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ жертвовали по нѣсколько разъ. Напр. боярыня Анна Васильчикова дала 50 рублевъ, а монастырь кормити, да она же дала заздравные 8 рублевъ 30 алтынъ 2 деньги, да она же дала милостыни 14 рублевъ, да она же 14 рублевъ, кн. Владиміръ Ивановичъ Воротынской далъ 60 рублевъ, да еще 15 рублевъ ². Всѣ пожертвованія записывались въ вкладную книгу ³.

Давая въ монастырь вклады на поминъ души своей и своихъ родныхъ, жертвователи часто завѣщали по себѣ «кормъ кормити» т. е. ставить въ монастырѣ поминальную трапезу

¹ Тамъ же. Вкладъ Михаила Федоровича внесенъ въ приходо-расходную книгу 7139 (1631) года подъ 80 августа (рк.). Въ той же книѣ подъ 16 июня записано: „дано въ почесть трубнику поснику Шеметову, которой приѣжалъ зъ государевою грамотою, за образъ и за сосуды полтина“.

² Тамъ же.

³ Изъ описания церкви упраздненного Ферапонтова монастыря, составленного священникомъ о. Арсеніемъ Разумовскимъ въ 1856 году, видно, что еще тогда хранилась при церкви книга вкладовъ — рукопись безъ начала и конца, писанная скорописью на сѣрой бумагѣ въ четверку и имѣвшая 76 листовъ. Она начиналась 7042 (1584) и оканчивалась 1650 (?) годомъ. Въ ней записаны были вклады весьма многихъ известныхъ въ древности лицъ. По словамъ о. Арсения, „адѣсь встречаются имена и роды: Патріарха Никона, патріарха Адріана, митрополитовъ сибирскихъ и ростовскихъ, архіепископовъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, епископовъ новгородскихъ и князей: Старицкихъ, Кубенскихъ, Ушатыхъ, Лыковыхъ, Бѣльскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ, Глинскихъ, Щеняцевыхъ, Черкасскихъ, Палецкихъ, Кемскихъ, Одоевскихъ, также Годуновыхъ, Юрьевыхъ, Нарышкиныхъ, Морозовыхъ, Шереметевыхъ, Третьяковыхъ, Собакиныхъ, Безобразовыхъ, Лыковыхъ, Стрешневыхъ и др. со вкладами о поминовеніи весьма, значительными по тогдашнему времени“.

въ дни поминовенія. Такъ въ 1477 году в. княгиня Марія Ярославовна завѣщала въ теченіи 15 лѣтъ устраивать «кормлю» разъ въ годъ, 1 мая, по старцѣ Пафнутии Боровскому и по своемъ супругѣ в. к. Василію Васильевичу Темному, для чего Ферапонтову монастырю назначалась милостыня 3 рубля въ годъ ¹. Сохранилась доселѣ «кормовая книга» въ которой записано, когда и по комъ слѣдовало «кормъ кормити». На ряду съ именами царей, патріарховъ, епископовъ, князей и бояръ мы видимъ здѣсь имена простыхъ смертныхъ, оставлявшихъ свои вклады въ монастырь ².

Заказывать «кормы» могли только лица, болѣе или менѣе состоятельный. Небогатые люди ограничивались записью своихъ имень въ монастырскій синодикъ на вѣчное поминовеніе. Въ XVII в. за внесеніе одного имени въ «подстѣнной» синодикъ платили 3 алтына 2 деньги. «Литейной» синодикъ стоилъ дороже: тамъ за одно имя платили полтину ³. Въ синодикѣ ферапонтовскомъ, который доселѣ хранится въ церкви бывшаго монастыря, записаны роды патріарховъ, в. князей, царей, архіереевъ, игуменовъ обители и ея иноковъ, а также князей, бояръ и дворянъ московскихъ, монаховъ и простыхъ людей. Сюда же «по приговору» царя Ивана Васильевича Грознаго внесены имена его жертвъ: въ одномъ мѣстѣ ихъ записано 70, въ другомъ ихъ списокъ занимаетъ 4¹/₂, листа. По указу царя Алексея Михайловича въ синодикъ внесены имена казаковъ, убитыхъ подъ Азовомъ ⁴.

¹ Дополн. къ акт. ист. I, № 210.

² Напримеръ: „кормъ кормити по Алексію Маркове сыне Казакове а вкладу его пятнадцать рублей,—по Мисайлъ по Сукинѣ,—по Суворе Коаловѣ,—по Іоаннѣ по роспопѣ ухтузскія волости и т. п.

³ Приходорасх. кн. Фер. мон. 1673 г. (рк.)

⁴ Синодикъ этотъ писанъ въ листъ уставомъ рукою „раба Божія Емеліана“, который началъ переписывать его въ 7149 (1641) году. Заголовки писаны киноварью. Нѣкоторыя имена сопровождаются обозначеніемъ проозвища (попъ Ворыхайло, роспопа Девятый, Іона Бурко, Кондратій Дуракъ, черный дьяконъ Антоній по реклому Ерикало, старецъ Александръ Тетера, Іона Брюшина, Іовъ Лобанъ), рода занятій (баранникъ, красильникъ, солодянникъ, шапочникъ) и даже рода смерти (зяблой, сожженой). Въ нѣсколькихъ случаяхъ обозначены и самые вклады (попъ Неміръ съ Вологды далъ 22 рубля, Симеонъ Клепало—пожно Клепалицу).

Въ общемъ пожертвованія въ монастырь достигали весьма значительной суммы, если принять въ соображеніе, что рубль въ старину стоилъ въ 10—16 и болѣе разъ дороже нынѣшняго. При небольшомъ размѣрѣ монастырскихъ вотчинъ денежные вклады и приношенія служили главнымъ источникомъ благосостоянія монастыря въ XVI вѣкѣ.

По внутреннему своему устройству и управлению Ферапонтовъ монастырь, насколько можно судить по приходо-расходнымъ книгамъ и другимъ документамъ XVII вѣка, напоминалъ собою порядки большаго Кириллова монастыря. Такъ же, какъ въ Кирилловѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь особое должностное лицо — строителя, который былъ въ монастырѣ вторымъ лицомъ послѣ игумена и завѣдывалъ всею хозяйственной стороной въ жизни монастыря¹. Кроме игумена и строителя въ ряду должностныхъ лицъ Ферапонтова монастыря упоминается: келарь, казначей, житникъ, конюшій, старецъ, подклерникъ, чашникъ. Въ селахъ жили посельскіе старцы, завѣдывавшіе хозяйствомъ и сборомъ оброка съ крестьянъ. Монастырскими мельницами завѣдывали также особые старцы, ежемѣсячно сдававшіе казначею «помольныя» деньги.

Клиросныя должности — головщика, канонархиста, псаломщика, дьячка — въ XVII вѣкѣ исполнялись лицами, иногда не принадлежавшими къ числу братіи, за жалованье, платившееся имъ каждый мѣсяцъ². Служащіе священникъ и дьяконъ также были на жалованьѣ³. Въ 1673 году въ монастырѣ были:

¹ О порядкахъ управления монастырскимъ хозяйствомъ въ Кирилловѣ, см. этюдъ Н. П. Успенскаго: „О большихъ строителяхъ Кириллобѣлозерскаго монастыря“. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древностей. М. 1896. Изъ всѣхъ монастырей бѣлозерскаго края должность строителя была только въ Кирилловѣ и Ферапонтовѣ, с. 43.

² Вотъ напр. роспись жалованья имъ въ 1680 году: „Ноября въ 2 день дано крылошанамъ і дьякомъ зажилово за прошлый мѣсяцъ октябрь: Аѳанасію головщику гривна, канархисту дьякону Серапіону гривна, псаломщику Ерему Рожѣ два алтына, дьячку Ивану иконнику два алтына двѣ деньги, канархисту Ондрющѣ два алтына двѣ деньги, Трошѣ да Зинкѣ по два алтына, Ивашку десять денегъ“. Расходная книга Фер. мон. 7189 года (рк.).

³ Дьякону Аѳанасію за то, что онъ многолѣтіе кликалъ на Рождество и Крещеніе, платили за каждое многолѣтіе въ 1627 году по 3 алт. 2 деньги, а въ 1680 году по гривнѣ. Служащій попъ Діонисій въ 1673 году получалъ въ мѣсяцъ 13 алт. 2 деньги.

«келарь, казначей, житникъ, конюшій, два священника, братіі 38 братовъ, служекъ 18 человѣкъ, служебниковъ 61 человѣкъ». Вотчинныхъ крестьянъ и бобылей числилось 383 человѣка¹.

Въ экономическомъ отношеніи XVII вѣкъ былъ періодомъ упадка и раззоренія въ исторіи Ферапонтова монастыря. Это отчасти зависѣло отъ общихъ тяжелыхъ условій того времени. «Лихолѣтіе», оставившее продолжительные слѣды въ видѣ всеобщаго раззоренія и оскудѣнія московскаго государства, печально отразилось и на благосостояніи Ферапонтовой обители. Монастырскія вотчины были разорены воровскими шайками, много крестьянъ убито и замучено. Въ писцовыхъ книгахъ 1628—30 годовъ можно видѣть слѣды литовскаго разоренія при упоминаніи о пустыхъ деревняхъ и дворахъ².

Постоянныи войны московскаго правительства, вызывавшія новые налоги и повинности, въ конецъ истощили и безъ того обѣднѣвшее населеніе. Монастырская казна уже не пополнялась вкладами въ такомъ обиліи, какъ это было въ XVI вѣкѣ. Мало того, самъ монастырь долженъ былъ удѣлять изъ своихъ средствъ на нужды государства. Такъ во время войны со Польшей въ 1655 году, по указу царя и патріарха, велѣно было изъ хлѣбныхъ запасовъ Ферапонтова монастыря отмѣрить половину ржи и четвертую долю овса, и приготовивъ изъ нихъ 600 четвертей сухарей да 200, крупъ и толокна, отправить подъ Смоленскъ на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ. Съ большимъ трудомъ отправивъ половину запасовъ, монастырь жаловался на отсутствіе денегъ въ казнѣ и просилъ освободить его отъ доставки другой половины. Но патріархъ Никонъ не уважилъ этой просьбы и приказалъ доставить въ Смоленскъ и другую половину запасовъ «лѣтнимъ путемъ, когда вода вскроется»³. Кромѣ хлѣба подъ Смоленскъ требовались лошади: съ 50 дворовъ монастырь долженъ былъ доставить «по одной доброй лошадѣ (цѣною въ 5 рублей меринъ)»⁴. Правда,

¹ Отписныи книги Фер. м. 1673 г. рк. По переписнымъ книгамъ 1645—7 гг. крестьянскихъ дворовъ за Ферапонтовымъ числилось 321. См. Никольскій, I, 1 прилож. стр. X.

² Напр.: „два двора пусты Ортишки да Онтошки Карповыхъ — сошли безвѣсно съ московскаго разоренія“. Выпись съ писцовыхъ кн. 1628—30 гг. (рк.).

³ Дополн. къ акт. ист., IV, № 1.

⁴ Тамъ же, № 14.

послѣ шведской войны число монастырскихъ крестьянъ увеличилось вышедшими изъ шведскихъ областей корелянами, которые въ количествѣ 54 семействъ были поселены на монастырской землѣ. Но за этихъ поселенцевъ взималось въ казну по 4 рубля 5 алт. и 2 деньги за каждую семью. Монастырю трудно было уплатить эти деньги: Бѣлозерскій воевода даже обвинялъ монастырскихъ властей въ недоплатѣ нѣкоторой части требуемой суммы¹. Кореляне, какъ увидимъ ниже, оказались плохимъ пріобрѣтеніемъ для монастыря. Къ довершенію своей бѣдности монастырь былъ разоренъ пожаромъ въ 1666 году².

Приходо-расходныя и отписныя книги монастыря рисуютъ намъ положеніе монастырской казны въ XVII вѣкѣ въ самомъ печальному видѣ. Въ 1627 году въ казнѣ было на лицо 41 рубль 6 алтынъ 3 деньги, а въ 1673 году наличность монастырской казны доходила до 4 рублей 9 алт. и 2 деньги и даже до 1 рубля 18 алтынъ³. Такая скудость казны объясняется неисправностью какъ обѣднѣвшихъ крестьянъ-плательщиковъ, по цѣлымъ годамъ не вносившихъ оброковъ, такъ и другихъ должниковъ, не платившихъ долговъ по своимъ кабаламъ (долговымъ роспискамъ). Въ 1673 г. монастырь долженъ былъ получить по оброчнымъ записямъ и 83 кабала на 403 рубля 16 алтынъ 3 деньги. По приходо-расходнымъ книгамъ можно судить, какъ тяжело временами приходилось монастырю. Въ иные мѣсяцы расходъ превышалъ приходъ, и монастырскій казначей вынужденъ былъ занимать деньги на текущіе расходы то у патріарха Никона, жившаго тогда въ монастырѣ, то у служащаго чернаго попа Діонісія, то наконецъ у церковнаго старосты сосѣдней Ильинской церкви⁴.

¹ Тамъ же, № 82.

² Проф. прот. П. Ф. Николаевскій. Жизнь патр. Никона въ ссылкѣ, и заключенія послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 года. „Христіанскоѣ Чтеніе“ за 1886 г. (отд. оттискъ, с. 15, 120).

³ Отписныя и приходо-расходныя книги Ф. м. 1626 и 1673 гг. (рк.).

⁴ Приходо-расх. кн. Фер. м. за 1673—74 г.: „Ноября въ 20 день занято у святѣшаго Никона патріарха пять рублей денегъ въ кабалу на введенскую ярмарку въ Кириловъ монастырь. — Генваря въ 10 день занято у великаго господина святѣшаго Никона патріарха тритцать рублей въ кабалу. — 8 іюня у чернаго попа Деонісія занято на Кириловскую ярмарку четыре рубли. въ 17 день занято жъ у церковнаго старосты у Данила Иванова церковныхъ денегъ отъ Ильи Пророка три рубли для

Въ 1666 году, по пріѣздѣ въ Ферапонтовъ патріарха Никона, братія въ членитной государю такъ жаловалась на бѣдность монастыря: «монастырь у насъ бѣдный и скудный и погорѣлъ безъ остатку и келейнымъ покоемъ истѣснене великое и хлѣбу недорода — вызять весь, а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ». Въ письмахъ Никона государю постоянно встрѣчаются указанія на скудость обители. «Жизнь въ Ферапонтовомъ монастырѣ скудная, пишеть Никонъ, вотчинка за нимъ небольшая и крестьянинки обнищали до конца»¹. Самое пребываніе въ Ферапонтовѣ опального патріарха, который содержался, правда, при пособіи окрестныхъ монастырей, невольно вовлекало монастырь въ излишніе расходы служившіе большими бременемъ для оскудѣвшей обители².

Но все это были, такъ сказать, внѣшнія причины обѣденія монастыря. Внутреннею причиной раззоренія монастыря во второй половинѣ XVII вѣка были воплощія злоупотребленія монастырскихъ властей — игумена Аѳанасія и келаря Макарія Злобина. Начало разоблаченій этихъ беспорядковъ въ монастырскомъ хозяйствѣ положилъ патріархъ Никонъ, который живя здѣсь въ заточеніи, замѣтилъ недобросовѣстность Аѳанасія по отношенію къ себѣ и въ своей членитной на имя государя, прочитанной въ присутствіи пристава и всей братіи, доказалъ, что игуменъ Аѳанасій всегда его обсчитывалъ, показывая расходъ на содержаніе его вдвое и втрое больше настоящаго. Игуменъ Аѳанасій, чувствуя недоброе, еще до этого обличенія отказался отъ игуменства, а когда Никонъ подалъ на него новую членитную государю, бывшій игуменъ не дожидаясь слѣдствія, бѣжалъ изъ монастыря. Его примѣру послѣдовалъ житенный старецъ Іовъ, тоже обвиняемый въ злоупотребленіяхъ. Оба бѣглеца пропали потомъ безъ вѣсти.

поѣздки московской. — Въ 14 день августа занято у святѣшаго Никона патріарха десять рублей на успенскую ярмарку, да у чернова попа Деонісія два рубля¹. Долги эти монастырь уплатилъ Никону въ томъ же году: „декабря въ 5 день платить (казначей Іона) по кабале бывшему патріарху Никону десять рублей, что заимовалъ бывшій казначей Моісей и кабала выната“ и т. д.

¹ П. О. Николаевскій. Жизнь Никона, с. 15, 50, 51.

² Тамъ же, с. 22.

Вскорѣ послѣ ихъ ухода новый игуменъ монастыря, по имени тоже Аѳанасій, съ братіей подали челобитную государю на бывшихъ игумена и келаря, въ которой описали ихъ продѣлки и злоупотребленія, разорившія монастырь. По словамъ челобитной, «келарь и игуменъ, будучи въ Москвѣ, изъ монастырскихъ сель хлѣбъ и скотъ продавали, а деньги брали себѣ, а на иные вино покупали, и изъ казны монастырской деньги съ собою къ Москвѣ брали и отчету по се число не давали. Бдучи къ Москвѣ, взяли они на Вологдѣ на кружечномъ дворѣ 15 ведеръ вина и дали кабалу, и съ монастыря взято по той кабалѣ 15 рублей». Живя въ Москвѣ, они занимали деньги въ счетъ монастыря, и монастырь долженъ былъ платить долги по ихъ кабаламъ. Дѣло дошло до того, что келарь Макарій, «умыся съ чернымъ попомъ Діонисиемъ», заложилъ ихъ монастырскій дворъ въ Москвѣ за 85 рублей безъ вѣдома братіи, да хотѣлъ еще закладывать и монастырскія вотчины. Этотъ келарь Макарій, жившій въ Москвѣ съ 1669 года, былъ отрѣшепъ отъ должности въ 1671 году и за это, по словамъ братіи, мстилъ монастырю, причиняя монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ больше убытки и непріятности. Братія просила государя «счѣсть прежняго игумена и келаря въ такомъ московскомъ расходѣ и о закладѣ двора ихъ указъ учинить, чтобы монастырю отъ заемныхъ ихъ кабалъ впредь напрасно не разориться»¹.

Неудивительно, что при такихъ хозяевахъ Ферапонтовъ монастырь дошелъ до крайняго упадка. Въ 1676 году присланный изъ Кириллова монастыря новый строитель Исаія нашелъ монастырь въ плачевномъ состояніи. Въ Ферапонтовѣ, какъ писалъ онъ въ своемъ донесеніи въ Москву, «на церквахъ и каменныхъ палатахъ (казенной, сушиленной и поваренной) всѣ кровли сгнили и послѣ пожара 1666 года въ монастырѣ кельи и около монастыря ограда до сихъ поръ не построены, а остальное строеніе (кельи, службы и мельницы) все обвалилось и сгнило; въ монастырской казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба онъ не нашелъ; братія и служки въ монастырѣ и по селамъ питаются овсянымъ хлѣбомъ, занятымъ въ долгъ; самъ онъ (строитель) занялъ въ Кириловомъ на расходъ 30

¹ Тамъ же, с. 61, примѣч.

четъ ржи и 20 четъ солоду на квасъ; ржаной хлѣбъ до 8 августиа еще не сѣянъ по бѣдности монастыря»¹.

Въ самомъ концѣ XVII вѣка мы находимъ монастырь все въ томъ же затруднительномъ положеніи. Въ 1690 году, при передачѣ монастырской казны новому казначею, въ ней оказываются на лицо только кабалы, да памяти да росписи, сколько съ кого нужно получить денегъ за прошлые годы.² Получать оброки съ обѣднѣвшихъ крестьянъ, какъ видно, было не легко. Особенно много хлопотъ доставляли монастырю упомянутые выше новые поселенцы на его вотчинахъ — кореляне, данные во владѣніе монастырю еще въ 1650 году въ количествѣ 54 семействъ³. Двумя грамотами, присланными на Бѣлоозеро къ воеводамъ изъ пушкарскаго приказа въ 1684 и слѣдующемъ году, предписывалось: «Корелянамъ 50 семьямъ жить за Ферапонтовы монастыремъ и того монастыря властямъ и братіи быть послушными и всякія государскія и монастырскія подати платить и издѣліе на монастырь дѣлать безъ всякаго ослушанія со крестьяны врядъ». Въ то же время не вѣрно было взыскивать доимочныхъ денегъ за корелянъ за прошлые годы въ количествѣ 1123 рублей 6 алтынъ и 4 денегъ. Но кореляне плохо слушались монастырскихъ властей. Въ 1696 году имъ былъ объявленъ указъ Петра Великаго, требовавшій отъ нихъ послушанія монастырскимъ властямъ подъ угрозой жестокаго наказанія за неповиновеніе. Кореляне, выслушавъ указъ, обѣщали быть послушными игумену и братіи и платить «всякія подати государевы и монастырскіе оброки».

Но вскорѣ же послѣ этого игуменъ Ферапонтова монастыря Флавіанъ билъ челомъ государю, что Корелы «вышеписанную грамоту выслушавъ, учинились сильны и непослушны и во всемъ имъ властямъ отказали, а нынѣ де у нихъ за ихъ корельскими непослушаніемъ силою всякія оброки и пла-

¹ Тамъ же, с. 120, прим. см. „Дѣло о патріархѣ Никонѣ“. Изд. Археогр. Коммиссіи. Спб. 1897. № 110.

² Отписныя каз. книги О. м. 1690 года (рк.)

³ Кореляне жили въ 8—10 верстахъ отъ монастыря въ Цыпинской волости. Еще доселъ нѣсколько деревень Цыпинскаго прихода (Вазерницы, Палшемское, Кишемское и др.) носятъ общее название „Корела“. Въ говорѣ мѣстного впопыѣ обруссѣвшаго теперь населенія встрѣчаются иногда слова чисто корельского происхожденія.

тежи стали и достальные крестьяне отъ домовъ разошлись, и Ферапонтовъ монастырь отъ того до конца оскудѣль». Вслѣдъ за этой членобитной послѣдовалъ новый указъ Петра (28 мая 1697 г.), въ которомъ суровый преобразователь, подтвердивъ прежнее требованіе, прибавилъ слѣдующую угрозу: «а буде тѣ Корелы... властямъ Ферапонтова монастыря учинятся сильны, и за то ослушаніе выбрать изъ нихъ пущихъ заводчиковъ человѣкомъ пяти при всѣхъ ихъ братяхъ Корѣлянахъ учинить имъ наказаніе велѣти, бити ихъ кнутъемъ, а другихъ пяти человѣкомъ—батоги нещадно»¹.

5. Послѣдній вѣкъ существованія обители и ея закрытие.

VIII.

Здѣсь уже не нужно боя часовъ:
послѣдній пробіль для обители.

А. Н. Муравьевъ.

Монотонный характеръ жизни монастыря въ XVIII вѣкѣ.— Вкладная книга этого времени.— Политические доносы на игуменовъ обители.— Арсений Маціевичъ.— Ремонтъ монастыря и неожиданное его закрытие.

Не смотря на упадокъ Ферапонтова монастыря въ XVII в., исторія его въ этомъ вѣкѣ представляетъ много интересныхъ страницъ. Во второй половинѣ этого вѣка монастырь получаетъ даже особую историческую извѣстность. Въ это время въ теченіи десяти лѣтъ (1666—1676) скромная Ферапонтова обитель привлекала къ себѣ тревожное вниманіе московского правительства, а за нимъ и всей Руси: въ ней жилъ тогда знаменитый заточникъ «монахъ Никонъ», бывшій великий государь и патріархъ московскій и всея

¹ Грамота Петра В. Ферапонтову монастырю отъ 28 мая 7205 г. „Новг. губ. Вѣд.“ 1852, № 20.

Руси¹. Послѣдній XVIII вѣкъ въ исторіи Ферапонтова монастыря является менѣе содержательнымъ въ сравненіи съ предшествующими вѣками и до самаго конца не представляетъ особенно выдающихся событий. Для обители наступила теперь сѣрая будничная жизнь небольшого захолустнаго монастыря.

Заглянемъ для примѣра въ вкладную книгу, сохранившуюся отъ этого времени. Какъ рѣзко она отличается отъ прежней вкладной книги XVI в., испещренной именами царей, бояръ и князей, дававшихъ монастырю щедрыя милостыни. Во всей вкладной книжѣ XVIII вѣка мы находимъ имя только одной высокопоставленной особы. Это бывшая супруга Петра Великаго Евдокія Федоровна, приславшая въ монастырь съ игуменомъ Матеемъ свою милостыню—5 рублей². Всѣ прочие жертвователи—сосѣдніе обыватели, дававшие свои скромныя приношенія чаще всего натурой. Одна «погосная старуха» пожертвовала 32 аршина полотна за 20 алтынъ, другая $1\frac{1}{2}$ четверика гороху за 15 алтынъ «въ помяновеніе души своея». Посадскій человѣкъ «града Бѣлоозера» далъ вкладомъ 2 дести бумаги. Нѣкто Максимъ Ивановъ далъ по дочери своей дѣвицѣ Евдокіи 10 кошѣекъ. Чаще всего жертвовали скотомъ и лошадьми, примѣты которыхъ всегда отмѣчаются въ записяхъ. Упомянутый выше переписчикъ житія пр. Ферапонта и Мартиніана дьяконъ Самсонъ Васильевъ далъ вкладомъ «мерина голубого», дьячекъ отъ церкви пр. Илліи Дмитрія Федоровъ «далъ по обѣщанію корову бѣлохрентую». Одинъ крестьянинъ далъ «корову бѣлую щеки черные за рубль», другой «телочку бурую годовую бѣлорожую» и т. д. Подобными подчасъ курьезными записями наполнена вся книга отъ 1726 по 1789 годъ. Денежные вклады (со стороны помѣщиковъ и военныхъ) встречаются рѣдко и не превышаютъ 10—12 рублей. Прежніе счастливые дни, когда монастырь пользовался щедрымъ вни-

¹ Жизнь опального патріарха въ заточеніи на Бѣлоозерѣ служить предметомъ особаго помѣщаемаго ниже очерка.

² Вкладная книга Фер. мон. 1726—1789 гг. Рк. СПБ. Д. Академіи № 114/1349 л. 23: „1729 ѿвраля 9 благовѣрной государыни и великой княгини Евдокіи Федоровны жалованья милостыню въ домъ святой братіи пять рублей монетовъ привезъ игуменъ Матеїй того жъ мѣсяца въ 21 день“.

маніемъ царей и вельможъ, давно уже отошли въ область невозвратно минувшаго.

Нѣмного интересныхъ событій мы можемъ отмѣтить на сѣромъ фонѣ однообразной монастырской жизни. Около 1719 года братія Ферапонтова монастыря жаловалась на игумена Іоасафа «за разныя причиненныя имъ обиды». Іоасафъ былъ лишенъ игуменства и переведенъ въ Вологду въ число братій Ильинского монастыря. Въ 1722 этотъ Іоасафъ вмѣстѣ съ Георгіемъ, который еще раньше его былъ игуменомъ въ Ферапонтовѣ, подверглись подозрѣнію со стороны Преображенского приказа. Приказъ спрашивалъ у св. Синода о какихъ то челобитныхъ, поданныхъ братію и служителями Ферапонтова монастыря на этихъ двухъ бывшихъ игуменовъ, которые обвинялись тамъ «въ непристойныхъ словахъ и многихъ неистовыхъ дѣлахъ». Челобитны эти понадобились приказу «для рѣшенія въ великомъ Его Императорскаго Величества сыскномъ дѣлъ». По отзыву епископа вологодскаго Павла, этихъ членовъ членовъ у него не оказалось и они ему не были поданы¹.

Политические доносы были въ большомъ ходу въ XVIII вѣкѣ и при малѣйшей неосторожности легко было попасть въ бѣду. Въ 1742 году игуменъ ферапонтовскій Варлаамъ отслужилъ четыре панихиды по преставившимся высочайшимъ особамъ, но не въ тѣ числа, какія были указаны въ печатномъ реестрѣ, «а въ другіе за день и наканунъ». Вѣроятно, вслѣдствіе доноса кого-либо изъ братіи, по этому поводу возникло дѣло, кончившееся тѣмъ, что злополучный игуменъ былъ посланъ подъ началь въ Спасокаменный монастырь. Здѣсь вѣрно было «содержать его игумена одинъ мѣсяцъ въ трудѣхъ неисходныхъ изъ монастыря и не допускать до священнослуженія»². По Строеву, игуменъ Варлаамъ былъ даже взятъ въ Тайную Канцелярію³.

Ферапонтовъ монастырь, служившій въ XV и XVII вѣкахъ мѣстомъ заточенія двухъ извѣстныхъ іерарховъ митрополита Спиридона и патріарха Никона, въ XVIII вѣкѣ

¹ Описаніе док. и дѣлъ архива св. Синода т. II, ч. 1. 973—975.

² Указъ вологодской консисторіи 7 февр. 1743 года № 207 въ бум. Фер. м.

³ Строевъ. Списки іер. 88.

видѣлъ у себя третьаго замѣчательнаго узника—іерарха. Это извѣстный митрополитъ ростовскій Арсеній Маціевичъ, кото́рый падъ жертвою борьбы за права русской церкви съ либеральнымъ правительствомъ Екатерины II. Какъ извѣстно, митрополитъ жестоко поплатился за свой смѣлый протестъ противъ отобранія монастырскихъ имуществъ: его лишили сана и въ качествѣ ссыльного монаха переводили подъ конвоемъ изъ монастыря въ монастырь, и наконецъ заключили въ Ревельскую тюрьму, гдѣ содержали до самой смерти ($\dagger$ 1779) какъ важнаго государственного преступника подъ именемъ Андрея Враля. Любопытно отмѣтить, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ, первый монастырь, куда былъ сосланъ этотъ страдалецъ за права русской церкви, былъ именно Ферапонтовъ¹, гдѣ за сто лѣтъ передъ тѣмъ томился въ ссылкѣ «за слово Божіе и за св. церковь» великий ревнитель отечествен-ной церкви патріархъ Никонъ. Но Арсеній Маціевичъ, вѣ-роятно, былъ въ Ферапонтовѣ недолгое время, такъ какъ другія извѣстія ничего не говорять о его ссылкѣ въ Фера-понтовъ монастырь².

XVIII вѣкъ и особенно царствованіе Екатерины II были тяжелымъ временемъ для русскихъ монастырей. Ферапонтовъ монастырь благополучно пережилъ эти тяжелыя времена. По ревизии 1744 года у него оказалось тоже число крестьянъ, что и въ XVII вѣкѣ—210 душъ³. Наступилъ роковой для монастырей 1764 годъ: монастыри и пустыни закрывались цѣлыми сотнями. Изъ числа 881 монастырей, скитовъ и пустынь, мужскихъ и женскихъ (678 м. и 203 ж.), по шта-тамъ 1764 года было оставлено только 385 (318 м. и 67 ж.), слѣдовательно, упразднено 496 монастырей или 56,3%, всего числа монастырей¹. Но Ферапонтовъ монастырь на этотъ разъ уцѣлѣлъ отъ закрытия. Правда, онъ занялъ послѣднее мѣсто въ спискѣ уцѣлѣвшихъ монастырей и былъ положенъ 100-мъ въ третиѣмъ классѣ и послѣднимъ съ настоятельствомъ игумен-

¹ Членія М. О. Исторіи 1847 г., № 2, стр. 79. Воспоминанія крестья-нина Артынова, тамъ же 1882, III, смѣсь, 181. Письма прот. М. Діева, тамъ же 1887, I, 115.

² Тамъ же, 1862 г., III, 136.

³ Въ Ист. Р. Іерархіи (VI, 1084) показано, конечно, ошибочно 2151 душъ. Ср. Чт. И. О. Ист. 1860, III, 1 отд.

⁴ Знѣринскій, I, стр. XI.

скимъ¹. Но при всемъ томъ онъ оказался счастливѣе многихъ монастырей, оставленныхъ за штатомъ или совсѣмъ закрытыхъ.

Только въ самомъ исходѣ XVIII вѣка наступилъ конецъ для Ферапонтова монастыря и то благодаря довольно случайному стечению обстоятельствъ. Въ концѣ этого вѣка обветшавшія зданія монастыря требовали издержекъ отъ казны на ихъ ремонтъ. Еще въ 1781 году изъ Кирилловскаго уѣзднаго казначейства выдано было Ферапонтову монастырю «за платяжемъ оброчныхъ и подушныхъ денегъ» 40 рублей на церковные потребы и 200 рублей на починку церквей и на ризницу, и на эти деньги производился въ монастырь ремонтъ². Въ 1787 году Ферапонтовъ монастырь, принадлежавшій раньше къ вологодской епархіи, отчисленъ былъ къ новгородской. Митрополитъ новгородскій и петербургскій Гавріилъ сдѣлалъ Синоду представленіе о нуждахъ Ферапонтова монастыря. «Положенный въ 3 классъ мужскій Ферапонтовъ монастырь, писалъ владыка въ этомъ представленіи, хотя имѣть въ себѣ четыре церкви и прочее зданіе все почти каменное, но оное крайне обветшало и въ церквяхъ оказались не только въ стѣнахъ и сводахъ трещины, но отъ одной и алтарь совсѣмъ отвалился, а колокольня наклоняется къ паденію, да въ келляхъ и другихъ для службъ зданіяхъ подобныя отъ ветхости послѣдовали поврежденія, такъ что изъ всего того строенія едва что годится къ перестройкѣ, возобновленіе же оного требуетъ не малой суммы». Бѣдственное состояніе монастыря, описанное въ этомъ докладѣ, вѣроятно, на основаніи донесенія самихъ же монастырскихъ властей, само по себѣ еще не угрожало монастырю закрытіемъ. О закрытіи его тогда еще не думали. Напротивъ, митрополитъ Гавріилъ, заботясь о поддержаніи монастыря въ исправномъ видѣ, резолюціей отъ 31 января 1794 года приказалъ разобрать ветхое каменное строеніе и сдѣлать новое. По этой резолюціи въ Ферапонтовѣ начались постройки: «сломаны были крыльца и переходы, по которымъ ходить было опасно, и начаты строить вновь». На весь ремонтъ было издержано болѣе полуторы тысячи рублей. Оставалась еще непоправленной церковь пр. Мартиніана. Игуменъ Феофилактъ въ

¹ Ист. Р. Іер. т. VI, 858.

² „Экстрактъ“ въ бумагахъ Фер. м.

своемъ доношениі на имя высокопр. Гавріила, сообщая о производствѣ ремонта и о неимѣніи средствъ къ его окончанію, просилъ митрополита выдать за своею подписью книгу для сбора пожертвованій на постройки монастыря. Это доношеніе было послано къ митрополиту 5 ноября 1797 года¹.

По всей вѣроятности, митрополитъ уважилъ бы просьбу игумена, давъ ему возможность окончить начатый по его же резолюціи ремонтъ, и Ферапонтовъ монастырь, можетъ быть, существовалъ бы и доселѣ. Но дѣло осложнилось новымъ обстоятельствомъ, которое и рѣшило судьбу Ферапонтова монастыря. Въ Пензѣ, въ 1¹/₂ верстахъ отъ города, существовалъ Спасопреображенскій монастырь, основанный въ 1667—89 году. При изданіи штатовъ въ 1764 году онъ былъ оставленъ на своемъ содержаніи и пришелъ въ такую ветхость, что его нужно было или совсѣмъ закрыть или перестроить. По желанію жителей Пензы монастырь былъ перенесенъ на новое мѣсто—бывшее Вознесенское кладбище. Вмѣстѣ съ тѣмъ пензенскіе «благородные жители» обратились въ Синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ «прописывая обѣ устроеніемъ при томъ городѣ на выгодномъ мѣстѣ заштатномъ Преображенскомъ монастырѣ каменнымъ зданіемъ въ наилучшемъ видѣ и что оный городъ Пенза, будучи по великости своей знаменитъ, не имѣсть того преимущества, дабы по примѣру прочихъ городовъ была учреждена въ немъ архимандрия или хотя игуменство, просили о таковомъ усердномъ ихъ желаніи учинить разсмотрѣніе».

При разсмотрѣніи этого прошенія пензенскихъ гражданъ Синодъ принялъ во вниманіе докладъ высокопреосв. Гавріила о состояніи монастыря въ 1790 году. «Сообразная съ одной стороны устройство показанного Пензенского монастыря въ наилучшемъ видѣ каменнымъ зданіемъ, не требующимъ ни пристройки вновь, ни починки, съ другой же великостью казенныхъ издержекъ, потребныхъ на возобновленіе въ Ферапонтовѣ монастырѣ ветхостей», св. Синодъ «призналъличнымъ штать сего Ферапонтова монастыря перенести на оный Спасопреображенскій Пензенскій монастырь». Въ этомъ смыслѣ Синодъ сдѣлалъ Императору Павлу Петровичу докладъ, въ которомъ представляль на Высочайшее усмотрѣніе,

¹ Черновая этого доношения въ бумагахъ Фер. м.

«не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть тотъ штатный Єерапонтовъ монастырь, яко требующій на возобновленіе въ немъ ветхостей великихъ казенныхъ издержекъ, въ отвращеніе оныхъ упразднить и обратить въ приходскую церковь, по усмотрѣнію къ тому митрополитомъ Новгородскимъ удобности, а состоявшій въ городѣ Пензѣ знатный (вѣроятно, нужно читать заштатный) Спасопреображенскій монастырь включить въ число третьеклассныхъ». Служителей монастырскихъ, а равно земли, угодья и строенія, «кромѣ церквей и потребнаго для жительства священно- и церковнослужителей строенія, по избранію ихъ» предполагалось отдать въ казенное вѣдомство, а для Пензенского монастыря отвести крестьянъ и землю по сосѣдству съ нимъ. Этотъ докладъ Синода, отъ 28 апрѣля 1798 года, былъ утвержденъ Высочайшей резолюціей: «быть по сему»¹.

Братія Єерапонтова монастыря, во главѣ съ игуменомъ Іоофилактомъ нездолго передъ тѣмъ хлопотавшая о разрѣшеніи имъ сбора пожертвованій на устройство монастыря, конечно не ожидала такой печальной развязки. 28 іюля игуменъ Іоофилактъ былъ переведенъ въ Бѣлевскій Спасскій монастырь, а прочіе монахи были размѣщены въ другіе монастыри. Такъ закончилось четырехъ - вѣковое существованіе Єерапонтовой обители. Торжественно-печальный моментъ, когда монахи при звонѣ колоколовъ навсегда покинули упраздненную обитель, надолго запечатлѣлся въ памяти окрестнаго населенія. Рассказъ о немъ и доселѣ существуетъ въ народномъ преданіи.

Закрытая обитель была обращена въ приходскую церковь и попала теперь въ вѣдѣніе «поповскаго священноначальника церкви пророка Иліи, что на Цыпинѣ (въ 1½ в. отъ монастыря), Ивана Яковлева», который свидѣтельствовалъ опись оставшихся отъ монастыря зданій и церковной утвари. Изъ этой описи можно видѣть, что всѣ зданія въ монастырѣ были поправлены или отѣланы вновь, нѣкоторыя изъ нихъ (колокольня, трапеза, паперть) связаны на крѣпко желѣзными связями и щели въ нихъ залиты цементомъ, а также сдѣланы вновь крыши и главы на церквяхъ². Такимъ образомъ, хотя

¹ Полное собрание законовъ Российской Имперіи т. XXV, 1798 г., № 18500.

² „Вѣдомость учиненная изъ описи, присланной Єерапонтова монастыря отъ игумена Іоофилакта, всему тому монастырю и въ немъ цер-

монастырь былъ закрытъ по причинѣ ветхости зданий, но въ моментъ его закрытия этой ветхости какъ будто не существовало, благодаря только что произведенному широкому ремонту обители. По резолюціи митрополита Гавріила отъ 4 сентября 1798 года къ церкви упраздненнаго Ферапонтова монастыря была приписана сосѣдняя Преображенская церковь, что на Итклѣ Бобровѣ (въ 3 в. отъ монастыря) со всѣмъ ея небольшимъ приходомъ (8 деревень съ 143 душами крестьянъ), къ которому прибавлено 3 деревни Цыпинскаго прихода. При этомъ причтъ Итклобобровской церкви былъ переведенъ въ Ферапонтовъ¹. Но чрезъ полгода по просьбѣ итклобобровскихъ прихожанъ церковь ихъ снова сдѣлана самостоятельной, а ферапонтовскій приходъ по резолюціи м. Гавріила² сформированъ вновь изъ сосѣднаго Цыпинскаго прихода, который имѣлъ двуштатный причтъ и соответственно этому надѣленъ былъ двойнымъ количествомъ церковной земли. Одинъ изъ причтовъ Цыпинской церкви былъ причисленъ къ Ферапонтовской церкви (священникъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь) вмѣстѣ съ 12 деревнями Цыпинскаго прихода, что съ приписанными прежде 3 деревнями составило 15 деревень съ 536 душами крестьянъ. Новый причтъ Ферапонтовской церкви продолжалъ жить на Цыпинѣ и пользоваться тамошнею церковною землею, такъ какъ по закрытии обители у Ферапонтовской церкви осталось всего двѣ десятины земли. Въ 1837 году ферапонтовскому причту была отведена земля (75 десятинъ) при упраздненной обители и окончательно онъ переселился туда отъ Цыпинской церкви³.

Вотъ уже сто лѣтъ на мѣстѣ бывшаго Ферапонтова монастыря существуетъ приходская церковь. Но въ народѣ эта

ковному и монастырскому имуществу, что нужно оставить изъ имущества для церкви бывшаго Ферапонтова монастыря»—въ бумагахъ Ф. м.

¹ Указъ изъ Кирилловскаго Духовнаго Заказа отъ 29 ноября 1798, № 447.

² Указъ изъ Кирилловскаго Дух. Заказа отъ 24 февр. 1799 г., № 525.

³ Первымъ священникомъ при церкви упраздненнаго Ферапонтова монастыря (если не считать переведенного сюда на короткое время, итклобобровского священника Сергѣя Петрова) былъ священникъ Пётръ Андреевъ Ферапонтовъ (1799—1808), переведенный отъ Цыпинской церкви вторымъ сыномъ его Василий, третьимъ о. Арсеній Разумовскій; нынѣ здравствующій іерей Ферапонтовской церкви, о. Павелъ Арсеньевичъ Разумовскій, четвертый со времени упраздненія обители.

церковь по старой памяти доселъ называется не иначе какъ «монастыремъ». Народъ любить многочисленные ѿерапонтовскіе праздники и частые крестные ходы, унаслѣдованные отъ прежнихъ монастырскихъ временъ. И когда при мелодичномъ звонѣ старинныхъ монастырскихъ колоколовъ крестный ходъ съ пестрой толпой народа, наполняющей монастырскій дворъ, медленно движется кругомъ древнихъ храмовъ, душа богомольца невольно уносится мыслию къ древнимъ счастливымъ временамъ когда то прошѣвшихъ, но запустѣвшей теперь обители.

6. Прогулка по ѿерапонтовой обители и ея окрестностямъ.

IX.

Такъ величава наружность обители и такъ живописно положеніе что нельзя не пожалѣть о ея запустѣніи, потому что мѣсто сіе какъ будто нарочно создано для монастыря преимущественно предъ многими другими.

А. Н. Муравьевъ.

Недоразумѣніе по поводу положенія ѿерапонтова монастыря „на Бѣлъ-озерѣ“.—На пути въ ѿерапонтовъ.—Обозрѣніе обители и ея достопримѣчательностей.—Церковь п. Никона.—Вопросъ о мѣстѣ его келлій.—Прогулка въ Цыпинской погостѣ и на гору Цыпину.

Всякій образованный русскій читатель, безъ сомнѣнія, слыхалъ о ѿерапонтовѣ монастырѣ, упоминаніе о которомъ невольно вызываетъ въ памяти трагическую судьбу патріарха Никона. Но немногіе могли бы вѣрно отвѣтить на вопросъ: гдѣ находится эта историческая обитель? Встрѣчая въ историческихъ извѣстіяхъ выраженіе «Ѳерапонтовъ монастырь на Бѣлъ-озерѣ», многіе воображаютъ, что эта обитель стоять на самомъ берегу Бѣлаго озера. Такое представлѣніе мы находимъ напр. въ извѣстномъ романѣ Мордовцева «Великій расколъ», гдѣ между прочимъ описывается жизнь опального Никона въ ѿерапонтовѣ монастырѣ. Почтенный романистъ, конечно, не заставилъ бы стрѣльцовъ, сторожившихъ Никона, ходить купаться на Бѣлое озеро, и не сталъ бы описывать чудный видъ на это озеро изъ

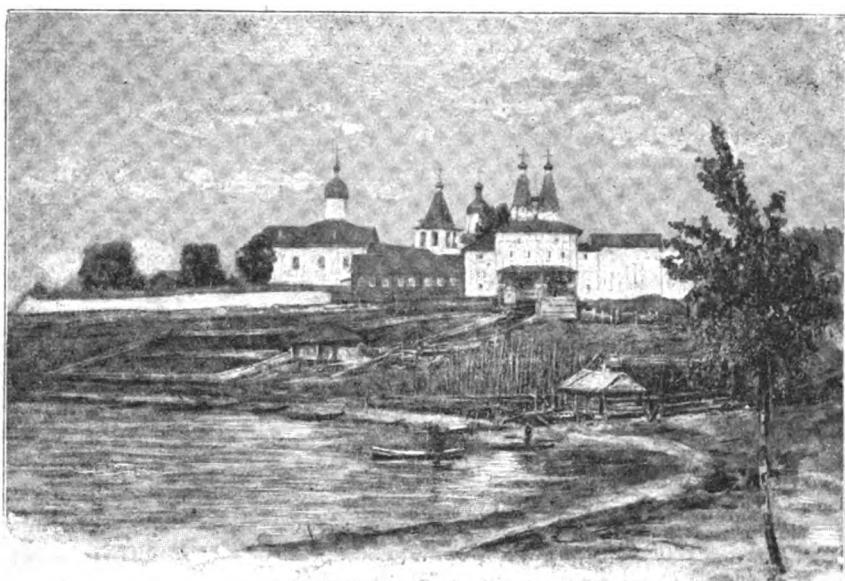
келлій Никона, если бы ему было известно, что отъ Бѣлаго озера до Ферапонтова монастыря не ближе 40 верстъ. Въ объясненіе этого недоразумѣнія слѣдуетъ замѣтить, что «Бѣлоозеромъ» въ старину называлось не одно только Бѣлое озеро, но цѣлая окружавшая его область, въ которую входили нынѣшніе уѣзды Бѣлозерскій, Кирилловскій и отчасти Череповецкій.

Бѣлоозеро—мѣстность полная историческихъ воспоминаній, идущихъ въ глубь вѣковъ, къ самому началу русской государственности, ко временамъ Синеуса, брата Рюрикова, основавшаго здѣсь свою столицу. Ферапонтовъ монастырь—одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ этого исторического края. Путешественнику, попавшему на верховья Шексны въ страну Бѣлаозера, непростительно уѣхать, не заглянувъ въ эту древнюю обитель, гдѣ знаменитый Никонъ провелъ печальный закатъ дней своихъ.

Древнѣйший лѣтній путь на Бѣлоозеро представляеть рѣка Шексна, этотъ главный нервъ Маринской системы, недавно поглотившій не одинъ миллионъ казенныхъ денегъ на устройство своихъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи шлюзовъ. На верховьяхъ Шексны, близъ Горицкой пароходной пристани, у самой рѣки на обрывѣ высокаго холма, который и донынѣ извѣстенъ подъ именемъ Федосына Городка, стояль дворъ великаго князя и жиль княжескій намѣстникъ, управлявшій бѣлозерской волостью. Отъ Горицкой пристани до Ферапонтова нужно ѿхать на лошадяхъ чрезъ г. Кирилловъ около 23 верстъ. Въ Горицахъ на берегу Шексны у подошвы горы Мауры расположился многолюдный (до 600 сестеръ) Воскресенскій Горицкій женскій монастырь, который считается родоначальникомъ Петербургскаго женскаго монастыря. Этотъ древній монастырь основанъ въ 1544 году княгинею Евфросиніею Старицкою, которая потомъ постриглась въ немъ и была наконецъ утоплена въ Шекснѣ по приказанію Грознаго. Много историческихъ воспоминаній связано съ этой обителю. Здѣсь жили въ заточеніи царица Марія, мать убитаго царевича Димитрія, отрокъ Михаилъ, будущій царь Россіи, царевна Ксения Годунова и др.

Едва успѣли вы обѣхать гору Мауру, какъ предъ вами открывается красивый видъ на стоящій внизу Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, съ его высокими стѣнами, башнями и

многочисленными церквами. Обитель стоит на самом берегу Сиверского озера и красиво отражается на поверхности его прозрачныхъ водъ. По преданію пр. Кирилль, вмѣстѣ съ пр. Ферапонтомъ искашпій мѣста для подвиговъ, съ горы Мауры впервые усмотрѣлъ мѣсто, на которомъ возникла потомъ его обитель. На Маурѣ лежитъ камень съ углубленіемъ въ видѣ слѣда человѣческой ноги: по народному сказанію, это слѣдъ ноги преподобнаго Кирилла, стоявшаго на этомъ камнѣ. Надъ

Видъ на Ферапонтовъ монастырь со стороны Бородавскаго озера.

камнемъ устроена часовня съ изображеніемъ пр. Кирилла и Ферапонта, шествующихъ на Бѣлоозеро съ иконою Одигитріи въ рукахъ.

Городъ Кирилловъ, раскинувшійся подъ величественными стѣнами Кирилловой обители, образовался изъ монастырской слободы и былъ сдѣланъ городомъ по мысли новгородского губернатора графа Я. Е. Сиверса, которому въ іюнѣ 1775 года случилось праздновать въ Кирилловѣ монастырь день своего рожденія. По проекту графа Сиверса новый городъ долженъ былъ имѣть 4 площади и 40 улицъ. Но эти предположенія до сихъ поръ остались недостигнутымъ идеаломъ. Въ настоящее

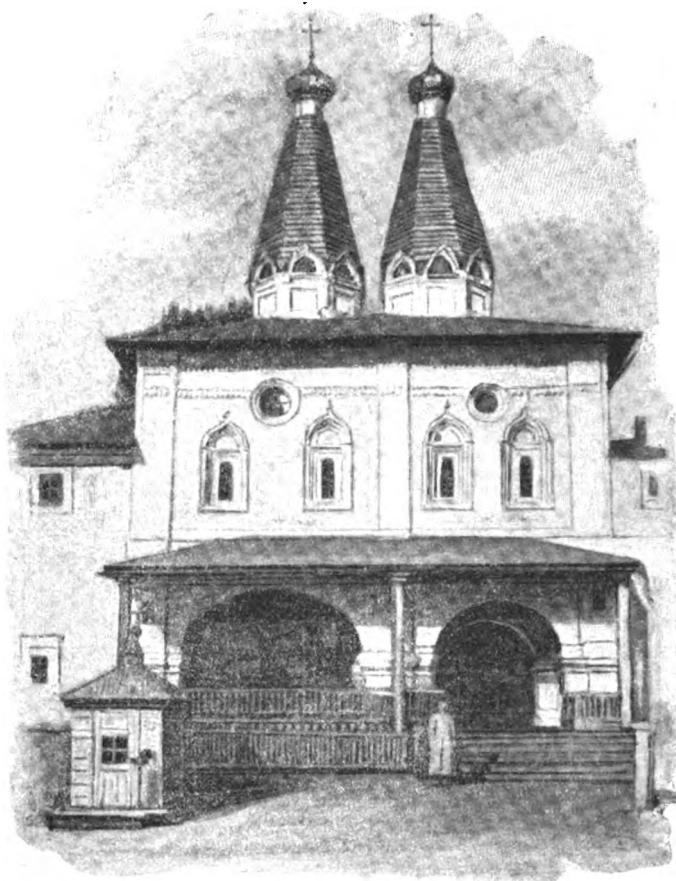
время Кирилловъ представляетъ изъ себя небольшой уѣздный городокъ съ 4¹/₂, тыс. жителей. Въ немъ четыре церкви и десятка два каменныхъ зданій, остальные дома—деревянные широко раскинулись по берегамъ прилегающихъ къ монастырю озеръ.

Отъ города Кириллова до Ферапонтова монастыря 17 верстъ по хорошей большой дорогѣ, ведущей на Каргополь и Архангельскъ. Въ лѣтнюю пору по ней длинными вереницами тянутся обозы съ товарами, которые въ Кирилловѣ выгружаются съ барокъ и на лошадяхъ перевозятся въ Каргополь. Дорога проходитъ по разнообразной холмистой мѣстности мимо деревень и озеръ, чрезъ поля, лѣса и рощи. По мѣрѣ приближенія къ Ферапонтову мѣстность замѣтно становится живописиѣ. Вотъ показалось Бородавское озеро, на концѣ которого стоитъ Ферапонтовъ. Озеро это, шириной не больше версты, тянется верстъ на семь отъ запада къ востоку. Извилистые берега съ мысами и заливами, зеленые островки, тамъ и сямъ разбросанные по озеру, придаютъ ему весьма живописный видъ. Деревни, расположенные кругомъ озера, ведутъ свое начало изъ глубокой старины и почти всѣ упоминаются уже въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка.

Вотъ вдали блеснула на солнцѣ Ферапонтовъ монастырь: онъ то покажется, то опять скроется за окружающими дорогу холмами и лѣсомъ. Послѣдняя деревня предъ Ферапонтовымъ называется Лещово. На мѣстѣ этой деревни было у Никона хлѣбное поле, которое онъ самъ расчистилъ изъ монастырской пустоши. Пройхавъ эту деревню, находящуюся въ двухъ verstахъ отъ Ферапонтова, мы поднимаемся на гору, которая возвышается на самомъ берегу Бородавского озера. Отсюда во всей красѣ видна историческая обитель патріарха Никона съ группою ея живописно расположенныхъ древнихъ церквей, островерхія кровли которыхъ придаютъ ей особую оригинальность. Невдалекѣ отъ этого берега длинной узкой полосой въ видѣ мели тянется каменный островъ патріарха Никона, который онъ самъ вмѣстѣ со своими монахами устроилъ во время ферапонтовскаго заточенія.

Въ этой исторической мѣстности всякий попадающійся на глаза памятникъ становится предметомъ особаго любопытства и при видѣ его вы задаетесь вопросомъ, не связано ли съ нимъ какое-либо историческое воспоминаніе. Тутъ же на горѣ подлѣ самой дороги стоитъ небольшая каменная часовня

сь желѣзной рѣшеткой. Рядъ вопросовъ возникаетъ у васъ по поводу этого скромнаго памятника: когда и кѣмъ она построена, не случилось ли здѣсь чего-нибудь замѣчательнаго? Старожилы не могли отвѣтить намъ на эти вопросы, но въ

Св. ворота Ферапонтова монастыря съ находящеюся надъ ними
Богоявленскою церковью патріарха Никона.

бумагахъ Ферапонтовской церкви мы нашли документъ, который объяснилъ намъ нехитрую исторію этого памятника. Оказывается, что часовня построена уже послѣ закрытія монастыря, около 1825 года, причтомъ Ферапонтовской церкви, который притомъ для постройки ея не спросилъ разрѣшенія

начальства. Мѣстный благочинный, священникъ Цыпинской церкви Левъ Лебедевъ, письменно затребовалъ отъ ѿерапонтовскаго причта (который, нужно замѣтить, жилъ въ одномъ съ нимъ погостѣ) объясненіе, «съ какого согласія и на какую сумму построена эта часовня». Щерапонтовскій причтъ въ своемъ объясненіи писалъ, «что это построена съ общаго нашего и прихожанъ согласія на копѣльковую сумму не часовня, а только палатка очень малая для поставлениія креста Господня и кружки, а каменная для прочности и безопасности отъ кражи денегъ, полагаемыхъ проходящими и проѣзжающими; что же касается до какихъ-либо совершаемыхъ богослуженій во оной или злоупотребленій касательно расколовъ, то ничего того ни коимъ образомъ не будетъ и быть не можетъ». Послѣ такого объясненія маленькая часовня теряетъ въ вашихъ глазахъ обаяніе историческаго памятника, и вы съ легкимъ разочарованіемъ проѣзжаете дальше.

Монастырь виденъ теперь близко по прямой линіи чрезъ озеро, но чтобы попасть въ него нужно еще около верстыѣхъ по берегу озера, которое въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ большой заливъ. За четверть версты отъ монастыря справа у дороги ваше вниманіе привлекаетъ старинный стоящій подъ навѣсомъ осмиконечный деревянный крестъ съ вырѣзанными на немъ надписями¹.

Щерапонтовъ стоитъ на возвышеніи между двумя озерами слѣва Бородавскимъ, справа Пасскимъ, между которыми по дну оврага пробѣгаєтъ небольшая каменистая рѣчка Паска. Проехавъ мимо бывшей монастырской слободы по мосту перекинутому чрезъ оврагъ, мы подъѣзжаемъ къ св. воротамъ исторической обители, увѣнчаннымъ двумя острыми верхами, которые еще издали обращаютъ на себя вниманіе путника. Предъ двумя арками монастырскихъ воротъ устроена высоко

---

¹ Часть этихъ надписей на поперечной перекладинѣ креста легко можно разобрать: это стихира кресту: „Крестъ хранитель всей вселеній“, въ древней редакціи, начало тропара: „Спаси Господи люди своя“ и прокимна: „возносите Господа Бога“. Другая часть надписи на продольной перекладинѣ состоять изъ буквъ, изъ которыхъ часто одна и также повторяется рядомъ по 2 и по 3 раза напр. гшш, ввв шшш, рсс и пр. Трудно сказать, представляютъ ли эти буквы какую-либо тайнопись (криптографію) или же это просто инициалы изреченій, ставившіеся въ старину на придорожныхъ крестахъ, въ родѣ напр. ввв=бичъ Божій бੰєти бੰєси.

поднимающаяся надъ дорогою большая деревянная терраса (см. рис. на стр. 111). Поднявшись по ея ступенямъ, мы чрезъ правую арку входимъ въ монастырь.

Уже при первомъ взглядѣ на внутренній дворъ съ группою древнихъ церквей, вы невольно поддаетсяе тому впечатлѣнію, что вы попали въ настоящій монастырь. Вы такъ и ждете, не мелькнетъ ли въ томъ или другомъ концѣ двора среди древнихъ зданій черная фигура монаха. Передняя часть монастырскаго двора, прежде всего открывающаяся вашему взору производить пріятное впечатлѣніе своей чистотою и уютностью. Правая часть его занята садомъ, который тянется возлѣ южной ограды монастыря. Къ церквамъ ведутъ деревянные мостки. Прямо противъ входа на нѣкоторомъ разстояніи отъ него стоитъ церковь пр. Мартиніана, и посѣтители монастыря, прежде чѣмъ начать обозрѣніе обители, приглашаются туда поклониться мощамъ ея преподобнаго игумена. Здѣсь у раки покажутъ вамъ простой деревянный посохъ (костыль) св. игумена. Выйдя изъ церкви пр. Мартиніана, вы направляетесь къ монастырской колокольнѣ. Изъ арки, находящейся подъ нею, двѣ лѣстницы ведутъ въ паперть, одна направо къ соборной церкви Рождества, другая—налѣво къ церкви Благовѣщенія. Обозрѣвая эти храмы, ихъ внутреннее устройство, древнія иконы, стѣнную живопись и утварь, вы чувствуете себя перенесеннымъ въ обстановку былой монастырской жизни. Еще цѣло здѣсь игуменское мѣсто, хранящееся въ ризницахъ, мѣста для келаря и казначея и массивныя рѣзныя скамьи монаховъ. «Все здѣсь напоминаетъ монастырь, такъ описываетъ свое впечатлѣніе одинъ изъ недавнихъ посѣтителей Ферапонтова, и осматриваясь трудно себя убѣдить, что стоишь въ приходской церкви; напротивъ, всею душою вѣрится, что все еще это монастырь, и вотъ думается, изъ за столба явится какой-либо старецъ, чтобы рассказать о прошлыхъ дняхъ обители и проповѣсти по ея святынямъ»¹. Въ смежной съ соборомъ ризницѣ двѣ вещи заслуживаютъ особаго вниманія: это простая полотняная риза пр. Мартиніана и древняя плащаница съ греческой надписью, пожертвованная какимъ-то іереемъ Мануиломъ Амбаратопуло¹.

¹ „Новгор. Еп. Вѣд.“ 1898, № 11.

¹ Плащаница эта небольшихъ размѣровъ (1 арш. въ длину и 11 вер.

Изъ паперти, представляющей собою длинную каменную галлерею съ окнами на обѣ стороны, можно подняться на монастырскую колокольню, откуда открывается великолѣпный видъ на окружающія окрестности. Въ пролетахъ колокольни висить 10 большихъ и малыхъ колоколовъ. Но колоколовъ XVI вѣка, пожертвованныхъ Третьяковымъ и Воронцовымъ, здѣсь уже нѣть. Одинъ колоколъ (70 п.) слитъ въ 1685 году, а другой самый большой (112 п.) — въ 1747 въ царствованіе Елизаветы Петровны «при Пименѣ епископѣ вологодскомъ и бѣлозерскомъ и при игуменѣ Феофанѣ». Этотъ послѣдній колоколъ сдѣланъ на Бѣлозерѣ бѣлозерскимъ мастеромъ Иваномъ Калининомъ. Часы, находившіеся вверху надъ колоколами и теперь совершенно испорченные, были въ ходу нѣкоторое время и послѣ закрытія обители. Бой ихъ въ тихую погоду былъ слышенъ почти на весь Ферапонтовскій приходъ, а частію и въ сосѣдній Цыпинскій¹. Спустившись съ колокольни, пройдемъ теперь въ церковь Богоявленія на св. воротахъ, на которую особенно интересно взглянуть въ виду связанныхъ съ нею воспоминаній о патріархѣ Никонѣ. Къ ней ведетъ крытая деревянная лѣстница, прилегающая къ старому монастырскому зданію, называемому «сушиломъ». Поднявшись по этой лѣстницѣ, мы, чрезъ небольшую старинную дверь, вступаемъ въ церковь, принадлежавшую ошаль-

---

въ ширину), шита шелкомъ и серебромъ по голубому атласу. По краямъ ее вышита по-гречески пѣснь: „Ангельскій соборъ удивился“, а по срединѣ изображеніе положенія Спасителя во гробѣ и надпись: Ο επιταφιος θρηνος (надгробный плачъ), внизу подъ этимъ изображеніемъ вышита поклонившаяся до земли фигура жертвователя и по сторонамъ ея надпись: μυησθητι χορε της φυχης του δουλου σου Μανουηλ ιερεως του Αμπαρατοπουλου (помяни, Господи, душу раба твоего иерея Мануила Амбаратопуло), А. Н. Муравьевъ относитъ эту плащаницу къ 1650 году, но неизвѣстно, на какомъ основаніи. Русская Фиваида, с. 384. Кто былъ иерей Амбаратопуло, упоминается-ли онъ, и когда именно, въ числѣ грековъ, пріезжавшихъ въ Россію, обѣ этомъ, можетъ быть, извѣстно нашимъ византологамъ. Упомянемъ адѣль кстати о находящейся въ Ферапонтовѣ большой серебраной лжицѣ съ латинской надписью Ave Maria. Лжица эта круглая, величиной съ десертную ложку; упомянутая надпись вырѣзана готическимъ шрифтомъ на рукояти, концомъ которой служить изображеніе руки, держащей шаръ. Неизвѣстно, откуда эта лжица попала въ Ферапонтовъ, но въ тамошней церкви она и доселѣ находится въ употребленіи.

¹ «Вѣстникъ И. Геогр. Общества». 1854 г.

ному патріарху и соединявшуюся съ его кельями особо устроеннымъ ходомъ. Здѣсь то въ этой тѣсной и скромной церкви єерапонтовскій заточникъ, любившій во времена своей славы пышность и торжественность въ богослуженіи, слушать церковныя службы, отправлявшіяся для него жившими съ нимъ монахами. Невольное раздумье овладѣваетъ вами, когда вы стоите въ этой церкви, свидѣтельницѣ молитvenныхъ вздоховъ и скорбей изстрадавшейся въ униженіи великой души

Цыпинскій погостъ вблизи єерапонтова монастыря (видъ съ дороги).

патріарха Никона. Воображеніе, настроенное историческими воспоминаніями, представляетъ вамъ живыя картины минувшаго. Вотъ изъ этой небольшой боковой двери двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ появлялась высокая суровая фигура опального патріарха и подъ сводами тѣсной церкви раздавался по временамъ его звучный повелительный голосъ.

Богоявленская церковь это единственное, что осталось намъ изъ всѣхъ помѣщений єерапонтовскаго заточника. Кельи, въ которыхъ онъ жилъ, были деревянныя и отъ нихъ не осталось и слѣда. Не легко даже указать то мѣсто, гдѣ онъ былъ. Больничныя «кельишки», въ которыхъ жилъ Никонъ въ пер-

вый годъ своей ссылки, находились по сосѣству съ братской поварней: Никонъ жаловался государю въ члобитной, что изъ поварни льють и зимой и лѣтомъ всякія помои и скаредie къ его кельѣ, и отъ этого бываетъ великий смрадъ¹. Поварня стояла, конечно, вблизи монастырской трапезы и, слѣдовательно, на сѣверной сторонѣ монастыря: тамъ нужно искать и мѣсто больничныхъ келій. Новые келіи, выстроенные черезъ годъ, находились, по словамъ Никона, «подлѣ тѣхъ же больничныхъ кельишекъ». Изъ донесенія же пристава Шайсупова видно, что эти келіи были удалены отъ монастырскихъ церквей и стояли «внѣ монастыря»². Отсюда можно заключать, что первыя келіи Никона были на сѣверной сторонѣ монастыря за предѣлами нынѣшней ограды. Что же касается вторыхъ келлій Никона, оконченныхъ постройкою въ 1675 году, то нельзя сказать съ увѣренностью, где они были. Какъ извѣстно, эти келіи соединялись съ Богоявленскою церковью на св. воротахъ особыми переходами, которые шли по монастырской стѣнѣ чрезъ сушильныя палаты на протяженіи 30 саженъ. Если подъ сушильными палатами разумѣть большое каменное сушило, доселѣ сохранившееся на юго-западномъ углу монастыря рядомъ съ св. воротами, то необходимо допустить, что вторыя келіи Никона находились на южной сторонѣ монастыря приблизительно около церкви прп. Мартиніана. Но возможно, что подъ сушильными палатами разумѣется другое сушило (въ монастырѣ ихъ было нѣсколько), тѣмъ болѣе, что въ стѣнѣ сохранившагося сушила не замѣтно слѣдовъ хода. Въ этомъ случаѣ келіи Никона придется отнести къ сѣверо-западному углу монастыря. Послѣднее предположеніе отчасти подтверждается тѣмъ извѣстіемъ, что самъ Никонъ хотѣлъ видѣть свои келіи устроенными на мѣстѣ ветхой келарской келіи, стоявшей рядомъ съ Богоявленской церковью³ и именно съ сѣверной ея стороны, такъ какъ съ южной примыкало къ ней сушило. Достовѣрно извѣстно только то, что келіи Никона находились не ближе 30 саженъ отъ св. воротъ.

Занятые этими археологическими соображеніями, мы еще нѣсколько времени бродимъ по опустѣвшему монастырскому

¹ Проф. прот. П. Ф. Николаевскій. Жизнь Никона, с. 69.

² Тамъ же, с. 54.

³ Тамъ же, с. 55.

двору. Кроме церквей и большого сушкила здѣсь не осталось никакихъ монастырскихъ зданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ существовали еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія¹. Древнія церкви монастыря еще донынѣ прочны, и вы не находите въ нихъ той ветхости, которая сто лѣтъ тому на- задъ послужила поводомъ къ закрытию обители. При всемъ томъ поддержка въ исправномъ видѣ четырехъ древнихъ храмовъ составляетъ тяжелое бремя для небогатаго єерапонтовскаго прихода, получившаго это наслѣдіе упраздненной обители.

Деревянная церковь прор. Иліи въ Цыпинскомъ погостѣ.

Выйдя изъ монастыря на террасу, находящуюся предъ его воротами, вы невольно залюбуетесь чуднымъ видомъ, открывающимся отсюда на Бородавское озеро съ его мысками и заливами на далекомъ горизонѣ. Справа на мысу около десятка мельницъ съ крыльями выстроились въ рядъ, эффектно отражаясь въ тихой водѣ залива. Къ югу отъ єерапонтова верстахъ въ трехъ отъ него возвышается гора Цыпина. Гора эта съ бѣльющей на ней часовней царить надъ всей окрест-

¹ Въ началѣ настоящаго вѣка были еще цѣлы многія монастырскія постройки. См. описание монастыря въ И. Р. I. VI, 853—855.

ностью и уже издалека видна проезжему путнику. Прогулкой на эту гору мы завершимъ обозрѣніе Єерапонтовой обители.

Дорога на гору Цыпину проходитъ мимо древяного Цыпинского погоста, который упоминается уже въ началѣ XVI вѣка¹), въ числѣ церквей, стоявшихъ на землѣ Єерапонтова монастыря. Погость этотъ имѣть съ дороги весьма живописный видъ (рис. на стр. 115). Онъ весь утопаетъ въ густой зелени березъ, лишь и тополей и манить къ себѣ усталаго путника отдохнуть подъ ихъ освѣжающей тѣнью. Деревья ростуть здѣсь не только по линіи обширной ограды, но и внутри ея образуютъ правильныя аллеи, а въ одномъ мѣстѣ даже особый тѣнистый садъ. Чистота и чрезвычайное обиліе зелени оставляютъ въ посѣтиtelѣ пріятное впечатлѣніе и дѣлаютъ Цыпинскій погость совершенно не похожимъ на наши сельскія кладбища, обыкновенно лишенныя всякой зелени и содержимыя въ крайне не-приглядномъ видѣ. Не смотря на древность Цыпинского погоста, нынѣшняя церкви его не могутъ похвалиться особой стариной. Двѣ большія каменные церкви въ одномъ зданіи, съ высокой колокольнею предъ ними, построены во имя св. мучениковъ Димитрія Солунскаго и Георгія Побѣдоносца въ 1800 году. Болѣе замѣчательна другая деревянная церковь во имя пророка Иліи. Она построена осмиугольникомъ, имѣть шатровый верхъ и общимъ своимъ видомъ напоминаетъ корабль (рис. на стр. 117). Извѣстно, что шатровыя церкви въ старину, именно въ XVII и XVIII в., не пользовались расположениемъ духовнаго начальства, которое запрещало ихъ строить², а потому церкви, подобныя Цыпинской, не часто приходится видѣть. Ильинская церковь построена въ 1755 г. по благословенію Серапіона, епископа вологодскаго и бѣлозерскаго. На ея мѣстѣ стояла раньше другая церковь, то же во имя пр. Иліи, антиминсъ для которой былъ освященъ въ 1635 году³. По преданію, сохранившемуся среди мѣ-

¹ См. выше стр. 82, примѣч. 4.

² Проф. Н. В. Покровскій. Древности Костромскаго Ипатьевскаго монастыря. „Вѣстникъ Археологии и Исторіи“. 1885 г. IV, стр. 33, 34.

³ Найденъ среди старого хлама въ 1874 году. Сдѣланъ изъ холста (6 вершковъ въ длину и ширину) и имѣть слѣдующую надпись: „Освѧтился олтарь Господа Бога и Спаса нашего И. Х. въ церкви святаго и славнаго пророка Иліи. Священа бысть церковь сія въ лѣто 7143 года індикта 3 іюля 20 при благовѣрномъ Царѣ и великому князю Михаилѣ

стныхъ жителей, эта первая церковь сначала стояла на другомъ мѣстѣ, именно на холмѣ, который возвышается вблизи надъ озеромъ Ильинскимъ. На нынѣшнее же мѣсто она, по словамъ преданія, была перенесена вслѣдствіе троекратнаго явленія на этомъ мѣстѣ иконы прор. Иліи на деревѣ среди росшаго здѣсь дремучаго лѣса. Икону трижды брали въ цер-

Гора Цыпина съ часовней въ память Императора Александра II въ окрестностяхъ Ферапонтова монастыря.

ковъ и она трижды исчезала оттуда и появлялась на излюбленномъ мѣстѣ, куда потомъ должны уже были перенести и церковь. Икона эта доселѣ служить въ народѣ предметомъ особаго почитанія. Она писана на смолѣ и имѣеть въ длину около 12 вершковъ, а въ ширину около 10. Часть холма, на которомъ по преданию стояла въ древности Ильинская церковь, доселѣ называется въ народѣ «церквищами», и на

Феодоровичъ всея Руси и при митрополитѣ Варлаамѣ ростовскомъ и ярославскомъ».

немъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ можно было видѣть слѣды могильныхъ кургановъ¹.

Съ этого холма начинается постепенный подъемъ на гору Цыпину. Дорога то опускается въ ложбину, то опять поднимается и становится все круче и круче по мѣрѣ приближенія къ горѣ. На самую гору приходится взбираться съ большимъ трудомъ по крутой узкой тропинкѣ на краю высокаго обрыва. Утомительный подъемъ вознаграждается обширной панорамой, которая открывается вашему взору на всѣ четыре стороны. Вотъ на сѣверъ отъ васъ синѣютъ озера Бородавское, Пасскoe, Ильинское съ бѣлѣющими около нихъ церквами Ферапонтова монастыря и Ильинского погоста. На восточной сторонѣ горизонта мелькаютъ въ синеватой дымкѣ колокольнисосѣднихъ церквей: въ ясную погоду ихъ можно простымъ глазомъ насчитать не менѣе 20. Говорить, иногда видны бываютъ села смежной Вологодской губерніи, находящіяся отъ горы верстахъ въ 40 и далѣе. Хорошо видны церкви и села Словинского Волока, который еще въ глубокой древности былъ бойкимъ торговымъ путемъ. На мѣстѣ его проходить теперь система герцога Александра Виртембергскаго. Рядъ озеръ, входящихъ въ составъ этой системы, тянется по южной сторонѣ горизонта. На юго-западѣ блещутъ на солнцѣ стѣны и башни Кириллова монастыря, а немногого лѣвѣ къ западу возвышается надъ горизонтомъ темная шапка горы Мауры. Гора Цыпина съ ея чудными видами служить любимымъ мѣстомъ для прогулокъ окрестныхъ жителей. Въ простомъ народѣ она извѣстна подъ именемъ «Роскины» и издавна служила мѣстомъ для хороводовъ и гуляній. Въ старину на самой вершинѣ горы стояли качели.

Гора Цыпина, самый высокій пунктъ въ Кирилловскомъ уѣздѣ, представляетъ продолженіе Валдайской возвышенности. Отъ нея тянется верстъ на 6 рядъ холмовъ къ юго-западу по направленію къ городу Кириллову². Въ 1882 году на вершинѣ ея устроена мѣстными крестьянами

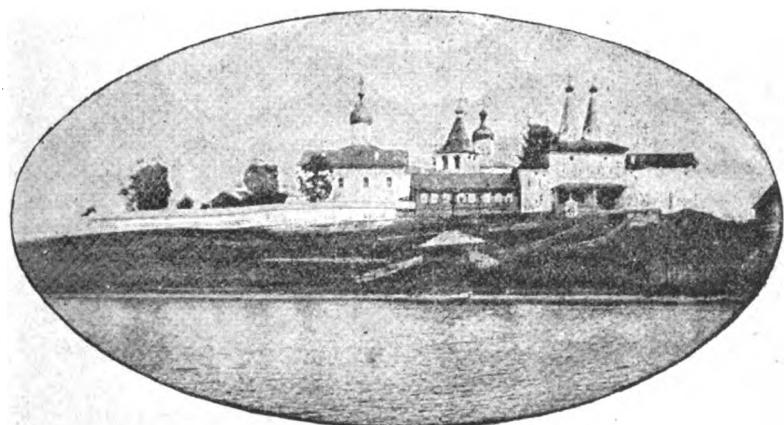
---

¹ „Вѣст. И. Р. Геогр. Общества“. 1854.

² Эта гора замѣчательна и въ ботаническомъ отношеніи: на южныхъ склонахъ ея можно встрѣтить молодые дубки, которыхъ совсѣмъ неѣть въ окружающей мѣстности. Здѣсь, повидимому, можно предполагать сѣверную границу дуба.

каменная часовня во имя св. князя Александра Невского и въ память мученической кончины Царя-Освободителя (рис. на стр. 119). Невеликъ и скроменъ этотъ памятникъ, но онъ виденъ изъ далекихъ окрестностей благодаря высокой горѣ Цыпинѣ.

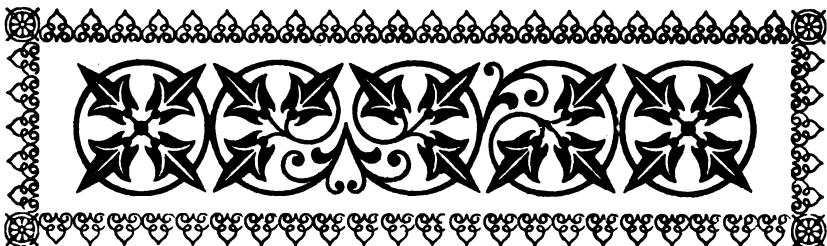
Ѳерапонтовъ монастырь съ его окрестностями принадлежитъ къ числу наиболѣе живописныхъ мѣстъ нашего сѣвера. Путешественники, которымъ случалось бывать въ Ѣерапонтовѣ — напр. Шевыревъ и Муравьевъ — съ восторгомъ отзываются о красотѣ его положенія. Но ихъ восторгъ былъ бы еще полнѣе, если бы они имѣли случай полюбоваться чуднымъ видомъ съ горы Цыпины.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ СЪ КЛИРОМЪ.

Съ современного изображения въ церкви Воскресенского монастыря.

Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлъозерѣ¹.

(Исторический очеркъ).

„При выходѣ изъ обители Ферапонтовой, равно какъ и при входѣ, невольно встрѣчаетъ и провожаетъ васъ память о Никонѣ, бывшемъ Патріархѣ, потому что онъ ее прославилъ долгимъ своимъ заточеніемъ.

А. Н. Муравьевъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка на Руси совершилось событие, безпримѣрное въ лѣтописяхъ русской церкви. Глава русской церкви, замѣчательнѣйшій ея іерархъ, выдвинувшійся изъ среды народа своимъ умомъ, энергией и богатствомъ духовныхъ дарованій — знаменитый патріархъ Никонъ паль жертвой искусно веденной интриги своихъ многочисленныхъ враговъ. Паденіе могущественнаго патріарха завершилось полнымъ его униженіемъ и торжествомъ

¹ Такъ какъ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь известенъ главнымъ образомъ какъ мѣсто ссылки патріарха Никона, то въ дополненіе къ вышеизложенному очерку этой древней обители мы нашли умест-

надъ нимъ его враговъ: онъ быль осужденъ на соборѣ, лишенъ сана и отправленъ въ ссылку на Бѣлоозеро въ далекій Ферапонтовъ монастырь. Такъ закончилось дѣло патріарха Никона, которое по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, «представляетъ единственную драму, какой не повторялось въ исторіи русской церкви». Изъ «великаго государя патріарха», вершившаго нѣкогда судьбы русской церкви и государства, Никонъ послѣ соборнаго осужденія становится простымъ ссылнымъ монахомъ и доживаетъ свой вѣкъ въ далекихъ монастыряхъ, испытывая горечь униженія и торжества надъ собою своихъ враговъ, которые всѣми силами старались вредить ему до самой его смерти. Много людской

нимъ привести здѣсь особый очеркъ, посвященный изображенію обстоятельствъ ссылки знаменитаго патріарха на Бѣлоозеро и жизни его въ заточеніи.

Обзоръ обширной литературы о п. Никонѣ и различныхъ до противоположности мнѣній и взглядовъ на эту замѣчательную личность, одну изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ личностей въ нашей русской исторіи, сдѣланъ проф. В. Иконниковымъ въ статьѣ: „Новые материалы и труды о п. Никонѣ“. „Кievskia Univers. Izvѣstia“ за 1888 г. № 6. Жизни Никона въ ссылкѣ посвящено въ нашей литературѣ специальное изслѣдованіе проф.прот. П. Ф. Николаевскаго подъ заглавиемъ: „Жизнь патріарха Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 года. Историческое изслѣдованіе по неизданнымъ документамъ подлиннаго стѣдственного дѣла п. Никона“ („Христ. Чт.“ за 1886 г. и отд. оттискъ). Часть документовъ, которыми пользовался П. Ф. Николаевскій, именно документы московской Синодальной библіотеки, издана въ 1897 году Археографической Комиссіей подъ заглавиемъ: „Дѣло о патріархѣ Никонѣ“. Спб. 1897. Въ архивѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря хранилось много документовъ, относившихся къ жизни Никона въ ссылкѣ, но они теперь похищены и извѣстны только благодаря описанію ихъ въ статьѣ архим. Варлаама: „О пребываніи п. Никона въ заточеніи въ Ферапонтовѣ и Кирилловѣ-бѣлозерскихъ монастыряхъ“ („Чт. Общ. Ист. и Древностей“ за 1858 г.). Нѣкоторые оставшіеся документы были описаны архим. Іаковомъ (Древн. М. археол. Общества т. VIII, 1880). Въ самое послѣднее время мѣстный изслѣдователь Кирилло-бѣлозерской старины Н. П. Успенскій, занимаясь разборкою и описаніемъ монастырскаго архива, напечать много данныхъ относительно содержанія п. Никона въ ссылкѣ. Результаты этихъ изысканій были любезно сообщены намъ авторомъ и нынѣ напечатаны имъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“. Нѣсколько мелкихъ чертъ, характеризующихъ хозяйственную сторону жизни Никона въ Ферапонтовѣ, удалось намъ встрѣтить въ приходо-расходныхъ книгахъ Ферапонтова монастыря за 1672—73 годъ.

злобы и несправедливости испыталъ на себѣ великий патріархъ. Православные іерархи, одобравшіе потомъ его начинанія и реформы, отчасти изъ личной непріязни, отчасти въ угоду царю и боярамъ, слишкомъ строго и несправедливо осудили его и даже лишили сана; раскольники объявили его антихристомъ и сочиняли о немъ нелѣпые разсказы. Патріархъ, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, былъ слишкомъ впечатлителенъ по своей натурѣ, чтобы оставаться спокойнымъ среди всевозможныхъ униженій и злобныхъ клеветъ. Во все время ссылки онъ находился въ болѣзненно-тревожномъ настроеніи; его измученная душа не знала покоя отъ тягостныхъ волненій и тревогъ. Тяжесть ссылки для Никона заключалась не столько во внѣшнихъ условіяхъ жизни, которыхъ притомъ не всегда бывали одинаково суровы, сколько во внутреннемъ мучительно-безпокойномъ состояніи души. Въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ томился въ ссылкѣ знаменитый патріархъ, и эти пятнадцать лѣтъ были послѣднимъ актомъ его замѣчательной жизненной драмы. Въ первое время ссылки предъ нами все тотъ же патріархъ-богатырь съ его властнымъ непреклоннымъ характеромъ, съ прямой суровой рѣчью на устахъ, требовавшій порядка и исправности во всемъ, даже въ мелочахъ обыденной жизни. Но годы суровой ссылки подточили могучій организмъ, скоро приблизилась старость съ ея болѣзнями: Никонъ—этотъ «величайшій характеръ въ лѣтописяхъ русской іерархіи»¹, видимо слабѣлъ и тѣломъ и духомъ.

Печально было видѣть, какъ этотъ пастырь, сильный словомъ и дѣломъ, медленно угасаль гдѣ-то подъ спудомъ

¹ Такъ называетъ Никона англійскій ученый Стэнли (Stanley) въ своей любопытной характеристику знаменитаго патріарха. «Чрезъ всю глубокую мглу, которая лежитъ надъ нимъ, говорить между прочимъ Стэнли, можно однажды разглядѣть оригиналъ характера человѣка, соединяющаго съ своимъ нравственнымъ упрямствомъ переросшаго избалованнаго ребенка рѣдкій юморъ и неутомимую энергию западнаго политика». См. Иконниковъ, 42. Другой англійскій ученый — известный Вильямъ Пальмеръ положительно преклоняется предъ личностью и характеромъ патріарха Никона. Заинтересовавшись личностью Никона, онъ посвятилъ многие годы на собираніе и изученіе материаловъ о немъ и издалъ результаты своихъ трудовъ въ 6 большихъ томахъ подъ общимъ заглавиемъ „Патріархъ и Царь“ („The Patriarch and the Tsar“. By Will. Palmer. London 1871—76, 6 vols.).

въ далекой бѣлозерской пустынѣ въ то самое время, когда его умъ и энергія особенно нужны были для блага церкви и родной земли. На болѣе беспристрастныхъ современниковъ Никона бѣдственная участіе его произвела тяжелое впечатлѣніе. Извѣстно, что некоторые епископы плакали, присутствуя при низложеніи Никона. Епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, бывшій свидѣтелемъ низложения Никона, такъ описывалъ потомъ свои впечатлѣнія: «Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха; я страдалъ и изыхалъ отъ ударовъ, переносиль ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило». Въ универсалѣ гетмана Брюховецкаго, который возсталъ противъ московскаго государства въ 1667 году, самымъ гнуснымъ дѣломъ москалей названо то, что «они свергли святѣшаго отца-патріарха, который училъ ихъ имѣть милость и любовь къ ближнему»¹. Сочувствіемъ народа къ низложенному «боярами» Никону хотѣли воспользоваться и донскіе казаки для своихъ мятежныхъ цѣлей и этимъ, какъ увидимъ ниже, навлекли новыя бѣды на голову злополучнаго патріарха.

I.

«Соборъ судившихъ меня патріарховъ ставлю я ни во что».

Патріархъ Никонъ.

Никогда еще старая Москва не видѣла у себя такого блестящаго собора іерарховъ какъ въ концѣ 1666 года. Въ это время здѣсь были два восточныхъ патріарха, александрийскій Паисій и антіохійскій Макарій, десять митрополитовъ (изъ нихъ шесть не русскихъ), семь архіепископовъ, четыре епископа, тридцать архимандритовъ, кроме игуменовъ, протопоповъ и др. духовныхъ лицъ. Всѣ они были приглашены на соборъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ цѣлью положить конецъ дѣлу патріарха Никона, который вслѣдствіе своей размолвки съ государемъ удалился съ патріаршаго

¹ Н. И. Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. СПБ. 1886, II, 303. „Никонъ вообще пользовался уваженіемъ въ Малороссії“, которая, благодаря именно его настоянію, была принята царемъ въ подданство вопреки совѣтамъ недальневидныхъ политиковъ—бояръ. См. [С. Михайловский]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878. стр. 139—145.

престола и проживалъ въ своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ. Послано было и къ Никону приглашение явиться въ Москву на соборный судъ. Зналъ патріархъ, что ничего доброго ему нельзя ожидать отъ этого собора, гдѣ одни изъ іерарховъ имѣли личную вражду къ нему, другие готовы были дѣйствовать противъ него въ угоду царю и боярамъ. Получивъ приглашение явиться въ Москву на судъ, онъ совершилъ таинство елеосвященія, помазавъ освященнымъ елеемъ себя, весь причтъ и братію, а на другой день отслужилъ литургію¹, въ концѣ которой сказалъ братіи поученіе о перенесеніи скорбей. Прощаясь съ братіей, патріархъ какъ бы зналъ, что ему не суждено вернуться живымъ въ любимую обитель. Могъ ли онъ предчувствовать, что черезъ пятнадцать лѣтъ онъ вернется сюда уже беззыяннымъ тѣломъ и будетъ погребенъ въ той самой церкви, гдѣ онъ совершалъ теперь свою послѣднюю литургію?

1 декабря въ столовой палатѣ царскаго дворца было первое засѣданіе собора по дѣлу о Никонѣ подъ предсѣдательствомъ царя, который явился сюда въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. За подсудимымъ патріархомъ послали архіепископа и двухъ архимандритовъ съ наказомъ, что бы онъшелъ на соборъ «смиреннымъ образомъ». Никонъ не захотѣлъ повиноваться этому наказу. Онъ отправился на соборъ въ преднесеніи креста, сани его съ трудомъ двигались среди тѣснившейся на пути толпы народа, которому онъ раздавалъ благословеніе. Проѣзжая мимо соборовъ Успенскаго и Благовѣщенскаго, гдѣ въ то время совершилась обѣдня, патріархъ хотѣлъ было зайти туда помолиться, но двери собора закрывались предъ нимъ и огорченный патріархъ, поклонившись храму, слѣдовалъ далѣе.

Торжественно вступилъ Никонъ въ столовую палату, гдѣ ожидали его многолюдный соборъ. Всѣ невольно должны были встать при появленіи московскаго патріарха въ преднесеніи креста, въ мантіи и съ посохомъ въ рукахъ. Никонъ прочиталъ вслухъ входную молитву, молитву о здравіи царя и поклонился до земли царю трижды, а патріархамъ дважды и на обѣ стороны,

¹ Эта послѣдняя литургія, совершенная п. Никономъ, была по его приказанію пропѣта пѣвчими на любимомъ имъ греческомъ языке („греческими глаголы, согласиемъ Киевскимъ“). Шушеринъ. Извѣстіе о жизни п. Никона. М. 1871 г. стр. 54.

гдѣ сидѣли архіереи и бояре. Патріархи пригласили Никона сѣсть и указали ему мѣсто на ряду съ архіереями, но онъ счелъ такое предложеніе унизительнымъ для достоинства московскаго патріарха и гордо заявилъ, что онъ мѣста съ собой не принесъ. Взявъ снова посохъ въ руки, онъ простоялъ до конца засѣданія, которое длилось около 10 часовъ.

Извѣстно, что такое представляль собою судъ надъ патріархомъ Никономъ¹. Это не было спокойное разбирательство дѣла, это былъ шумный крикливый споръ. Порядка въ допросахъ не было и самые допросы за недостаткомъ серьезныхъ обвиненій часто принимали видъ мелочныхъ упрековъ. Никонъ на одни вопросы презрительно молчалъ, на другіе — давалъ рѣшительные и иногда рѣзкіе отвѣты, не оставаясь въ долгу у своихъ противниковъ. Раздраженный придирками враговъ Никонъ въ концѣ засѣданія сказалъ царю: «только бы ты Бога боялся и ты бы не такъ надо мною дѣлалъ».

3 декабря было второе засѣданіе по дѣлу о Никонѣ. Никона на него не пригласили, а совѣщались о томъ, что необходимо строго судить его за разныя вины и главнымъ образомъ за досадительныя рѣчи о государѣ и архіереяхъ въ письмѣ константинопольскому патріарху Діонисію. Вселенскіе патріархи были уже такъ враждебно настроены противъ Никона, что прямо говорили: «ему-де не подобаетъ ни въ чѣмъ вѣрить».

На третье засѣданіе, состоявшееся 5 декабря, былъ опять приглашенъ Никонъ. Это засѣданіе было еще болѣе беспорядочнымъ и бурнымъ, чѣмъ первое. Никонъ, еще на первомъ засѣданіи съ недовѣремъ относившійся къ полномочіямъ патріарховъ, пріѣхавшихъ судить его, теперь прямо объявилъ, что по извѣстіямъ, полученнымъ отъ грековъ, пріѣхавшіе патріархи не могутъ называться истинными патріархами, такъ какъ на ихъ мѣста поставлены другіе. Это заявленіе вызвало бурю негодованія прежде всего въ самихъ патріархахъ. Еще съ большимъ усердіемъ они стали обвинять Никона, повторяя прежнія обвиненія, и за недостаткомъ новыхъ обвиненій

¹ Объ одностороннемъ освѣщеніи обстоятельствъ суда надъ Никономъ въ исторіи Соловьевъ (XI т.) см. замѣчанія другихъ исследователей — проф. Субботина и Гиббенета. Пользуясь (большимъ количествомъ материала, послѣдній нерѣдко отмѣчаетъ далеко не беспристрастное отношеніе Соловьева къ Никону.

ставя ему въ вину даже такія мелочи, какъ ношеніе чернаго клобука съ херувимами или двухъ панагій, преднесеніе креста, название Воскресенскаго монастыря Новыемъ Іерусалимомъ и пр. Никонъ съ презрѣніемъ и ироніей отвѣчалъ своимъ обвинителямъ, что еще болѣе ихъ раздражало. «Широкъ ты здѣсь, сказалъ онъ антіохійскому патріарху, а какъ отвѣтъ дашь передъ константинопольскимъ патріархомъ? ¹ Бояре, главные враги Никона, при всемъ желаніи обвинить его, молчали, не зная, что сказать, и боясь попасть подъ острый языкъ патріарха. «Благочестивый царь, съ ироніей говорилъ Никонъ, девять лѣтъ они готовились къ этому дню, а теперь и рта не могутъ открыть. Прикажи ужъ имъ лучше бросать въ меня камни, это они скорѣе могутъ сдѣлать».

Рассказываютъ, что во время этого засѣданія царь, сойдя со своего мѣста, подошелъ къ Никону и перебирая четки, которыя патріархъ держалъ въ рукахъ, началъ тихо говорить ему: «Святѣйшій, зачѣмъ ты положилъ на меня великій зазоръ? Отправляясь на соборъ, ты соборовался и причастился какъ на смерть. Неужели я за все прежнее добро отплачу тебѣ зломъ? И царь началъ кляться, что у него и въ мысли нѣтъ сдѣлать ему зла.

«Благочестивый царь, сказалъ ему Никонъ, не возлагай на себя такихъ клятвъ, повѣрь, что мнѣ готовятся многія бѣды и скорби». Царь заговорилъ было о примиреніи, о желаніи своемъ разрушить «средостѣніе» вражды. «Хорошее дѣло задумалъ ты, царь, съ горькой усмѣшкой сказалъ Никонъ, но знай, что оно не будетъ совершено тобою, и я долженъ буду до конца испытать на себѣ твой гнѣвъ» ²). Это была послѣдняя бесѣда двухъ бывшихъ друзей: больше они уже не видѣли другъ друга.

Не трудно было предвидѣть исходъ соборныхъ разсужденій. Патріархи, раздраженные рѣзкими отвѣтами Никона, говорили: «по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуется истину, а Никонъ истины не исповѣдуется» и признали его достойнымъ лишенія сана. Спустя недѣлю соборный приговоръ былъ торжественно

¹ Записи соборныхъ разсужденій въ разныхъ редакціяхъ — краткой и пространной см. въ изслѣдованіи Н. Гиббенета о дѣлѣ п. Никона (СПБ. 1884, часть II, стр. 996—1099).

² Шушеринъ (65—67).

объявленъ Никону и приведенъ въ исполненіе. 12 декабря утромъ члены собора собрались въ небольшой церкви Чудова монастыря. Царь не желалъ присутствовать на низложеніи своего бывшаго «собинаго» друга и послалъ вмѣсто себя бояръ. Нѣкоторые архіереи также желали уклониться отъ тяжелой сцены низложенія Никона и явились на соборъ противъ своей воли. Симонъ, архіепископъ вологодскій, сказался больнымъ, но его все-таки принесли въ церковь на коврѣ и положили въ углу, где онъ плакалъ горькими слезами. Патріархи и архіереи облачились въ мантіи, надѣли омофоры и митры, прочее духовенство стояло въ ризахъ. Никонъ, войдя въ церковь, помолился иконамъ и, поклонившись патріархамъ дважды въ поясь, сталъ у западныхъ дверей. Послѣ краткаго молитвословія патріархи приказали читать соборное опредѣленіе сначала по-гречески, потомъ по-славянски. «Сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда, громогласно читаль архіепископъ рязанскій Иларіонъ, во еже бы ему кому не дѣйствовати архіерейскихъ, ибо его совершенно низложихомъ мы патріарси съ омоюори и съ епитрахи предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, изъявляюще отъ нынѣ вмѣнятия и именоватиа простымъ монахомъ Никону, а не кому патріархомъ московскимъ... Мѣсто паки его пребыванію до кончины житія его назнаменовахомъ въ монастырѣ, во еже бы ему безпрепятно и безмолвно плакатися о грѣхъ своихъ. Повелѣхомъ же при немъ быти благоискусному коему мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити; и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составляти. Еще же завѣщаю при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ, всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятеожными писаніямъ не исходить. ...Аще же кто отъ нынѣ дерзнетъ именовати его впредь патріархомъ, да будетъ повиненъ во епитиміяхъ святыхъ отецъ»¹. Никонъ и здѣсь возражалъ противъ обвиненій, объявленныхъ въ приговорѣ, но патріархи спѣшили приступить къ обряду низложенія. Прочитавъ молитву, они рукою показали Никону и сказали чрезъ толмача, чтобы онъ снялъ съ себя клобукъ. Никонъ наотрѣзъ отказался исполнить это требование, говоря, что, когда онъ принималъ иноческий образъ, то клялся сохранить его до конца жизни. «И если я достоинъ низложенія, говорилъ онъ, то

почему вы совершаеете его тайно въ этой маленькой церкви? Почему нѣть здѣсь ни государя, ни народа? Пойдемте въ соборъ, гдѣ я принималъ патріаршество при государѣ и при народѣ». «Тамъ

Патріархъ Никонъ.

Съ современпаго портрета, писанного царскимъ живописцемъ
Иоганномъ Дитерсомъ.

или здѣсь, отвѣчали патріархи, все едино, а что государя здѣсь нѣть, въ томъ воля его царскаго величества».

Патріархъ александрийскій, носившій титулъ судіи вселенной, приблизился къ Никону и самъ сняль съ него кло-

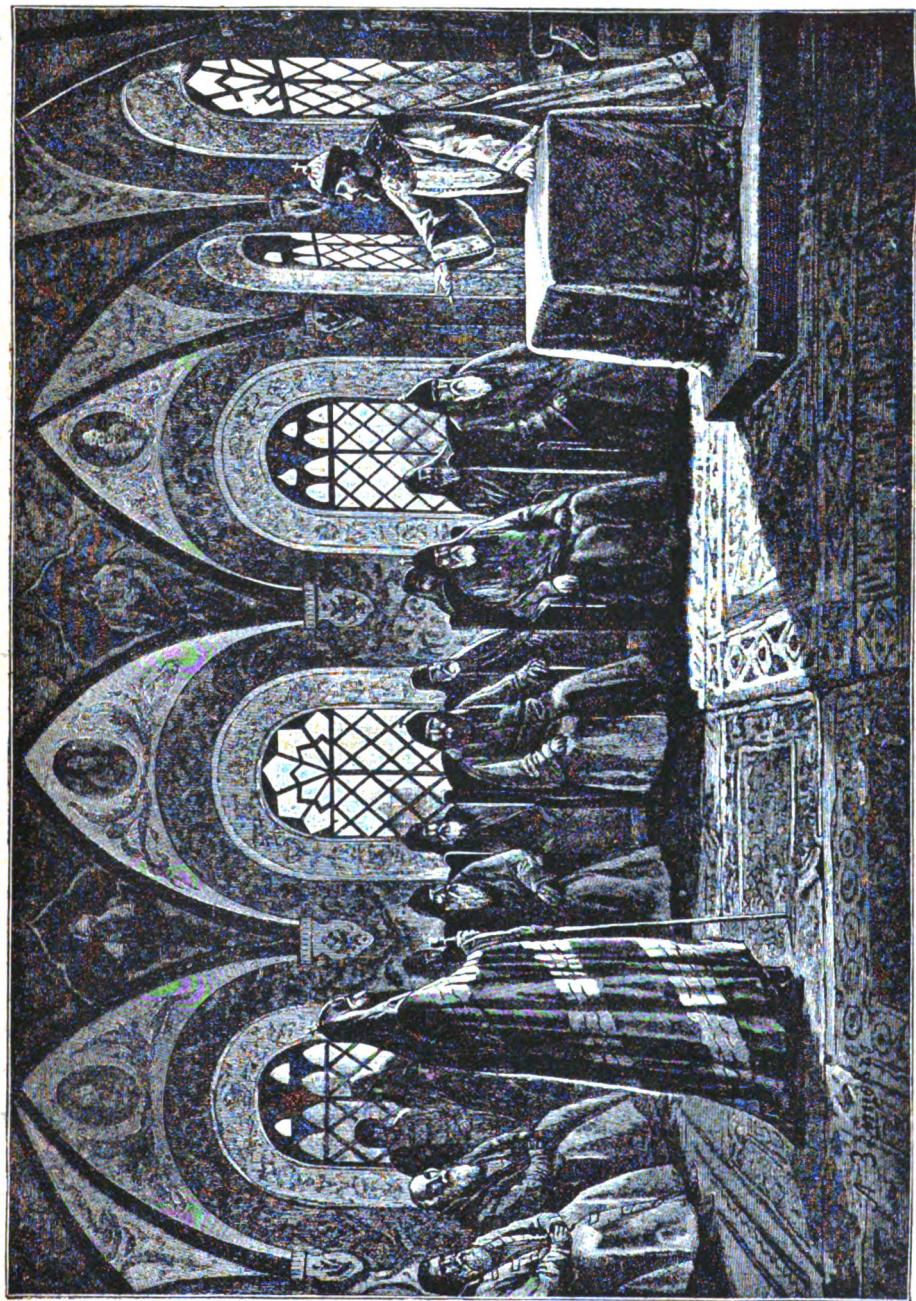
¹ См. Соборное постановленіе у Гиббенета. II, 1093—1097.

букъ съ жемчужнымъ крестомъ и драгоценную панагію. «Бѣдные вы странники, среди общей тяжелой тишины заговорилъ низлагаемый патріархъ, приходите вы къ намъ изъ далекихъ странъ не для того, чтобы сдѣлать доброе или устроить миръ, а для того, чтобы получить милостию. Возьмите себѣ это, сказалъ онъ указывая на клобукъ и панагію, и раздѣлите между собой, достанется вамъ жемчугу золотниковъ пять-шесть, да золотыхъ по десяти: пригодится для уплаты дани султану».

На Никона одѣли простой клобукъ, снятый съ головы стоявшаго тутъ греческаго монаха. Но мантіи и посоха не рѣшились теперь взять у него «страха ради всенароднаго». Патріархъ александрийскій началь говорить наставлѣніе Никону, чтобы онъ именовался впредь простымъ монахомъ и въ монастырѣ бы жилъ тихо и безмятежно и о своихъ согрѣщеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. «Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить», суроно обрѣзаль Никонъ рацею лицемѣрнаго грека¹. Мѣстомъ ссылки Никона назначенъ былъ древній Ферапонтовъ монастырь на Бѣлъозерѣ.

Никонъ вышелъ изъ церкви въ мантіи и съ посохомъ, такъ что толпившійся народъ могъ не подозрѣвать, что патріархъ уже лишенъ сана. «Никонъ, Никонъ», со вздохомъ сказалъ низложенный патріархъ, садясь въ сани. «Отчего это приключилось съ тобой: не говори правды, не теряй дружбы. Если бы ты вечеряль съ ними за роскошными трапезами, то этого не случилось бы съ тобой». Никонъ отправился на архангельское подворье, гдѣ онъ жилъ. По порученію собора его провожали два архимандрита Павелъ и Сергій, за ними слѣдовали стрѣльцы. По обѣимъ сторонамъ пути стояла густая толпа народа. Архимандрит Сергій все время злобно ругался надъ низложеннымъ патріархомъ. «Молчи, молчи Никонъ», кричалъ онъ ему всякий разъ, какъ патріархъ начинай говорить съ окружающими. «Скажите ему, замѣтилъ Никонъ, если онъ

¹ Любопытно припомнить судьбу главныхъ судей Никона, клявшихся въ своемъ непримѣріи страшнымъ судомъ Божіимъ. Восточные патріархи по возвращеніи домой были повышены султаномъ за то, что безъ его позволеніяѣздили въ Россію. Привезенная ими милостию была взята турками, а ихъ тѣла подверглись позорному поруганію. Больѣе или менѣе печальная участъ постигла и некоторыхъ другихъ іерарховъ, судившихъ Никона [См. С. Михайловскій]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878 г., 280.

Судъ надъ патрархомъ Никономъ.
Рисунокъ Земцова (изъ журнала „Илья“ за 1892 г.).

имѣть власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ». Экономъ Никона передалъ эти слова Сергію, причемъ назвалъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. Злобно закричалъ на эконома Сергій: «зачѣмъ, чернецъ, называешь его патріархомъ, онъ ужъ не патріархъ, а простой монахъ». Въ это время изъ толпы раздался окрикъ на самого Сергія: «какъ ты смѣешь кричать на патріарха, имя патріаршее дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго!» Сергій обратился къ стрѣльцамъ съ приказаниемъ розыскать дерзкаго обличителя, но ему сказали, что виновный уже схваченъ и отведенъ, куда слѣдуетъ. «Блажени изгнаніи правды ради», сказаль при этомъ Никонъ.

Весь этотъ день Никонъ провелъ у себя на архангельскомъ подворьѣ и старался быть спокойнымъ, занявшиясь чтенiemъ любимыхъ имъ толкованій Златоуста на посланія ап. Павла. Но злобный Сергій и тутъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ злополучнаго патріарха. Снявъ съ себя камилавку и нахально развалившись на скамьѣ противъ Никона, онъ всячески старался досадить ему насмѣшками и издѣвательствами. «Сергій, сказалъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія патріархъ, перестань лаять на насъ какъ наученный этому песъ». Но Сергій не унимался. За вечернимъ богослуженіемъ въ церкви подворья монахи Никона по прежнему поминали его патріархомъ. Сергій поднялъ шумъ по этому поводу, но монахи его не слушались. Это былъ послѣдній день, проведенный Никономъ въ Москвѣ, наканунѣ отправленія его въ далекую ссылку.

На слѣдующій день, 13 декабря, рано утромъ явился къ Никону царскій окольничій Родіонъ Стрѣшневъ. Царь послалъ съ нимъ бывшему собинному другу денегъ, шубъ соболиныхъ и лисицкихъ на далекій путь и просилъ у него благословенія себѣ и своему семейству. Эта просьба царя ясно показывала, какъ онъ былъ непослѣдователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ опальному патріарху. Допустивъ осужденіе Никона на соборѣ и самъ явившись его обвинителемъ, онъ началъ теперь жалѣть Никона и сомнѣваться въ законности его низложенія. Благочестивый и совѣстливый Алексѣй Михайловичъ, прося у Никона благословенія, становился въ противорѣчіе съ соборнымъ приговоромъ. Эту двойственность въ отношеніяхъ царя къ опальному патріарху можно наблюдать во все послѣдующее время ссылки Никона. Недовольный царемъ Никонъ на

отрѣзъ отказался отъ его даровъ и не согласился дать ему благословеніе, не смотря на усиленныя просьбы царскаго посла. «Если бы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія, то не оказалъ бы намъ такой немилости», говорилъ огорченный патріархъ.

Тотчасъ по уходѣ царскаго посла пришелъ къ Никону стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ съ заявлениемъ, что по указу его царскаго величества онъ долженъ немедленно препроводить патріарха въ назначенное ему мѣсто ссылки—Өерапонтовъ монастырь. Пока полковникъ ходилъ распоряжаться насчетъ лошадей для опального патріарха, къ Никону явились посланники отъ вселенскихъ патріарховъ и собора съ приказаниемъ возвратить клубокъ и панагію, которые хотя и были сняты съ него наканунѣ, но не были окончательно отобраны «страха ради всенароднаго». Никонъ безпрекословно приказалъ монахамъ выдать просимое. Между тѣмъ полковникъ успѣлъ добыть лошадей для Никона: они были приведены изъ царской конюшни и поспѣшно запряжены въ возокъ Никона, въ которомъ патріархъ прїѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря.

Было еще темно. На дворѣ стояло морозное декабрьское утро. Не смотря на раннее время, Кремль сталъ наполняться народомъ, который желалъ посмотреть, какъ будуть увозить въ ссылку опального патріарха. Во избѣженіе замѣшательства и волненій въ народной толпѣ, которая еще наканунѣ выражала свое сочувствіе опальному патріарху, рѣшено было увезти Никона тайкомъ отъ народа. Стрѣльцы пустили слухъ, что Никона повезутъ изъ Кремля чрезъ Спасскія ворота, а дальше по Срѣтенской улицѣ. Народъ, повѣривъ этому слуху, побѣжалъ изъ Кремля въ Китай-городъ, разсчитывая, что тамъ удобнѣе будетъ смотрѣть на поѣздъ ссылочнаго патріарха. Между тѣмъ возокъ съ лошадьми стоялъ на гостинѣ у келии Никона. Едва только обманутый народъ очистилъ Кремль, какъ Никона поспѣшно посадили въ возокъ и повезли «съ великой борзостью» не по той дорогѣ, гдѣ стоялъ ожидавшій его народъ, а совершенно въ другую сторону—на Каменный мостъ чрезъ Арбатскія ворота. Но монахамъ Никона и некоторымъ почитателямъ его изъ мірянъ было позволено проводить любимаго патріарху. Во избѣженіе безпорядковъ были приняты строгія мѣры предосторожности. Во все время слѣ-

дованія Никона по улицамъ Москвы его поѣздъ съ провожавшими его свитой и мірянами былъ окруженъ отрядомъ изъ 200 стрѣльцовъ подъ начальствомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковниковъ. Въ Земляномъ городѣ Никона встрѣтилъ полкъ стрѣльцовъ въ 1000 человѣкъ съ оружиемъ на готовъ и горящими фитилями. Этотъ многочисленный конвой провожалъ Никона до Сущевой слободы и потомъ вернулся назадъ. За Сущевой слободой на Дмитровской дорогѣ произошло трогательное прощаніе Никона съ приближенными къ нему лицами, которыхъ со слезами разстались съ своимъ владыкой, въ послѣдній разъ получивъ отъ него благословеніе. Суровый патріархъ, какъ видно, умѣлъ привязывать къ себѣ сердца людей. Нѣсколько человѣкъ монаховъ и служекъ добровольно рѣшилисьѣхать съ Никономъ и раздѣлить его изгнаніе¹. Оставшіеся приверженцы Никона долго стояли на дорогѣ, смотря на быстро удалявшійся изъ виду возокъ патріарха, которому уже не суждено было увидѣть вновь престольный городъ.

Быстро мчали Никона сильные царскіе кони, увозя опальнаго патріарха въ далекую ссылку. Никона сопровождали приставленные къ нему архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ и упомянутый стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ съ отрядомъ изъ 50 стрѣльцовъ. Стрѣльцы строго охраняли поѣздъ Никона, разгоняя попадавшійся по дорогѣ народъ и никого не пуская близко къ опальному патріарху. Никона такъ торопили отъѣзdomъ изъ Москвы, что ни онъ, ни его свита не успѣли запастись теплой одеждой, и въ открытомъ полѣ имъ былъ особенно чувствителенъ холодъ декабрьскаго морознаго утра. Доѣхавъ до рѣки Клязьмы въ 25 verstахъ отъ Москвы, приставъ Шепелевъ велѣлъ остановиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ наказовъ относительно ссылаемаго патріарха, которыхъ правительство не успѣло дать, позабывшись прежде всего о немедленной высылкѣ Никона изъ Москвы. Въ этомъ ожиданіи стояли на Клязьмѣ два дня. Наконецъ прїѣхалъ изъ Москвы архимандритъ нижегородскаго печерскаго монастыря Іосифъ и привезъ письменные наказы

¹ „Да съ нимъ Никономъ съ Москвы поѣхали два попа черныхъ Памво да Паладей, да два дьякона черныхъ, Исаія да Маркель да прѣстий старецъ Флавіанъ, да два человѣка бѣлцовъ: Клинскаго уѣзду села Завидова дьячекъ Таракса Матвѣевъ, да Ярославскаго уѣзду села Вацкого Ипатко Михайловъ“... Дѣло о п. Никонѣ № 77.

отъ царя и отъ патріарховъ съ соборомъ. Въ наказѣ говорилось: «Ѣхати ему [Іосифу] съ монахомъ Никономъ, что быль московскій патріархъ, въ Єерапонтовъ монастырь, что на Бѣлѣ-озерѣ, и быть тамъ съ нимъ, монахомъ Никономъ, до указу. И дорогою ему, архимандриту, беречь, чтобы онъ, монахъ Никонъ, писемъ никакихъ не писалъ и никуды не посыпалъ, такоже и въ монастырѣ. Да и того беречь накрѣпко, чтобы ему, Никону, никаково оскорбления никто не чинилъ. А пріѣхавъ въ монастырь мантіи архіерейскія и посохъ взять, а буде не дастъ, и снять. Мантіи снять и посохъ взять и пріѣслать мантію и посохъ къ Москвѣ къ святѣйшимъ патріархомъ и ко освященному собору, да о томъ отписать. А монастырскимъ ему, Никону, владѣть ничѣмъ не велѣть. А пишу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону, (зачернено: съ подобающею честью) по ево потребѣ»¹. Новоспасскому архимандриту велѣно было вернуться въ Москву. Разставаясь съ Никономъ, сердобольный архимандритъ далъ ему на дорогу свою шубу и треухъ (теплая шапка съ наушниками) и сѣйстныхъ припасовъ.

Послѣ двухдневной стоянки Никона повезли далѣе. По присланной изъ Москвы подорожной приставъ Аггей Шепелевъ долженъ былъ везти Никона чрезъ Дмитровъ и Угличъ. Опального патріарха везли съ усиленной скоростью, съ какою ѿздили тогда царские гонцы, посылаемые на спѣхъ. По неровнымъ ухабистымъ дорогамъ ѿзда была не удобной и даже опасной. Сани не разъ опрокидывались и однажды патріархъ сильно ушибся, ударившись головой о стоявшее подлѣ дороги дерево².

Подъѣзжая къ Угличу, Никонъ хотѣлъ послать въ городъ своихъ людей для покупки теплой одежды для своей свиты, но приставъ задержалъ посланныхъ. Жители Углича, узнавъ о приближеніи опального патріарха, вышли ему навстрѣчу съ разными приношеніями. Но приставъ приказалъ стрѣльцамъ побоями разогнать угличанъ, выразившихъ сочувствіе Никону, и быстро промчалъ Никона чрезъ городъ, никому не давъ по-

¹ Дѣло о п. Никонѣ. Изд. Арх. Комиссіи. СПБ. 1897. № 74.

² .. и главу его ко окну древу приторгше, разсказываетъ Шушеринъ, и едва особъ не отторгше, и отъ того убо удараенія Святѣйшій Патріархъ пріять немалую язву". Стр. 79.

дойти близко. Въ одномъ селѣ въ 15 верстахъ отъ Углича какъ разъ въ день проѣзда Никона было стеченіе народа по слухаю торговаго дня. Приставъ послалъ впередъ себя стрѣльцовъ, которые разогнали весь народъ, и патріарха провезли по опустѣлой улицѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда было нужно остановиться для ночлега или для корма лошадей, приставъ посыпалъ стрѣльцовъ съ приказаніемъ приготовить дворы для ночлега. При этомъ изгоняли всѣхъ жильцовъ изъ того дома, гдѣ долженъ былъ остановиться Никонъ.

Не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, сторонники Никона находили средства выражать сочувствіе низложенному патріарху. Такъ въ одной деревнѣ Никону со свитой отвели особую избу, изгнавъ оттуда всѣхъ жильцовъ. Ночью, когда всѣ посторонніе вышли и Никонъ оставался наединѣ съ своими людьми, изъ подполья избы вышла спрятавшаяся тамъ старуха. Разсказавъ, что паканунѣ она видѣла во снѣ, какъ «мужъ нѣкій благообразенъ» велѣлъ ей помочь Никону патріарху, который «посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости», старуха дала Никону 20 рублей денегъ и теплую одежду и опять скрылась въ подполье. Патріархъ, не задолго передъ тѣмъ отказаншійся отъ подарковъ царя, не отказался принять подношенія деревенской старухи¹.

Слѣдующій ночлегъ пришлось сдѣлать въ Мологѣ, которая была тогда слободою. Близъ Мологи находился принадлежавшій патріарху Аѳанасіевскій монастырь. Всего удобнѣе было бы остановиться на ночлегъ въ монастырѣ, но приставъ не согласился на это и велѣлъ почевать въ слободѣ. Когда утромъ слѣдующаго дня Никона повезли мимо самыхъ воротъ монастыря, и всѣ монахи вышли ему на встрѣчу во главѣ съ строителемъ Сергиемъ, ученикомъ Никона, то полковникъ безъ церемоніи разогналъ всѣхъ «съ великимъ прещеніемъ и яростію».

Однако Никонъ при всей бдительности стрѣлецкаго полковника находилъ возможность сноситься съ преданными ему людьми и давать имъ порученія. Въ то время, когда Никонъ стоялъ на ночлегѣ въ деревнѣ Березовѣ (въ 30 верстахъ отъ Мологи), чрезъ эту деревню проѣзжалъ обозъ съ рыбой, ко-

¹ Шушеринъ, 80.

торую везъ изъ Крестнаго монастыря въ Воскресенскій иподьяконъ Никона Иванъ Васильевъ, въ сопровождѣніи Николая Ольшевскаго и троихъ монаховъ Воскресенскаго монастыря. Служки, бывшия въ обозѣ, подойдя къ окошку одной избы, попросили напиться квасу и тутъ неожиданно узнали отъ крестьянина, что въ этой деревнѣ стоять теперь ихъ владыка «бывшей Никонъ патріархъ», по порученію котораго они иѣздили за рыбой на Бѣлое море. Стрѣлецкій полковникъ, узнавъ о проѣжающихъ, велѣлъ привести ихъ къ себѣ, допрашивалъ, «какого они чина люди и откуда єдутъ», и отпустилъ, приказавъ сотнику и стрѣльцамъ проводить ихъ за деревню. Но эта предосторожность была уже напрасной: еще въ то время, когда стрѣльцы ходили докладывать полковнику о проѣзвавшихъ, къ нимъ подошелъ «невѣдомо какой человѣкъ, а сказался извощикъ, спросилъ Николая Ольшевскаго и даль ему, Николаю, письмо; а сказалъ: подаль де ему то письмо изъ окошка невѣдомо кто, а велѣлъ отдать ему Миколаю». На слѣдующей стоянкѣ письмо это прочитали: эта была роспись, въ которой Никонъ распоряжался «чтобы прислать въ Ферапонтовъ монастырь десять бочекъ рыбы семги и сиговъ, а съ достальюю рыбою єхать въ Ярославль и продать, а деньги прислать въ Ферапонтовъ же монастырь. И что денегъ есть,— прислать въ Ферапонтовъ же монастырь». Но въ Москвѣ всетаки узнали отайной передачѣ этого порученія Никономъ, и подьяконъ Иванъ Васильевъ быль подвергнутъ особому допросу¹.

Путники были уже около рѣки Шексны, когда Никона, страдавшаго отъ ушиба головы, постигло новое несчастіе. Однажды ночью при быстрой єздѣ сани патріарха наткнулись на какой-то острый коль. Ударъ быль такъ силенъ, что коль сломался: остріе его прорѣзало сани и войлокъ и тяжело ранило патріарха. Одинъ изъ спутниковъ Никона поднялъ обломокъ кола и спряталъ въ сани, желая сохранить его какъ памятникъ страданій злополучнаго патріарха.

Но вотъ наступилъ конецъ утомительному и опасному путешествію ссылочнаго патріарха. На восьмой день по выѣздѣ изъ Москвы въ ночь на 21 декабря Никонъ, проѣхавъ мимо

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 78. 1666 г. декабря 28. Сказка бывшаго патріаршаго поддакона Ивана Васильева.

Кириллова монастыря, приближался уже къ мѣсту своей ссылки. Отъ Москвы до Ферапонтова монастыря не менѣе 600 верстъ, и весь этотъ путь Никонъ совершилъ въ шесть дней (не считая двухдневной стоянки на Клязьмѣ). Понятно, какую усталость долженъ былъ испытывать патріархъ подъ конецъ шестидневнаго и нес совсѣмъ благополучного путешествія.

Еще не дѣлжая до Ферапонтова, приставъ послалъ впереди себя стрѣльцовъ съ вѣстью игумену Аѳанасію и братіи: „веземъ къ вамъ Никона монаха по указу Царскаго Величества: приготовьте для него кельи“. Встревожилось мирное населеніе Ферапонтовой обители при видѣ вооруженныхъ стрѣльцовъ, неожиданно появившихся въ монастырѣ въ ночное почти время, когда еще и утро не наступило. Игуменъ Аѳанасій находился въ большомъ затрудненіи, получивъ приказъ приготовить кельи Никону. Дѣло въ томъ, что Ферапонтовъ монастырь въ этомъ году былъ раззоренъ пожаромъ: сгорѣло много келій и окружавшая ихъ деревянная ограда. Лишнихъ свободныхъ келій не оказалось. Тогда решено было помѣстить ссылнаго патріарха въ больничныхъ кельяхъ, стоявшихъ за монастыремъ па сѣверной его сторонѣ.

II.

„... Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ суровымъ,
строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувши годы,
Во оны дни величья своего...“
А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій).

Было раннее зимнее утро. Мракъ долгой сѣверной ночи еще покрывалъ собою Ферапонтовъ и его окрестности, когда за нѣсколько часовъ до разсвѣта у воротъ обители остановился возокъ Никона, совершившій далекій путь изъ Москвы. Опальнаго патріарха, согласно наказу пристава, вышелъ встрѣтить одинъ игуменъ. Никона отвели въ приготовленныя для него больничныя кельи. Это были двѣ комнаты „мрачныя и закоптѣлые, еже и изреци неудобно“ ¹. Утомленный

¹ Шушеринъ, стр. 81.

далекимъ и труднымъ путешествиемъ, страдая отъ ранъ и ушибовъ, полученныхъ въ дорогѣ, бывшій патріархъ расположился на отдыхѣ въ свое мѣсто неприглядномъ помѣщеніи.

Өерапонтовъ монастырь былъ уже давно извѣстенъ Никону. Ему приходилось не только касаться его въ своихъ указахъ¹, но и самому бывать въ немъ. Теперь, отдохшая въ мрачной больничной кельѣ, весь разбитый и усталый, патріархъ могъ припомнить, что когда-то, лѣтъ 15 тому назадъ, ему случилось быть въ Өерапонтовѣ при обстоятельствахъ, далеко не сходныхъ съ его настоящимъ положеніемъ. Онъ былъ тогда въ санѣ новгородскаго митрополита и возвращался изъ Соловецкаго монастыря, куда єздилъ по порученію царя за мощами святителя Филиппа. Это были счастливѣйшія времена его тѣсной дружбы съ царемъ, которую еще не успѣли охладить интриги завистниковъ-бояръ. Во время этого путешествія Никона царь, соскучившійся по своемъ другѣ, писаль къ нему трогательныя по своей простотѣ и задушевности письма. Въ нихъ сказалась вся преданность мягкой и благочестивой души Алексея Михайловича Никону, котораго онъ величаль «собиннымъ другомъ, крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ, великимъ солицемъ, свѣтищимъ по всей вселенной». Онъ писаль къ Никону какъ самому близкому другу своей царской семьи, просилъ помолиться за свою маленькую дочь («а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова») и за царицу («чтобы ради твоихъ молитвъ разнесъ Богъ съ ребеночкомъ, и уже время спѣть, и какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасти съ кручинѣ. Бога ради моли за нее»)². Извѣщая Никона о дѣлахъ на Москвѣ и о смерти патріарха Іосифа, онъ прошилъ его скорѣе возвращаться въ Москву къ выборамъ нового патріарха: «ожидаемъ тебя великаго святителя къ выбору, а сего мужа (будущаго патріарха) три человѣка въ-

¹ См. напр. Дополн. къ Акт. Ист. № 1, 118. Послѣдняя грамота была дана имъ изъ Воскресенскаго монастыря въ 1662 году по поводу ссоры өерапонтовскаго келаря Корнилія съ кирилловскими монахами. Никонъ запрещалъ послѣднимъ притѣснять братію и крестьянъ Өерапонтовой обители: „А что старецъ Корнилій своровалъ, писаль патріархъ, и вамъ до него дѣло—съ нимъ и знайтесь, а мѣсто свято, и игуменъ съ братіей предъ вами ничѣмъ не повинны“.

² См. это письмо царя у арх. Аполлона въ приложеніи къ его книгѣ „Начертаніе житія и дѣяній Никона“. М. 1845, стр. 120, 121.

даются: я, да Казанский митрополитъ, да отецъ мой духовный; тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ». Сердце Никона могло подсказывать ему, кого мѣтиль въ патріархи его царственный другъ. Получая эти письма царя, онъ спѣшилъ въ Москву. 21 іюня онъ былъ въ Каргополѣ, 25 въ Щерапонтовѣ¹. Здѣсь, въ Щерапонтовѣ, онъ оставилъ свои дорожные запасы, чтобы облегчить себѣ дальняйшій путь 9 іюля онъ торжественно вступилъ въ Москву съ мощами св. Филиппа. Вскорѣ же, 22 іюля, произошло избрание его на патріаршій престолъ, и затѣмъ наступили времена его полной верховной власти подъ русской церковью и государствомъ при безграничномъ довѣріи кроткаго царя. Бояре, не исключая и первыхъ вельможъ государства, боялись его властнаго слова и нерѣдко по цѣлымъ часамъ стояли на морозѣ у патріаршаго дворца въ ожиданіи приема². Но интриги многочисленныхъ враговъ, недовольныхъ строгостью и могуществомъ патріарха, сдѣлали свое дѣло: дружба царя и патріарха омрачилась взаимнымъ недовольствомъ, и огорченный Никонъ счелъ за лучшее отказаться отъ патріаршества и удалился въ свой Воскресенскій монастырь.

Уже восемь лѣтъ прошло со времени его разрыва съ царемъ; счастливыя времена стали отдаленнымъ прошлымъ;

¹ См. Расходную книгу митрополита Новгородского Никона. Временникъ Импер. Моск. Общества исторіи и древностей россійскихъ 1852, XIII стр. 53. „Іюня въ 25 день въ Щерапонтовѣ монастырѣ куплено двѣстѣ ложекъ красныхъ корелчатыхъ съ костми—дано рубль шесть алтынъ четыре денъги, за десять по два алтына“.

²) См. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архідіакономъ Павломъ Алеппскимъ, въполномъ переводе съ арабскаго Г. Муркоса—въ Чт. И. О. Ист. и Др. за 1897 и 1898 годъ. Здѣсь можно встрѣтить много интересныхъ замѣчаній о блескѣ и могуществѣ патріарха Никона въ періодъ его управления русскою церковью. „Какъ намъ случалось видать, замѣчаетъ наблюдательный Павелъ, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особенного страха предъ царемъ и не боятся его, а павѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ благодаря своему проницательному острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами“... (выпускъ III, стр. 159). Любовь царя и царицы къ нему неописуема (стр. 48).

святѣйшии патріархъ
никонъ.

царь алексѣй михайловичъ

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ И ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Изображеніе въ Сійскомъ иконописномъ подлиннику XVII вѣка.

„Царь Алексѣй Михайловичъ и святѣйшии патріархъ Никонъ бесѣдуютъ между собою. Царь представленъ въ далматикѣ и коронѣ, со скіпетромъ; патріархъ въ саккосѣ и омофорѣ съ жеаломъ, въ митрѣ-корунѣ, пожалованной ему, по его просьбѣ, Государемъ для возвышенія достоинства патріарха: форма этой митры представляеть собою подобіе царской короны; отъ нея получила свое начало та форма митры, которая удерживается въ нашей практикѣ досель. Изображенія эти, насколько можно судить по сравненію ихъ съ сохранившимся портретами царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, имѣютъ портретное сходство съ оригиналами, хотя и исполнены въ стилѣ иконописномъ: это икональные портреты“. Проф. Н. В. Покровскій. Сійскій иконописный подлинникъ. Выпускъ III. Памятники древней письменности СХХІІІ. стр. 136.

но именно теперь, очутившись въ убогой Ферапонтовской кельѣ, Никонъ яснѣе всего могъ почувствовать всю громадную пропасть, отдѣлившую Никона „великаго государя и патріарха Московскаго и всея Руси“ отъ ссыльного «монаха Никона», какимъ онъ сталъ теперь послѣ соборнаго приговора.

Едва наступилъ день, какъ Никону доложили о приходѣ пріѣхавшихъ съ нимъ архимандрита и пристава вмѣстѣ съ Ферапонтовскимъ игуменомъ. Никонъ, изнемогая отъ ушибовъ и усталости, сказалъ, что теперь онъ не можетъ ихъ видѣть, и велѣлъ спросить, для чего они пришли. Тѣ отвѣчали, что по указу Царскаго Величества они приглашаютъ его въ церковь. Никонъ, отказавшись туда идти, снова спросилъ, чего же отъ него требуютъ. Тогда они сказали, что по указу царя, патріарховъ и всего собора велено взять у него, Никона монаха, архиерейскую мантію и посохъ. Такъ вотъ для чего звали Никона въ церковь: здѣсь хотѣли отобрать у него послѣдніе знаки архиерейскаго достоинства—mantію и посохъ. Быть можетъ, разсчитывали этой сценой сильнѣе подѣйствовать на воображеніе обитателей монастыря, среди которыхъ приходилось отнынѣ жить Никону. Почему въ самомъ дѣлѣ эти вещи не были взяты у Никона еще въ Москвѣ одновременно съ клобукомъ и панагіей? Никонъ избавилъ себя отъ новаго униженія и, не выходя изъ келіи, тотчасъ велѣлъ выдать пришедшемъ мантію и посохъ.

Архимандритъ Іосифъ согласно данному ему наказу, въ тотъ же день отправилъ мантію и посохъ въ Москву съ монахомъ Ферапонтова монастыря Варлаамомъ и служкою Ивашкомъ Кривозубовымъ. Въ отпискѣ своей патріархамъ и собору онъ увѣдомлялъ ихъ о прибытіи Никона въ Ферапонтовъ и о безпрекословной выдачѣ имъ мантіи и посоха. Никонъ просилъ Іосифа не подвергать стѣсненію лицъ, пріѣхавшихъ по доброй волѣ раздѣлить съ нимъ изгнаніе: «чтобы тѣхъ старцевъ и бѣльцовъ пускать по волѣ, куда они похотятъ идти или ѻхать, и воли бѣ у нихъ не отымать». Іосифъ, передавая эту просьбу Никона, сообщалъ, что «безъ указа пущать ихъ не смѣеть»¹. Такимъ образомъ, спутники Никона на первыхъ порахъ лишены были свободы и вмѣстѣ съ нимъ были заключены въ монастырѣ.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 77.

Между тѣмъ братія Ферапонтова монастыря, озадаченная неожиданнымъ прибытіемъ знаменитаго заточника съ многочисленной свитой и конвоемъ, была со своей стороны озабочена вопросомъ о томъ, на какія средства ихъ небогатый монастырь будетъ содержать такое множество гостей, явившихся въ обитель неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Въ наказѣ, который привезъ съ собой Іосифъ, сказано было неопределенно: «пишу и покой давать ему Никону по его потребѣ». Въ тотъ же день игуменъ Аѳанасій съ братіей пишутъ челобитную государю: «по твоему указу присланъ къ намъ, богомольцамъ твоимъ, въ Ферапонтовъ монастырь бывшей патріархъ Никонъ монахъ, а указу намъ, богомольцамъ твоимъ, твоего великаго государя нѣть, какова пища ему давать. А монастырь, государь, у насъ бѣдной и скудной и погорѣль безъ остатку и келейнымъ покоемъ истѣсненіе великое. И хлѣбу, государь, у насъ недорода: вызябъ весь. А крестьянъ, государь, твоего государева жалованья за Ферапонтовы монастыремъ триста двадцать одинъ дворъ и то въ разныхъ городѣхъ. И о томъ, государь, о келейныхъ покоехъ и о пищѣ что ты, великій государь, укажешь?»¹. Эта челобитная вмѣстѣ съ отпиской Іосифа была получена въ Москвѣ 27 декабря. Государь внялъ жалобамъ ферапонтовскихъ монаховъ и привлекъ къ расходамъ на содержаніе Никона сосѣдній богатый Кирилло-бл҃озерскій монастырь. 5 января былъ посланъ въ Кирилловъ указъ монастырскому властямъ посыпать въ Ферапонтовъ монастырь на содержаніе Никона всѣ необходимые припасы и все, чего потребуетъ находившійся при Никонѣ приставъ².

Среди тяжелыхъ обстоятельствъ довелось Никону проводить святки 1666 года. На первыхъ же порахъ онъ испыталъ всѣ неудобства своего новаго положенія. Приставъ Шепелевъ относился къ опальному патріарху со всей строгостью, которую онъ простирали и на лицъ, приближенныхъ къ Никону. Не только самъ патріархъ, но и вся его свита содержались подъ строгимъ карауломъ. Пищу ему приносили изъ монастырской трапезы ту самую, какая полагалась для всей братіи. Шушеринъ сообщаетъ, что по царскому указу велено было готовить особый столъ для Никона на царскій

¹ Дѣло о п. Никонѣ, № 76.

² Чт. О. Ист. 1858, III, 149.

счетъ, но патріархъ, не смотря на всѣ просьбы пристава, отказался отъ этой царской милости, говоря: «хотя бы мнѣ пришлось умереть, не соглашусь на это»¹. Въ первое время заточенія Никонъ чувствовалъ себя больнымъ. Отъ ушиба головы, полученнаго въ дорогѣ, онъ долго страдалъ головной болью, которая еще болѣе усиливалась отъ безвыходнаго заключенія въ темной и угарной кельѣ. Впослѣдствіи онъ писалъ царю, жалуясь на пристава Шепелева: «онъ, везя меня, многія напасти мнѣ дѣлалъ и привезши посадилъ меня въ больнишныя кельишки, и я въ нихъ съ угару и нужды едва не умеръ»². Въ это время Никонъ чувствовалъ себя такъ плохо, что у него появлялась мысль о смерти, и онъ написалъ письмо въ Воскресенскій монастырь къ строителю старцу Сергию съ просьбой исходатайствовать у царя позволеніе, въ случаѣ его смерти, похоронить его въ Воскресенскомъ монастырѣ³.

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ жизни Никона въ ссылкѣ. 19 января 1667 года прибылъ изъ Москвы въ Ферапонтовъ монастырь новый приставъ, дворянинъ Степанъ Наумовъ, съ 20 стрѣльцами на смѣну прежняго пристава Шепелева. Царь, которому Никонъ при отѣздѣ изъ Москвы отказалъ въ свое мѣсто благословеніи, теперь снова далъ приставу Наумову словесное порученіе склонять суроваго патріарха къ примиренію и испросить у него прощеніе и благословеніе. Но порученіе это на первыхъ порахъ не имѣло успѣха. «Ты боишься грѣха, отвѣчалъ Никонъ царю, просиши у меня благословенія, примиренія, но я даромъ тебя не благословлю, не помириюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу». Настроеніе Никона въ это время совсѣмъ не отвѣчало желаніямъ государя. «Никонъ патріархъ на государя гѣвается, говорили жившіе съ нимъ монахи, государь его сослалъ въ ссылку, а не вселенскіе патріархи, и за это намъ государева подаянія принимать и быть нельзя»⁴.

¹ Шушеринъ, 82.

² Письмо Никона къ царю 1673 г. см. П. Ф. Николаевскій, 15.

³ Объ этомъ письмѣ упоминаетъ Шушеринъ (стр. 82), который могъ имѣть подъ рукою всѣ письма Никона въ Воскресенскій монастырь, когда писалъ свое „Извѣстіе о житіи Никона“.

⁴ Соловьевъ XI, 876. Суровый и неосторожный патріархъ въ это время позволялъ себѣ писать царю въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, что легко

18 марта на мѣсто архимандрита пещерского нижегородского монастыря Иосифа пріѣхалъ въ Ферапонтовъ бывшій новоспасскій архимандритъ Иосифъ тотъ самый, который при отѣзданіи Никона изъ Москвы провожалъ его до Клязьмы¹. Онъ по внушенію пристава также убѣжалъ Никона написать государю примирительное письмо съ благословеніемъ, обѣщающимъ ему за это всякую милость отъ государя и освобожденіе изъ ссылки. Никонъ по прежнему оставался непреклоннымъ, на отрѣзъ отказавшись мириться съ государемъ. Тогда приставъ сталъ сурово относиться къ несговорчивому патріарху, сдѣлался къ нему «зѣло лютъ и немилостивъ». Онъ велѣлъ заковать окна его кельи желѣзными рѣшетками, вокругъ кельи и у дверей ея поставилъ караулъ изъ стрѣльцовъ, которые никого не пускали подходить близко къ кельѣ. Мимо монастыря недалеко отъ кельи Никона проходила тогда (какъ проходитъ и теперѣ) дорога на Каргополь. Приставъ строго запретилъ всѣмъ ходить и ѻздить мимо монастыря и велѣлъ проложить дорогу въ другомъ мѣстѣ². Причиняя Никону всѣ эти стѣсненія, приставъ грозилъ, что «перемѣны не будетъ, покамѣста Никонъ не умретъ». «Я его, Степана, спрашивалъ, разсказывалъ потомъ Никонъ въ письмѣ государю, какъ ему, Степану, указано меня держать и онъ, Степанъ, говорилъ, что де у меня наказу на письмѣ нѣть, а весь-де у меня наказъ на языкѣ, и я ему, Степану, говорилъ, да неужто тебѣ приказъ есть, что меня уморить; и онъ, Степанъ, до чево-де дойдешь, не пощажу-де; и въ первомъ году мало не уморилъ... Свѣтъ келейный у меня отнялъ, окна заковалъ желѣзными крестами, такъ что и днемъ приходилось съ лучиной отправлять келейное правило; и изъ кельи не велѣлъ никуда ни ходить и въ келью и близъ кельи проходить и

могъ накликать на себя жестокую бѣду. Но „тишайшій“ боялся угрозъ патріарха и тѣмъ больше стремился получить отъ него прощеніе.

¹ Печерскій архимандритъ Иосифъ былъ вызванъ изъ Ферапонтова какъ можно догадываться, вслѣдствіе какой-то членобитной, поданной имъ государю: въ черновомъ отпускѣ грамоты къ нему патріарха Ioасафа первоначально стояли слова: „Въ нынѣшнемъ 175 году биль ты челомъ великому государю“, но эти слова были потомъ зачернены. См. дѣло о п. Никонѣ № 80. Инструкція относительно наблюденія за Никономъ, данныхъ новоспасскому архимандриту Ioасафу, буквально тѣ же, какія были даны его предшественнику. См. тамъ же № 81.

² Шушеринъ, 82.

подавать¹ никому не велѣль и такъ морилъ меня съ моими келейными старцами². Келейные старцы и служки не выдержали такой строгости заключенія и четверо изъ нихъ (іеромонахъ Палладій, іеродіаконъ Іоасафъ и два бѣльца Герасимъ Матвѣевъ и Ипать Михайловъ) подали двѣ челобитныя на имя государя, въ которыхъ писали, что, добровольно отправившись съ Никономъ въ Ферапонтовъ монастырь, они лишиены свободы и сидятъ подъ строгимъ карауломъ, почему просить теперь позволенія возвратиться на прежнія мѣста своего жительства. Получивъ разрѣшеніе выѣхать изъ Ферапонтова, они 10 апрѣля были уже въ Москвѣ и здѣсь на допросѣ дали подробныя свѣдѣнія о тяжелыхъ условіяхъ жизни Никона въ ссылкѣ. Послѣ ихъ ухода жизнь Никона стала еще тяжелѣе: бывшему патріарху самому приходилось теперь носить воду и рубить дрова³.

Дошли, наконецъ, до государя слухи о бѣдственномъ положеніи Никона въ ссылкѣ. Въ іюлѣ 1667 года онъ послалъ въ Ферапонтовъ своего стряпчаго Ивана Образцова, съ порученiemъ передать ему царскую милостыню⁴ и, провѣривъ на мѣстѣ слухи о слишкомъ строгомъ заключеніи Никона, облегчить его участіе. Пріѣхавъ въ Ферапонтовъ, Образцовъ освободилъ Никона изъ его почти тюремнаго заключенія, позволилъ ему и его старцамъ выходить изъ кельи и принимать постороннихъ лицъ съ вѣдома пристава. При этомъ онъ говорилъ Никону, что приставъ не получалъ отъ царя наказа держать его, Никона, за желѣзными рѣшетками и за самовольство будетъ наказанъ. Дѣйствительно, Образцовъ посадилъ пристава подъ арестъ въ сторожку часа на три. Никонъ, понимая, что это дѣлается только для виду, съ неудовольствіемъ

¹ „Подавать“, т. е. милостыни или приношенія, которыя какъ видно, получалъ опальный патріархъ отъ сочувствовавшихъ ему лицъ.

² Письмо Никона къ царю въ мартѣ 1673 г. См. П. Ф. Николаевскій, 44, 45, 17.

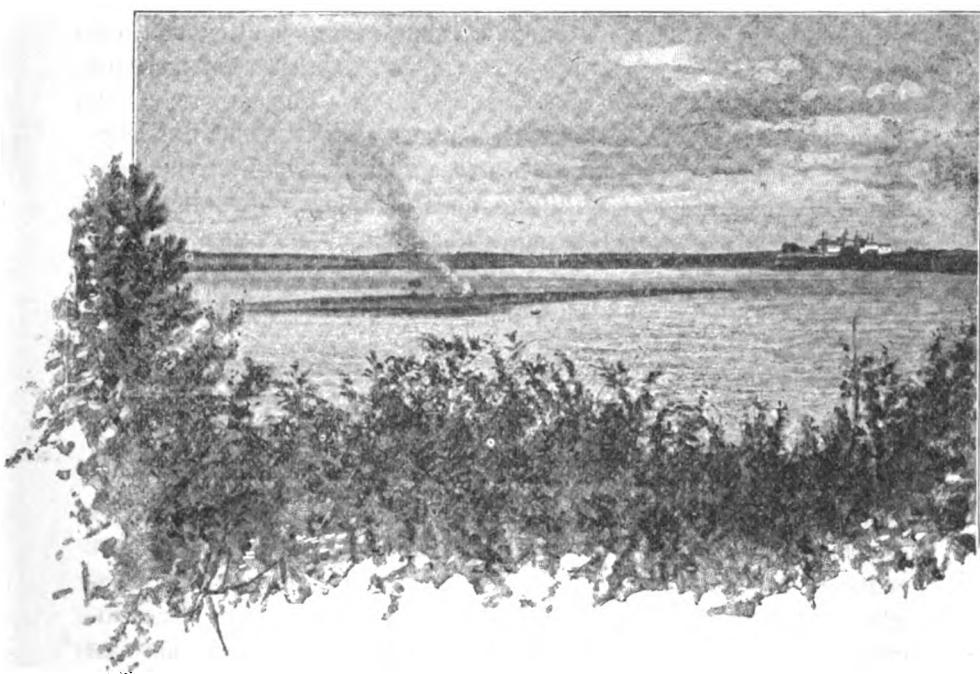
³ См. письмо Никона у Соловьевъ XI. 386. Ср. Шушеринъ, 88: „самъ дрова ношаще и по воду на езеро хождаше“.

⁴ По Шушерину (стр. 85) царь послалъ Никону 1000 рублей, по другимъ даннымъ—700: лично ему 500 р. и 200 р. на живущихъ съ нимъ старцевъ (Соловьевъ, XI. 381). Никонъ, принявъ милостыню, денегъ старцамъ на руки не выдавалъ и когда іером. Палладій, вернувшись къ этому времени изъ Москвы, сталъ выражать неудовольствіе по этому поводу, Никонъ велѣль прогнать его изъ Ферапонтова.

говориль: «Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили на три часа». Приставъ просилъ прощенія у патріарха за причиненныя ему обиды, говоря: «я человѣкъ подневольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ». Послѣ пріѣзда Образцова, приставъ Наумовъ сталъ дружелюбнѣе относиться къ Никону, часто ходилъ къ нему бесѣдоватъ о московскихъ новостяхъ и слухахъ. Пріѣздъ въ Ферапонтовъ царскаго стряпчаго съ милостивыми порученіями отъ царя сразу возвысилъ опального патріарха въ глазахъ мѣстнаго населенія. Распространился слухъ, привезенный изъ Москвы людьми Наумова, что Никона хотятъ вызвать въ Москву и сдѣлать папою. Самъ Наумовъ повѣрилъ этому слуху и сдѣлался особенно почтителенъ къ Никону: началъ величать его патріархомъ и водить подъ руки. Вскорѣ въ Ферапонтовъ начинаютъ пріѣзжать разныхъ чиновъ люди па поклонъ патріарху: посадскіе изъ городовъ, староста земской избы да голова кружечнаго двора изъ Бѣлозерска, люди изъ Каргополя, монахи изъ разныхъ монастырей, монахини изъ Горицкаго Воскресенскаго монастыря съ игуменіей. Всѣ эти постѣтели величали Никона патріархомъ, просили его благословенія, цѣловали ему руку. Даже игуменъ ферапонтовскій Аѳанасій и приставленный къ Никону архимандритъ Іосифъ, забывъ наказы пачальства, стали величать Никона святѣйшимъ патріархомъ, подходить къ благословенію и поминать на ектеніяхъ. Никонъ почувствовалъ себя свободнѣе, сталъ разсылать своихъ людей въ разныя мѣста съ письмами и порученіями. Изъ Воскресенскаго монастыря и изъ ближнихъ къ Ферапонтову патріаршихъ вотчинъ къ Никону пріѣзжали люди, привозили деньги и припасы и спрашивали его приказаний.

Но въ Москвѣ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ ферапонтовскаго заточника и вскорѣ же нашли нужнымъ ограничить его свободу. Въ августѣ получень быль въ Ферапонтовѣ указъ взять служку Яковлева за то, что онъ, не спросясь пристава, разѣзжаетъ всюду по порученію Никона. Никонъ вспылилъ, обозвалъ Наумова воромъ и не хотѣлъ вѣрить, что такая грамота прислана царемъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Между тѣмъ приставъ Наумовъ не переставалъ совѣтовать Никону примириться съ царемъ и послать ему благословеніе, увѣряя, что государь не замедлитъ оказать ему милость и освободить изъ заточенія. Онъ рассказывалъ, что,

когда государь посыпалъ его въ Ферапонтовъ, то словесно наказывалъ ему просить Никона о прощениі и благословенії; онъ, Наумовъ, просилъ было наказа на письмѣ, но государь съ сердцемъ сказалъ ему: «что-жъ мнѣ тебѣ запись давать, чтобы ты ее съ женою читалъ, а словамъ моимъ не вѣришь». «Дай государю благословеніе и прощеніе, совѣтовалъ Наумовъ Никону, а государь тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ

Каменный островъ, сооруженный патріархомъ Никономъ на Бородавскомъ озерѣ во время ферапонтовскаго заточенія.

томъ! ¹ Эти рѣчи возбудили въ Никонѣ надежду на освобожденіе. 7 сентября 1667 года, послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ съ Наумовымъ, который съ клятвою ссылался на письмо, полученнное изъ Москвы, въ которомъ говорилось о желаніи царя примириться съ Никономъ, опальный патріархъ написалъ государю и всей царской семье слѣдующее письмо, которое цѣликомъ приведено у Шушерина. «Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году

¹ Соловьевъ XI, 377.

сентября въ 7 день приходилъ ко мнѣ богомольцу вашему Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государственному указу, съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умирениі, чтобы я богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подаль благословеніе и прощеніе, а ты Государь богомольца своего милостію своею по своему государственному разсмотрѣнію пожалуешь; и я смиренный тебя, царицу, царевичевъ и царевенъ благословляю и прощаю, а когда я богомолецъ вашъ, ваши государскія очи увижу и тогда я вамъ, государемъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, якоже Божественное св. Евангелие показуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Дѣяніе св. апостолъ, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили. Смиренный Никонъ, милостію Божію патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписалъ своею рукой¹. Къ этому письму приложилъ руку и Стефанъ Наумовъ, немедленно отправивъ его затѣмъ въ Москву².

Никонъ сталъ теперь ожидать освобожденія изъ ссылки и вызова въ Москву. Царь былъ весьма доволенъ, получивъ отъ Никона прощеніе и благословеніе на письмѣ (письменному прощенію въ тѣ времена придавали особое значеніе), но сдѣлать то, о чёмъ просилъ Никонъ, т. е. возвратить его изъ ссылки, онъ не могъ. Партия враговъ Никона была слишкомъ сильна; нельзя было нарушить соборное опредѣленіе тѣмъ болѣе, что виновники его — восточные патріархи все еще гостили въ Москвѣ. Царь долженъ былъ ограничиться заботами о томъ, чтобы насколько можно улучшить скучную материальную обстановку ссылочного патріарха. Такъ 11 января 1668 г. онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь грамоту съ предписаніемъ послать въ Ферапонтовъ монастырь къ «бывшему патріарху старцу Никону бѣлыхъ и черныхъ оловянныхъ и мѣдныхъ судовъ, сколько пригоже, чтобы у него Никона судами было не скучно»³. Еще лѣтомъ 1667 году Образцовъ привезъ указъ о постройкѣ для Никона новыхъ келій и о томъ, чтобы для него отвели особую Богоявленскую церковь на св. воротахъ. Тогда же начали строить для Никона новые кельи близъ

¹ Шушеринъ, 83, 84.

² Чт. Общ. Ист. 1858, III, 150.

больничныхъ келій, въ которыхъ онъ жилъ. Въ началѣ 1668 г. эти кельи были готовы вчера и Никонъ былъ занятъ хлопотами о ихъ отдылѣ и снабженіи необходимой утварью. Въ отведенной для него Богоявленской церкви также не было книгъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей богослуженія. Всѣ необходимыя вещи Никопъ согласно царскому указу требовалъ изъ Кириллова монастыря, посылая туда чрезъ пристава подробныя росписи съ показаніемъ чего именно и сколько ему нужно. Предметы его требованій были очень разнообразны: церковная утварь и книги, разные предметы домашняго обихода, съѣстные припасы, сукно, обувь и одежда для жившихъ съ нимъ людей и пр. Въ своихъ требованіяхъ Никонъ всегда былъ разборчивъ и взыскателенъ, часто добавляя чтобы ему присылали вещи и припасы не какія-нибудь, а «добрая». Для нѣкоторыхъ вещей онъ давалъ образецъ, по которому должны были ихъ сдѣлать, напр. для креста деревянаго, для ножей и вилокъ¹.

Но кирилловскія власти не всегда исполняли требованія Никона, отказывая ему даже въ необходимомъ, такъ что патріарху приходилось временами испытывать нужду. Такъ 1 марта 1668 года приставъ жаловался государю на кирилловскаго строителя старца Ефрема, что онъ указу царскому явился непослушенъ, припасовъ совсѣмъ не присыпаетъ, такъ что «старцу Никону съ братію питаться стало нечѣмъ». Братія съ нимъ жило въ то время десять человѣкъ: они исполняли въ его кельѣ всѣ необходимыя работы. «А Өерапонтова монастыря слугъ и поваровъ, писалъ Наумовъ, по сie время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братію и келейный обиходъ кромѣ хлѣба временемъ покупающи ъсть». Никонъ чрезъ пристава просилъ государя, чтобы припасы изъ Кириллова монастыря выдавались ему помѣсячно². Государь послѣшилъ исполнить желаніе Никона, послалъ въ Кирилловъ новый указъ и распорядился, чтобы изъ его царскихъ ловель доставили Никону живыхъ осетровъ и стерлядей.

Но всѣ эти знаки вниманія со стороны государя не могли успокоить опального патріарха. Убѣжденный въ незаконности своего низложенія, онъ испытывалъ горькое чувство обиды за

¹ Тамъ же 138, 150—158.

² См. донесеніе Наумова у П. Ф. Николаевскаго, 25.

несправедливое униженіе. Въ первыя годы ссылки это чувство въ душѣ патріарха было особенно острымъ и оно то располагало его пылкую свою равную натуру къ разнаго рода протестамъ и демонстраціямъ, имѣвшимъ цѣллю внушить всѣмъ мысль о незаконности своего низложенія. Онъ носилъ на груди панагію, которую забыли отобрать у него при низложеніи, и имѣлъ при себѣ двѣ патріаршихъ печати; въ письмахъ къ царю и росписяхъ, посыпаемыхъ въ Кирилловъ называлъ себя «Божію милостію патріархомъ»,³ принималъ приходившихъ къ нему на благословеніе и производилъ сильное впечатлѣніе па толпу посѣтителей, хлынувшую къ нему со времени пріѣзда Ивана Образцова, когда постороннимъ лицамъ былъ открытъ доступъ въ Ферапонтовъ монастырь.

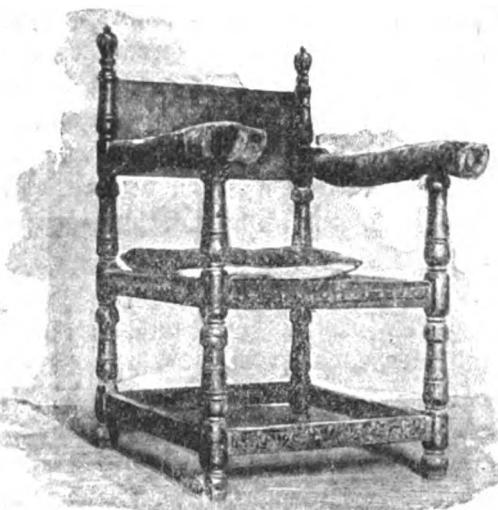
Не ограничиваясь словами, Никонъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ для выраженія протesta своей беспокойной души. Въ числѣ его свиты жилъ у него старецъ Іона по ремеслу серебренникъ, хорошо умѣвшій вырѣзывать надписи. Никонъ велѣлъ ему на разныхъ сосудахъ и домашней утвари дѣлать надписи, въ которыхъ называлъ себя патріархомъ, «заточеннымъ за слово Божіе и св. церковь». Онъ приказалъ также надѣлать деревянныхъ крестовъ, вырѣзать на нихъ подобныя же надписи и разставить ихъ въ разныхъ мѣстахъ около дорогъ. Проходящіе и проѣзжающіе, останавливаясь помолиться предъ придорожнымъ крестомъ по исконному русскому обычью, должны были видѣть на немъ слѣдующую надпись, четко вырѣзанную серебрякомъ Іоной: «Животворящій крестъ Христовъ поставилъ смиренный Никонъ, Божію милостію патріархъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлъозерѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ»⁴.

Но этого мало: опальный патріархъ соорудилъ другой болѣе прочный памятникъ своего заточенія, который и доселѣ существуетъ въ Ферапонтовѣ. Развѣзжая по Бородавскому озеру, которое было предоставлено ему для рыбной ловли по царскому указу еще лѣтомъ 1667 года, онъ выбралъ мѣсто,

* Напр. роспись посланная имъ въ февраль 1668 г. озаглавлена такъ: „Роспись сѣѧщему во тмѣ и сѣни смертнѣй окованному нищетою и же-лѣзомъ смиренному Никону милостію Божію патріарху“. Чт. О. Ист. 145.

² Дѣло о п. Никонѣ № 100 стр. 345, 374. У Шушерина эта надпись приводится въ нѣсколько иномъ видѣ: „Никонъ, Божію милостію патріархъ, постави сей крестъ Господень и т. д. (стр. 88).

въ которомъ было не болѣе двухъ сажень глубины и рѣшилъ устроить здѣсь островъ. Самъ со своими монахами онъ началъ возить на плотахъ камни съ берега и опускать ихъ на дно въ намѣченномъ мѣстѣ. Среди озера возникъ новый островъ, имѣвшій 12 сажень длины и 5 ширины¹. Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ вышеприведенной надписью. Этотъ островокъ, вновь появившійся среди озера, и стоявшій на немъ

Кресло опального патріарха Никона, хранящееся въ ризницѣ
Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

крестъ съ надписью, понятно, должны были привлекать вниманіе проѣзжавшихъ, тѣмъ болѣе, что зимой дорога проходила мимо островка. Всѣ эти кресты съ надписями продолжали

¹ Размеры острова указаны у Шушерина (стр. 88). Въ настоящее время вокругъ острова образовалась отмель, поросшая травой и тростникомъ, благодаря чemu островъ увеличился въ размѣрахъ и представляется съ берега въ видѣ длинной узкой мели (см. рис. на стр. 149). На островѣ нѣтъ теперь ни креста, ни какого-либо другаго памятника. Подъѣзжая къ нему на лодкѣ, можно чрезъ прозрачную воду разсмотретьъ на днѣ озера граду камней, которая тянется отъ острова къ берегу. Не хотѣлъ ли Никонъ соединить свой островокъ съ берегомъ каменной грядой по примѣру подобныхъ сооруженій въ Соловецкомъ монастырѣ? Такія сооруженія Никонъ могъ задумывать особенно въ послѣдніе годы своей жизни въ Ферапонтовѣ, когда онъ располагалъ большими материальными средствами и множествомъ рабочихъ.

стоять до 1676 года, когда по приказанию патриарха Иоакима они были убраны. Надписи на нихъ, а равно и на другихъ вещахъ Никона, были уничтожены.

До нашего времени уцѣлѣла только одна такая надпись на кресль Никона, которое хранится теперь въ ризнице Кирилло-Бѣлозерского монастыря (см. рис. на 153 стр.) Оно сдѣлано изъ простого дерева, отличается большими размѣрами и простоюю отдѣлкою: ножки у него точеные, спинка прямая; спинка и ручки обиты зеленымъ выцвѣтшимъ бархатомъ. Ручки снимаются, и на нижней сторонѣ четкой и красивой славянской вязью вырѣзана надпись: 7176 (1668) марта... дня сій стуль здѣланъ смиреннымъ Никономъ патріархомъ въ заключеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Өерапонтовѣ монастырѣ въ тюрмѣ». Эта надпись потому, вѣроятно, и уцѣлѣла отъ истребленія, что была искусно скрыта подъ ручками кресель.

Однако въ надеждѣ получить въ скоромъ времени освобожденіе отъ ссылки, вслѣдствіе примирительного посланія къ царю, Никонъ становился уступчивѣ въ отношеніи къ государю и теперь самъ шелъ на встречу къ примиренію съ нимъ. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ марта, когда онъ сдѣлалъ свое знаменитое кресло съ надписью, 22-го числа, наступила Пасха. Въ этотъ день въ первый разъ литургія для Никона совершена была въ отведенной для него Богоявленской церкви. Опальный патріархъ былъ въ рѣдкомъ для него благодушно-примирительномъ настроеніи. Послѣ литургіи онъ пригласилъ къ себѣ въ свои новыя келліи архимандрита Іосифа и пристава Наумова, а также игумена Аѳанасія съ келаремъ. Во время трапезы, которою Никонъ угощалъ своихъ гостей, онъ велѣлъ подать вино, присланное ему царемъ еще на Сырной недѣлѣ, и взявъ въ руки бокаль, торжественно провозгласилъ о своемъ примиреніи съ государемъ. «Да не до конца вражда наша со благочестивѣшимъ царемъ пребудеть», говорилъ между прочимъ патріархъ, и, провозгласивъ здоровье государя, закончилъ свою рѣчь словами: «се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣшаго царя и со всѣми вкушаю и впредь присланымъ отъ него отрицатися не буду». Услышавъ изъ устъ суроваго патріарха такое заявленіе, присутствовавшіе были удивлены и, вставъ съ своихъ мѣсть, поклонились патріарху въ ноги. Въ тотъ же день поскакалъ гонецъ въ Москву

съ радостной вѣстью къ государю о новомъ примирительномъ поступкѣ Никона¹. Въ Ферапонтовѣ ждали теперь важныхъ благодѣтельныхъ перемѣнъ въ судьбѣ опального патріарха.

Но враги Никона не дремали. Какъ только они узнали, что Никонъ по прежнему называетъ себя патріархомъ, стремится къ возвращенію изъ ссылки и своими заявленіями о примиреніи можетъ подѣйствовать на впечатлительную душу государя и, чего доброго, добиться своей цѣли, они рѣшились принять свои мѣры. 9 апрѣля вскорѣ послѣ получения царемъ радостной вѣсти о мирѣ съ Никономъ, восточные патріархи, все еще не уѣхавшіе изъ Москвы на свои каѳедры, съ вновь избраннымъ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ и другими служившимися въ Москвѣ архіереями, составили соборъ по дѣлу о Никонѣ, на которомъ рѣшили: «нѣкіихъ ради винъ перевести монаха Никона изъ Ферапонтова монастыря въ иной монастырь, въ дальней», архимандрита Іосифа и иныхъ служебниковъ, которые посланы къ нему, Никону, перемѣнить и послать взамѣнъ ихъ другихъ съ строгимъ наказомъ—не дозволять Никону имѣть переписку и сношенія съ кѣмъ бы то ни было². Но государь не согласился на столь строгое опредѣленіе собора и оно не было приведено въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе эта попытка враговъ Никона ясно показывала, какъ въ дѣйствительности далеки были отъ осуществленія надежды Никона на освобожденіе изъ ссылки, при всемъ сочувствіи царя къ опальному патріарху.

III.

«Иже живъ сый, привѣненный ст
нисходящими въ ровь, сѣдай во тьмѣ
и сѣни смертнѣй, окованъ нищетою
паче желѣзъ, богомолецъ вашъ сми-
ренный Никонъ, милостію Бо-
жіею патріархъ».

Изъ письма къ царю п. Никона.

Никонъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Его заявленіе о примиреніи съ царемъ не принесло ему желанныхъ результатовъ. Изъ Москвы не было никакихъ из-

¹ Шушеринъ, 87.

² Дѣло о п. Никонѣ № 87.

вѣстій, какъ будто тамъ совсѣмъ забыли о єерапонтовскомъ заточникѣ. Тогда опальныи патріархъ снова рѣшилъ напомнить о себѣ и воспользовался для этого средствомъ, которое въ старину было въ большомъ ходу. Монахъ Палладій, вернувшійся изъ Москвы въ єерапонтовъ, рассказывалъ, между прочимъ, со словъ іеромонаха Іоиля, что бояринъ Богданъ Хитрово хочетъ при помощи чаръ сдѣлаться первымъ бояриномъ у государя. Этотъ слухъ встревожилъ Никона: возвышение боярина, который былъ его злѣйшимъ врагомъ, помѣшало бы его освобожденію изъ ссылки. Вѣра въ силу колдуновъ и чародѣевъ была въ старину обще-распространеной, сношеніе съ ними, по Уложенію, было однѣмъ изъ тяжкихъ преступленій. Обвиненіе въ колдовствѣ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, не разъ бывало причиной ссылки самыхъ знатныхъ бояръ. Слухи о томъ, что Богданъ Хитрово знается съ чернокнижниками и ворожеями, давали Никону сильное орудіе противъ враждебнаго ему боярина, и онъ рѣшилъ имъ воспользоваться.

7 сентября онъ призвалъ къ себѣ архимандрита Іосифа, стрѣлецкаго сотника Саврасова, єерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ и объявилъ имъ, что знаетъ великое дѣло государево «безголовное», что на Москву измѣнники государевы хотятъ очаровать государя или очаровали и требовалъ подводы и провожатыхъ, чтобы отправить съ этимъ дѣломъ своего человѣка въ Москву. Всѣ согласились, кроме келаря Макарія, который не хотѣлъ давать подводъ, и сотникъ рѣшилъ было ѿхать. Приставъ Наумовъ, узнавъ о томъ, что происходитъ въ монастырѣ, сначала прислалъ сказать, чтобы никого не пускали и не давали лошадей, а скоро явился и самъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, взять лошадей подъ уздцы и кричалъ: «увижу кто побѣдетъ, что онъ меня страшаетъ: я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самого патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить!» Никонъ хотѣлъ послать сотника и стрѣльцовъ въ Кирилловъ и тамъ взять подводу, но Наумовъ ихъ не пустилъ, крича: «моя въ томъ голова!» Но «слово и дѣло государево» въ тѣ времена имѣло магическую силу, всякий кто слышалъ о немъ и не доносилъ, куда слѣдуетъ, подвергался тяжелой отвѣтственности. Поэтому, какъ ни шумѣлъ приставъ, а все-таки не рѣшился задержать дѣла

и на другой же день отправилъ въ Москву своего человѣка съ стрѣльцомъ. Никона онъ велѣлъ заковать и около его кельи поставить семь карауловъ.

Въ октябрѣ Никону удалось послать въ Москву своего старца Флавіана съ письмомъ къ государю, въ которомъ онъ жаловался на поступокъ пристава, помѣщавшаго ему извѣстить въ Москву о великомъ дѣлѣ государевомъ¹. «Иже живъ сый, писаль здѣсь Никонъ, привѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдай во тѣмѣ и сѣни смертнѣй, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостю Божию патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя. боюсь измѣнниковъ твоихъ; послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а дѣло твое погаснетъ безъ вѣсти»: 20 октября чернецъ Флавіанъ былъ допрошенъ въ присутствіи царя и бояръ, въ чемъ именно состоить заявленное Никономъ дѣло государево.

Недалекій Флавіанъ не оправдалъ довѣрія Никона: на этомъ допросѣ онъ перепуталъ имена и приписалъ тайные происки, вмѣсто Хитрово, Ртищеву. Но вскорѣ получено было другое письмо Никона², въ которомъ онъ уже прямо излагалъ дѣло и на основаніи словъ Палладія обвинялъ въ тайныхъ проискахъ и волшебствѣ боярина Хитрово. Это разногласіе въ разсказѣ Флавіана съ письмомъ Никона подрывало силу обвиненія. Между тѣмъ, Палладій и Іоиль, вызванные на очную ставку, отказались отъ своихъ словъ и утверждали, что никакого разговора о бояринѣ Хитрово у нихъ не было. При этомъ Палладій, сердившійся на Никона за то, что онъ выгналъ его изъ Ферапонтова, сдѣлалъ обидное для опального патріарха замѣчаніе: «вольно старцу Никону меня поклепать: онъ затѣвать умѣеть».

Для того, чтобы разъяснить дѣло и допросить самого Никона, посланъ былъ въ Ферапонтовъ стрѣлецкій голова Юрій Лutoхинъ. Никонъ разъяснилъ Лutoхину непростительную ошибку своего неумѣлаго посла, старца Флавіана, и въ даль-

¹ См. это письмо у Соловьева XI, 879, 880.

² Это письмо, вѣроятно, было отправлено Никономъ съ стрѣлецкимъ головою Андреемъ Веригинымъ, который приѣжалъ въ Ферапонтовъ „для государевыхъ великихъ и страшныхъ дѣлъ“ и уѣхалъ оттуда до 21 октября, забравъ съ собою въ Москву одного старца. Чт. Общ. Ист. 158.

нѣйшемъ разговорѣ съ нимъ высказалъ горькое разочарованіе по поводу обманутыхъ надеждъ на освобожденіе. «Сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велить взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велить изъ Ферапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣль я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государской милости не будетъ, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою».

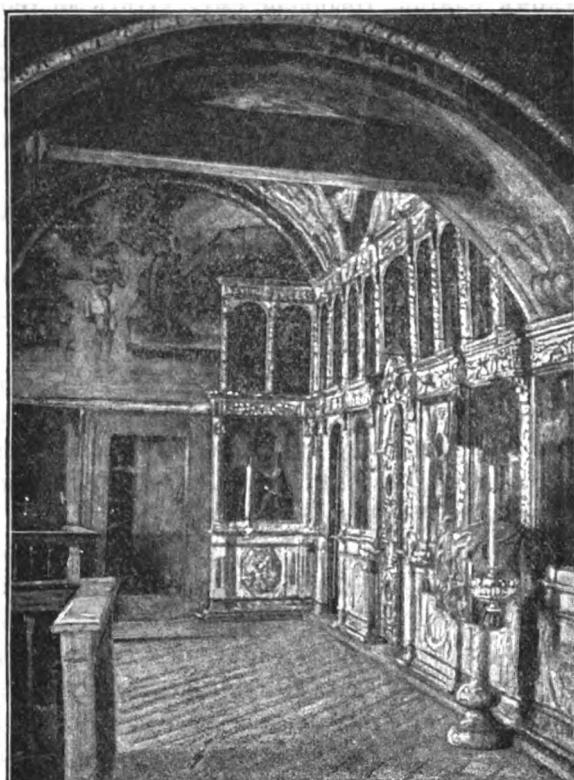
Лутохинъ допрашивалъ патріарха, правда-ли что онъ самъ носить воду и рубить дрова, и просилъ дать расписъ, чего ему не даютъ изъ кушанья. Никонъ отвѣчалъ, что дрова и воду онъ прежде носилъ за безлюдствомъ, а теперь не носить, а насчетъ содержанія жаловался, что ему ничего не даютъ, кромѣ щей да худого квасу. Приставъ и монастырскія власти въ свою очередь увѣряли, что у Никона всегда была свѣжая рыба и пиво, и показывали Лутохину садки съ рыбой. Никонъ говорилъ, что эта рыба изсидѣлась, такъ что ее и есть нельзя, а свѣжей ему не привозятъ¹. Наумовъ послѣ этого писалъ кирилловскимъ властямъ, что «старецъ Никонъ въ ихъ присылкахъ запирается, будто де онъ у ихъ присылщиковъ никакихъ запасовъ не принимывалъ прѣжъ сего» и просилъ, чтобы впредъ съ присылками посыпали грамотнаго человѣка «для рукоприкладства къ распискѣ»². Какъ бы то ни было, но жалобы Никона имѣли основаніе: впослѣдствіи самъ игуменъ Аѳанасій, уличенный Никономъ, сознался, что онъ давалъ ложныя показанія относительно содержанія Никона.

Лутохину показывали также кресты, поставленные Никономъ, съ надписями, въ которыхъ онъ называлъ себя патріархомъ. Но онъ не сдѣлалъ о нихъ никакого распоряженія. Его вниманіе было теперь привлечено другимъ болѣе важнымъ обвиненіемъ противъ Никона, которое заявилъ ему приставленный къ патріарху архимандритъ Іосифъ. Давно желая вы-

¹ Соловьевъ, XI, 382.

² Чт. Общ. Ист. 158.

браться изъ Ферапонтова, гдѣ, по его словамъ, онъ «животь свой мучить, испытываеть нужду и болѣзнь», и не получая отъ патріарха Іоасафа отвѣта на свои челобитныя, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же «слову и дѣлу государеву», которымъ такъ неудачно хотѣль воспользоваться Никонъ. Онъ подалъ

Внутренній видъ Богоявленской церкви, отведенной патріарху
Никону въ Ферапонтовъ монастырь.

Лутохину чelобитную, въ которой объявилъ за собою «страшное государево слово и дѣло, измѣну бывшаго патріарха монаха Никона и пристава Наумова». Принося такой извѣсть, архимандритъ говорилъ, что ему теперь нельзя уже оставаться въ Ферапонтовѣ «для того, что за такія великия страшныя дѣла погубятъ занапрасно и отъ того государеву дѣлу спона

и поруха будетъ большая»¹. 20 ноября Иосифъ былъ вызванъ въ Москву и доставленъ съ провожатыми въ приказъ тайныхъ дѣлъ. На допросъ онъ рассказалъ слѣдующее. «Весною 1668 года были у Никона воры, донские казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донские казаки и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Нѣтъ ли тебѣ какого утѣшненія, мы тебя отсюда опростаемъ». Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донские казаки и говорили: «если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей. Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію Цареградскаго патріарха: писалъ ему объ этомъ Аѳанасій Иконійскій»². Начались розыски по этому обвиненію. Монахъ Провѣ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ферапонтова и обратиться къ народу съ жалобой на напрасное заточеніе.

Обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ противъ правительства доставило Никону чрезвычайно много непріятностей и ухудшило его положеніе въ ссылкѣ. Оно было, между прочимъ, причиной того, что не имѣло никакого успѣха полученное въ февралѣ 1669 года посланіе къ царю Алексѣю Михайловичу константинопольскаго патріарха Пароенія, въ которомъ онъ просилъ царя возвратить Никона изъ ссылки въ свой монастырь³. Вместо того Никонъ былъ оставленъ въ Ферапонтовѣ подъ строгимъ карауломъ, который былъ усиленъ вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами.

Но справедливо ли было московское правительство въ своихъ подозрѣніяхъ къ Ферапонтовскому заточнику? — Въ это

¹ Николаевскій, 81.

² Соловьевъ, XI, 888.

³ См. у Гиббенета II, 1116. „Буди царю совершеннѣйшій, писалъ патріархъ, милость имѣй всегда съ тобою,... раздая къ требующимъ... отъ нихъ же единъ есть и много пренебрегомый Никонъ; довольно, довольно, царю милостивѣйшій изгнаніе толикое, и да приведешъ его молимъ та, въ монастырь свой; довѣрѣть едину наказанію сосланіе, не стужай вище, молю, Бога, оставляя такого достойнаго человѣка въ толикое великое пренебреженіе, приведи, царю, крещаго благословенныхъ отрасли твоихъ, ни ни лѣнися, молю та, о царю, вище токмо скорость подай спасеніе Никону, да приидетъ въ монастырь свой, яко да радуется и вся вселенная, яже спорбитъ о немъ“.

время на Руси начиналось социальное движение, завершившееся грозным разинским бунтом. Донские казаки, подготовившие смуту, бродили повсюду, заходили и въ бѣлозерскія края. Для нихъ важно было привлечь на свою сторону низложенного патріарха, которому, какъ они знали, «тошно отъ бояръ» и они, дѣйствительно, дѣлали попытки склонить его къ мятежнымъ замысламъ. Самъ Никонъ разсказывалъ послѣ, что къ нему приходили три казака «сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою, пришло ихъ двѣстѣ человѣкъ. Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу». «Но я, говорилъ Никонъ, на ту ихъ воровскую прелесть не подался, во всемъ имъ отказалъ, отъ воровства ихъ уняль и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы великому государю вины свои привнесли, и они пропали, невѣдомо куда».

Не смотря на отказъ Никона принять участіе въ мятежныхъ замыслахъ, казаки все таки потомъ воспользовались его именемъ. Въ своихъ прокламаціяхъ («прелестныхъ листкахъ») они объявляли народу, что съ ними, казаками, идутъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (на самомъ дѣлѣ умершій), да Никонъ патріархъ. «И малоумные люди, писалъ Керенскій воевода, все то ставятъ въ правду, и отъ того пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ»¹. На знаменахъ мятежниковъ были изображенія царевича Алексѣя и патріарха Никона². Сочувствие казаковъ къ низложенному Никону обнаружилось, между прочимъ, въ характерномъ эпизодѣ убийства ими астраханскаго митрополита Іосифа: казаки не преминули тутъ вспомнить, что Іосифъ «снималъ сань съ Никона патріарха».

Впослѣдствіи когда Стенька Разинъ былъ схваченъ, то «въ распросѣ у пытки и со многихъ пытокъ и съ огня» сказалъ, что къ нему въ Симбирскъ пріѣзжалъ старецъ отъ Никона и приглашалъ его идти вверхъ Волгою, куда навстрѣчу ему будто бы выйдетъ и Никонъ, потому что ему «тошно отъ бояръ, которые

¹ Соловьевъ XI, 484.

² По сообщенію Виркгартса. См. Рущинскій. Религіозный бытъ рус. XVI—XVIII в. М. 1871, стр. 158.

переводять государские съмена». Старець говорилъ, что у Никона есть готовыхъ людей съ 5000 человѣкъ; «а тѣ де люди у него готовы на Бѣлъозерѣ». Эта старець, яко бы присланный Никономъ, былъ и въ бою и на глазахъ Стеньки «искололъ своими руками сына боярскаго» и потомъ ушелъ изъ Симбирска. Если и придавать вѣру этимъ вынужденнымъ пыткою показаніямъ, то и въ этомъ случаѣ всего вѣроятнѣе предположить, что тутъ было просто злоупотребленіе именемъ опального патріарха со стороны лихаго старца, разбойника въ монашеской рясѣ. Самъ Никонъ рѣшительно отрицалъ какія бы то ни было сношенія съ Разинымъ. Но именемъ Никона злоупотребляли матежники, и этого было достаточно, чтобы при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ московское правительство съ подозрѣніемъ отнеслось къ опальному патріарху и усилило надъ нимъ надзоръ.

Предосторожность была не излишня: самъ патріархъ говорилъ, что «въ Ферапонтовѣ ему жить страшно, ибо монастырь не огороженъ»¹. Донскіе казаки и воровскіе люди, которые тогда не только свободно разгуливали на Бѣлъозерѣ, но даже нерѣдко появлялись въ монастыряхъ подъ видомъ монастырскихъ служекъ², могли силой взять патріарха и увести его съ собою. По крайней мѣрѣ въ Ферапонтовѣ въ это смутное время далеко не все было благополучно и иногда случались довольно загадочные события. Такъ 22 января 1669 г. приставъ Наумовъ доносилъ въ Кирилловъ монастырь, что келарь Ферапонтова монастыря Макарій «учинилъ государеву указу силенъ и ему, Наумову, непослушенъ и нынѣшней ночи умысли и собрався наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками, да съ приходящими ворами, пьянымъ обычаемъ разбиль государевъ караулъ: и сотника и стрѣльцевъ побилъ на голову»³. Въ іюнѣ стрѣлецкій сотникъ доносилъ, что въ ночь на 26 число «отъ старца Никона ушелъ изъ кельи пришлой

¹ См. Николаевскій, 42.

² Вотъ напр. характерный для того времени случай. Въ 1672 году черный попъ Кириллобѣлозерскаго монастыря Иванъ подалъ архіепископу Симону извѣтную члобитную на старца Виталия въ томъ, что этотъ старець, служилъ на Волгѣ въ шайкѣ Разина и, прииде оттуда въ Кирилловъ, звалъ съ собою на Вологду его, попа Ивана. См. Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи 1861, вып. I, Протоколы стр. 32.

³ Чт. Общ. Ист. 154.

дьячекъ Сенька, жившій у него безъ указу государева больше года, а ушелъ, выломавъ доску въ выходѣ». За дьячкомъ была послана погоня, и приставъ Наумовъ говорилъ, что дьячекъ отпущенъ Никономъ съ какимъ-то умысломъ¹. Въ это время охрана Никона была усиlena вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами. Стрѣлецкие караулы были разставлены не только у кельи Никона, но и въ разныхъ мѣстахъ вокругъ монастыря и вдали отъ него «верстъ на пять и на шесть и на семь и больше». Всѣхъ приближавшихся къ монастырю задерживали и приводили къ приставу для обыска и допроса. У пристава была приказная изба, и онъ не разъ требовалъ изъ Кириллова монастыря «подъячихъ добрыхъ для письма государевыхъ дѣлъ Московскаго отпуску». Лицъ, казавшихся подозрительными, брали подъ арестъ и отправляли въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Начиная съ 1668 по 1670 годъ изъ Ферапонтова монастыря, то и дѣло, отправляютъ въ Москву колодниковъ и разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ. Приставъ Наумовъ постоянно требовалъ изъ Кириллова монастыря подводъ и провожатыхъ людей для отсылки арестованныхъ лицъ въ Москву².

Можно себѣ представить, сколько беспокойства и нравственныхъ мученій доставило впечатлительной душѣ Никона подозрѣніе въ государственной измѣнѣ, сопровождавшееся строгимъ заключенiemъ его самаго, а также арестами и допросами разныхъ лицъ. Приставъ сталъ обращаться съ нимъ съ прежней грубостью: «почаль, какъ писаль потомъ Никонъ, всякою нуждою нудить голодомъ и холодомъ, о чомъ ни пошли ково, и онъ Степанъ къ себѣ не пустилъ; а коли и выглянетъ въ окно и на нашего посланника кричить, вопить и матерны лаетъ и бить хочетъ и ходить къ себѣ не велить; а говорить: «полно-де, приходитъ тѣхъ пора-де покинуть; ѿшь-де что да-дуть»; а мнѣ не даетъ ничево, и тѣ посланные отъ насъ приходятъ отъ нево плачуши и впредъ ходить къ нему Степану для нашихъ нуждъ не хотятъ; а у насъ ни хлѣба, ни соли, ни дровъ во многія времена не было»³. Тяжелыя усло-

¹ Тамъ же, 155, 156.

² Тамъ же, 158—157.

³ Письмо Никона царю въ мартѣ 1872 года, см. у Николаевскаго 45, примѣч.

вія жизни въ связи съ нравственными потрясениями расшатали крѣпкое здоровье патріарха. Отъ недостатка движенія онъ заболѣлъ цынгой, въ лѣвой рукѣ сдѣлся параличъ. «А я богоомолецъ вашъ, жаловался потомъ царю Никону, за тѣ ево Степановы караулы одва со всякия нужды не умеръ, а съ тѣхъ мѣстъ оцѣнижалъ и одряхлѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать»¹. Одно время Никонъ такъ сильно занемогъ, что приставъ Наумовъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, что «старецъ Никонъ волею Божію заскорбѣлъ гораздо» и желаетъ исповѣдаться и пріобщиться, и приглашалъ архимандрита Никиту, который былъ духовникомъ опального патріарха, немедленно прїѣхать въ Ферапонтовъ. Но эта болѣзнь Никона была непродолжительна: спустя 5—6 дней онъ снова дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія².

Самъ царь Алексій Михайловичъ, повидимому, не хотѣлъ вѣрить слухамъ объ измѣнѣ бывшаго «собиннаго» друга и продолжать относиться къ нему съуваженіемъ и мягкостью. 3 марта 1669 скончалась царица Марья Ильинична. Разсылая по монастырямъ и церквамъ милостины за упокой души любимой супруги, царь не забылъ и опального патріарха, бывшаго когда-то близкимъ другомъ царской семьи, спасшимъ ее отъ моровой язвы. Въ Ферапонтовъ былъ посланъ окольничій Родіонъ Стрѣшневъ съ милостиныей Никону въ 500 рублей. Въ это время Никонъ находился уже подъ строгимъ карауломъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ на освобожденіе. Недовольный царемъ, онъ не принялъ царской милостины, говоря, что онъ и безъ денегъ долженъ поминать почившую царицу³. Стрѣшневъ «упорно» просилъ его принять деньги, но патріархъ настоялъ на своемъ и при этомъ, многозначительно прибавилъ: «послѣ смерти царицы будетъ другая бѣда не меныше, а послѣ этой еще хуже будетъ: мнѣ это объяв-

¹ Тамъ же.

² Эту болѣзнь Никона арх. Варлаамъ отнесъ къ 10 дек. 1670 года (Чт. Общ. Ист. 148), между тѣмъ какъ изъ другого мѣста его статьи ясно, что отписка Наумова отмѣчена была 10 дек. 7178 (1669) г. ср. 156.

³ «Я у васъ государей не наемникъ, писалъ послѣ Никонъ царю, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю... по государынѣ царцѣ во всю Четыредесятницу псалтырь и канонъ пѣлъ и поминаю до днесъ не забыто». Письмо Никона царю въ декабрѣ 1671 г. см. у Соловьевъ XI, 887.

лено отъ Господа Бога». «А говорилъ я эти слова сердито, сознавался послѣ Никонъ, досаждая великому¹ государю»¹. Какъ бы то ни было, слова Никона оказались пророческими: черезъ три мѣсяца послѣ смерти царицы умеръ царевичъ Симеонъ, и въ томъ же году нѣсколько мѣсяцевъ спустя другой царевичъ Алексѣй, а въ слѣдующемъ году разразился страшный казацкій бунтъ.

Смерть наслѣдника престола Алексѣя Алексѣевича была печальнымъ обстоятельствомъ для опального патріарха, который возлагалъ на царевича надежды на освобожденіе. «Когда къ Степану (Наумову) вѣсть пришла, что сына твоего царевича Алексѣя не стало, писалъ потомъ царю Никонъ, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: «нынѣ на Москвѣ кручинा, а у нашего боярина радость, говорить: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будеть»².

Спустя почти два года послѣ смерти своей первой супруги, Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной (22-го января 1671 года). Привыкшій дѣлить съ Никономъ скорби и радости своей семейной жизни царь и на этотъ разъ не обошелъ вниманіемъ своего бывшаго «собиннаго» друга. Онъ отправилъ въ Ферапонтовъ своего стольника Ларіона Абрамовича Лопухина и послалъ съ нимъ свадебные подарки опальному патріарху: «700 рублей денегъ, три мѣха — соболій, лисій и бѣличій, сукно и тафту черныя, 15 штукъ полотенъ добрыхъ тонкихъ, 20 полотенецъ»³. На этотъ разъ царскіе подарки встрѣтили благосклонный приемъ со стороны ферапонтовскаго заточника. Никонъ съ благодарностью принялъ дары, велѣлъ пѣть молебень о царскомъ многолѣтнемъ здравіи и тотчасъ послалъ письмо государю, въ которомъ благодарили за присланную богатую милостыню и высказывалъ разныя благожеланія царской семьѣ⁴.

Но вотъ окончилась и самая смута, въ тайномъ содѣствіи которой враги обвиняли Никона. 24 апрѣля 1671 года Стенька Разинъ былъ схваченъ и увезенъ въ Москву для

¹ Соловьевъ, XI, 390.

² Тамъ же 387.

³ Шушеринъ, 90.

⁴ См. Николаевский 86, 87.

штотъ и казни. Вездѣ по указу государя служили благодарственные молѣбствія Богу за прекращеніе смуты. Ферапонтовскій заточникъ не представлялъ уже теперь опасности для московскаго правительства и могъ надѣяться на облегченіе своей участіи. Въ іюнѣ 1671 года на сѣмьну Степана Наумова прибылъ въ Ферапонтовъ новый приставъ — стольникъ князь Самойло Никитичъ Шайсуповъ съ новыми стрѣльцами. Но указа объ облегченіи участіи патріарха онъ не привезъ: Никонъ по прежнему содержался въ строгомъ заключеніи. Въ своихъ бесѣдахъ съ новымъ приставомъ Никонъ указывалъ на то, что недавнія бѣдствія — смерть царевича Алексія и казачкая смута были имъ предсказаны еще въ разговорѣ съ царскимъ посломъ Родіономъ Стрѣшневымъ. «Да и впредь, добавлялъ онъ, если вселенскихъ и московскаго патріарховъ на весь православный россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего». Опальныій патріархъ подчеркивалъ также свою вѣрность государю, выразившуюся въ томъ, что онъ не подался на воровскую прелесть казаковъ, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ уняль и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы великому государю вины свои принесли. Жалуясь приставу на тяжесть своего заключенія, Никонъ просилъ его написать государю. Шайсуповъ писалъ въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ, просилъ себѣ указа, но отвѣта ему не было.

Прошло полгода. Никонъ рѣшился опять напомнить о себѣ государю и въ самый день Рождества, 25-го декабря 1671 г., послалъ въ Москву своего іеродіакона Мардарія съ письмомъ къ государю¹. Письмо это замѣчательно по своему кроткому примирительному тону: суровый патріархъ, утомленный долгимъ заточеніемъ, уже не грозить царю, а смиренно просить у него прощенія за свои дерзkie рѣчи и поступки. Онъ припоминаетъ въ письмѣ свои отношенія къ царю, начиная со времени возведенія на патріаршество и въ послѣдующее время, когда между ними «по навѣтамъ враговъ возросла великая смута». Чистосердечно сознаваясь въ томъ, что онъ много разъ досаждалъ государю, говорилъ ему на соборѣ прекословно и досадно, не принималъ присланныхъ отъ царя даровъ и тѣмъ его безчестилъ, Никонъ просилъ государя простить его «ради

---

¹ См. это письмо у Соловьевъ XI, 384—387.

родшагося Христа». Вместе съ тѣмъ онъ описываетъ свое бѣдственное положеніе въ ссылкѣ слѣдующими словами «Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ отверженъ я въ Ферапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и бось, и креста на мнѣ нѣть третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцинжалъ, руки болыны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и [они] не терпять ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги шухнутъ, и потому не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видѣть; приставы ничего ни продать, ни купить не дадуть, никто ко мнѣ не ходить и милостины просить не у кого». Жалуясь на суровое отношеніе къ себѣ прежняго пристава Наумова и новаго — Шайсупова, Никонъ проситъ государя облегчить тяжесть заключенія. «Прошу тебя, заканчиваетъ свое письмо Никонъ, ослаби ми мало, да почю, прежде даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо, написанное въ такомъ кроткомъ и примирительномъ тонѣ, не могло остаться безъ вліянія на впечатлительнаго государя. Тотчасъ по полученіи его царь отправилъ въ Ферапонтовъ двухъ пословъ къ Никону стрѣлецкаго голову Иларіона Лопухина и подъячаго приказа тайныхъ дѣлъ Артемія Степанова. Послы прїѣхали въ Ферапонтовъ 18 января 1672 года и, явившись къ Никону, привѣтствовали его отъ имени государя, называя опального патріарха «святымъ и великимъ отцемъ», и поднесли ему государеву милостию— деньги, мяча, рыбу. Согласно царскому наказу Лопухинъ держалъ предъ Никономъ рѣчъ, которая была отвѣтомъ на письмо послѣдняго къ государю. «Государь, говорилъ между прочимъ царскій посолъ, съ самаго начала желалъ умиренія, а теперь всякия враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ. Досадныхъ словъ отъ тебя къ государю никакихъ не бывало: изволь попамятовать. Посланъ ты въ Ферапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженья, а не для утѣшенья; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ

утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать». Посоль коснулся въ своей рѣчи и подозрѣній, лежавшихъ на Никонѣ въ сношеніяхъ его съ воровскими казаками и Стенькою Разинымъ. «Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсупову, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали; надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое великое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ казаковъ велѣль переловить, а трехъ человѣкъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то просиши у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь».

На эту рѣчь царскаго посла Никонъ отвѣчалъ своей рѣчью, въ которой возражалъ по порядку на сдѣланныя ему замѣчанія. Въ началѣ онъ благодарили государя за милость, заявлялъ, что желаетъ прощенія отъ государя и самъ его во всемъ прощаетъ и просилъ не вѣрить навѣтамъ враговъ. «Престолъ я свой оставилъ, говорилъ патріархъ, и паки было возвратился — дѣло не новое: и прежніе вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости. Соборъ патріарховъ Паисія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ». Добродушный государь, какъ мы видѣли, хотѣль предать забвенію досадительныя слова Никона и говорилъ, что ихъ и не было. Никонъ не хочетъ воспользоваться этимъ заявлениемъ государя. «О томъ, что говорено было на соборѣ, я писаль правду, снова подтвердиль прямодушный патріархъ; государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присыльцахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великий государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметь». По поводу обвиненій въ сношеніи съ мятежными казаками Никонъ объявилъ, что о смутѣ на Вологдѣ и о Разинѣ онъ ничего не знаетъ, троихъ же казаковъ, приходившихъ къ нему, онъ

не велѣлъ схватить потому что «боялся какъ бы смуты не учинить: они сказывали про свое многолюдство, а оборониться отъ нихъ было некѣмъ. Къ государю же о казакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ». Относительно пророчествъ своихъ Никонъ счелъ нужнымъ заявить, что онъ говорилъ Стрѣшневу вообще объ имѣющихъ быть бѣдствіяхъ, а не говорилъ именно о смерти царевича и о казацкомъ раззореніи. Въ заключеніе опальный патріархъ просилъ передать его просьбу государю, нельзя ли перевести его изъ Ферапонтова монастыря въ Воскресенскій или Иверскій и дать ему довѣренныхъ людей для услугъ. «Худаго у меня намѣренія нѣть, говорилъ Никонъ, да и лѣта мои не малыя, постиглоувѣчье, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простиль всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня»¹.

Послы обѣщали Никону о всѣхъ этихъ просьбахъ доложить государю и испросить указъ, а пока словесно распорядились, чтобы приставъ не дѣлалъ патріарху стѣсненія и позволилъ ему свободный выходъ изъ кельи. Для улучшенія его содержанія они велѣли брать запасы не только съ Кирилловскаго, но и съ другихъ бѣлозерскихъ монастырей—съ Троицкаго, чтѣ на устьѣ рѣки Шексны, Новоезерскаго и еще съ двухъ вологодскихъ: Спасокаменного и Прилуцкаго.

Послы уѣхали. Никонъ, согласно ихъ обѣщанію, сталъ ждать отъ государя указа относительно облегченія своей участіи. Проходитъ мѣсяцъ, а указа все нѣть. Въ это время на Москвѣ происходили выборы нового патріарха на мѣсто умершаго Ioасафа II († 17 февраля 1672) и правительство, конечно, не безъ вліянія недоброжелателей Никона не спѣшило исполненіемъ просьбы опального патріарха. Прождавъ до марта, Никонъ отправилъ къ государю письмо², въ которомъ снова описывалъ бѣдственное положеніе свое въ ссылкѣ, указывалъ на отсутствіе у приставовъ письменныхъ наказовъ относительно надзора за нимъ, вслѣдствіе чего они, какъ напр. Наумовъ, ссылаясь на словесные наказы, часто дѣлали ему обиды и притѣсненія. Теперь онъ совсѣмъ далекъ отъ того настроенія, въ какомъ, бывало, отвергалъ присылаемые царемъ

¹ См. рѣчь послы и отвѣтъ Никона у Соловьева XI, 388—390, ср. Николаевскій 89—43.

² Оно сполна приведено у П. О. Николаевскаго, 44—46 примѣч.

дары. Напротивъ, онъ самъ просить теперь о томъ, нельзя ли прислать къ нему ту самую милостыню, которую привозилъ ему Стрѣшневъ на поминъ царицы и которую онъ тогда отказался принять. «А что твоя великаго государя милостыня прислана съ Ларіономъ Лопухинымъ и то все изошло, потому долженъ былъ многимъ, а иное олихомистованнымъ и разореннымъ отъ Степана Наумова съ тѣми подѣлился». Такимъ образомъ, суровыя условия жизни въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ непреклоннымъ характеромъ опального патріарха. «А нынѣ я богомолецъ вашъ отъ многія злобы немилостиваго пристава Степана Наумова смирихся до конца, а се за грѣхи мои рука лѣвая больна стала и дѣйствовать нисколько не можетъ, пристроiti пiti и ясти и принести некому». Старцы, жившіе съ Никономъ опять всѣ разошлись, иѣкоторые — по порученіямъ самого Никона: «со мною остался одинъ черной попъ Варлаамъ, а тотъ попъ слѣпъ (я же около ево ходилъ), и по се число я богомолецъ на себя и на попа хлѣбы пекъ и вариль самъ... Створи Господа ради, великий государь, со мною милость, (вели) служащимъ единому или двумъ послужити нужнымъ нашимъ потребамъ, кто бъ принесъ пiti и ясти, да чѣмъ и имъ сытымъ и одѣтымъ быти; а азъ же зѣло изнемогъ отъ многихъ скорбей моихъ, некому ясти сварить... да и церковныхъ людей, съ кѣмъ бы церковный обиходъ исправить, а я нынѣ одинъ не могу исправлять. Господа ради милостивъ буди».

По полученіи этого письма Никона государь тотчасъ же послалъ въ Ферапонтовъ указъ на имя пристава Шайсупова: «дать Никону для службы изъ тутошихъ работныхъ людей человѣкъ двухъ или трехъ, чтобы у него въ томъ никогда скудости не было». 27 марта царскій указъ былъ полученъ въ Ферапонтовъ и приставъ сообщилъ о немъ Никону. Никонъ заявилъ, что «ему черные попъ и дьяконъ не его постриженники ненадобны и въ келью къ себѣ ихъ не возметь», тутошихъ работниковъ для услуженія онъ тоже не хочетъ, «потому что, отъ тутошихъ людей въ кельѣ у него въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажа, и вѣрить здѣшнимъ людемъ будучи у него въ кельѣ не мочно». Онъ просилъ у государя позволенія быть у него «для всякой службы ево же людямъ, которые у него были прежде въ Воскресенскомъ монастырѣ». Тогда государь послалъ въ Ферапонтовъ стряпчаго конюха Степана Веригина

спросить Никона, какихъ именно лицъ онъ желаетъ имѣть при себѣ. Никонъ отвѣчалъ, что онъ теперь не знаетъ, кто изъ его монаховъ и людей живъ, да еслибы и зналъ, то все равно не захотѣлъ бы насильно вводить ихъ въ неволю, потому и нынѣ живущій у него черный попъ Варлаамъ скучаетъ отъ великой нужды и хочетъ идти отъ него. Посыпать къ нему, если это угодно государю, нужно только такихъ лица, которые сами того пожелаютъ, нужно при этомъ дать имъ средства къ пропитанію, свободу отъ караула и возможность уйти изъ Ферапонтова, когда захотятъ¹. Желаніе Никона было исполнено: въ іюнѣ «по указу великого государя» прѣѣхали въ Ферапонтовъ «старцы монаха Никона—Ѳлавіанъ съ товарищи самъ четверть»².

IV.

„Ослаби ми мало, да почю, прежде
даже не отгиду“.

Изъ письма къ царю п. Никона.

Опальный патріархъ дождался наконецъ облегченія своей участіи. Съ лѣта 1672 года наступила лучшая пора его жизни въ Ферапонтовѣ, которая продолжается до времени перевода его въ Кирилловъ монастырь въ 1676 году. Теперь не только жившій у Никона старцамъ, но и ему самому разрѣшенъ свободный выхodъ изъ кельи. Насидѣвшійся въ заключеніи патріархъ спѣшилъ теперь воспользоваться предоставленной ему свободой. Онъ ходить гулять въ окрестностяхъ монастыря, удить рыбу на озерѣ. Для разнообразія, а, можетъ быть, и вслѣдствіе болѣзни ногъ, патріархъ нерѣдко совершаетъ свои прогулки не пѣшкомъ, а верхомъ на лошади. Въ іюнѣ онъ потребовалъ чрезъ пристава, чтобы ему прислали изъ Кириллова монастыря лошадь для верховой ѻзды «добрую съ ходью ступистую, не шаражу, не спотычива да сѣдло сафьянное съ приборомъ властелинское добroe на чемъ ему самому ѻздить, и сукна на полный снимальникъ». Изъ Кириллова прислали Никону мерина съраго прозвищемъ «щеголь», сафьянное

¹ Николаевскій, 47.

² Чт. Общ. Ист. 160.

съдо съ уздой и прочія принадлежности. Но патріарху не понравилась «цвѣтная» масть этой лошади: онъ отослалъ ее назадъ и велѣль прислать другую лошадь «добрую карюю или гнѣдую или вороную или бурою изтемна, да конюха, который бы умѣль стряпать около той лошади». Тогда кирилловскіе власти прислали «мерина вороно-каряго прозвищемъ «Москва» и съ нею конюха. Никонъ эту лошадь велѣль принялъ¹. Съ того времени окрестнымъ жителямъ часто приходилось встрѣчать на дорогахъ, ведущихъ къ Ферапонтову, богатырскую фигуру опального патріарха на ворономъ конѣ. Никонъ, повидимому, любилъ верховую ъзду и въ августѣ того же года вытребовалъ себѣ другую верховую лошадь. Неизвѣстно, сопровождалъ ли его конвой стрѣльцовъ во время недалекихъ прогулокъ, но въ болѣе отдаленныхъ поѣздкахъ, какъ напр. на рѣку Шексну для осмотра рыбной ловли, должны были сопровождать его приставъ, сотникъ и стрѣльцы. Подъ такимъ конвоемъ онъ еще при Наумовѣ ъздилъ на богомолье въ Ниловъ скитъ (въ 15 верстахъ отъ Ферапонтова монастыря).

При наступившемъ облегченіи своей участіи, патріархъ Никонъ имѣль больше возможности распредѣлять свое время и занятія согласно своему желанію. Бросимъ теперь общий взглядъ на то, какъ и въ чёмъ проводилъ свое время опальный патріархъ.

Первый годъ своего заточенія Никонъ, какъ было выше сказано, жилъ въ тѣсныхъ и закоптѣлыхъ больничныхъ кельяхъ на съверной сторонѣ монастыря, а потомъ помѣстился въ новыхъ кельяхъ, выстроенныхъ для него въ томъ же мѣстѣ «подлѣ тѣхъ больнишныхъ кельишебъ». Съ самаго начала заточенія ежедневнымъ неопустительнымъ занятіемъ патріарха было исполненіе иноческаго келейного правила и слушаніе положенныхъ по уставу службъ. Когда Степанъ Наумовъ забылъ желѣзными рѣшетками окна и безъ того мрачныхъ больничныхъ келій, то келейное правило даже днемъ приходилось отправлять съ лучиной. Въ новыхъ кельяхъ у Никона была особая крестовая или моленная комната: «а у меня въ новой кельишкѣ, писаль онъ царю, и трапеза и церковь, въ ней отправляемъ полунощницу, утреню, молебны, часы, ве-

¹ Чт. Общ. Ист. 157, 158.

черни и повечернию»¹. Для устройства этой крестовой Никонъ вытребовалъ себѣ въ февралѣ 1668 года «крестъ воздвижальный, шестеры дейсусы келейные, чему покланятися братії, паникалио келейное о шести перахъ, шесть подсвѣчниковъ, что предъ образами свѣщи ставять, кадильницу мѣдную добрую, ладоницу добрую»². Всѣ нужныя богослужебныя книги

Видъ съ волокольни Ферапонтова монастыря на Бородавское озеро,
гдѣ ловилъ рыбу опальный патріархъ Никонъ.

присылались изъ Кириллова монастыря по его требованію и перемѣнялись имъ соответственно церковному кругу времени, откуда можно заключать, что церковные службы совершились у него ежедневно³. Съ 1668 года въ распоряженіе Никона была предоставлена Богоявленская церковь надъ св. воротами

¹ Николаевскій 69.

² Чт. Общ. Ист. 150.

³ Тамъ же 142.

монастыря: въ день Пасхи, 22 марта, здѣсь въ первый разъ была совершена для него литургія. Всѣ келейныи и церковныи службы отправлялись для Никона жившими съ нимъ монахами. Но въ періодъ тяжкаго заключенія, когда монахи разошлись, патріарху самому приходилось «церковное правило править», потому что оставшійся у него «черный попъ Варлаамъ» ослѣпъ и говорить по книгамъ не видитъ». Богослуженія въ Богоявленской церкви на долгое время прекратились, такъ какъ некому стало «церковный обиходъ править». Въ монастырскія церкви, гдѣ совершились службы для братіи, Никонъ считалъ неудобнымъ ходить по разнымъ причинамъ: зимой — «за стужей и дализною», а кромѣ того строго слѣдившій за исправностью богослуженія бывшій патріархъ находилъ, что служба въ Өерапонтовѣ совершається «неисправно, поютъ не по уставу»¹. Когда патріархъ шелъ въ церковь, то его сопровождалъ караулъ изъ 6—8 стрѣльцовъ. По разсказу Шушерина, «по обычаяу» провожали его при этомъ архимандритъ, приставъ и игуменъ монастыря, которые во время благовѣста приходили къ нему въ келью². Съ 1673 г. Никонъ сталъ хлопотать о томъ, «чтобы ему построили кельи подлѣ Богоявленской церкви, чтобы изъ тѣхъ его келій въ ту церковь былъ ему ходъ для службы литургіи беззазоренъ». Впослѣдствіи изъ новыхъ келлій, выстроенныхъ для него въ 1674—75 году, былъ сдѣланъ особый ходъ въ Богоявленскую церковь въ видѣ крытой галлереи съ окнами по обѣ стороны, тянущейся по монастырской оградѣ на разстояніи 30 саженъ³. Государь прислалъ для этой церкви серебряные сосуды, покровы, ризы и полный кругъ новопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Но присланная царемъ роскошная утварь не соотвѣтствовала прочей скучной обстановкѣ церкви: «а въ той церкви, писалъ царю Никонъ, благодаря его за присылку утвари, срачица на престолѣ и покровъ на жертвенникѣ крашенинныи, а у царскихъ дверей нѣть завѣсы, нѣть у мѣстныхъ иконъ пеленъ, а у дьякона стихаря, нѣть паникаила и колоколовъ, а царскіе двери и мѣстныи иконы письма самого плохаго»⁴. Царь въ январѣ 1676 года, уже

¹ Николаевскій, 55.

² Шушеринъ, 86.

³ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 349.

⁴ Николаевскій, 82, 88.

не задолго до своей смерти, прислалъ ему недостающую утварь и три небольшихъ колокола (вѣсомъ всѣ въ 2¹/₄ пуда)¹. Самъ Никонъ никогда не служилъ, а только присутствовалъ при богослуженіи. Но причащался онъ въ алтарѣ вмѣстѣ съ служившимъ іеромонахомъ². За богослуженіемъ на ектеніяхъ и пр. его поминали «святѣйшимъ іатрархомъ»³. Въ Богоявленскую церковь, по приказу Никона, не допускался никто изъ постороннихъ.

Вынужденный проводить большую часть своего времени въ кельѣ, особенно въ первые годы своего заточенія, патріархъ Никонъ, большой любитель книгъ, уже раньше извѣстный своей обширной начитанностью, не могъ конечно обойтись безъ книгъ при томительномъ однообразіи своей затворнической жизни. Чтеніе книгъ занимало не послѣднее мѣсто въ ряду его обыденныхъ занятій. Книги доставлялись по его требованію изъ богатой библіотеки Кириллова монастыря; онъ требовалъ по нѣсколько книгъ за разъ и часто мѣнялъ ихъ на новые⁴. Во время великаго поста Никонъ, по рассказу Шушерина, особенно любилъ заниматься «почитаніемъ книгъ святыхъ, яко же бѣ ему обычай въ Воскресенской отхожей пустынѣ⁵.

¹ Опись утвари, пожалованной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для Богоявленской церкви, см. въ Чг. Общ. Ист. 167, ср. „Дѣло о п. Никонѣ“ № 112, стр. 147. Здѣсь упоминаются серебряные золоченые соуды и дорогія облаченія изъ золотнаго бархату съ серебряными пуговицами. Въ 1688 году вся эта утварь была увезена въ Воскресенскій монастырь въ церковь Иоанна Предтечи, гдѣ погребенъ Никонъ.

² „Дѣло о п. Никонѣ“ № 100, стр. 871.

³ Тамъ же № 94 стр. 350. Ср. Шушеринъ, 83.

⁴ Вотъ наиболѣе замѣчательныя книги, которыхъ въ разное время требовалъ себѣ Никонъ для домашнаго чтенія: „Евангеліе воскресное толковое, торжественникъ постный, Ефремъ съ Лѣстицею, Григорій Богословъ, лѣтописцы: греческій, кievскій и русскій, Библія, Бесѣды евангельскія, Апостолъ толковый, Псалтирь толковый большой „перевода Максима Грека“, Хронографъ, Никонъ великий, Соборникъ цвѣтный, Маргаритъ“. См. Чт. Общ. Ист. 142, 143. При описи имущества Никона въ 1676 году у него оказалось не менѣе 50 разныхъ богослужебныхъ и другихъ книгъ. Между прочимъ упоминаются книги: „Григорія Анзанзина, Григорія Чудотворца, Исаака Сирина, Василія Великаго, двѣ книги Жеаль Правленія, Библія литовской печати и какая-то „книжица въ кожѣ, на греческомъ языцѣ, въ четверть“. См. Дѣло о п. Никонѣ № 105, стр. 887, 888.

⁵ Шушеринъ, 87.

Не мало времени удѣлялъ патріархъ и на хозяйственныя хлопоты. Иногда необходимость заставляла его своими руками исполнять домашнія работы: носить дрова и воду, печь хлѣбы и пр. Всѣ подобныя работы хорошо были знакомы Никону еще во времена его отшельнической жизни въ Анзерскомъ скиту. Въ лучшую пору своего заточенія патріархъ не только не оставлялъ хозяйственныхъ занятій и хлопотъ, но съ охотой посвящалъ имъ свое время. Въ этихъ занятіяхъ находила себѣ исходъ его энергичная натура, обреченная на вынужденное бездѣствие. Самымъ любимымъ его занятіемъ была рыбная ловля на Бородавскомъ озерьѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе еще съ лѣта 1667 года. Патріархъ часто ходилъ удить на это живописное озеро, разстилавшееся къ западу отъ монастыря недалеко отъ его келій. Въ 1672 году на присланнія царемъ деньги онъ заказалъ три невода и ими ловили рыбу для его обихода ловцы Ферапонтова монастыря, а также Кириллова и Троицкаго поперемѣнно¹. Зимой онъ требовалъ не менѣе 12 ловцовъ, лѣтомъ—не менѣе шести². Мелкую рыбу Никонъ отдавалъ въ монастырскую трапезу. Но вообще онъ былъ недоволенъ ферапонтовской рыбой: «а рыбенка когда и уловится на братію, писаль онъ царю, и то самая худая,—ершишка да сорожка»³. Ему была дана еще тоня на рѣкѣ Шекснѣ подъ селомъ Бородавой, гдѣ подъ наблюденіемъ довѣренного старца ферапонтовскіе ловцы ловили для патріарха стерлядей, язей, лещей разными способами: переметами (иногда по 600 удѣль), ботальными сѣтями, мережами и пр.⁴. Рыболовныя принадлежности большою частію заготовлялись у него въ Ферапонтовѣ, материалъ для нихъ иногда присыпался изъ Кириллова, иногда покупался имъ на свой счетъ⁵. Для храненія ихъ былъ устроенъ особый «он-

¹ Донесеніе царю пристава Шайсунова 1674 года. См. Николаевский, 72.

² Соловьевъ XI, 471.

³ Письмо Никона царю въ маѣ 1672 г. См. Николаевский, 51.

⁴ Чт. О. Ист. 143.

⁵ Приходо-расходные книги Ферапонтова монастыря за 1673—4 годы: „июни въ 19 день святѣйшему Никону патриарху продано десять концовъ мережъ неводныхъ—взято два рубли тридцать алтынъ деньги платить келейной ево черной дьяконъ Марьдарей“ Рк. л. 9; „августа въ 6 день продано изъ казны святѣйшему Никону патриарху три мережи переводные—взято тридцать три алтына“, л. 10.

баръ неводной и сарай». По описи 1676 года у Никона было нѣсколько неводовъ, мережъ, вершъ и 11 лодокъ большихъ и малыхъ¹. Никонъ устроилъ также два пруда, въ которыхъ онъ разводилъ карасей². Хорошую рыбу — стерлядей, осетровъ — привозили ему изъ Шексны и изъ царскихъ тоней живую въ бочкахъ, при чёмъ приставъ наказывалъ провожатымъ «беречь на крѣпко, чтобы та рыба у Ферапонтова монастыря не поснула»³. Для этой рыбы былъ устроенъ осо-бый деревянный садокъ подъ монастырской мельницей.

Кромъ рыбной ловли Никонъ любилъ еще заниматься сель-скимъ хозяйствомъ — хлѣбопашествомъ и огородничествомъ — недаромъ онъ былъ сынъ крестьянина-земледѣльца. Въ двухъ верстахъ отъ Ферапонтова въ монастырской пустоши Лещево онъ разчистилъ лѣсъ подъ пашню, поставилъ тамъ дворъ и сѣялъ рожь и пшеницу⁴. Извѣстно также, что онъ бралъ у монастыря въ аренду пустошь Рогозинино⁵. Въ 1676 году еще до уборки хлѣба въ житницахъ Никона оказалось 480 четвертей всякаго хлѣба, ржи и яроваго, сухаго и молотаго, между прочимъ ржи 200 четвертей, овса — 113, ячменя — 84, пшеницы — 24 и пр.⁶. Нельзя впрочемъ думать, чтобы весь этаотъ хлѣбъ выросъ на поляхъ Никона: большая часть его, вѣроятно, была доставлена изъ окрестныхъ монастырей.

Огородничествомъ Никонъ занимался въ довольно широ-кихъ размѣрахъ. У него было въ Ферапонтовѣ три огорода: одинъ находился, какъ можно думать, на берегу озера, судя потому, что за нимъ стоялъ онбаръ неводной съ лодками, сѣ-тями и прочими рыболовными принадлежностями, другой — тамъ же «у устья рѣки», третий — «подлѣ монастыря у по-латы» т. е. на южной сторонѣ монастыря. Въ этомъ послѣд-немъ небольшомъ саду росла только малина да смородина.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 102.

² Тамъ же № 118.

³ Чт. Общ. Ист. 154.

⁴ Осенью 1676 года въ пустоши Лещевѣ было вымолочено 7 чет-вертей съ осмынной ржи и 8 четв. пшеницы. Дѣло о п. Никонѣ № 113.

⁵ Приходо-расходныя книги Ф. м. за 1678—4 г.; „апрѣля въ 24 день пожаловалъ святѣйшій Никонъ патриархъ: прислалъ въ казну три рубли денегъ съ слугой Гавриломъ Никеоровымъ за пустошь Рогозинино, что отдана ему на четыре года, въ томъ і данахъ дана“. Ркп. л. 7.

⁶ Дѣло о п. Никонѣ № 104, 110.

Въ двухъ другихъ огородахъ посажены были разные овощи въ большомъ количествѣ: въ обоихъ огородахъ вмѣстѣ было, напримѣръ, 43 гряды капусты, 37 грядъ луку, 24 чесноку, были также огурцы и дыни въ ящикахъ и грядахъ, тыквы, салатъ, свекла, рѣдька, рѣпа, морковь, а также лѣкарственныя травы: мята, зоря, девятисиль. Никонъ хотѣлъ также развести въ Ферапонтовѣ яблони, которыхъ здѣсь прежде не было: послѣ него осталась цѣлая гряда яблочныхъ саженцовъ¹. Когда Никона перевели въ Кирилловъ монастырь, то изъ собранныхъ въ его огородахъ овощей ему выслали только «небольшое», а именно 101 тыкву, 14 дынь, 1350 огурцовъ, нѣсколько пудовъ луку и чесноку, сѣмени макового ведерко и т. п. Уже по этой «небольшой» части всего урожая можно судить о томъ, какъ успѣшно процвѣтала въ хозяйственныхъ рукахъ Никона эта отрасль сельского хозяйства, которая и донынѣ такъ слабо развита на сѣверѣ Россіи.

Для успѣшнаго занятія хлѣбопашествомъ и садоводствомъ патріархъ долженъ былъ держать лошадей и рогатый скотъ. Въ 1676 году у него было 8 лошадей, 9 коровъ дойныхъ и около 20 «бычковъ и телушечекъ», а также козель съ 3 козами и 4 маленькими козликами². У него былъ за монастыремъ особый скотный дворъ, который онъ задумалъ строить еще въ августѣ 1672 года. Держаль патріархъ и домашнихъ птицъ. Всѣхъ этихъ животныхъ онъ частію бралъ изъ окрестныхъ монастырей, частію покупалъ на собственные деньги³.

Хозяйственные заботы и хлопоты чередовались у Никона съ занятіями благотворительностью. Благотворительность всегда была отличительнымъ свойствомъ патріарха Никона. Онъ не любилъ копить деньги и широко благодѣтельствовалъ нуждающемся люду, чѣмъ приобрѣлъ большую любовь къ себѣ въ

¹ Тамъ же № 102.

² Дѣло о п. Никонѣ № 105, стр. 403, 404.

³ Тамъ же № 100, стр. 375—376. Ср. записи въ приходо-расходныхъ книгахъ О. м. за 1674 г. „июня въ 20 день игуменъ Аеонасей (и) келарь старецъ Паенотей з братиєю, приговоря на соборе, продали съ конюшенного двора мерина новочищена вороново святѣйшему Никону патріарху, взято за него десять рублевъ. Въ 26 день продано ему ж(ъ) святѣйшему Никону патріарху два жеребчика пѣгие да кобылка, все три поищаны (ср. мѣстное доселѣ употребляемое слово ленишнай = прошлогодній), взято десять рублевъ“. Ркп. л. 9.

народѣ. Въ Воскресенскомъ и другихъ патріаршихъ монастыряхъ, по его приказу, радушно принимали всѣхъ прохожихъ путниковъ и бесплатно содержали по нѣскольку дней¹. Живя въ заточеніи и нерѣдко самъ испытывая нужду, Никонъ не могъ уже заниматься благотворительностью въ прежнихъ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе что доступъ къ нему окрестнаго населенія временами былъ совсѣмъ запрещенъ. Съ 1672 года, когда онъ получилъ больше свободы и материальныхъ средствъ, онъ помогаетъ окрестному нуждающемуся населенію, раздаетъ деньги изъ присыпаемой царской милостыни. Многіе берутъ у него деньги въ долгъ². Нищимъ, сиротамъ и всякимъ скучднымъ людямъ онъ раздавалъ милостыню хлѣбомъ и деньгами. Бѣднымъ небѣстамъ давалъ на приданое и свадьбу по рублю и по два. Одна бѣдная дѣвица хотѣла постричься въ монахини и не имѣла средствъ уплатить вкладъ, требовавшійся при поступленіи въ монастыры: Никонъ внесъ за нее этотъ вкладъ въ размѣрѣ 17 рублей. Иногда бѣдные— «всякихъ чиновъ люди» исправляли у него разныя работы по хозяйству, и за это онъ кормилъ ихъ обѣдомъ особенно на Господскіе праздники³.

Кромѣ раздачи денегъ и хлѣба Никонъ, живя въ заточеніи, обратился къ новому способу благотворительности — леченію больныхъ. Приставу Шайсупову, царскимъ посламъ, а потомъ на допросѣ у слѣдователей онъ разсказывалъ о слѣдующемъ бывшемъ ему видѣніи; «явился ему Христосъ часто въ церкви тѣмъ образомъ какъ пишется на иконѣ и подальше ему благодать чаши лекарственной. «Отнято у тебя патріаршество, было сказано ему въ этомъ видѣніи, и тебѣ за то дана чаша лекарственная: лечи болящихъ»⁴. Никонъ еще до

¹ Шушеринъ, 49—50. Даже ожесточенные противники Никона признавали его выдающуюся щедрость, хотя, конечно, толковали ее по своему. „...Въ окно изъ палаты нищимъ деньги бросаешь, писалъ о немъ протопопъ Аввакумъ, ёдучи по пути нищимъ золотые мечеть А міръ-отъ слѣпой хвалитъ: государь, такой - сякой, миленькой, не бывалъ такой отъ вѣка!. Слово въ слово таковъ-то и антихристъ будетъ“. См. П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898, стр. 27.

² См. восемь заемныхъ росписокъ (кабалъ) въ описи его имущества въ 1676 г. Дѣло о п. Никонѣ № 106, стр. 897.

³ Тамъ же № 100, стр. 872.

⁴ Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 873; № 94, стр. 848.

своего заточения въ Ферапонтовъ интересовался медициной. Въ 1658 году ученый монахъ Епифаній Славинецкій перевель для него «дохтурскую книгу» и за это получилъ оть него 10 рублей¹. Живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, патріархъ находился въ сношенияхъ съ врачами иностранцами — «дохтуромъ Самойломъ и Томасомъ агличениномъ» и пользовался ихъ советами².

Леченію своему Никонъ, какъ «врачъ духовный», придалъ религіозный характеръ. Пріѣзжавшихъ къ нему въ Ферапонтовъ больныхъ келейникъ его дьяконъ Мардарій проводилъ въ крестовую келью, куда приносилъ кадило и свѣчи. Здѣсь патріархъ читалъ надъ болѣщими молитвы по потребнику, помазывалъ ихъ освященнымъ масломъ, кропилъ святою водою и давалъ разныя лекарства. Тотъ же Мардарій, исправлявшій у Никона должностную казначея, покупалъ для него въ Москвѣ кромѣ масла деревянного и ладону роснаго, «скипидаръ, траву чечой, цѣлибоку, траву звѣробойную, ношатырь, квасцы, купоросъ, канфару да камень безуй». Но Мардарій, какъ онъ послѣ самъ заявилъ на допросѣ, «не видаль, какъ Никонъ тѣ травы спускалъ» т. е. приготовлялъ изъ нихъ лекарства³). Въ этомъ дѣлѣ помогали Никону другіе его старцы. Одинъ изъ такихъ помощниковъ Никона по леченію — старецъ Савинъ, научившись у Никона, послѣ самъ стала заниматься леченіемъ. Въ 1694 году онъ былъ привлеченъ къ допросу въ Преображенскій приказъ по обвиненію въ чародѣйствѣ и здѣсь, оправдываясь отъ обвиненій, далъ показанія, интересные для нась, поскольку они касаются жизни Никона въ Ферапонтовѣ и его лечебной практики.

Родомъ старецъ Савинъ былъ изъ костромскихъ мѣщанъ, назывался Семеномъ Галкинымъ. Однажды, возвращаясь съ богомолья изъ Соловецкаго монастыря, онъ по пути зашелъ въ Ферапонтовъ, гдѣ въ то время жилъ Никонъ, который

¹ Николаевский, 110 прим. Въ библіотекѣ Никона были и другіе лѣчебники. «Дохтурская книга» — это переводъ Анатоміи извѣстнаго Андрея Вессалія. См. Иконниковъ, 97.

² Никонъ посыпалъ къ Самойлу „травы добыть із оптеки чечойны... и какъ строить роспись ваять“, Самойло посыпалъ къ патріарху своего человѣка Томаска „съ бѣлою малиною, да съ разными сѣмены, да съ душистымъ деревомъ“. См. Гиббенетъ, ч. II, стр. 980.

³ Дѣло о. п. Никонѣ № 100, стр. 377, 378.

знавалъ его раньше въ Воскресенскомъ монастырѣ. «И по тому знакомству, рассказывалъ Савинъ, будучи въ Ферапонтовѣ монастырѣ, святейшій патріархъ его постригъ для того, что онъ не былъ женатъ, и постригшись жилъ онъ у него, святѣшаго патріарха, всего 9 лѣтъ, да у него же, св. патріарха, съ нимъ же Савинымъ жили черные дьяконы Питиримъ да Рувимъ. И живуши въ томъ Ферапонтовѣ монастырѣ, онъ, святейшій патріархъ, лечивалъ у многихъ людей всякия болѣзни по травнику и по лечебнику, а для того леченія строилъ изъ разныхъ травъ и изъ кореня водки, а тѣ травы сбирались съ нимъ Савинымъ, и съ вышеозначенными дьяконами, съ Питиримомъ и съ Рувимомъ, по рѣкамъ, озерамъ и по лѣсамъ, и по полямъ, и тому леченію онъ, святейшій патріархъ, научилъ и его, Савина, и для того леченія съ того лечебника и съ травника далъ имъ списывать, а ему, святѣшему патріарху, тотъ лечебникъ и травникъ на римскомъ языке вывезъ изъ Персиды и перевелъ на греческій, а съ греческаго на русскій языкъ, греченинъ, старецъ Мелетій». Послѣ взятія Никона «подъ караулъ» въ Кирилловъ монастырь старецъ Савинъ ушелъ изъ Ферапонтова и, переходя по разнымъ монастырямъ, лечилъ всякихъ чиновъ людей отъ многихъ болѣзней «безъ наговоровъ и шептаній», а съ помощью лекарствъ и травъ, указанныхъ въ лечебникѣ, который списанъ имъ у патріарха. На этотъ-то лечебникъ старецъ Савинъ ссылался въ оправданіе страннаго способа леченія падучей болѣзни у малолѣтняго сына князя Хилкова посредствомъ закапыванья корней молодой берески въ землю, «чтобы та болѣзнь впредь не отрыгнула». Предусмотрительный старецъ добавилъ при этомъ, что упомянутый лечебникъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ его кельей, и онъ «нынѣ никого не лечить и отъ того всего отсталъ, потому что лечить стало не почему»¹.

Старцу Савину удалось прикрыться авторитетомъ сгорѣвшаго Никонова лечебника. Сомнительно однако, чтобы подобные средства русской народной медицины, какъ леченіе «березкой», находились въ лечебникѣ, переведенномъ съ греческаго. Самъ Никонъ, повидимому, былъ склоненъ слѣдовать

¹ Г. Есиповъ. Люди старого вѣка. Рассказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцелярии. Спб. 1880. „Березка и Корабликъ“, стр. 94—125.

болѣе раціональной медицинѣ. При осмотрѣ его келій въ 1676 году въ нихъ нашли много лекарствъ: «кореня и травы и водки и мази въ скляницахъ и въ кувшинахъ и въ пузыряхъ и въ ставикахъ и въ иныхъ разныхъ судахъ»¹. Нѣкоторыхъ больныхъ Никонъ оставлялъ въ Ферапонтовѣ на нѣсколько дней и даже на недѣлю «до исцѣленія». Въ 1673 году онъ просилъ игумена Аѳанасія дать особую келью для болѣющихъ, «гдѣ имъ пребывать и ему, Никону, къ немъ приходить», но игуменъ отказалъ ему въ этой просьбѣ².

Междѣ тѣмъ слухъ о томъ, что опальный патріархъ съ успѣхомъ исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней, успѣлъ широко распространиться въ народѣ. И вотъ со всѣхъ сторонъ потянулся въ Ферапонтовъ монастырь бѣдный страждущій людъ, привлеченный молвой о добромъ цѣлитѣ. Приходили и пріѣзжали сюда не только изъ Бѣлозерскаго края, но и изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣсть: Вологды, Новгорода, Заонежья, Ярославля, Костромы, Твери, Москвы. Патріарха осаждали цѣлые толпы болѣющихъ съ просьбами о помощи. Подъ окнами его келій стояло иногда человѣкъ сорокъ и болѣе больныхъ разнаго возраста и полу. Разнообразны были болѣзни, на которыхъ жаловались эти больные: одни изъ нихъ страдали падучей, другіе страхованиемъ отъ демоновъ, иные разслаблениемъ. Встрѣчались также болѣзни: «черная, галическая, волосатикъ, трясовица и гнетеница», слѣпота, кровотеченія, килы, запоры, зубная боль, «зыбашникъ» у младенцевъ и пр. Никонъ старался помочь каждому, какъ могъ: читалъ молитвы, мазаль священнымъ масломъ, давалъ разныя лекарства. «И онъ по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лекарства исцѣлялъ. И отъ того ево лекарства Богъ отъ болѣзни многихъ людей избавлялъ», говорилъ онъ своимъ судьямъ на допросѣ³.

О своихъ занятіяхъ леченіемъ Никонъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу и даже послалъ ему «роспись что онъ излечилъ мужска полу и женска и дѣвокъ многое число». Эта роспись хранится теперь въ государственномъ архивѣ⁴. Записи объ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Никономъ въ Ферапон-

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 376.

² Донесеніе пристава Шайсупова. См. Николаевскій, 54.

³ Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 373.

⁴ См. Николаевскій, 109.

товъ монастырѣ извѣстны въ нѣсколькихъ спискахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Дѣла святѣшаго Никона патріарха, паче же рѣчи чудеса врачебная, яже содѣлающе живъ сый, бѣ во изгнаніи въ Ферапонтовѣ и Кирилловѣ монастыряхъ»¹. Въ этихъ записяхъ обозначено: откуда происходилъ исцѣленный, какой болѣзнью страдалъ и когда исцѣлился². Записи начинаются съ 1673 годомъ (записано только 4 случая) и оканчиваются 1676. Всѣхъ исцѣленныхъ записано здѣсь 132 человѣка: изъ нихъ 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ. Большинство исцѣленныхъ принадлежало къ крестьянскому сословію, но были между ними лица духовнаго званія (даже два священника), дворяне и боярскіе дѣти, купцы и посадскіе люди.

Врагамъ Никона, конечно, не по сердцу была эта дѣятельность опального патріарха, привлекавшая къ нему сочувствіе народа, и они, какъ увидимъ ниже, при первой же возможности поспѣшили прекратить ее, не постыдившись прибѣгнуть къ наглой лжи и низкой клеветѣ, чтобы опорочить добroe имя ненавистнаго имъ патріарха.

V.

„Присѣло, государь, время къ его, монаха Никона, древней старости и къ скорбямъ“.

Изъ донесенія царю пристава Шайсупова.

„Милостивый, милостивый, милостивый, великий государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить“.

Изъ письма къ царю п. Никона.

Патріархъ Никонъ даже въ наиболѣе суровыя времена своего заточенія не переставалъ называть себя патріархомъ, пострадавшимъ за Слово Божіе и св. Церковь. Со времени же

¹ Записи эти изданы г. Бѣлокуровымъ въ „Чтѣніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей“ за 1887 г. кн. I.

² Вотъ для примѣра одна такая запись: „(184 года) генваря въ 20 день. Бѣлоѣзерскаго уѣзу съ устья Шексны рѣки Кириллова монастыра

облегченія своей участі въ 1672 году и до конца своего пребыванія въ Єерапонтовѣ онъ, конечно, еще менѣе былъ склоненъ мириться съ положеніемъ ссыльного монаха. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на патріарха, жившаго на покоѣ, и согласно этому взгляду (котораго, повидимому, держался и самъ царь Алексѣй Михайловичъ) онъ хотѣлъ создать вокругъ себя обстановку, приличную его высокому сану, хотѣлъ жить на широкую ногу, какъ подобало бывшему патріарху, а не простому «старцу». Расширеніе круга его дѣятельности, занятія благотворительностью, леченіемъ больныхъ, хозяйствомъ, увеличеніе числа свиты и рабочихъ — все это требовало лишнихъ расходовъ и естественно вызывало съ его стороны новые увеличенные запросы на свое содержаніе. Вотъ почему, не смотря на облегченіе участія патріарха съ лѣта 1672 года, мы видимъ его въ постоянныхъ хлопотахъ и жалобахъ на разныя нужды и недостатки своего содержанія. Но уже во многихъ его просьбахъ и жалобныхъ посланіяхъ государю слышится немощь старца, удрученного годами, болѣзнями и суровыми превратностями судьбы.

Царь Алексѣй Михайловичъ, приказавъ облегчить участіе Никона, томившагося въ строгомъ заключеніи до весны 1672 года, хотѣлъ также, чтобы улучшены были обстановка и содержаніе опального патріарха. Онъ распорядился, чтобы запасы на содержаніе Никона, его свиты и стражи доставлялись изъ пяти окрестныхъ монастырей. Такимъ образомъ, кромѣ Кириллобѣловерского монастыря къ расходамъ на содержаніе опального патріарха были привлечены еще монастыри Новозерскій, Троицкій, что на устьѣ Шексны (упраздненъ въ 1764 г.) и два вологодскихъ монастыря: Спасокаменный и Прилуцкій. При наступившей тогда скудости и всеобщемъ обѣдненіи монастыри тяготились этой новой возложенной на нихъ повинностью и иногда даже отказывались высылать припасы въ Єерапонтовъ,

---

села Великоселья христіанинъ (крестьянинъ) Тарасій Іосиевъ болѣнъ былъ трясавищею, роспухъ что бочка; молитви говорени, сталь здравъ“. „Изъ Суждаля Покровскаго девичья монастыря вотчины Бѣлозерскаго уѣзду села Ухтомы крестьянина Семена Емельянова жена Дарья Артемьевна дочь больна была тридцать пять лѣтъ галицкою болѣзнию, всякими голасы кричала; молитви говорени и елѣемъ святымъ помазана, здрава стала“. Тамъ же стр. 98, 99.

отговариваясь бѣдностью. Кириллобѣлозерскій монастырь, какъ самый богатый и притомъ ближайшій къ Ферапонтову, чаще другихъ посыпалъ запасы Никону, но и онъ доставлялъ ихъ не всегда своевременно и въ достаточномъ количествѣ. Вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ Никона и донесеній пристава Шайсупова государь въ апрѣль 1673 года послалъ въ Ферапонтовъ своего стряпчаго Косму Абрамовича Лопухина для того, чтобы на мѣстѣ провѣрить справедливость жалобъ патріарха и собрать справки о расходахъ, какіе были сдѣланы на его содержаніе. Лопухинъ исполнилъ это порученіе, причемъ игуменъ ферапонтовскій Аѳанасій представилъ ему счетъ расходовъ своего монастыря на содержаніе Никона съ 21 декабря 1666 года. Никонъ уже только послѣ отѣзда Лопухина узналъ, какія записи далъ ему игуменъ. Онъ тотчасъ заявилъ приставу, что эти записи совсѣмъ невѣрны, что въ нихъ расходы показаны вдвое и втрое больше настоящихъ. Въ маѣ объ этомъ заявлѣніи было доложено государю. Игуменъ испугался и, чувствуя за собой много другихъ грѣшковъ въ управлѣніи монастырскимъ хозяйствомъ, отказался отъ игуменства, а на его мѣсто былъ выбранъ другой по имени тоже Аѳанасій. При сдачѣ ему монастыря была произведена подробная опись всего монастырскаго имущества, результаты которой оказались не совсѣмъ благопріятны для бывшаго игумена¹. Никонъ, съ своей стороны, возмущенный несправедливымъ поступкомъ игумена, съ неумолимой настойчивостью продолжалъ раскрывать его злоупотребленія. 18 іюля онъ пришелъ въ монастырскую трапезу и здѣсь въ присутствіи обоихъ игуменовъ, бывшаго и настоящаго, и всей братіи подалъ приставу челобитную на имя государя, которую тутъ же велѣлъ прочитать. Въ ней онъ подробно описывалъ злоупотребленія бывшаго игумена и, ссылаясь на записи пристава доказывалъ, какъ много лишняго насчиталъ на него въ своихъ записяхъ игуменъ Аѳанасій. Изобличенный игуменъ тутъ же при всѣхъ просилъ прощенія у патріарха и во многомъ винилъ казна-

¹ См. П. Ф. Николаевскій, 58. Опись была сдѣлана 17 іюня строителемъ Кириллова монастыря Исаіею по указу архіепископа вологодскаго Симона. Экземпляръ ея сохранился въ архивѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря (№ 108 по нумерации Н. П. Успенскаго) и, по нашему мнѣнію, заслуживалъ бы изданія въ качествѣ церковно-археологического материала.

чая и прислужниковъ. Приставъ началъ производить слѣдствіе по дѣлу о всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ. Расходившійся патріархъ припомнилъ тутъ о своихъ «немалыхъ» запасахъ, оставленныхъ имъ въ Ферапонтовѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ 1652 году возвращался изъ Соловковъ съ монашами св. Филиппа. Въ своей членобитной на имя государя Никонъ не шутя требовалъ, чтобы допросили бывшаго игумена, куда онъ подѣвалъ эти запасы. Не предвидя себѣ ничего доброго, Аѳанасій однажды ночью бѣжалъ изъ Ферапонтова, а въ слѣдующую ночь его примѣру послѣдовалъ житеній старецъ Іовъ, также замѣченный въ злоупотребленіяхъ. Ферапонтовскіе монахи подали государю членобитную на бѣжавшаго игумена, въ которой обвиняли его и келаря Макарія Злобина въ растратѣ монастырскаго имущества и раззореніи монастыря. Злополучный игуменъ, скрываясь отъ розысковъ, пропалъ безъ вѣсти.

Въ это время Никонъ, положившій начало раскрытию злоупотребленій, продолжалъ писать государю членобитныя одну за другою, защищая въ нихъ интересы Иверскаго и Ферапонтова монастыря, писалъ о разныхъ своихъ нуждахъ. «Пришли и яблочковъ, пишетъ между прочимъ старый патріархъ царю въ одной своей членобитной, сколько Господь возвѣститъ тебѣ, а я того благословенія Божія седьмой годъ не ъдалъ, потому что здѣсь они не родятся, да и купить негдѣ и пе на что: я все прежнее жалованье твое роздалъ по заповѣди Божіей неимущимъ, да и въ память царевича Алексея Алексѣевича мнѣ милостыни не было, сотвори ее мнѣ»¹.

Государь внимательно относился ко всѣмъ заявленіямъ и просьбамъ Никона и видимо старался удовлетворить нуждамъ и желаніямъ престарѣлого патріарха, хотя нѣкоторыя его просыбы долженъ быть оставить безъ исполненія. 18 ноября 1673 года онъ снова прислалъ въ Ферапонтовъ того же Косьму Лопухина. По порученію царя, Лопухинъ величалъ Никона «святымъ и великимъ отцомъ», спрavitъ ему поклонъ отъ всѣхъ лицъ царскаго семейства поименно и поднесъ патріарху присланныя ими подарки. Царь и царица Наталья Кирилловна послали ему для рожденія царевича Петра Алек-

¹ Николаевскій, 62.

Підписано архієпископом царствуючого града Москви і всея Великія и Більші
Росії Патріархъ. Еще після Никонъ подписьться такъ: "Никонъ, Божію милостію велікій господинъ і государь.
архієпископъ царствуючаго великаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Більшіи Россії и всес южныя страны и поморія
и многихъ государствъ патріархъ".

цѣвича неприсланые въ свое время гостинцы—древо сахарное, ковришку на орель¹, хлѣбецъ черный а также заупокойную милостыню по царевичѣ Алексѣвѣ 200 рублей; отъ царевны Натальи Алексѣевны прислано было: 200 рублей денегъ, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлѣбецъ черный. Не забыты были и яблочки, о которыхъ писалъ патріархъ: царскій посолъ поднесъ ему отъ царя и царицы по 10 арбузовъ тамбовскихъ и бѣлогородскихъ и по 600 яблоковъ изъ нѣжинскихъ и московскихъ садовъ. Вмѣстѣ съ этими подарками Лопухинъ привезъ Никону роспись запасовъ, которые по указу государя ежегодно должны были доставляться на содержаніе Никона и его свиты изъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей. Годовые запасы были назначены въ такомъ изобиліи, что самъ Никонъ нашелъ, что нѣкоторыхъ запасовъ «прелишне написано» и, переговоря съ посломъ, сократилъ ихъ количество въ иныхъ случаяхъ на третью и даже на половину, вставивъ вмѣсто того въ роспись нѣкоторые пропущенные въ ней припасы².

Никонъ особымъ письмомъ благодарила царя за милость. Но зная по опыту неисправность и упорство монастырскихъ

¹ Ковришки съ орлами (гербами), литья сахарные фигуры и разныя сласти были въ старину необходимой принадлежностью царскихъ родинныхъ столовъ и тѣмъ знатнымъ лицамъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, присыпались на домъ. См. И. Е. Забѣлинъ. Опыты изученія русскихъ древностей, ч. I, стр. 5—6. Такъ какъ эти изделия тогдашнаго кондитерскаго искусства могли при пересыпкѣ ихъ въ Ферапонтовъ изломаться и зачертствѣть, то ихъ вѣльно было приготовить предъ самимъ Ферапонтовымъ монастыремъ, не доѣзжая верстъ 5—6. Для этого посланъ былъ изъ Москвы особый поваръ со всѣми необходимыми принадлежностями, отпущенными изъ аптекарского приказа Николаевскій, 68.

² См. эту роспись у Соловьевъ, XI, 472 прям. Вѣльно было давать въ годъ, между прочимъ, 15 ведерь вина церковнаго, 10 ведерь романеи, 10 ведерь ренскаго, 10 пудъ патоки на медъ, 80 пудъ меду сырцу, 20 ведерь малины на медъ, 10 ведерь вишень на медъ и разныхъ сѣастныхъ запасовъ въ большомъ количествѣ, напр. рыбы разнаго рода, икры 30 пудовъ, по 50 п. масла коноплянаго и коровьяго, 100 п. соли, 10,000 яицъ, чесноку, грибовъ, рѣпы по 10 четвертей, 800 лимоновъ и мн. др. Значительно убавивъ количество нѣкоторыхъ припасовъ, Никонъ включилъ въ роспись слѣдующіе припасы: 4 п. воску, $1\frac{1}{2}$ п. ладону, 1 пудъ семги, 6 четв. снетковъ, 20 п. хмѣлю, 150 судаковъ и язей, 500 свѣчей сальныхъ.

властей, онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на присланную царемъ роспись годовыхъ запасовъ. «Чаю молва будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ, писалъ онъ государю; и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать мнѣ изъ монастырей, но они давали малые запасы и то съ великими брюзгами, а въ выписи писали впятеро, вдесятеро во сто и тысячу разъ больше, оболгали меня тебѣ, великому государю». Дѣйствительно, новая роспись, хотя и представляла большой шагъ впередъ въ дѣлѣ обезпеченія опального патріарха, но не устранила на дѣлѣ многихъ затрудненій въ его содержаніи. Натянутыя отношенія патріарха и монастырскихъ властей уже тогда были на лицо, а при такихъ отношеніяхъ доставка припасовъ натурой неизбѣжно давала поводъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ. Только впослѣдствіи, по обоюдному желанію какъ патріарха, такъ и монаховъ, правительство пришло къ мысли обложить монастыри опредѣленнымъ денежнымъ оброкомъ на содержаніе патріарха. Но плодами этой слишкомъ поздно проведенной мѣры не пришлось уже воспользоваться Никону. До самого конца пребыванія своего въ Ферапонтовѣ патріархъ вель упорную, иногда мелочную борьбу чаще всего съ монахами Кириллова монастыря, обвиняя ихъ въ намѣренномъ пренебреженіи къ его требованіямъ и неисправной доставкѣ припасовъ.

Патріархъ Никонъ, какъ известно, былъ чрезвычайно взыскателенъ и не терпѣлъ неисправности даже въ мелочахъ — это свойство онъ сохранилъ и въ заточеніи. Непонравившіеся ему припасы онъ безъ церемоніи отсылалъ назадъ, жалуясь потомъ государю, что за непригодностью ихъ онъ принужденъ покупать другое на свой счетъ. Особенно не легко было угодить требовательному патріарху въ выборѣ людей для домашнихъ работъ, что также лежало на обязанности монастырей. Между тѣмъ присылаемые монастырями служки какъ на зло оказывались или неумѣющими или негодными людьми. Вотъ для примѣра довольно характерный случай въ этомъ родѣ. Въ февралѣ 1675 года царскимъ указомъ велѣно было дать Никону изъ Спасоприлуцкаго монастыря «повара доброго». Оттуда прислали Ваську Ильина, который оказался никуда негоднымъ поваромъ: «не умѣеть ничего сварить и даже рыбы чистить». Никонъ продержалъ его до 29 марта и отправилъ назадъ, требуя прислать нового повара, именно, Ивашку

Евтиеъева или Ваську Агафонова. Присланный на этот разъ поваръ оказался знающимъ, но, проживъ полгода, былъ уличенъ въ воровствѣ, наказанъ батогами и отправленъ обратно въ Прилуцкій монастырь съ требованіемъ дать новаго повара «доброго, а не вора». Монастырскія власти прислали извѣстнаго уже Никону Ваську Ильина. Патріархъ, наконецъ, началъ уже сердиться и въ январѣ 1676 года писалъ въ монастырь, чтобы прислали повара «доброго цѣломудреннаго, а не безумнаго». «А будетъ не пришлете, грозилъ патріархъ, нарощнаго гонца пошлемъ къ Москвѣ да съ нимъ и повара безумнаго для ради подлиннаго свидѣтельства и въ томъ вамъ впредь будетъ каяться». Но угроза, повидимому, мало подействовала: вновь присланный поваръ Васька Измайлова оказался больнымъ падучей болѣзнью и Никонъ, заявивъ, что такому человѣку въ поварахъ быть не пристойно, требовалъ себѣ повара доброго здороваго, именно Ивашку Евтиеъева. Однако монастырскія власти прислали въ февралѣ не его, а Москву Семенова, который тоже не могъ угодить патріарху и, проживъ около двухъ недѣль, сѣжалъ изъ Ферапонтова въ свой монастырь. Власти тотчасъ же вернули его обратно, но патріархъ его не принялъ «за его плутовство и неумѣство» и велѣлъ учинить ему наказаніе и отпустить обратно. Такимъ образомъ, всѣ четыре повара, присланные монастыремъ въ теченіи одного года, оказались негодными. Эта исторія съ поварами кончилась тѣмъ, что патріархъ написалъ монастырскимъ властямъ: если они сами не могутъ нанять повара, который бы умѣлъ юсты варить и рыбу чистить, то пусть присылаютъ вмѣсто того наемныя деньги «по полтинѣ на мѣсяцъ да хлѣба, по осминѣ ржи да по осминѣ овса». Власти согласились на это и тотчасъ прислали въ Ферапонтовъ деньги на наемъ повара 6 рублей на цѣлый годъ, обѣщааясь высылать и хлѣбные запасы¹. Никонъ требовалъ также изъ монастырей, согласно указу, рабочихъ для разныхъ работъ: для возки бревенъ, для сѣнокосу, для отправки судовъ въ Архангельскъ за покупками и пр. Всѣхъ этихъ людей мопа-

¹ См. „Вологодскія Еп. Вѣдомости“ 1867 г. № 4 прибавл. стр 109—119. „Нѣчто для біографіи п. Никона“ на основаніи документовъ изъ архива Спасоприлуцкаго монастыря (сообщеніе Н. И. Суворова).

стыри должны были нанимать сами и содержать на свой счетъ.

Неумолимо требовательный бъ монахамъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей, которыхъ онъ постоянно упрекалъ въ неисправности и упорствѣ, патріархъ иначе относился къ Єерапонтову монастырю, гдѣ онъ жилъ. Эта небогатая оби-тель не въ примѣръ прочимъ монастырямъ несла неизбѣжные и обременительные для нея расходы вслѣдствіе пребыванія въ ней опального патріарха со свитой и стрѣльцами. Но главная тяжесть для нея заключалась въ доставкѣ подводъ для нуждъ патріарха и пристава, для отправленія въ Москву отписокъ, а иногда арестованыхъ лицъ. По словамъ самого Никона, «на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ по-стоянно гонцы гоняютъ и по городамъ для нашихъ покупокъ и по монастырямъ для нашихъ запасовъ на єерапонтовскихъ подводахъ безпрестанно ъздать и для твоей приказной избы и караула и нашихъ келей и пристава и сотникова стоялыхъ дворовъ и стрѣлецкихъ стоялыхъ избъ и монастырского оби-хода беруть всякия подводы»¹. Монахи єерапонтовские вор-чали: «шестой годъ ихъ раззоряютъ и имъ отъ того раззо-ренія придется изъ монастыря идти вонъ». Никонъ замѣчалъ эту несправедливость въ иалишнемъ обремененіи монастыря сравнительно съ другими болѣе богатыми монастырями и со своей стороны старался облегчить его положеніе. Такъ онъ далъ монастырю вкладъ въ 500 рублей на содержаніе жив-шихъ у него старцевъ, отдавалъ въ монастырскую трапезу запасы, остававшіеся у него за обиходомъ, какъ заявили по-томъ сами монахи², ссужалъ казначея деньгами въ трудныя времена³. Въ тоже время онъ хлопоталъ предъ царемъ объ освобожденіи монастыря отъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, напр. отъ доставки 256 подводъ для отправленія казеннаго хлѣба въ Москву, отъ доставки работниковъ на бѣлозерскій рыбный дворъ, жалуясь при этомъ на бѣлозер-скихъ воеводъ. Наконецъ, Никонъ сталъ просто запрещать приставу Шайсупову братъ єерапонтовскихъ людей и лошадей

¹ Николаевскій, 56.

² Тамъ же, 61, 66.

³ Приходорасходныя кн. Ф. м. за 1678 — 74 г. (рк.). См. выше стр. 95.
прим.

для отсылки отписокъ, приказывая требовать ихъ съ другихъ монастырей. Въ 1675 году съ Ферапонтова монастыря стали требовать доимочныхъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ 283 рубля 23 алтына 2 деньги. Никонъ тотчасъ написалъ государю челобитную о нуждахъ и бѣдности монастыря и послалъ въ уплату монастырскаго долга своихъ 200 рублей изъ царской жалованной милости. Но эти деньги тогда же были возвращены Никону обратно¹.

Живя въ Ферапонтовѣ монастырѣ, патріархъ Никонъ со своими монахами и многочисленнымъ штатомъ прислуги образовалъ въ немъ какъ бы свой особый монастырь, въ которомъ былъ полновластнымъ настоятелемъ. Въ послѣдніе годы его пребыванія въ Ферапонтовѣ у него было не меныше 10 человѣкъ братіи, а число служекъ и работниковъ увеличилось до 25—28 человѣкъ. Монахи исполняли у него разныя должностія: іеродіаконъ Мардарій былъ казначеемъ, іеромонахъ Варлаамъ — духовникомъ², одни ежедневно отправляли для него богослуженіе въ крестовой кельѣ или Богоявленской церкви, другихъ — онъ посыпалъ съ разными порученіями. Монаховъ и служекъ своихъ патріархъ держалъ строго и потачки имъ не давалъ. Іеромонаха Палладія, какъ уже выше было сказано, онъ велѣлъ прогнать изъ монастыря «дублемъ» за переговоры и смуту. Строго преслѣдоваль онъ среди своихъ монаховъ всякую неисправность и особенно пьянство, неумолимымъ врагомъ котораго онъ былъ и во времена своего патріаршества. Въ юнѣ 1672 года келейный старецъ его Якимъ былъ посланъ имъ подъ село Бородаву на реку Шексну для наблюденія за работниками, которые ловили тамъ рыбу, красную и бѣлую, на его обиходѣ. Старецъ Якимъ, какъ видно, не прочь былъ зашибиться хмѣльнымъ, и эта слабость привела его къ бѣдѣ. Кирилловскій служка Тихонъ Волковъ, остановившійся здѣсь проѣздомъ, оказался для слабаго старца демономъ-искусителемъ. Онъ «искусомъ запоилъ старца виномъ» до пьяна, а ловцамъ велѣлъ ловить рыбу на себя. Нѣсколько времени пировалъ онъ здѣсь съ захмѣльвшимъ стар-

¹ Николаевскій, стр. 56, 70, 72, 83.

² См. Шушеринъ, 88: „иже послѣди бысть ему духовникъ“ Собственно духовникомъ Никона былъ назначенъ кирилловскій архимандритъ Никита, но въ послѣдніе годы онъ, по словамъ Никона, пересталъ къ нему ѣздить. Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 873.

цемъ, при чёмъ «двукратно» приказалъ про себя «столы готовить» изъ лучшей рыбы—стерлядей, лещей и язей, а уѣзжая взялъ съ собою стерлядь въ аршинъ, 8 стерлядей поменьше и 20 язей. Никонъ, узнавъ объ этомъ нахальному поступку кирилловскаго служки, тогчась приказывалъ кирилловскимъ властямъ, чтобы они всю рыбу, взятую Волковымъ, прислали къ нему живою, и дали на него «оборону», чтобы впредь старцамъ и служкамъ кирилловскимъ было неповадно брать рыбу изъ его тоней, въ случаѣ же неисполненія своего требованія грозилъ пожаловаться великому государю. Старецъ Якимъ также поплатился за свою слабость: строгій патріархъ «велѣлъ учинить ему за его неистовство жестокое наказаніе»¹. Въ тѣ суровыя времена тѣлесныя наказанія—смиреніе плетьми и батогами были самымъ обыкновеннымъ средствомъ въ рукахъ монастырскихъ настоятелей, которые иначе не могли справляться съ грубымъ и невоздержнымъ нравомъ нѣкоторыхъ пасомыхъ.

Много хлопотъ причинилъ Никону тотъ самый монахъ серебрякъ Иона, который вырѣзывалъ ему надписи на крестахъ и утвари. Искусный мастеръ своего дѣла, онъ былъ въ тоже время горькимъ пьяницей и къ тому же отличался сварливымъ неуживчивымъ нравомъ. Строгость патріарха не въ силахъ была обуздать его несчастной привычки къ пьянству и сплетнямъ. Тайкомъ отъ патріарха онъ часто ходилъ къ приставу, который подпоивъ его виномъ, охотно выслушивалъ отъ пьянаго монаха всякия сплетни о своемъ патріархѣ, который подчасъ былъ тяжелъ и для самого пристава. Однажды сильно угостившись у пристава, онъ вернулся къ себѣ въ пьяномъ видѣ, здѣсь нагрубилъ патріарху и учинилъ даже буйство, начавъ колотить окружающихъ². Патріархъ хотѣлъ за это сослать его на смиреніе въ пекарню, но онъ совсѣмъ ушелъ изъ монастыря сначала къ приставу, а потомъ въ Москву. Желая отомстить строгому патріарху, Иона дорогою по разнымъ городамъ и монастырямъ разглашалъ всюду о надписяхъ, которыя онъ вырѣзывалъ въ Ферапонтовѣ по приказанію Никона и одну

¹ Чт. О. Ист. 158, 159.

² Шушеринъ, 89. „и въ нѣкое убо время по обычаю своему упившись у приставника и учини досажденіе веліе святѣйшему патріарху и братіи, овымъ досадительнымъ и песскимъ своимъ бреханіемъ, овыхъ же дерзновеніемъ рукъ своихъ оскорби“.

ОПАЛЬНЫЙ ПАТРИАРХ НИКОНЪ ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѦ.
Съ картинъ академика Шварца (въ Третьяковской галлерѣ въ Москвѣ).

изъ нихъ даже захватилъ съ собою. Утверждая, что Никонъ «самовольно затѣваетъ, будто онъ терпить въ заточеніи за слово Божіе», онъ въ черныхъ краскахъ изображалъ жизнь опального патріарха въ заточеніи. И какого только вздору не болталъ мстительный монахъ о своемъ бывшемъ патріархѣ, благо находились охотники слушать его вздорную болтовню. На воображеніе суевѣрныхъ раскольниковъ особенно сильно дѣйствовалъ разсказъ Іоны о томъ, какъ Никонъ бесѣдовалъ съ дьяволомъ на устроенному имъ каменномъ островѣ. Часто вечеромъ по закатѣ солнца, рассказывалъ Іона, Никонъ выѣзжалъ на лодкѣ къ этому острову. Здѣсь волшебными заклинаніями онъ вызывалъ діавола, который выходилъ къ нему въ образѣ страшнаго змія. Никонъ обнималъ змія и цѣловалъ, потомъ по обычай спрашивалъ и узнавалъ отъ него, что говорять въ народѣ о немъ, Никонѣ¹. Клеветы Іоны, подхваченные врагами Никона, принесли потомъ большой вредъ опальному патріарху. Шушеринъ называетъ Іону «вторымъ Іудой» и сообщаетъ, что онъ погибъ ужасной смертью: въ городѣ Переяславлѣ онъ зашелъ на винокурню, и напившись здѣсь до-пьяна, упалъ въ большой котель съ кипящей водою и тамъ сварился.

Съ увеличеніемъ свиты и штата прислуки прежнія кельи Никона стали ему тѣсны и онъ еще съ весны 1673 года началъ хлопотать о постройкѣ ему новыхъ келій подлѣ Богоявленской церкви. Не одинъ разъ повторялъ онъ эту просьбу: въ одной члобитной онъ указывалъ, между прочимъ, на непріятное сосѣдство его теперешнихъ келій съ братской поварней: «а изъ той поварни зимою и лѣтомъ всегда помои и всякое скаредie льють къ той кельи, и отъ того зимою и лѣтомъ великой смрадъ бываетъ»². Наконецъ въ апрѣлѣ 1674 года Косьма Лопухинъ привезъ въ ѡерапонтовъ указъ о постройкѣ патріарху новыхъ келлій на счетъ бѣловѣрскихъ и вологодскихъ монастырей. Вѣльно было построить для Никона жилыя кельи а также «служебную, поваренную и приспѣшнюю съ сѣнми на погребахъ и съ сушиломъ въ одной связи, да два хлѣбные амбара». ѡерапонтовскій игуменъ сл.

¹ П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. СПБ. 1898 стр. CXIV, 21.

² Николаевскій, 69.

братіей, по желавію Никона, подрядились строить всѣ эти зданія, ваявъ съ монастырей подрядной платы 672 рубля 26 алтынъ 4 деньги ¹. Бревна для постройки возили изъ Жалобинскаго лѣсу крестьяне Кириллова монастыря ². Плотники работали кирилловскіе подъ наблюденіемъ нарядчиковъ и монастырскихъ слугъ и вологодскіе подъ наблюденіемъ келаря Спасоприлуцкаго монастыря. Патріархъ, имѣвшій страсть къ постройкамъ и много на свое мѣсто вѣку построившій, самъ слѣдилъ за работой. Замѣтивъ что-нибудь неладное, онъ тотчасъ же приказывалъ ломать и дѣлать вновь сообразно своему требовательному вкусу. Эти передѣлки, конечно, задерживали ходъ работы и не нравились строившимъ. Всѣ втайну жаловались и роптали, но никто не смѣлъ перечить строгому патріарху. Спасоприлуцкій келарь, жившій тогда въ Ферапонтовѣ для наблюденія за рабочими, писалъ своему архимандриту, что онъ и его люди живутъ въ кручинѣ, а житію своему не вѣдаются конца, что указу отъ патріарха не могутъ добиться (т. е. насчетъ того, какъ нужно строить), что прилукскимъ плотникамъ «отнюдь не управить по его мыслѣ», что Кирилловскихъ плотниковъ забито человѣкъ съ 60 и они всѣ мученики—пятую недѣлю дѣлаются, а семи рядовъ не могутъ сдѣлать: пріѣзжалъ самъ Кирилловскій архимандритъ Никита и биль челомъ—ино ничто не имѣть» ³. Никонъ жаловался потомъ государю, что кирилловскіе плотники недостроивъ ушли.

Постройка закончилась только къ концу слѣдующаго года; въ сентябрѣ кельи вчернѣ были готовы—«и кельи ему, Никону монаху, и анбаръ у келей ево построили, какъ ему годно». Уже по суммѣ денегъ, собранной съ монастырей на постройку этихъ келий (672 рубля), весьма значительной по тогдашнему времени, когда московскій рубль равнялся 17 нынѣшнимъ рублямъ, можно судить о величинѣ и престорѣ новыхъ помѣщеній ферапонтовскаго заточника. Это были большія хоромы съ крыльцами и переходами, рѣзко отличавшіяся отъ скромныхъ построекъ монастыря. Внѣшній видъ этихъ келий приставъ Ододуровъ (въ 1676 году) описывалъ слѣдующимъ образомъ:

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 109 стр. 408.

² Сообщеніе Н. П. Успенского на основаніи документовъ въ архивѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря.

³ Вологодскія Еп. Вѣд. № 1867 № 4 стр. 119.

«у Никона монаха построены кельи многіе, житей съ дватцать пять; а изъ тѣхъ келей подѣланы сходы и всходы и окна болшіе въ монастырь и за монастырь. Да у него же сдѣланы переходы по монастырской стѣнѣ, черезъ сушилные палаты, къ церквамъ, чтò на святыхъ воротѣхъ, на тридцети саженяхъ; а по тѣмъ переходамъ подѣланы окна болшіе же на монастырь и за монастырь»¹. Особенно внушительный видъ должна была имѣть тридцатисаженная галлерей съ окнами, соединявшая кельи Никона съ Богоявленской церковью. Жилыя кельи имѣли 13 оконъ большихъ и 10 волоковыхъ.

Внутреннее устройство этихъ хоромъ также стоило не малыхъ хлопотъ Никону. Въ октябрѣ 1675 года онъ призывалъ къ себѣ настоятелей четырехъ окрестныхъ монастырей для доподлинной смытъ и досмотру келей, что еще нужно сдѣлать для ихъ окончательного устройства. По смытѣ требовалось еще расходовъ на 73 р. 12 алт. 4 деньги². По небрежности монастырей дѣло и тутъ замедлилось. Особенно долго почему-то не дѣлали въ кельяхъ печей. Между тѣмъ въ старыхъ кельяхъ печи и трубы были разломаны еще весной, и Никонъ заявлялъ настоятелямъ, что онъ съ братію «все на холodu и помираютъ холодною смертью»³. О постройкѣ печей онъ не одинъ разъ писалъ и государю: «Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, братія разбредутся розно, и я останусь одинъ. Охъ, увы мнѣ, что буду!»⁴.

Такимъ образомъ, устройство обстановки и обеспеченіе своего содержанія стоило опальному патріарху большихъ хлопотъ. Недостаточно было выхлонотать указъ государя объ удовлетвореніи той или другой нужды. И по полученіи указа часто приходилось бороться съ упрямствомъ, косностью, а подчасъ и недобросовѣстностью монаховъ, недовольныхъ излишними расходами, съ небрежностью и неумѣньемъ лицъ, исполнявшихъ его работы. Вообще можно сказать, что опальный патріархъ самъ завоевалъ свое обеспеченное положеніе, будучи обязанъ имъ, сколько благосклонности государя, столько же и самому

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 349. Мѣсто этихъ келей Никона въ настоящее время трудно указать съ точностью. См. объ этомъ выше стр. 115, 116.

² „Вол. Еп. Вѣд.“ стр. 116.

³ Тамъ же 115.

⁴ Николаевскій 82, 86.

себѣ, своему неугомонному нраву и неутомимой энергіи, съ какою онъ преслѣдовалъ всякую небрежность и злоупотребленіе въ отношеніи къ себѣ. Въ этомъ отношеніи Никонъ заточникъ напоминаетъ Никона — администратора по настойчивости въ достижениіи цѣлей и неутомимой защитѣ того, что онъ считалъ своимъ законнымъ правомъ. Эта борьба за свое положеніе, неизбѣжно переходившая иногда въ мелочные споры и преканія, вполнѣ соотвѣтствовала практическому складу характера Никона. Но она, наконецъ, стала утомлять его. Съ лѣтами развились въ опальномъ патріархѣ старческая мнительность и недовольство окружающими. Старый патріархъ испыталъ на своемъ вѣку слишкомъ много тяжелыхъ душевныхъ волненій, которыхъ, быть можетъ, оказались бы даже не подъ силу иной менѣе могучей натурѣ. Безпощадная травля враговъ, подстроившихъ разрывъ его съ царемъ, добившихся его низложенія и не перестававшихъ вредить ему даже въ ссылкѣ, естественно повліяла на его характеръ неблагопріятнымъ образомъ, сдѣлала его мнительнымъ и усилила свойственную ему и прежде раздражительность. Столкновенія съ окружающими становятся чаще и принимаютъ болѣе рѣзкій характеръ. Еще въ первые годы своего заточенія Никонъ, привыкшій властствовать, не особенно чинился съ своимъ приставомъ дворяниномъ Наумовымъ и не стѣснялся при случаѣ честить его нелестными эпитетами — «вора, лихомца и дневнаго разбойника». Новый приставъ князь Шайсуповъ не стѣснялъ свободы Никона, исключая первыхъ мѣсяцевъ по своемъ прѣздѣ, и потому патріархъ долгое время не имѣлъ повода ссориться съ нимъ. Князь, жившій съ женою въ особомъ домѣ, выстроенномъ для него за монастыремъ, иногда приглашалъ къ себѣ патріарха и однажды напр. зазвалъ его къ себѣ, когда тотъ шелъ на озеро ловить рыбу. Но поводы къ взаимному недовольствію не замедлили явиться, такъ какъ Никонъ посыпалъ свои требования монастырямъ чрезъ пристава, и приставу первому приходилось выслушивать претензіи и гнѣвныя жалобы требовательного патріарха.

Въ началѣ 1674 года бывшій патріархъ уже рѣшительно поссорился съ своимъ приставомъ, такъ что послѣдній счелъ нужнымъ донести объ этомъ государю. Поводъ къ ссорѣ, по словамъ пристава, былъ слѣдующій. 16 апрѣля въ великий четвергъ Никонъ пошелъ къ обѣднѣ въ соборную мона-

стырскую церковь Рождества Богородицы. По обычаю пошли провожать его стрельцы. Стрелецкий карауль, какъ сами царскіе послы объяснили Никону, былъ данъ ему «не для утѣшенья, а для береженья», а потому патріархъ имѣлъ нѣкоторое основаніе смотрѣть на него какъ на свой почетный карауль. Сопровождая Никона какъ бы для почета, стрельцы обыкновенно ходили впереди патріарха, а не позади его¹. На этотъ разъ они почему-то (и, можно думать, не случайно), измѣнили своему обыкновенію: только двое стрельцовъ пошли впереди патріарха, а другіе шестеро съ сотникомъ пошли сзади. Патріархъ тотчасъ же замѣтилъ измѣненіе обычного порядка и заключилъ, что это сдѣлано не спроста. Въ тогдашнее время всѣмъ мелочамъ этикета, которыя теперь кажутся намъ странными, придавалось большое значеніе. Нервный патріархъ тотчасъ обидѣлся, совсѣмъ разстроился и «не дойдя до папертнаго рундука», вернулся къ себѣ въ келью, заявивъ, что онъ «за приставствомъ въ церковь идти не хочетъ». Въ случившейся непрѣятности онъ винилъ пристава, хотя его и не было на лицо во время этой сцены. Когда князь Шайсуповъ въ день Пасхи пришелъ поздравить патріарха съ праздникомъ и похристосоваться съ нимъ, то Никонъ его не принялъ и выслалъ къ нему своего іеродьякона Мардарія сказать, зачѣмъ онъ его, Никона, въ великий четвергъ отъ причастья отлучилъ. Приставъ объяснялъ Мардарію, что непрѣятность патріарху случилась безъ его вѣдома, что о выходѣ патріарха къ обѣднѣ онъ не былъ извѣщенъ и находился въ то время у обѣдни въ Благовѣщенской церкви, гдѣ пріобщался. Но патріархъ не удовлетворился этими объясненіями «и съ того времени, писалъ приставъ, Никонъ, яко отъ огня съ кручини разгорѣлся и видѣться со мною и христосоваться не похотѣлъ» и не пускалъ къ себѣ двѣ

---

¹ Припомнимъ, что еще въ 1663 году, когда опальный патріархъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, стрельцы Савина монастыря, представленные къ нему „для обереганья“, во время его выходовъ въ церковь шли впереди его „съ батошками противъ царскаго чину“. Бояре, присланные къ Никону, не безъ злорадства объявили ему тогда, отъ имени царя, что „дѣлать такъ ему не довелось“ и велѣли перемѣнити стрельцовъ. Никонъ отвѣчалъ, что онъ стрельцовъ „съ батошками предъ собою ходить не заставливаль, а ходили они передъ нимъ собою, почитая его архіерейство“. Гиббенеть II, 626.

недѣли¹. Все чаше и чаше повторяются недоразумѣнія Никона съ приставомъ, который со своей стороны жаловался на него государю, стала держать сторону кирилловскихъ монаховъ въ ихъ пререканіяхъ съ Никономъ, принималъ у себя и подпивалъ Никонова монаха Іону, выслушивая у него разныя сплетни о тяжеломъ и непокладистомъ патріархѣ. Никонъ сердился на пристава и иногда не видался съ нимъ по цѣлому году «за напраснымъ гнѣвомъ и за ссорами», какъ доносила приставъ государю, а сношенія съ нимъ велъ чрезъ келейныхъ своихъ людей и монастырскихъ служект. Недовольный непріятностями своей службы въ Фераонтовѣ приставъ просилъ государя уволить его оттуда, потому что ему здѣсь «для береженія Никона быть не мочно». Никонъ съ своей стороны тоже писалъ царю о перемѣнѣ пристава: «умилосердись надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ Самойломъ, вели перемѣнить его; онъ со всякия нужды помираеть да и меня уморильт, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ»².

Кромѣ недоразумѣній и столкновеній, происходившихъ у старого патріарха съ окружавшими его лицами, были и другія причины, поддерживавшія въ немъ тревожное настроеніе. До него время отъ времени доходили слухи о торжествѣ враждебной ему партіи, его бывшіе противники и недобро желатели одинъ за другимъ возводились на патріаршій престолъ. Такъ послѣ смерти патріарха Іоасафа на его мѣсто въ юль 1672 года возведенъ былъ Питиримъ, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ низложенія Никона. Впрочемъ, онъ пробылъ на каѳѣдрѣ менѣе года († 19 апр. 1673). Послѣ его смерти патріаршій престолъ по невыясненнымъ доселѣ причинамъ оставался не занятымъ болѣе года. Въ концѣ юля 1674 года патріархомъ московскимъ сдѣланъ былъ новгородскій митрополитъ Іоакимъ. Старый патріархъ имѣлъ причины встревожиться этимъ извѣстіемъ. Іоакимъ принадлежалъ къ числу давнихъ недоброжелателей патріарха Никона, хотя ему именно обязанъ былъ началомъ своей карьеры. Поставленный Никономъ въ строители Валдайскаго Иверскаго монастыря, онъ послѣ удаленія Никона съ патріаршаго престола, прим-

¹ Николаевскій. 78.

² Тамъ же, 87.

кнулъ къ партіи его враговъ, сдѣланъ былъ чудовскимъ архимандритомъ и былъ дѣятельнымъ пособникомъ царя и бояръ въ дѣлѣ низложенія Никона¹. Отъ новаго патріарха Никонъ не могъ ожидать себѣ добра. Дѣйствительно, съ вступленіемъ Іоакима на патріаршій престолъ началась перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ єерапонтовскому заточнику, который въ отвѣтъ на свои просьбы и жалобы не рѣдко получаетъ теперь выговоры. Такъ въ январѣ 1675 года былъ посланъ въ єерапонтовъ тотъ же Лопухинъ съ выговорами Никону, зачѣмъ онъ держитъ у себя лишнихъ людей въ кельяхъ и на службахъ, отъ того рождается молва и разные переговоры, и съ упреками за излишнюю требовательность къ кирилловскимъ монахамъ, согласно ихъ жалобамъ. Лопухину кромѣ того, поручено было „тайно осмотрѣть и на чертежъ начертить“ строеніе, начатое Никономъ². Никону, конечно, было непріятно выслушивать выговоры и замѣчанія, хотя царь со своей стороны смягчилъ ихъ присылкою ему денежной милостины, церковной утвари и порученіемъ Лопухину составить новую роспись нѣкоторыхъ запасовъ и служебныхъ людей, которыхъ должны были доставлять патріарху окрестные монастыри.

Уже въ этихъ выговорахъ Никонъ могъ чувствовать неблагопріятное вліяніе на свою судьбу враждебной ему партіи во главѣ съ новымъ патріархомъ. Но патріархъ Іоакимъ тогда же прямо обнаружилъ свое неблагосклонное отношеніе къ опальному патріарху. Въ это же время Лопухинъ привезъ отъ него наказъ кирилловскому архимандриту Никитѣ вызвать въ Кирилловъ изъ єерапонтова монастыря игумена, келаря, казначея, конюшаго и нарочитыхъ первыхъ старцевъ человѣкъ съ 10 и подвергнуть ихъ строгому допросу, зачѣмъ они монаха Никона въ разговорахъ и отпискахъ называютъ святѣйшимъ

¹ „Быть онъ у меня, писаль Никонъ царю объ Іоакимѣ въ 1671 г., въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его считать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людми тебѣ одобренъ и ты началъ жаловать его знать“. Соловьевъ, XI, 385. Въ 1673 году Никонъ просилъ государя о томъ, чтобы „новгородскому митрополиту (которымъ былъ тогда Іоакимъ) Иверского монастыря не вѣдать“, въ виду расхищенія монастырской казны и имущества. Николаевскій 62.

² Соловьевъ, XI, 470, Николаевскій 77, 78.

патріархомъ «. Архимандритъ Никита, получивъ этотъ наказъ, послалъ въ Єерапонтовъ служку Андрея Гостинщикова съ отпискою къ властямъ, въ кото-
рой вызывалъ ихъ къ себѣ на допросъ. Игуменъ єерапонтов-
скій съ казначеемъ и конюшимъ испугались и не знала, что дѣлать,
пришли съ этой отпиской къ Никону. Узнавъ въ чемъ дѣло, опальныи патріархъ закипѣлъ
негодованіемъ; при завѣдомо
милостивомъ отношеніи къ се-
бѣ государя, который приказы-
валъ посламъ величать Никона
святымъ и великимъ отцемъ,
онъ не могъ объяснить приказа
патріарха Ioакима иначе какъ
личной враждой къ себѣ. Горь-
кое чувство обиды съ новой
силой подступило къ его набо-
лѣвшему сердцу. Въ раздраже-
ніи онъ послалъ сказать при-
ставу, чтобы не пускалъ игу-
мена съ братіей въ Кирилловъ
для допросу. Подозвавъ за тѣмъ
подъ окно своей кельи Анд-
рюшку Гостинщикова, расходи-
вшійся патріархъ жестоко раз-
бранилъ неповиннаго служку,
грамоту Ioакима назвалъ «во-
ровскою», потому что Єерапон-
товъ монастырь приказано вѣ-
дать въ приказѣ великаго госу-
даря тайныхъ дѣлъ, а не патріарху, а самого Ioакима назы-
валъ «патріаршишкомъ и сво-
имъ чернедомъ и чернонедуж-
нымъ». Въ заключеніе разгнѣ-

Кирилл-Бѣлозерскій монастырь (видъ съ Сиверскаго озера).

ванный Никонъ приказалъ стрѣльцамъ, стоявшимъ у окна съ дубинами, бить Андрюшку. Тотъ хотѣлъ было записать въ свидѣтели бывшихъ тутъ лицъ, но стрѣльцы отбили его отъ келій Никона. Вся эта сцена разыгралась въ присутствіи толпы больныхъ (не менѣе 40 человѣкъ), собравшихся къ Никону изъ разныхъ волостей для лечения.

Но єерапонтовскіе монахи всетаки, хотя и не въ тотъ же день, явились въ Кирилловъ, были подвергнуты здѣсь допросу порознь и «со всякимъ пристрастіемъ» и наконецъ выслушали строгій указъ Ioакима, запрещавшій впредь называть Никона патріархомъ¹. Отвѣты допрошенныхъ лицъ за ихъ подписью были отправлены въ Москву къ патріарху, причемъ кирилловскія власти донесли Ioакиму и о томъ, что монахъ Никонъ говорилъ про него «неистовыя слова» и даже прислали къ нему упомянутаго служку Гостинницкова². Патріархъ Ioакимъ самъ по себѣ, конечно, не простилъ бы опальному патріарху его раздражительной выходки. Но Алексѣй Михайловичъ застуился за своего бывшаго друга, и дѣло, грозившее непріятными послѣдствіями для Никона, было замято. Царь Алексѣй Михайловичъ до конца своей жизни былъ добрымъ покровителемъ старого патріарха, сдерживавшимъ намѣренія его враговъ, которымъ хотѣлось построже расправиться съ Никономъ. Напротивъ, онъ старается успокоить разстроеннаго патріарха и устранить въ окружающей его обстановкѣ поводы къ его волненіямъ и раздражительности. Въ мартѣ того же 1675 года была послана въ єерапонтовъ особая комиссія, состоявшая изъ думнаго дьяка и трехъ подьячихъ, для собранія новыхъ справокъ по вопросу о содержаніи опального патріарха. Предполагалось перевести его содержаніе на деньги и нужное количество денегъ разложить на окрестные монастыри соотвѣтственно числу крестьянскихъ дворовъ каждого. Эта мѣра одинаково была желательна какъ для Никона, такъ и для монаховъ и, если бы она была примѣнена съ самого начала, то это устранило бы поводъ къ взаимнымъ пререканіямъ. Но еще прошелъ почти цѣлый годъ, пока въ Москвѣ разрабатывали и рассматривали новую смѣту на содержаніе патріарха. За это время пререканія между Никономъ и Кирилловымъ мо-

¹ См. этотъ указъ въ Акт. Арх. Эксп. IV, № 201.

² Чг. Общ. Ист. 164, 165.

настыремъ не только не прекратились, но даже усилились. Послѣ того, какъ Іоакимъ сдѣмался патріархомъ, кирилловскіе монахи, повидимому, стали болѣе смѣлы въ борьбѣ съ Никономъ и не стѣснялись при случаѣ отвѣтить на его требованія дерзостями. Такъ въ отвѣтъ на требованія Никона относительно начатой имъ постройки дворецкій Кириллова монастыря отпустилъ такую фразу: «что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строить? чертамъ что-ли въ нихъ жить?» Впечатлительный Никонъ былъ глубоко оскорблѣнъ этой грубостью и пожаловался на нее государю. «Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту съ братьемъ въ мою кельишку чертей напускать! Того же вечера (когда дворецкій сказалъ неосторожное слово) птица, невѣдомо откуда взявшись, яко врань черна пролетѣла сквозь кельи во всѣ двери и исчезла, невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякия пеподобныя многія творили»¹. До Никона доходили иногда насышки и пересуды о немъ кириловскихъ монаховъ. «Кушаетъ вапъ батька наасъ», говорили кирилловскіе монахи єерапонтовскимъ. «Я благодатю Божію не человѣкоядецъ», пишетъ обиженный Никонъ царю. Въ другой разъ онъ жалуется царю на насышки кирилловскихъ монаховъ, будто онъ у нихъ въ монастырѣ всѣхъ коровъ пріѣль². При своей старческой мнительности, Никонъ, наконецъ, не могъ равнодушно видѣть опротивѣвшихъ ему кирилловскихъ монаховъ и служекъ: они стали казаться ему бѣсовскимъ навожденiemъ. «По многіе дни, пишеть онъ царю, великія бѣды бѣсы мнѣ творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами и въ окна теперь пакостять, овогда звѣрьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми».

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ єерапонтовѣ Никонъ усиленно жалуется государю на неисправность Кириллова монастыря въ доставкѣ ему припасовъ. «Кирилловъ монастырь, богатъ, пишеть онъ царю въ апрѣль 1675 года, а столовыхъ запасовъ не посыпаетъ, грибовъ и прислали, только такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не

¹ Соловьевъ, XI, 391.

² Николаевскій, 86.

стануть ъсть, вмѣсто осетровъ прислали чалбыши и то сухой, только голова да хвостъ, хмѣль съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится»¹. Отдѣливши небольшую часть присланныхъ запасовъ, Никонъ тутъ же ихъ запечаталъ и отправилъ въ Москву съ чернымъ дьякономъ Мардаремъ для подлиннаго свидѣтельства. Въ іюнѣ онъ снова пишетъ челобитную го- сударю, что ему изъ Кириллова десятый мѣсяцъ столовыхъ запасовъ не присылаютъ: «помилуй меня богомольца своего не вели, государь, меня гладною смертью уморить, вели, го- сударь, свой милостивый указъ учинить, чѣмъ мнѣ бѣдному безмятежно питатися; десятый мѣсяцъ гладною смертию по- мирамъ: купить ненашто, а взять негдѣ, и чтобы мнѣ бо- гомольцу твоему для ради моей бѣдности къ Господу Богу моленія на тя не сотворить»².

Кирилловскія власти старались оправдаться предъ госу- даремъ, обвиняя Никона въ чрезмѣрной требовательности. Никонъ опровергаетъ членобитныхъ Кирилловскихъ властей, за- являя, что за неприсылкою припасовъ ему приходится поку- пать ихъ на государево жалованье. «Быть тебѣ чelомъ Ки- риллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на Украину покупать для меня вишни и то тебѣ буди вѣдомо, что ни едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня... Они бываютъ тебѣ чelомъ, что отъ меня Кирилловъ монастырь раз- зоряется, но мнѣ разорять его нечѣмъ: я мало могу и ходить отъ старости»³. Въ декабрѣ Никонъ снова доносилъ государю объ упорствѣ Кирилловскихъ властей, которые будто бы за- явили его старцамъ, что «безъ братскаго приговора они не смѣютъ давать ему, Никону, никакихъ запасовъ, а братія да- вать не велятъ». Среди Кирилловскихъ монаховъ Никонъ ука- зывалъ на двухъ зачинщиковъ: Корнилія Затворникова и Іосифа Собакина: «они то и бунтуютъ»⁴.

¹ Соловьевъ, XI, 471, Николаевский, 82.

² Николаевский, 84.

³ Соловьевъ XI, 474.

⁴ Дѣло о патріархѣ Никонѣ № 91. Кирилловскій архимандритъ Ни- кита, по словамъ Никона, говорилъ также его старцамъ, „что де Ни- конъ къ великому государю ни пишеть, и у нихъ Кирилловскихъ про то про все есть вѣдомость“. Патріархъ Іоакимъ въ январѣ 1676 г. по- ручилъ архимандриту Прилуцкаго монастыря Исаїя допросить Кирил-ловскихъ властей по этой жалобѣ Никона. Послѣдніе на допросѣ пока-

Государь по-прежнему снисходительно относился ко всѣмъ жалобамъ престарѣлого патріарха, стараясь успокоить его болѣзненную раздражительность. Между тѣмъ смыта на содержаніе Никона была разсмотрѣна и утверждена правительствомъ. 26 января 1676 года государь послалъ къ Никону Косьму Лопухину съ милостивымъ указомъ, которымъ повелѣвалось братъ на его содержаніе вмѣсто столовыхъ запасовъ,— сѣна и дровъ, деньгами ежегодно 839 рублей съ девяти монастырей¹. Государь велѣлъ при этомъ сказать, что если положенныхъ денегъ окажется мало, то онъ будетъ присы-

„Кузнечная“ башня и южная часть стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

лать по 100 рублей, изъ своей казны, только-бѣ у него съ монастырей запросовъ больше того не было. Лопухинъ поднесъ

зывали, что никому такихъ рѣчей они не говорили и никакого бунту не было, а монахъ Никонъ гнѣвался на нихъ за то, что они «сверхъ великаго государя указу и росписей, по отпискамъ ево, потребъ давать и многаго хорошаго строенія строить у него не учали». См. Дѣло о патріархѣ Никонѣ № 92.

¹ См. Соловьевъ. XI, 475. Съ Кириллова было положено братъ 819 рублей, съ Превлукаго 106, Каменнаго 88, Устьшексинскаго 94, Новоозерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 81, Корнильсва 55. Павлова 54.

Никону милостыню и подарки отъ царя и царского семейства. Царь послалъ 100 рублей денегъ, царица — мѣхъ соболій и мѣхъ бѣличій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ, царевичи — 100 рублей денегъ. Послано было также рыбы, икры и разныхъ сластей.

Никонъ могъ теперь спокойно жить въ Єерапонтовѣ, обнадеженный милостью къ нему царя, при полномъ и даже роскошномъ материальномъ обеспечениіи. Но вслѣдъ за минутной радостью безпощадная судьба готовила опальному патріарху новый жестокій ударъ.

VІ.

„На блаженнаго Никона паки діаволъ бурю воставляетъ чрезъ свое орудіе — алыжъ человѣкъ“.

Шупринь.

Старый патріархъ находился подъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ только что объявленной ему царской милости. Но не успѣль еще уѣхать изъ Єерапонтова царскій посолъ Косьма Лопухинъ, какъ туда прибылъ другой посолъ изъ Москвы — братъ Косьмы Феодоръ Абрамовичъ Лопухинъ¹. Печальную новость сообщилъ патріарху этотъ вѣстникъ: «блажочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ преставися отъ сего свѣта къ вѣчному блаженству» († 29 января 1676 года)². Заплакалъ старый патріархъ при неожиданномъ извѣстіи о смерти царя, много чувствъ и воспоминаній пробудило оно въ его душѣ; но вскорѣ онъ побороль смущеніе и, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «да будетъ воля Господня! хотя царь здѣсь (на землѣ) не получилъ прощенія съ нами, но мы бу-

¹ Будущій тестъ Петра Великаго, отецъ первой его супруги Евдокіи Феодоровны.

² Въ своей такъ называемой духовной грамотѣ, которая по тогдашнему обычью читалась при погребеніи, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ: „отъ отца моего духовнаго великаго господина святѣйшаго Никона іерарха и блаженнаго пастыря — и аще и не есть нынѣ на престолѣ — прошу и разрѣщенія“. Нужно однако замѣтить, что подлинность этой грамоты подвергается сомнѣнію учеными изслѣдователями. См. у Иконникова, 87.

демъ судиться съ нимъ въ страшное пришествіе Господне». Посоль, согласно данному порученію, сталъ просить Никона дать письменное разрѣшеніе почившему государю. Но Никонъ, отожествлявшій свое дѣло съ интересами церкви, не могъ простить своего униженія, которое, дѣйствительно, причинило большой вредъ русской церкви. Своимъ отказомъ дать прощеніе покойному государю Никонъ, очевидно, рисковалъ навлечь на себя новые бѣды, но онъ и тутъ не хотѣлъ поступиться своими убѣждѣніями. «Подражая учителю своему Христу, твердо отвѣчалъ Никонъ на просьбы послы, по сказанному въ св. Евангеліи: оставляйте и оставится вамъ, и я говорю: Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не учиню, такъ какъ онъ при жизни своей не освободилъ насъ изъ заточенія». Молиться о душѣ покойного государя Никонъ, конечно, не отказался и милостыню на поминъ его души (100 рублей денегъ и мѣхъ песцовъй черный) отъ послы принялъ¹.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ глубинѣ души сознавшій себя отчасти виновнымъ въ паденіи Никона, до конца своей жизни покровительствовалъ опальному патріарху и не любилъ даже, когда въ его присутствіи вспоминали о преступкахъ, за которые Никонъ подвергся соборному низложению². Со смертю его обстоятельства для Никона измѣнились къ худшему. На престолъ вступилъ двадцатилѣтній сынъ царя Алексѣя — Федоръ Алексѣевичъ, отъ природы слабый и болѣзненный. При немъ тотчасъ забрали силу его родственники по матери Милославскіе и съ ними бояринъ Хитрово — злѣйшие враги Никона. Нарышкины и бояринъ Матвѣевъ, давній другъ Никона, были удалены отъ двора и отправлены въ ссылку. Смерть царя Алексѣя Михайловича развязала руки и патріарху Іоакиму, давно ожидавшему случая расправиться съ нелюбимыми имъ духовными особами, которымъ покровительствовалъ юкійный царь. Прежде всего пострадалъ царскій духовникъ протопопъ Андрей Савиновъ, который принадлежалъ къ сторонникамъ опального Никона и служилъ посредникомъ при передачѣ царю его писемъ и челобитныхъ,

¹ Шушерингъ, 91.

² Свящ. П. Смирновъ. Іоакимъ патріархъ Московскій. Москва. 1861 стр. 52.

привозимыхъ изъ Ферапонтова дьякономъ Мардарiemъ. Съ патріархомъ Ioакимомъ онъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Ioакимъ еще при жизни царя хотѣлъ погубить ненавистнаго протопопа, обвиняя его въ безнравственной жизни и неуваженіи къ нему, патріарху, но не имѣлъ успѣха. На похоронахъ царя между ними произошло новое столкновеніе, но защищать духовника теперь было некому. 14 марта 1676 года патріархъ созвалъ соборъ и осудилъ протопопа за разныя вины къ лишенію сана и ссылкѣ въ Кожееверскій монастырь.

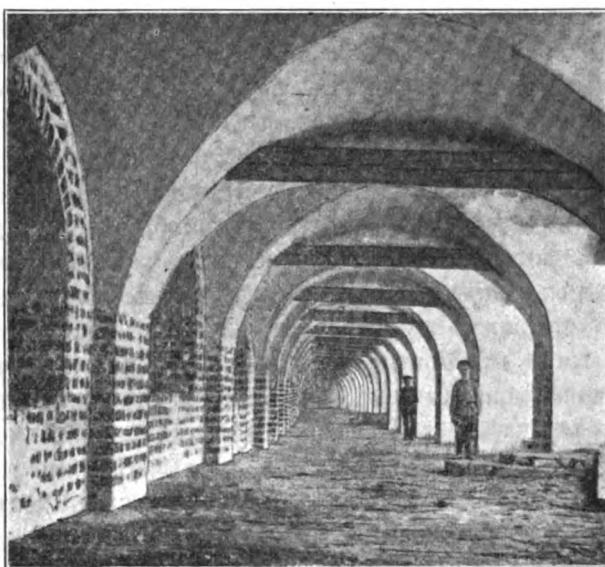
Любопытно, что Ioакимъ, между прочимъ, обвинялъ духовника въ томъ, что онъ «вражду положилъ между нимъ, патріархомъ, и царемъ и привель царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію»¹. Это заявленіе Ioакима имѣть значеніе для характеристики отношеній его къ опальному патріарху Никону. Замѣчая въ царѣ явное нерасположеніе къ себѣ на ряду съ милостивымъ отношеніемъ къ прежнему «собинному» другу — опальному Никону, Ioакимъ, ревниво оберегавшій свою власть, естественно долженъ былъ встревожиться и смотрѣть на Никона, какъ на соперника, который при случай можетъ быть опаснымъ. Ему памятно было, какъ упрямый Никонъ отнесся къ его запрещенію называться патріархомъ и уже за одно это онъ не могъ оставить его въ покой.

И дѣйствительно, въ то время какъ восторжествовавшая придворная партія по своему раздѣльвалась съ нелюбими ей лицами, скоро дошла очередь и до старого патріарха, жившаго въ свое мѣсто заточеніи. Прежде всего нашли нужнымъ смѣнить прежняго пристава Шайсупова. 29 марта 1676 года на его мѣсто былъ посланъ новый приставъ Иванъ Ивановъ Ододуровъ, которому данъ былъ наказъ строже наблюдать за Никономъ. Ододуровъ сразу же стѣснилъ свободу Никона, запретилъ ему и его монахамъ свободный выходъ изъ келлій, поставивъ кругомъ караулъ изъ стрѣльцовъ. Въ донесеніи своемъ въ Москву (18 апрѣля) онъ описывалъ внѣшній видъ келлій Никона, совсѣмъ не похожихъ на кельи ссыльного монаха, и говорилъ, что «стрѣльцовъ съ нимъ послано мало и въ такомъ великомъ мѣстѣ карауловъ тѣми стрѣльцы об-

¹ См. Соловьевъ. XIII стр. 244.

нять невозможно». Постороннимъ лицамъ былъ снова запрещенъ доступ къ Никону, и онъ долженъ былъ теперь прекратить свои занятія леченіемъ больныхъ. Словомъ, для Никона, какъ бы вернулись первые годы суроваго заточенія¹.

Но его ожидали еще новыя непріятности. Еще до пріѣзда Ододурова, возмущенный грязными сплетнями по поводу своей благотворительности, онъ подалъ Шайсупову челобитную на распространявшаго эти сплетни служку Игнатія Башковскаго и заявляя, что знать за нимъ слово и дѣло государево, требовалъ, чтобы взяли Игнатія на допросъ въ Москву вмѣстѣ

Видъ галлереи во второмъ ярусѣ крѣпостной стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

съ его дворовой женщины Киликейкой. Въ своей челобитной Никонъ по обыкновенію подписался патріархомъ. 13 апрѣля эта челобитная была доложена молодому государю съ его соѣтниками боярами, а потомъ сообщена Іоакиму, которому было особенно непріятно, что Никонъ не смотря на его запрещеніе, по прежнему продолжаетъ писаться патріархомъ. Требуя вызова Башковскаго въ Москву, Никонъ надѣялся,

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 349, № 100 стр. 872.

что нелѣпость его сплетенъ обнаружится на допросѣ. Но онъ весьма ошибался въ этомъ случаѣ и поступилъ довольно опредѣльно. Дѣло попало въ руки его недоброжелателей, которыхъ не было расчета заботиться о его добромъ имени. На-противъ, они рады были слушать всякия сплетни о Никонѣ и старались не подавить, а еще болѣе раздуть ихъ. Башковскій на допросѣ рассказывалъ, будто одинъ крестьянинъ умеръ отъ лекарства Никона (добавивъ потомъ, что отъ его лекарства «помирали многіе, а никого не объявилось, чтобы излечились») доносилъ также, что Никонъ стрѣляетъ изъ пищали и изъ кельи застрѣлилъ птицу баклана, что къ нему прїѣзжали въ гости родственники изъ Курмыша¹.

Всѣ эти показанія давали врагамъ Никона поводъ возбудить дѣло о его жизни въ заточеніи. Осудить его имъ теперь было не трудно, стоило только побольше собрать всякихъ слуховъ и сплетенъ о жизни Никона въ Ферапонтовѣ. За этимъ дѣло не стало: Никонъ и въ заточеніи за свой строгій и тяжелый характеръ пріобрѣлъ себѣ недоброжелателей, которые при возникшой надобности могли доставить цѣлый ворохъ всякихъ былей и небылицъ о жизни опального патріарха въ Ферапонтовѣ. Притянули къ допросу бывшаго тогда въ Москвѣ пристава Шайсупова: «зачѣмъ онъ ево, Никона монаха, попустилъ такія вольности чинить», о которыхъ рассказывалъ Игнатій. Шайсуповъ далъ письменное показаніе за своею подписью. Мы уже видѣли, что отношенія между нимъ и опальнымъ патріархомъ стали подъ конецъ далеко не дружелюбными. Вызванный къ допросу хитрый князекъ татарскаго рода смекнулъ, куда дуешь вѣтеръ, и въ своихъ показаніяхъ черными красками изобразилъ жизнь Никона въ заточеніи. Онъ объяснилъ, что Никонъ его ни въ чемъ не слушалъ и никому слушать его, князь Самойла, не велѣлъ, приказывалъ называть себя патріархомъ, ставилъ кресты съ надписями о своемъ заточеніи. Ссылаясь на слова сотника Андрея Есипова, бывшій приставъ рассказывалъ, что Никонъ, дѣйствительно, стрѣлялъ въ птицу баклана изъ своей кельи «и тое птицу обрашилъ и велѣлъ у нее крылья и голову и ноги обѣчь за то что она поѣдала у него рыбу», что осердясь приказывалъ бить провинившихся людей палками

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 844.

и плетьюми. Шайсуповъ разсказывалъ также о леченіи Никономъ больныхъ, о раздачѣ бѣднымъ милостыни, но при этомъ не удержался отъ гнусныхъ клеветъ на престарѣлого патріарха, обвиняя его на основаніи слышанныхъ сплетенъ въ нетрезвой и нечистой жизни¹.

Межу тѣмъ и въ Ферапонтовѣ стало всѣмъ ясно, что отношение правительства къ Никону круто измѣнилось и что на Москвѣ теперь охотно повѣрять всѣмъ обвиненіямъ на Никона. Люди, желавшіе отомстить Никону, не замедлили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Ферапонтовскій служка Ивашко Кривозубъ, незадолго передъ тѣмъ жестоко наказанный «за воровство» по приказу Никона и общему приговору монастырскихъ властей, явился теперь въ Москву съ извѣтствомъ на Никона. Онъ доносилъ, что Никонъ однажды въ монастырской празднику Рождества Богородицы не принялъ къ себѣ въ келью иконы, где на поляхъ были написаны пр. Ферапонтъ и Мартиніанъ, говоря, «что за мужики написаны» и приказывая ихъ сскрестъ; что по смерти государя онъ напивался пьянъ и приказывалъ бить служекъ и крестьянъ, причемъ сильно пострадалъ и самъ извѣтчикъ, будто бы избитый стрѣльцами и келейниками замертво; что въ Пасху и другіе праздники игуменъ со всѣми монахами и служками приходять къ нему на поклонъ и онъ даетъ имъ цѣловать руку; что, распоряжаясь всѣмъ самовластно, онъ учинилъ у себя приказъ и губу; что, наконецъ, отъ его лекарства умерла крестьянская девица.

Въ это же время извѣтный уже намъ Иона Серебрякъ, неоднократно подвергавшійся отъ Никона «смирению» за пьянство, объявилъ за собою дѣло государево и былъ отправленъ приставомъ въ Москву. На допросѣ онъ обвинилъ бывшаго патріарха въ томъ, что тѣтъ живеть не по-монашески, въ церковь ходить мало, за государя и патріарха Бога не молить и своимъ священникамъ не велитъ, а себя велить поминать патріархомъ московскимъ, «государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставить и ногами топчеть и всякими неистовыми словами великаго государя злословить, о чёмъ и помыслить страшно». Послѣднее обвиненіе было явнымъ преувеличеніемъ: извѣстно, что Никонъ только въ на-

¹ Тамъ же, 345—348, 350.

чалъ заточенія рѣзко обнаруживалъ свое недовольство царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ же отчасти примирился съ нимъ и сталъ принимать его присылки.

Но всего этого показалось мало. Изъ приказа тайныхъ дѣлъ извлечено было прежнее, казалось бы, уже оконченное дѣло по обвиненію Никона въ сношеніяхъ съ казаками и Стенькою Разиномъ. Врагамъ Никона было понятно, что политическое обвиненіе, хотя бы и не доказанное, скорѣе всего можетъ отягчить судьбу Никона.

Такимъ образомъ матеріалъ для обвиненія Никона былъ набранъ въ достаточномъ количествѣ. Правда матеріалъ этотъ былъ ненадежный и непроверенный, но объ этомъ немного заботились. Патріархъ Іоакимъ приказалъ на основаніи собранныхъ обвиненій составить докладъ по дѣлу о Никонѣ и представилъ его на соборъ, состоявшійся въ Духовъ день 14 мая 1676 года въ присутствіи царя и бояръ¹. На соборѣ этомъ безъ суда и слѣдствія порѣшили перевести Никона изъ Ферапонтова монастыря въ Кирилловъ и держать его тамъ подъ строгимъ надзоромъ «для того что онъ жилъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ своевольно въ небреженіи о душѣ своей». Для исполненія этого приговора рѣшено было послать въ Ферапонтовъ чудовскаго архимандрита Павла и думнаго дворянина Ивана Желябужскаго съ дьякомъ Семеномъ Румянцевымъ. Имъ данъ былъ подробный наказъ, точно опредѣлявшій, что они должны были говорить Никону и какъ поступить съ нимъ и его имуществомъ. Въ наказѣ все до мелочей предусмотрѣно было заранѣе даже то напр., въ какихъ кельяхъ помѣстить Никона въ Кирилловѣ монастырѣ. Слѣдователямъ велѣно было допросить Никона по всѣмъ пунктамъ взвѣденныхъ на него обвиненій, но этотъ допросъ долженъ быть остатъ пустой формальностью, потому что судьба опального патріарха была уже заранѣе предрѣшена въ наказѣ. Въ случаѣ, если Никонъ обнаружитъ упорство и неповиновеніе присланнѣмъ слѣдователямъ, наказъ предписывалъ имъ сначала увѣщевать его, а если не послушаетъ, взять изъ кельи силой «какъ мочно»². Одновременно патріархъ Іоакимъ послалъ указы властямъ

¹ См. П. Ф. Николаевскій, 93.

² Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 859.

Кириллова и Ферапонтова монастыря о переводе Никона въ Кирилловъ.¹

Слѣдователи прибыли въ Ферапонтовъ 5 іюня утромъ. Съ ними пріѣхали изъ Кириллова архимандритъ Никита и келарь Гедеонъ. Въ монастырѣ еще не кончилась обѣдня. Прибывшіе тотчасъ послали къ Никону пристава и сотника съ приказомъ явиться въ соборную церковь для выслушанія указа отъ царя и патріарха. Напрасно опасались упорства со стороны Никона: онъ безпрекословно выслушалъ приказъ и только спросилъ, когда именно нужно идти. По окончаніи обѣдни архимандритъ Павелъ послалъ за Никономъ кирилловскаго архимандрита съ келаремъ, ферапонтовскаго игумена и сотника. Никонъ тотчасъ же отправился съ ними въ соборную церковь. Онъ безъ сомнѣнія предвидѣлъ, какого рода указъ ему придется выслушать въ церкви, догадывался также, чьими клеветами воспользовались его враги. Отправившись въ церковь, онъ захватилъ съ собою сыскное дѣло про Ивашку Кривозуба — одного изъ паиболѣ злобныхъ своихъ клеветниковъ.

Когда онъ пришелъ въ церковь, слѣдователи объявили ему, съ какою цѣлію они посланы въ Ферапонтовъ монастырь. «Не убоюся отъ темъ людей, окресть нападающихъ на мя, отвѣчалъ имъ Никонъ, аще что и смертное пострадати готовъ есмъ». Желябужскій грубо прикрикнулъ на опального патріарха, но послѣдній не захотѣлъ съ нимъ говорить, а заявилъ архимандриту Павлу: «хотя и ты (будучи архимандритомъ) посланъ къ намъ (патріарху) вопреки св. канонамъ, но все-таки лучше ты говори съ нами, а этому прикажи замолчать»². Дьякъ Румянцевъ началъ читать наказъ и обвинительный актъ, состоявшій изъ многихъ пунктовъ. Во все это время Никонъ держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ, что было засвидѣтельствовано архимандритомъ Павломъ въ донесеніи патріарху Іоакиму: «Никонъ монахъ указъ слушалъ со смиреніемъ, бѣзъ всякаго прекословія». По выслушаніи указа онъ также спокойно и твердо давалъ отвѣты и объясненія на предложенные ему обвинительные пункты. Его отвѣты тутъ же записывались дьякомъ и известны намъ изъ донесенія

¹ Тамъ же №№ 95, 96.

² Шушеринъ, 92.

архимандрита Павла¹. «Хотя въ письменной передачѣ, эти отвѣты, замѣчаетъ по поводу ихъ проф. П. Ф. Николаевскій, и должны были утратить нѣсколько изъ своихъ первобытныхъ черть, но они не утратили своей внутренней силы, поразительной простоты и убѣдительности, которыми отличались всѣ рѣчи, письма и сочиненія патріарха Никона. Въ этихъ отвѣтахъ мы видимъ того же великаго Никона, хотя и много испытавшаго въ жизни, настрадавшаго въ заключеніи, но неутратившаго своей энергіи. Въ своихъ отвѣтахъ онъ побѣдоносно опровергъ всѣ злобно направленныя противъ него клеветы и обвиненія»².

На старое обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ и сношенніяхъ съ Разинымъ, обвиненіе, еще при покойномъ государѣ, такъ сказать, сданное въ архивъ и теперь вновь выдвинутое врагами, онъ отвѣталъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что казаки приходили къ нему съ вѣдома пристава Наумова, а съ Разинымъ онъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Вселенскихъ патріарховъ онъ не бравилъ и въ Царьградъ денегъ и писемъ не посыпалъ. О леченіи своемъ онъ снова подтвердилъ, что началъ лечить вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія, что онъ помазывалъ болѣющихъ масломъ и читаль надъ ними молитвы, и «отъ тово ево лекарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людямъ бывало. А про то онъ не слыхалъ, чтобы отъ ево лекарства которые люди помирали». Дѣвка изъ вотчины Кириллова монастыря, о которой говорилъ извѣтчикъ Ивашко, умерла отъ своей болѣзни, а не отъ его лекарства: онъ ей никакихъ лекарствъ не давалъ, а только читаль молитвы, такъ какъ она была одержима нечистымъ духомъ. Извѣтчикъ Ивашко и самъ обращался къ нему за помощью, «сказываль на себѣ болѣзнь, что приходить къ нему бѣси», онъ помазывалъ его масломъ, и Ивашко самъ же говорилъ, что послѣ помазыванья болѣзнь мি�ровалась³.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 100.

² Николаевскій, 106.

³ Въ записахъ лицъ, лечившихся у Никона дѣйствительно значится въ январѣ 1675 г. Ферапонтовскій служка Иванъ Кривозубовъ, который «бѣсовской шумъ слышаль и хотѣли задушить; молитвы говорены, стала здравъ». И. Игнатій Башковскій, такъ охуждавшій лечебное искусство Никона, самъ же обращался къ нему за помощью для своей малолѣтней дочери Маріи, которая потомъ выздоровѣла. См. Чт. Общ. Ист. 1887, I, 94, 95.

Ивашко извѣщалъ также на Никона, что крестьянинъ Фома умеръ отъ его побоевъ, а конюшенный старецъ Лаврентій былъ запоенъ имъ виномъ до смерти. Никонъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что Фому онъ не бивалъ, умеръ онъ своей смертью: «остались послѣ него жена и дѣти, и они вѣдаются, какъ онъ умеръ». Старецъ Лаврентій «умеръ не отъ ево питья, а былъ пьяница вѣдомой». Самъ извѣтчикъ Ивашко былъ бить за воровство по общему приговору игумена и священниковъ. Никонъ тутъ же подалъ архимандриту Павлу сыскное дѣло про Ивашку, сказавъ: «все Ивашкино воровство въ этомъ дѣлѣ объявится».

Никонъ опровергъ также всѣ клеветы и сплетни, сочиненные его врагами по поводу его широкой благотворительности и лечения больныхъ. Въ числѣ больныхъ и бѣдныхъ, постоянно обращавшихся къ Никону за лекарствомъ и милостыней, было много женщинъ, и этого было достаточно врагамъ Никона, чтобы пустить нелѣпую чудовищную сплетню о нечистой жизни его, семидесятилѣтняго старца, съ раннихъ лѣтъ извѣстнаго своею строгою подвижническою жизнью. Враги совсѣмъ хотѣли втоптать въ грязь того самого Никона, который съ такой ревностью, казавшейся многимъ неумѣренной, стремился исправить грубые и распущенныи нравы своихъ часомыхъ. Въ отвѣтъ на низкую клевету, позорившую его честь и доброе имя, Никонъ заявилъ, что эти обвиненія прямая ложь, что женщины для лечения и для милостыни всегда приходили къ нему или съ мужьями или съ другими женщинами и дѣтьми, а наединѣ онъ никогда ихъ не принималъ; даже милостыню ницѣмъ женщинамъ онъ давалъ въ присутствии стрѣльцовъ. Никакихъ пировъ и угощеній онъ у себя не устраивалъ, а кормилъ иногда бѣдный людъ въ праздники за работы ихъ. Въ гости изъ монастыря никуда не ёздилъ, какъ его въ этомъ обвиняли, а князь Шайсуповъ, у которого онъ разъ былъ, самъ же зазвалъ его къ себѣ, когда онъ шелъ рыбу ловить, и онъ къ нему не надолго зашелъ, а ничего у него не пилъ. «Угодниковъ Божіихъ онъ мужиками не называлъ, а который образъ онъ не принялъ и онъ говорилъ, для чего Ферапонта и Мартиніана пишутъ на иконахъ, а они не свидѣтельствованы» ¹.

¹) До некоторой степени Никонъ былъ правъ въ своемъ заявлениі, хотя ревность его къ чистотѣ и православія въ данномъ случаѣ едва ли

Никону было поставлено въ вину и то, зачѣмъ у него такія большія кельи съ переходами, и ему пришлось въ свое оправданіе сослаться на указъ покойнаго государя о постройкѣ этихъ келій. Государя онъ ничѣмъ не влословилъ и поносныхъ словъ никакихъ не говорилъ, а всякую присылку отъ него принималъ съ благодареніемъ. За великаго государя и за все-ленскихъ патріарховъ въ церкви и въ келейномъ правилѣ онъ повсечастно Бога молить, а за Іоакима патріарха онъ Бога не молить. Открыто заявляя объ этомъ, Никонъ сослался даже на архиепископа вологодскаго Симона, который «писаль въ Кирилловъ монастырь и велѣль Бога молить за себя, а не за патріарха, потому что отъ него Іоакима всякое зло учинилось, и нынѣ ево губить».

На запросъ, почему онъ въ отпискахъ и челобитныхъ писался патріархомъ, Никонъ объяснилъ, что запрещенія ему отъ покойнаго государя въ томъ не бывало, сами царскіе послы называли его «великимъ святымъ отцомъ» и говорили (онъ не помнить точно, кто изъ нихъ), что государь не запрещаетъ его называть патріархомъ. Надписи на крестахъ и со-судахъ онъ приказывалъ дѣлать потому, что «было ему отъ пристава Наумова утѣсненіе велико».

Но всѣ эти объясненія Никона, данные имъ со свойствен-ной ему прямотой и твердостью, не могли измѣнить заранѣе назначенной ему участіи. Все равно ему пришлось выслушать уже стоявшій въ наказѣ строгій приговоръ: «и по тѣмъ твоимъ вымыщеннымъ и непристойнымъ и не во славу Московскому государству мятежнымъ дѣламъ въ Ферапонтовѣ жить тебѣ по своей волѣ неудобно. А указали великій государь и свя-тѣйшій патріархъ и весь освященный соборъ жить тебѣ въ Кирилловъ монастырѣ въ кельѣ по иноческому чину, и о тѣхъ своихъ злыхъ дѣлахъ прійти въ совершенное покаяніе»¹.

можно назвать умѣстною. Правда житія и чудеса преп. Ферапонта и Мартиніана не были «свидѣтельствованы» на соборѣ 1547 года, такъ какъ они не попали на этотъ соборъ, но они были разсмотрѣны митрополитомъ Макаріемъ на одномъ изъ послѣдующихъ соборовъ, где и было дано благословеніе праздновать этимъ двумъ бѣлозерскимъ угодникамъ. О недоумѣніяхъ относительно канонизації пр. Ферапонта и Мартина см. выше стр. 86—41.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 957.

Въ заключеніе присланые суды увѣщевали Никона «всякими мѣрами» чтобы онъ покорился патріарху Иоакиму — «за него Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испущалъ». Но Никонъ оставался непреклоненъ. «За великаго государя и вселенскихъ патріарховъ я стану Бога молить, а за Иоакима Бога молить и патріархомъ его называть не стану», говориль онъ, выходя изъ соборной церкви.

Ему уже не позволили вернуться въ свои кельи, а прямо изъ церкви повеали въ Кирилловъ въ сопровождениі стражи¹.

Видъ на Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ „Вологодской башни“. (Слѣва „Ивановскій или Малый“ монастырь, справа „Большой“ монастырь: посрединѣ между ними больничная церковь св. Евѳимія, подлѣ которой находились кельи п. Никона).

Жившихъ у него монаховъ въ наказѣ также велѣно было взять въ Кирилловъ и вести туда порознь. Такимъ образомъ, безпощадная судьба въ концѣ-концовъ привела Никона въ тотъ самый монастырь, съ монахами котораго онъ еще такъ недавно вель ожесточенную борьбу. Недоброжелательство Кирилловскихъ монаховъ къ Никону хорошо было известно и въ Москвѣ, такъ что даже Иоакимъ счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ указѣ Кирилловскимъ властямъ, чтобы они

¹ Шушеринъ, 92.

«злобы своей къ Никону за его прежнія къ нимъ досады не мстили некоторыми дѣлы»¹.

Перемѣна обстановки сильно подѣйствовала на престарѣлаго патріарха. Увидѣвъ себя въ тѣсныхъ угарныхъ кельяхъ, окруженній чужими ему кирилловскими монахами и служками, Никонъ съ ужасомъ почувствовалъ себя какъ бы живо похороненнымъ въ крѣпкихъ стѣнахъ Кириллова монастыря — и упалъ духомъ. Въ глубокомъ уныніи онъ послалъ за своими судьями, которые собирались Ѹхать обратно въ Ферапонтовъ для исполненія дальниѣшихъ статей наказа. Тѣ, пользуясь его настроениемъ, снова стали убѣждать его покориться Ioакиму и признать его патріархомъ. Сломленный въ неравной борьбѣ старый и больной патріархъ наконецъ уступилъ. «И монахъ Никонъ, доносиль потомъ архимандритъ Павелъ, по многимъ разговорамъ отъ злой своей мысли уклонился и говорилъ, чтобы де святѣйшій патріархъ къ нему былъ милостивъ, и не велѣль бы ево здѣсь напрасною смертью отъ тѣсноты уморить; а онъ де за него Бога молить и патріархомъ именовать учнетъ»². Чтобы смягчить гнѣвъ Ioакима, Никонъ напомнилъ теперь о томъ, что по оставленіи имъ патріаршества, онъ указывалъ государю на Ioакима какъ на своего преемника, говоря, что ему можно быть въ патріархахъ «за смиреніе».

Особенно тяжело было Никону разстаться съ двумя своими келейными старцами — іеромонахомъ Варлаамомъ и іеродьякономъ Мардариемъ, которыхъ, какъ онъ узналъ, вельно было сослать въ Крестный монастырь. Со слезами просилъ старый патріархъ, чтобы оставили при немъ этихъ двухъ преданныхъ ему лицъ, потому что «они къ нему пріобытчились, а онъ къ нимъ», но его просьба не была исполнена.

Оставивъ Никона въ Кирилловѣ, архимандритъ Павелъ съ другими слѣдователями поѣхали опять въ Ферапонтовъ монастырь. Въ наказѣ предписано было взять туда съ собою и келейныхъ старцевъ Никона. Кельи Никона подвергнуты были тщательному обыску, все имущество и утварь въ нихъ были переписаны. Наказъ предписывалъ «прелестные ево Никоновы лекарства всѣ, что ни есть, коренья и травы и водки и мази

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 95 стр. 363.

² Тамъ же № 100, стр. 375.

всенароднѣ сжечь на огнѣ, чтобы отъ нево и ничего не осталось». Архимандритъ Павель доносилъ, что учинилъ съ ними по наказу. Съ крестами, на которыхъ была извѣстная надпись, велѣно было изъ опасенія соблазна поступить съ осторожностью. Архимандритъ съ властями Ферапонтова монастыря, съ священниками и діаконами должны были снять кресты со всѣхъ мѣсть, гдѣ они объявятся, честно внести въ монастырь и «съ искусствомъ» срѣзать надписи, положить кресты «въ сокровенное мѣсто, гдѣ никому бы было входно». Ихъ положили «подъ церкви въ непроходное мѣсто».

Келейныхъ старцевъ Никона, согласно наказу, допрашивали, съ великимъ пристрастіемъ, не спрятано ли у него какихъ-либо писемъ въ землѣ или въ другомъ тайномъ мѣстѣ, и не отсыпалъ ли онъ кому-либо писемъ. Іеромонахъ Варлаамъ и старецъ Кузьма показали, что никакихъ писемъ Никонъ не отсыпалъ и не спрятывалъ, что больные къ Никону прѣѣзжали для лечения, но «никакихъ зазорныхъ лицъ для напивковъ, у него въ кельяхъ не бывало». Мардарій сказалъ, что опь не разъ ъѣзжалъ въ Москву по порученію Никона, возилъ туда отписки и членобитныя и подавалъ царскому духовнику и дьяку приказа тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они передавали ихъ государю. При этомъ Никонъ посыпалъ съ нимъ духовнику подарки — «всякія посуды деревянные, братины и стаканы и ложки и рыбу», а Полянскому — одну рыбу. Но никакихъ писемъ изъ Москвы онъ Никону не привозилъ. Относительно лечения Никономъ больныхъ Мардарій заявилъ, что по приказу Никона онъ приводилъ къ нему въ крестовую келью прѣѣзжавшихъ больныхъ, приносилъ туда кадило и свѣчи и много разъ видѣлъ, какъ Никонъ говорилъ надъ болѣщими молитвы по потребнику, а дурна никакова и безчинія онъ не видалъ¹. Варлаамъ и Мардарій были затѣмъ отправлены въ Крестный монастырь, гдѣ приказано было держать ихъ подъ крѣпкимъ начalomъ; старецъ Козьма за болѣзнь оставленъ былъ въ Ферапонтовѣ, гдѣ скоро и умеръ.

Согласно данному наказу слѣдователи составили подробную опись всего имущества, оставшагося послѣ Никона въ Ферапонтовѣ. Были переписаны хлѣбъ въ житницахъ, запасы въ погребахъ и сушилахъ, овощи въ огородахъ, лодки и сѣти,

¹ Тамъ же, № 100, стр. 877, 878.

рыба въ садкахъ, дрова и бревна, и пр. Все это было сдано подъ росписку игумену Аѳанасію съ братіей. Ему же сданы были подъ росписку облаченія и утварь Богоявленской церкви. Келейная утварь Никона: образа, книги, келейная казна, разнаго рода посуда, обувь, одежда, всевозможная рухлядь, разные запасы, большое количество разнаго рода пива, медовъ и винъ—все это до послѣдней мелочи было внесено въ опись, свезено въ Кирилловъ и сдано казначею подъ росписку¹. Туда же отправлены были лошади, коровы, куры и пр., купленные Никономъ на свой счетъ. Опустѣвшія кельи Никона были заперты и окна въ нихъ запечатаны. Ключи отъ келій, погребовъ, амбаровъ и житницъ были отданы игумену Аѳанасію. Ферапонтовъ монастырь, которому присутствіе знаменитаго заточника придавало особое оживленіе, снова замеръ и погрузился въ однообразную будничную тишину.

Ферапонтовскіе монахи сряду же послѣ переведенія Ни-

---

¹ Опись келейной утвари и имущества Никона, сданныхъ подъ росписку кирилловскому казначею старцу Павлу Кикину, напечатана въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ и занимаетъ здѣсь 18 страницъ (886—404). Наряду съ вещами цѣнными сюда въ беспорядкѣ внесена всякая мелочь и рухлядь, напр. „косарь, чѣмъ лучину щеплють“ или „кузовъ съ лоскутишкомъ ветхимъ“. Изъ этой подробной описи можно видѣть, что Никонъ подъ конецъ своего пребыванія въ Ферапонтовѣ былъ обставленъ даже съ роскошью. Такъ, у него была соболья шуба, „крытая камкою чешуйчатой“, и соболій треухъ, роскошныя перчатки („рукавицы перспнаты съ кистями серебряными, низаны по мѣстамъ жемчугомъ, подложены атласомъ лазоревымъ“), нѣсколько бархатныхъ рясъ и тафтяныхъ (шелковыхъ) кафтановъ, много разныхъ дорогихъ матерій и мѣховъ — все это, вѣроятно, подарки отъ царской семьи. Денегъ въ наличности оказалось 1,000 рублей: „въ кованой скрынѣ въ десяти мѣшкахъ по сту рублей“. Запасы медовъ, винъ, сластей и разныхъ припасовъ были сдѣланы въ большомъ количествѣ. Напр. „шесть кадей меду а въ нихъ по сѣмѣтѣ пудъ сорокъ, 7 ведерь ренсково, ведро романеи, бочка меду малиноваго, 20 ведерь меду бѣлово, 15 ведерь вина церковнаго, нѣсколько бочекъ пива разныхъ сортовъ, бочки моропки, смородины, яблоковъ, вишень и арбузовъ въ патокѣ и мн. др. Въ числѣ утвари упоминаются серебрянныя вещи: солонки, кунгани, рукомойникъ и пр., а также слѣдующіе заслуживающіе вниманія предметы: нѣсколько очковъ, зеркало, часы столовые, трубка смотрительная, шляпа нѣмецкая подложенна крашенной, пищаль, бердыши, пара попорченныхъ пистолей, два рога и кувшинъ скляниной съ порохомъ. Любопытно, что обвиненіе въ стрѣльбѣ изъ пищали было оставлено Никономъ безъ возраженія.

кона изъ ихъ монастыря въ Кирилловъ стали думать о томъ, нельзя ли воспользоваться для нуждъ монастыря имуществомъ патріарха, которое только что было осмотрѣно и переписано архимандритомъ Павломъ съ его помощниками. Они послали къ патріарху Іоакиму челобитную, въ которой указывали на многіе расходы и тягости, понесенные монастыремъ за все время пребыванія въ немъ Никона, жаловались даже на то, будто Никонъ не додалъ имъ 631 рубль 7 алтынъ изъ подрядной суммы на постройку келій, обѣщаясь на тѣ деньги купить въ монастырь колоколъ, а также бѣлаго желѣза и олова на починку церковныхъ главъ — покупокъ не купилъ и денегъ не отдалъ¹. Въ восполненіе всѣхъ этихъ расходовъ монахи просили выдать изъ денегъ Никона 631 рубль 7 алтынъ, а также обратить въ ихъ пользу хлѣбъ Никона какъ посвященный въ поляхъ, такъ и запечатанный въ житницахъ²).

Въ августѣ для поправленія разстроеннаго хозяйства монастыря по указу патріарха и вологодского архіепископа былъ посланъ въ монастырь кирилловскій строитель Исаія, кото-

---

¹ Слѣдуетъ однако замѣтить, что еерапонтовскіе монахи въ своихъ жалобахъ на убытки монастыря отъ пребыванія въ немъ Никона, повидимому, были не совсѣмъ справедливы. Такъ они, между прочимъ, повторили въ своей росписи счетъ прежнаго игумена Аѳанасія (Николаевскій, 120 пр.), въ свое время документально опровергнутый Никономъ. Очевидно, что они не боялись теперь новыхъ обличеній со стороны заключенного въ Кирилловъ Никона. Заявленіе ихъ о недодачѣ Никономъ денегъ изъ подрядной платы за постройку келій также возбуждаетъ сомнѣніе относительно ихъ количества. Монахи говорили, что они платили штотникамъ деньги изъ монастырской казны и съ крестьянъ. Но откуда они могли набрать такую большую по тому времени сумму денегъ (681 р. 7 алт.), когда известно, что „крестьянишки ихъ обнищали до конца“, а монастырская казна часто была совсѣмъ пуста и самъ казначей занималъ деньги у того же Никона (см. выше стр. 95)? Съ другой стороны изъ описи имущества Никона видно, что у него въ кладовой было около 19 пудовъ олова и 175 листовъ желѣза, которыхъ для собственныхъ нуждъ ему покупать было не зачѣмъ, а о присыпѣ колокола въ монастырь онъ просилъ государя въ челобитной (см. Николаевскій, 82) и спѣдовательно, намѣревался выполнить свои обязательства предъ монастыремъ. Притязаніе еерапонтовскихъ монаховъ на денежную казну Никона, повидимому, не было уважено и въ послѣдующихъ челобитныхъ они его уже не повторяютъ.

² Дѣло о п. Никонъ № 104, 109.

рый въ донесеніи патріарху описывалъ плачевное состояніе монастыря и тоже хлопоталъ объ отдачѣ монастырю 480 четвертей хлѣба, оставшагося послѣ Никона¹. Но Іоакимъ быль не особенно податливъ на эти просьбы монаховъ. Онъ разрѣшилъ имъ воспользоваться только тѣмъ хлѣбомъ Никона, который посъянъ въ полѣ, и овоющами въ его огородахъ. Притомъ часть этихъ овошней, а также рыбу изъ его садковъ онъ велѣлъ отсылать въ Кирилловъ на нужды Никона. О хлѣбѣ, запечатанномъ въ амбарахъ, онъ обѣщалъ дать указъ потомъ².

Въ октябрѣ игуменъ съ братіей прислали патріарху отписку и новую членобитную. Въ нихъ они доносили, что рыба въ садкахъ Никона «вся поснула», что часть овошней изъ его огородовъ они послали ему въ Кирилловъ, а посъянный имъ хлѣбъ сквали и измолотили, получивъ въ умолотѣ 7 четв. съ осьминой ржи и 8 чт. пшеницы. Жалуясь на скудость монастыря, они обращались къ Іоакиму съ новой просьбой. «Призри, государь, на домъ Пр. Богородицы на пустое и раззоренное място! Вели, государь, церковную утварь, что описана въ церкви святыхъ Богоявленій, послѣ Никона монаха отдать намъ, богомольцамъ твоимъ, въ Ферапонтовъ монастырь». Кромѣ того они снова просили отдать имъ хлѣбные запасы Никона и дозволить разобрать кельи Никона на монастырское строеніе на братскія кельи³. Мы такъ и не знаемъ, имѣли-ли, наконецъ, успѣхъ просьбы ферапонтовскихъ монаховъ о хлѣбѣ Никона и его кельяхъ, но утварью Богоявленской церкви имъ не удалось воспользоваться: въ 1683 году уже по смерти Никона, она была перевезена въ Воскресенскій монастырь по указу царей Иоанна и Петра Алексѣевичей⁴.

Въ то время какъ ферапонтовскіе монахи хлопотали объ имуществѣ Никона, самъ владѣлецъ его жилъ въ Кирилловѣ въ строгомъ заключеніи. Кирилловъ монастырь издавна служилъ мястомъ ссылки для провинившихся предъ правительствомъ лицъ. Успѣшно выдержавъ осаду со стороны литовскихъ шаекъ, Кирилловъ монастырь получилъ въ глазахъ московского правительства значеніе важнаго стратегического

¹ Тамъ же, № 110.

² Тамъ же, № 111.

³ Тамъ же, № 112, 118.

⁴ Ч. О. Ист. 166.

пункта на съверѣ Руси. Въ царствование Алексея Михайловича правительство рѣшило обнести Кирилловъ новой большой каменной стѣной по образцу Сергиева монастыря¹. Въ 1661 г. царь пожаловалъ изъ казны 45,000 рублей на тогдашнія деньги на производство работъ², а въ 1667 году прислалъ указъ спѣшить городовымъ дѣломъ³. Такимъ образомъ ко времени перевода Никона въ Кирилловъ монастырь постройка его стѣнъ была уже закончена, и Кириллова обитель стояла въ полномъ величіи своихъ грозныхъ твердынь, на которыхъ и теперь не безъ удивленія смотрѣть заѣзжій путникъ. Колossalная стѣна тянется вокругъ монастыря на разстояніи 1½ верстъ и имѣеть три этажа. Въ нижнемъ этажѣ множество келій, предназначавшихся, вѣроятно, для ратниковъ, второй и третій ярусы представляютъ изъ себя длинныя галлерей съ бойницами для пушекъ и пищалей. Галлерей эти такъ широки, что по нимъ свободно можно было бы прокатиться на тройкѣ лошадей. Помѣщаемый здѣсь (см. стр. 209) видъ одной изъ такихъ галлерей съ перспективою уходящихъ вдали сводовъ и арокъ можетъ дать читателю нѣкоторое представление о величинѣ Кирилловскихъ твердынь. Новой крѣности, стоявшей большихъ издережекъ и монастырю и правительству, не пришлось однако испытать вражеской осады. Она служила для правительства другую службу, являясь вполнѣ безопаснымъ и надежнымъ мѣстомъ для пребыванія ссылаемыхъ имъ лицъ. Между прочимъ дѣло патріарха Никона дало Кирилловскимъ тюрьмамъ нѣсколько ссылочныхъ лицъ. Такъ въ 1663 году былъ сосланъ сюда изъ Москвы попъ церкви Введенія, что въ Барашахъ, Иванъ Фокинъ и сидѣль «въ цѣпи и желѣзахъ» за то, что по удаленіи Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь продолжалъ поминать его московскимъ патріархомъ⁴. Въ то время, когда Никонъ жилъ въ Ферапонтовѣ, приставъ Наумовъ часто отсылалъ въ Кирилловъ разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ на сбереженіе (іеродьякона Ферапонта, служку Михайлова и др.)⁵. Пришлось наконецъ

¹ Древности. Труды Моск. Арх. Общества. VIII, 1880 стр. 153.

² См. проф. Н. К. Никольский. Кириллобѣлозерскій монастырь. I : 286 пр.

³ „Новг. Еп. Вѣд.“ 1898, стр. 244.

⁴ Чт. О. Ист. 149 прим.

⁵ Тамъ же, 184, 185.

и самому Никону, бывшему «собинному» другу царя и великому государю, увеличить собою длинный рядъ кирилловскихъ заточниковъ, въ разное время томившихся въ крѣпкихъ стѣнахъ обители.

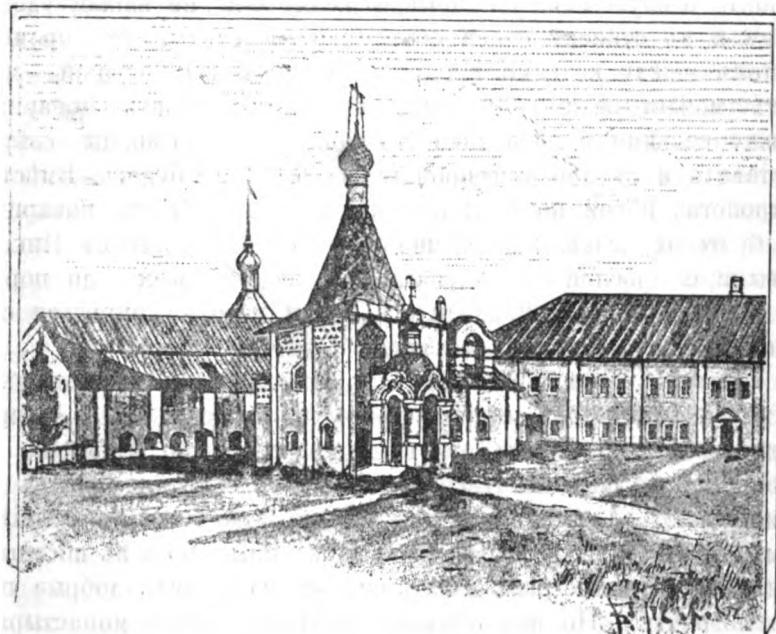
Въ Кирилловъ Никона помѣстили въ тѣхъ кельяхъ, гдѣ живалъ прежде строитель старецъ Матвѣй. Эти кельи находились въ «Большомъ монастырѣ» на западной его сторонѣ въ 2-хъ саженяхъ отъ городовой стѣны, которая проходить здѣсь по самому берегу Сиверского озера. Въ сосѣдствѣ съ ними на разстояніи 4 сажень находились каменные больничные кельи¹, обращенные потомъ въ кладовую и существующія доселѣ. Такимъ образомъ, Никоновы кельи были на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ старинный двухъ-этажный каменный корпусъ, нынѣ почти пустой, а прежде служившій помѣщеніемъ для духовнаго училища². Рядомъ стоитъ больничная церковь св. Евфимія, построенная въ 1653 году; полагаютъ, что въ эту именно церковь, какъ самую ближайшую, ходилъ молиться патріархъ Никонъ. Кельи его были деревянныя двухъ-этажныя. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ помѣщений, соединявшихся теплыми сѣнами, за теплыми сѣнами находились холодныя сѣни съ чуланами. Въ этихъ сѣняхъ было восемь большихъ оконъ. Въ верхнемъ этажѣ были двѣ теплыхъ вышки, холодныя сѣни съ 6 окнами и три чулана. Шушеринъ называетъ эти кельи «вельми неуожими». Печи въ нихъ были кирпичныя и плохого устройства; при первой же топкѣ онѣ издали такой страшный угаръ, что новый жилецъ ихъ, и безъ того послѣ известнаго ушиба страдавшій головною болью, почувствовалъ себя совсѣмъ плохо и чуть не умеръ. Поварни особой не было, кушанья готовили тутъ же въ кельѣ, чтѣ еще болѣе увеличивало въ ней жаръ и духоту. Архимандритъ Павелъ по возвращеніи

¹ См. А. Н. Муравьевъ. Русская Фиваида на Сѣверѣ. СПБ. 1855, стр. 209, 210 и арх. Іаковъ, Труды М. Арх. Общества. VIII, 1880, стр. 143, 144.

² А. Н. Муравьевъ, а за нимъ и покойный Кирилловскій архимандритъ Іаковъ, принимали за несомнѣнное, что этотъ каменный корпусъ есть именно то зданіе, въ которомъ жилъ п. Никонъ. Но имъ тогда не было известно, что Матвѣевскіе кельи были деревянныя. См. ихъ описание въ дѣлѣ о п. Никонѣ № 107.

въ Москву счелъ нужнымъ доложить патріарху Іоакиму объ этомъ неудобствѣ келій Никона, вредномъ для здоровья заточника. Шушеринъ говорить, что патріархъ Іоакимъ «положи сія глаголы въ забвениі».

Въ іюлѣ Іоакимъ послалъ въ Кирилловъ своего ризничаго дьякона Іакинеа. Іакинеъ пріѣзжалъ и Ферапонтовъ, вѣроятно, для осмотра Никонова имущества¹, но главною цѣлью его прибытія было отображеніе у Никона панагіи и двухъ серебрянныхъ патріаршихъ печатей. Никонъ, въ Ферапонтовъ

Больничная церковь св. Евфимія и старый каменный корпусъ на мѣстѣ котораго стояли кельи п. Никона.

носившій панагію, а, быть можетъ, пользовавшійся и печатами, теперь безпрекословно возвратилъ эти послѣдніе знаки патріаршаго достоинства². Но за то Іакинеъ привезъ въ Кирилловъ указъ Іоакима о томъ, чтобы «въ кельяхъ монаха Никона вмѣсто кирпичныхъ печей сдѣлать образчатыя ценинныя, чтобы угару отнюдь не было», а позади келій выстроить

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 113 стр. 419.

² Шушеринъ, 98.

особую каменную поварню, высмотря мѣсто для нея съ нимъ, Никономъ, а если будетъ тутъ какое-либо ненужное строеніе, то его отставить. При этомъ патріархъ требовалъ, чтобы прислали къ нему чертежъ келій Никона — всему старому и новому строенію¹.

Вслѣдствіе этого указа Кирилловскія власти произвели ремонтъ въ кельяхъ Никона: поставили печь обращатую ценинную, поновили стѣны и сдѣлали вновь подволоку и окна красные, двери и переходы въ вышку, «какъ ему угодно». Но строить особую поварню позади келій они не нашли удобнымъ и въ отпискѣ своей объясняли патріарху, что промежутокъ между кельями Никона и монастырской стѣной — занять монастырскими дровами, а если поставить поварню между кельями и больницей, то придется у больницы свѣтъ заставить и съ дровами проѣзду за келіи не будетъ. Вмѣсто устройства новой поварни они предлагали устроить поварню въ братской кельѣ, находившейся въ одномъ ряду съ Никоновыми, и просили на то указа². Такимъ образомъ, до поры до времени Никону приходилось волей неволей мириться съ важнымъ неудобствомъ его келій.

Согласно наказу Іоакима съ Никономъ въ его кельяхъ поселены были два старца добрыхъ и искусныхъ, «кому можно вѣрить». Кромѣ этихъ двухъ старцевъ, Авраамія и Иринарха, въ кельяхъ Никона жили трое служекъ, поваръ и прислѣпщикъ³. Столъ для него велѣно было готовить лучшій, чѣмъ для братіи, не только въ разрѣшенные, но и въ постные дни, также велѣно было давать ему «пиво и медъ добрые по его потребѣ⁴. Но изъ приходорасходныхъ книгъ монастыря, сохранившихся за это время, видно, что денежныхъ затратъ со стороны монастыря на содержаніе Никона почти не было, и по отпускамъ на него запасамъ можно заключать, что ежедневный обиходъ его былъ весьма скроменъ и на него шло тоже, что употреблялось на содержаніе братіи⁵.

¹ См. этотъ указъ у архим. Аполлоса „Начертаніе житія Никона“ изд. 4 М. 1845. стр. 154.

² См. ихъ отписку у Муравьевъ и арх. Іакова (Труды М. Арх. Общ. VIII).

³ См. ихъ роспись въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ № 108.

⁴ Тамъ же, № 94, стр. 358.

⁵ Сообщеніе Н. П. Успенскаго.

Впрочемъ запасы, привезенные изъ Ферапонтова, шли на его обиходъ и въ первое время могли значительно сократить расходы Кирилловы монастыря на содержаніе Никона.

Изъ многочисленныхъ вещей и утвари, которыми Никонъ обставилъ себя подъ конецъ ферапонтовскаго заточенія, ему дали теперь очень немногое¹. Его личная свобода также была значительно стѣснена. Поселенные съ нимъ старцы должны были имѣть надъ нимъ строгій надзоръ, не пускать къ нему въ келью никого, ни монаховъ, ни мірянъ, наблюдать, чтобы онъ никому не писалъ писемъ и для того не давать ему ни черниль, ни бумаги. Ему запрещено было получать отъ кого-либо посылки и приношенія и даже выходить за монастырскую ограду. О суворости заключенія Никона въ Кирилловѣ Шушеринъ вообще замѣчаетъ, что Никонъ терпѣлъ здѣсь «всякія нужды и озлобленія» не менѣо, чѣмъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ, «въ кельи бо пребысть, неисходно кромѣ церковныя службы»². Въ церковь ему позволено было ходить (вѣроятно, въ ближайшую Евфимьевскую), но и тутъ велико было слѣдить за нимъ, чтобы онъ «стояль съ молчаніемъ и чтобы мятежу церковнаго отъ него не было»³. Такъ опаснымъ казался своимъ врагамъ Никонъ—теперь уже больной разбитый жизнью старецъ.

Уныло и однообразно текла жизнь Никона въ кирилловскомъ заточеніи. Отрѣшенный отъ міра, лишенный возможности сноситься съ преданными ему людьми, старый патріархъ долженъ былъ переносить свои страданія «уединенно, молчаливо, при полномъ безучастії окружавшихъ его лицъ и въ полной безвѣстности для общества»⁴. Мало сохранилось свѣдѣній о жизни его въ это злополучное время. Тѣмъ любопытнѣе для насъ тѣ немногія свѣдѣнія о жизни знаменитаго заточника, которыя случайно попали на страницы монастырскихъ приходорасходныхъ книгъ. Изъ книгъ этихъ видно напр., что кирилловскій заточникъ поз-

¹ „Отъ вещей же келейныхъ не даша ему и нужныхъ потребъ“ сообщаетъ Шушеринъ стр. 98. Списокъ выданныхъ Никону вещей см. въ „Дѣло о п. Никонѣ“ № 106. Изъ книгъ выданы были только двѣ псалтири съ возслѣдованіемъ, да Библія литовской печати, изъ одежды — двѣ суконныхъ рясы и три кафтана и т. д.

² Шушеринъ, 98.

³ „Дѣло о п. Никонѣ“ № 94, стр. 358.

⁴ П. Ф. Николаевский, стр. 123.

воляль себѣ невинныхъ развлеченія, вносишія нѣкоторое
образіе въ его монотонную затворническую жизнь. Онъ дѣ-
лалъ птицъ лебедей и голубей и, повидимому, самъ
мался ихъ кормленіемъ. Начальство монастыря ничего не
противъ этой невинной забавы своего заточника, который
будучи патріархомъ держалъ у себя пѣвчихъ птицъ и поп-
ли приказывало выдавать изъ монастырской житницы пот-
ребное количество овса и пшеницы на кормъ пернатыхъ друзей
наго патріарха¹.

Шель годъ за годомъ. Патріархъ Никонъ продолжалъ
дѣлать въ своемъ заключеніи, безъ надежды на освобож-
дѣніе откуда не получая себѣ ни утѣшенія, ни тѣмъ бол-
ее помощи. Царь Федоръ Алексѣевичъ былъ молодъ и нах-
одился подъ вліяніемъ враждебной Никону партии, сторонники
Никона стояли вдали отъ царя. Но вотъ произошла
перемѣна въ придворномъ кругу, вліяніе Милославскаго
Хитрово ослабѣло, и для Никона блеснула лѣчъ на
Теткѣ царя царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, которая съ д-
была почитательницей великой личности Никона, удалось
перъ пріобрѣсти вліяніе на своего царственнаго племя.
Она своими рассказами о Никонѣ и о его заслугахъ і
государству и царскому семейству и о теперешней г-
о участии заинтересовала молодого царя. По ея вну-
щению въ сентябрѣ 1678 года предпринялъ со всей
пойздко на богомолье въ Никоновъ Воскресенскій мон-
стырь. Здѣсь все напоминало о Никонѣ: и начатыя имъ велич-
иля постройки, и сонмы преданныхъ ему монаховъ.
Никона старались отклонять молодого царя отъ поѣзда
Воскресенскій монастырь, но не имѣли успѣха. Онъ
туда нѣсколько разъ, далъ монастырю жалованную г-
издалъ указъ объ окончаніи начатой Никономъ постр-
оительства монастыря своимъ царскимъ богомоліемъ². Под-
ніемъ этихъ посѣщеній, рѣчей Татьяны Михайловны,
сенскихъ монаховъ, и вѣроятно, также своего учите-

¹ Сообщеніе Н. П. Успенского на основаніи житіенныхъ
Кириллова монастыря. Вотъ для примѣра записи изъ этихъ
1680 г.: ноября въ 24 день по приказу государя отца архимандрита
житы выдано голубей кормить Никона монаха овса четь съ ос-
1681 г.: марта въ 25 день выдано лебедямъ овса три четверика

² Николаевскій, 124, 125.

Кончина ПАТРИАРХА НИКОНА НА РѢКѢ КОТОРОСЛИ ВЪ ГОРОДѢ ЯРОСЛАВЛѢ.
Рисунокъ Дмитріева-Орлова (изъ „Ильи“ за 1892 г.).

меона Погоцкаго, въ душѣ молодого царя возникалъ величавый образъ знаменитаго патріарха, который теперь забыть всѣми и томится въ заточеніи. И вотъ молодой царь хочетъ оказать вниманіе къ злополучной долѣ Никона. Предъ Пасхою 12 марта 1679 изъ Москвы посланъ быль «къ монаху Никону для государева дѣла» стольникъ Мартюхинъ, вѣроятно, съ денежной милостыней¹. Въ январѣ 1680 года кирилловскій архимандритъ, будучи въ Москвѣ, получилъ отъ государя 200 рублей милостыни: изъ нихъ 100 рублей гоударь поручилъ передать Никону. Въ концѣ августа царь послалъ къ Никону стольника Федора Абрамовича Лопухина со своей государевой милостыней². Понятно, что милостивое вниманіе царя должно было утѣшить томившагося въ заключеніи патріарха и снова внушиТЬ уваженіе къ нему въ глазахъ кирилловскихъ монаховъ. Благодаря не разъ присылавшейся царемъ милостынѣ, кирилловскій заточникъ имѣеть деньги въ избыткѣ, и монастырское начальство само обращается къ нему съ просьбой дать денегъ въ долгъ, какъ напр. въ 1680 году, когда оно заняло у Никона 149 р. 12 алт. 2 д. на уплату государственнаго сбора на жалованье ратнымъ людямъ во время турецкой войны³. Въ 1680 году царь освободилъ изъ ссылки келейныхъ старцевъ Никона, Варлаама и Мардарія, и позволилъ имъ вернуться въ Воскресенскій монастырь.

Однажды, посѣтивъ Воскресенскій монастырь по случаю смерти его настоятеля, царь самъ внушилъ братіи мысль, хлопотать о возвращеніи къ нимъ Никона изъ ссылки. Обрадованные царскимъ словомъ монахи не заставили себя ждать. Тотчасъ же была написана витеватая челобитная, въ которой, указывая на примѣръ израильтянъ, перенесшихъ кости Іосифа изъ Египта въ обѣтованную землю, Иоанна Златоуста и Игнатія патріарха константинопольскаго, нѣкогда возвращенныхъ изъ своего заточенія, монахи умоляли царя возвратить пастыря стаду, главу — тѣлу христоподражательного пастыника святѣшаго Никона, извести изъ темницы душу его, освободить его изъ заточенія, дать ему покой и отраду въ его старости⁴.

¹ Чт. О. Ист. 183, 166.

² Сообщеніе Н. П. Успенскаго (изъ приходорасходныхъ книгъ Кириллова монастыря).

³ Чт. О. Ист. 130 прим.

⁴ См. это прошеніе у Шушерпина, 96, 97, и архим. Аполлоса 155—158.

Къ прошenію подпісалось около 60 монаховъ, и оно тутъ же было подано царю.

Но желаніе царя вернуть Никона изъ ссылки встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны патріарха Іоакима, который рѣшительно заявилъ царю, что безъ согласія вселенскихъ патріарховъ сдѣлать этого никакъ нельзя. Царь нѣсколько разъ просилъ объ этомъ Іоакима, но получалъ рѣшительный отказъ. Тогда царь собралъ соборъ архіереевъ, на которомъ присутствовалъ и самъ съ боярами, заявилъ о своемъ желаніи возвратить Никона изъ ссылки и представилъ собору членобитную воскресенскихъ монаховъ. Многіе архіереи соглашались съ царемъ и говорили, что Никона нужно освободить изъ заточенія, но патріархъ Іоакимъ былъ противъ этого, и соборъ кончился ничѣмъ. Спустя нѣсколько времени царь призвалъ патріарха къ себѣ во дворецъ и вмѣстѣ съ Татьяной Михайловной усиленно убѣждалъ его согласиться на освобожденіе Никона. Іоакимъ по прежнему оставался непреклоннымъ, ссылаясь на постановленіе вселенскихъ патріарховъ. Въ своихъ отказахъ согласиться на просьбу царя Іоакимъ стоялъ, конечно, на законной почвѣ, но въ его нежеланіи облегчить участъ Никона нельзя не видѣть личнаго нерасположенія къ послѣднему. Не безъ основанія можно думать, что онъ все еще боялся встрѣтить въ освобожденномъ Никонѣ опаснаго соперника, который легко подчинить своему вліянію молодого царя. У Іоакима и то уже былъ сильный противникъ при дворѣ въ лицѣ бывшаго учителя царя монаха Симеона Полоцкаго, съ которымъ онъ при всемъ желаніи не могъ справиться и который былъ сторонникомъ Никона. Татищевъ сообщаетъ неизвѣстно откуда имъ взятое извѣстіе о томъ, что Симеонъ Полоцкій, «который съ Іоакимомъ великую вражду имѣлъ», убѣдилъ Федора Алексѣевича учинить въ Россіи папу и четырехъ патріарховъ, причемъ папою сдѣлать Никона, а Іоакима оставить патріархомъ новгородскимъ. Но Іоакимъ всѣми силами возсталъ противъ этого плана, склонилъ на свою сторону приближенныхъ бояръ и велѣлъ Андрею Лызову сочинить представление «со многими обстоятельствами, показующими немалый вредъ отъ сего плана для государства», — хотя замѣчаетъ Татищевъ, безъ сомнѣнія не воспротивился бы саму, если бы самъ былъ назначенъ папою¹.

¹ Татищевъ. Рос. Ист. ч. I, стр. 573. См. свящ. Смирновъ. Іоакимъ

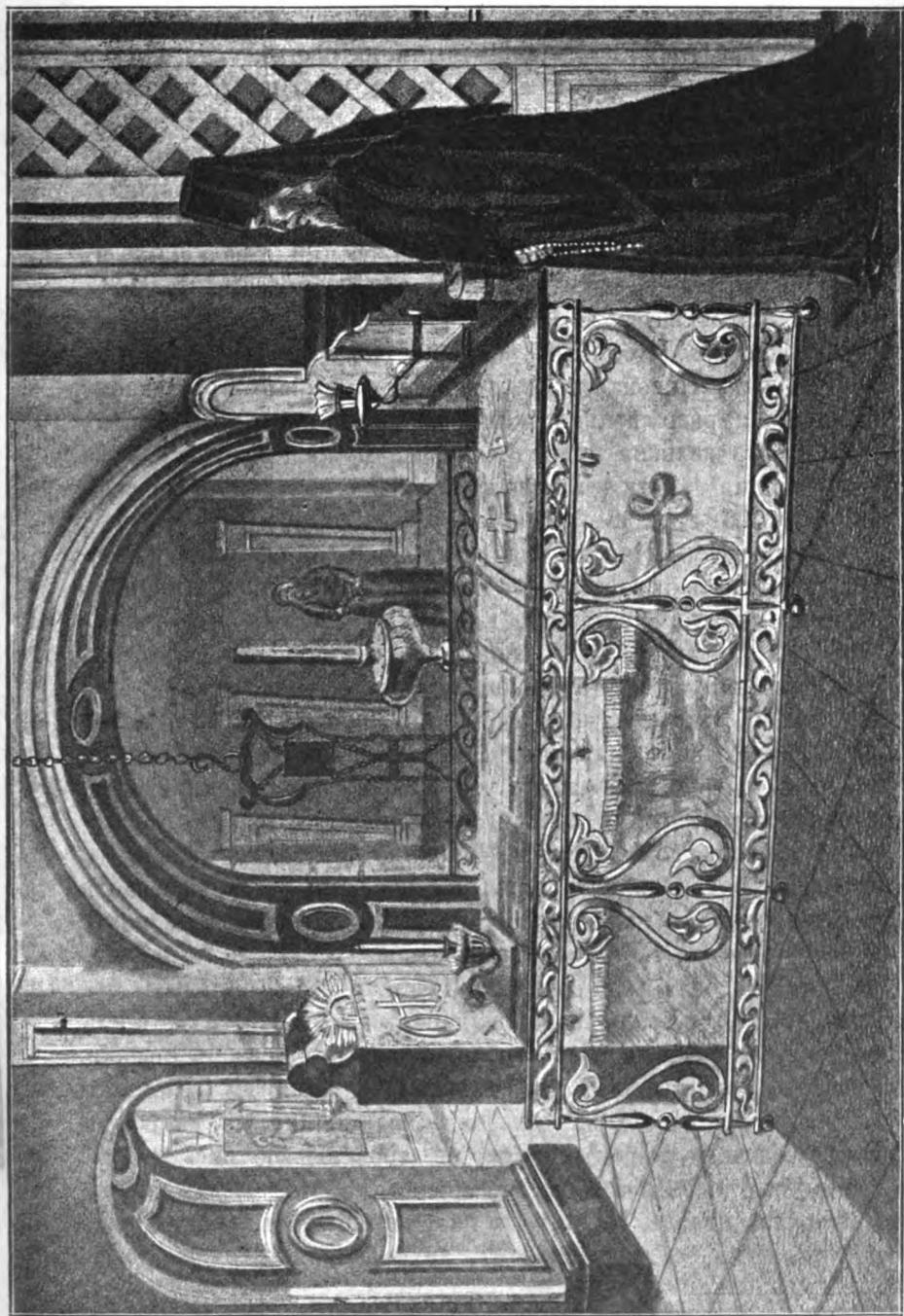
Какъ бы то ни было, но Федоръ Алексѣевичъ, не смотря на противодѣйствіе Иоакима, надѣялся непремѣнно увидѣть Никона освобожденнымъ изъ ссылки. Чтобы утѣшить и ободрить старца, томившагося въ заключеніи, царь написалъ ему въ Кирилловъ собственноручное письмо. Это была большая честь для Никона, который въ своеемъ заключеніи еще ни разу не получалъ царскихъ писемъ: какъ известно, царь Алексѣй Михайловичъ не писалъ ему въ Ферапонтовъ, а всегда отвѣчалъ ему чрезъ пословъ. Въ своемъ письмѣ Федоръ Алексѣевичъ называетъ Никона патріархомъ, вопреки соборному опредѣленію, просить у него благословенія и прямо обѣщаетъ ему скорое освобожденіе изъ ссылки. Вотъ это замѣчательное письмо: «О Святомъ Дусѣ отцу нашему Никону патріарху грѣшный царь Феодоръ и съ супругою своею поклонъ сотворяеть, и чести твоей возвѣщаю, аще Богъ повелитъ сему писанію вручитися тебѣ, и ваша честность да вѣсть, что, надѣяся на Бога, преведеніе твое не умедлитъ быти, и имати обитати самъ въ Новомъ Іерусалимѣ, и имать совершенство свое воспріятии. И посемь я грѣшный царь Феодоръ и съ женою своею благословенія вашего при свиданіи вашемъ съ нами и чрезъ писаніе желаемъ. Аминь»¹. Внимательность государя къ опальному патріарху станетъ еще яснѣе, если добавить, что это милостивое письмо было отправлено къ Никону съ его келейнымъ дьякономъ Мардариемъ, который послѣ долгой разлуки снова могъ служить своему патріарху. Велика была радость старого патріарха, когда онъ прочиталъ царское письмо и узналъ, что скоро согласно царскому слову должна исполниться его завѣтная мечта о возвращеніи въ любимый монастырь.

Царь, не смотря на свою болѣзnenность, съ настойчивостью продолжалъ дѣйствовать въ пользу Никона. Такъ какъ Иоакимъ ссылался на восточныхъ патріарховъ, то царь рѣшилъ обратиться къ нимъ отъ своего имени. Въ концѣ іюня собирались въ Турцию послы Илья Чириковъ и Прокофій Возни-

п. московскій. М. 1881, стр. 62. Это извѣстіе Татищевъ повторяетъ и въ другомъ сочиненіи: „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и ученицѣ“, но здѣсь онъ говоритъ, что исполненію плана помѣшала смерть Никона. Чт. О. Ист. 1887, I, стр. 59.

¹ См. это письмо у П. О. Николаевскаго. 128.

Гробница патриарха Никона въ Новомъ Ерусалимѣ подъ Голгоѳой въ придалии Иоанна Предтечи.

цынъ. Царь воспользовался этимъ случаемъ и отправилъ съ ними особы грамоты къ восточнымъ патріархамъ по дѣлу о Никонѣ. Въ нихъ онъ указывалъ на то, что Никонъ осуждены не за нарушение догматовъ и правиль благочестія, а за другія известныя прощенія достойныя вины; хотя онъ какъ чловѣкъ по малодушію поддался гнѣву и унынію, оставилъ патріаршество и тѣмъ произвелъ смуту въ церкви и государствѣ, но онъ искупилъ свои вины своими страданіями въ заточеніи и теперь, находясь въ глубокой старости, только о томъ и помышляетъ, какъ бы вернуться въ свой Воскресенскій монастырь, чтобы тамъ умереть спокойно. Въ виду близкой кончины Никона государь просилъ патріарховъ дать ему прощеніе и разрѣшеніе и возстановить его въ патріаршескомъ санѣ за его великое смиреніе, страданія въ заключеніи и за его покаяніе¹. Эти грамоты къ патріархамъ были подписаны 26 іюня 1681 года.

Междудѣмъ Никонъ слабѣлъ и гаялъ съ каждымъ днемъ. Онъ уже сталъ готовиться къ смерти, особоровался и принялъ великую схиму. Схимники обыкновенно менять свое иноческое имя на другое или снова получаютъ прежнее мирское имя. Замѣчательно, что Никонъ не пожелалъ перемѣнить своего имени, которое, благодаря ему, стало историческимъ. Видя безнадежное состояніе Никона, архимандритъ Никита доносилъ патріарху Іоакиму, что Никонъ близокъ къ смерти, и спрашивалъ, гдѣ и какъ его похоронить. Іоакимъ послѣшилъ распорядиться, чтобы Никона отпѣвали какъ простого монаха и похоронили въ церковной паперти. Царь уже послѣ узналъ о такомъ распоряженіи патріарха, требовалъ вернуть грамоту назадъ, но было уже поздно.

Дни Никона были сочтены. Чувствуя себя на краю могилы, онъ ждалъ обѣщанной царемъ свободы только для того, чтобы умереть и быть похороненнымъ въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ. И вотъ боясь не дожить до желанного дня, онъ въ послѣднихъ числахъ іюля написалъ къ братіи Воскресенского монастыря краткое трогательное письмо, которое было послѣднимъ въ его жизни. «Благословеніе Никона Патріарха, писалъ Никонъ, и на смертномъ одрѣ продолжавшій называть себя патріархомъ, архимандриту Герману, іеро-

¹ Тамъ-же: 127, 128.

монаху Варлааму... и всей братии. Ведомо вамъ буди, яко боленъ есмь болѣзнико великою вставать не могу, на дворъ выйти не могу жь, лежу въ гноищи...; а милость Великаго Государя была, что хотѣлъ меня взять по вашему челобитью, и писавъ жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилось, а его милостиваго указу нѣсть; — умереть мнѣ будетъ внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челомъ о мнѣ еще Великому Государю, не дайте мнѣ напрасною смертию погибнуть, уже бо моего житія конецъ приходитъ, а каковъ я, и то вамъ про меня подробно скажеть Иванъ, который отъ васъ живеть на приказѣ въ (селѣ) Богословскомъ»¹.

Архимандритъ съ братией, получивъ это письмо умирающаго патріарха, тотчасъ показали его царю и со слезами умоляли возвратить Никона изъ ссылки, пока онъ не умеръ. Государь снова обратился къ патріарху Ioакиму и архіереямъ съ просьбой освободить Никона въ виду его близкой смерти. Всѣ согласились, и самъ Ioакимъ не сталъ теперь перечить царю. Царь немедленно отправилъ въ Кирилловъ дьяка ко-нююшеннаго приказу Ивана Чепелева съ наказомъ взять оттуда Никона и живаго или мертваго перевести въ Воскресенскій монастырь. Чепелевъ поспѣшно отправился въ путь. Въ Кирилловъ еще никто не зналъ о такъ быстро состоявшемся рѣшениіи московскаго правительства освободить Никона. Но самъ Никонъ въ своей чуткой душѣ, готовившейся отрѣшиваться отъ земныхъ узъ, какъ бы прозрѣлъ свое близкое освобожденіе. Еще за день и больше до прїѣзда царскаго дьяка въ Кирилловъ Никонъ, не смотря на сильную болѣзнь и изнеможеніе, нѣсколько разъ начиналъ собираться въ путь. Въ самый день прїѣзда послы Никонъ еще съ утра сталъ одѣваться въ дорогу и торопилъ своихъ сожителей, говоря: «я уже готовъ, а вы что не собираетесь, смотрите скоро прїѣдутъ за нами». Въ нетерпѣливомъ ожиданіи онъ приказалъ даже вынести себя на крыльцо и сѣлъ тамъ въ креслахъ. Окружавшіе, исполняя волю больнаго патріарха, думали однако, что онъ началъ уже впадать въ безпамятство отъ болѣзни и старости. Но вдругъ къ всеобщему удивленію къ крыльцу кельи подошелъ только что прибывшій въ Кирилловъ дьякъ Чепелевъ и тутъ

---

¹ См. у Шушерина, 100, 101.

же объявилъ патріарху царскую милость. Обрадовался старый патріархъ и, не смотря на крайнюю слабость, поднялся съ кресель, чтобы оказать почтеніе послу, говорившему отъ имени цара.

Медлить было нельзя. Ослабѣвшаго патріарха бережно посадили въ сани, не смотря на лѣтнее время года (чтобы избавить его отъ толчковъ и тряски), и повезали къ пристани на рѣкѣ Шекснѣ въ 6-ти верстахъ отъ монастыря. Здѣсь уже заранѣе были приготовлены струги (барки) для отправленія патріарха. Съ большимъ трудомъ перенесли больного старца на стругъ и поплыли внизъ по Шекснѣ. Съ нимъ поѣхалъ и кирилловскій архимандритъ Никита. За двадцать верстъ до впаденія Шексны въ Волгу ихъ встрѣтилъ бывшій келейный іеромонахъ Никона Варлаамъ, жившій съ нимъ въ Ферапонтовѣ. Его нарочно послалъ воскресенскій архимандритъ для встрѣчи Никона. Доѣхавъ до Волги, Чепелевъ хотѣль было слѣдовать дальше вверхъ по течению Волги, но Никонъ пожелалъ, чтобы его везли внизъ по Волгѣ къ Ярославлю, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ онъ когда-то везъ моши св. Филиппа. Жители сель и городовъ, расположенныхъ по Шекснѣ и Волгѣ, узнавъ о возвращеніи Никона изъ ссылки, выбѣгали навстрѣчу плывущимъ стругамъ и готовы были оказать патріарху и его спутникамъ всевозможная услуги. Рано утромъ 16 августа, когда струги плыли около Толгскаго монастыря недалеко отъ Ярославля Никонъ почувствовалъ себя плохо и велѣль пристать къ берегу. Архимандритъ Никита, имѣвшій при себѣ запасные Дары, причастилъ умирающаго Никона Св. Таинъ. Отплыли еще полверсты и остановились противъ Толгскаго монастыря. Игумень Толгскаго монастыря въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ вышелъ на берегъ встрѣтить патріарха и здѣсь произошла трогательная сцена. Въ числѣ братіи оказался жившій здѣсь подъ началомъ бывшій игуменъ Спасскаго монастыря Сергій, который такъ много досаждалъ Никону въ тягостныя минуты послѣ его низложенія. Теперь Сергій, видя возвращающагося изгнанника при смерти, припалъ къ его ногамъ и со слезами просилъ прощенія, называя его «святителемъ Божіимъ и владыкой». Тутъ же онъ разсказалъ всѣмъ о бывшемъ ему видѣніи, которое и побудило его теперь прийти сюда проститься съ Ни-

кономъ. Умирающій патріархъ тогчашъ же простилъ своего бывшаго врага.

Стругъ медленно поплылъ далѣе и на другой день, 17 августа, остановился въ Ярославль. Жители во множествѣ сбѣжались на берегъ, толпами тѣснились на барку, стремясь получить отъ него благословеніе, цѣловали ему руки и ноги. Здѣсь то сказалась вполнѣ преданность народа къ возвращающемуся изъ долгой ссылки патріарху. Стругъ нужно было провести въ рѣку Которосль: народъ усердно началъ помогать гребцамъ, многие тащили барку, бредя по поясъ въ водѣ, и такимъ образомъ довели ее до Спасскаго монастыря. Здѣсь вышли на-встрѣчу патріарху монахи этого монастыря во главѣ съ архимандритомъ. Между тѣмъ вѣсть о прїѣздѣ патріарха Никона разнеслась по городу, народъ толпами валилъ къ нему, чтобы получить благословеніе. Умирающій Никонъ былъ утѣшеннъ теперь любовью и вниманіемъ къ нему народа, но уже на-столько изнемогъ, что не могъ говорить, и только давалъ приходящимъ цѣловать руку. Архимандритъ Никита и дьякъ Чепелевъ, замѣчая, что Никону становится хуже, рѣшили прекратить народу доступъ на барку и съ этой цѣлью при-казали перевести ее на другой берегъ рѣки.

День склонялся уже къ вечеру, въ церквиахъ города за-благовѣстили къ вечернѣ. Услышавъ звонъ, изнемогавшій Никонъ вдругъ оживился, началъ осматриваться вокругъ, по-правлять на себѣ руками волосы, бороду, одежду. Наступилъ его смертный часъ. Архимандритъ съ бывшими тутъ мона-хами и дьякомъ начали пѣть послѣдованіе на исходъ души. Никонъ спокойно служилъ руки на груди и издалъ свой по-слѣдній вздохъ на 77 году жизни. При такой необычной об-становкѣ завершилъ свое многотрудное житейское поприще этотъ замѣчательнѣйшій изъ русскихъ патріарховъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго заточенія судьба, наконецъ, сквилилась надъ нимъ, дозволивъ ему умереть не подъ тѣсными сводами ки-рилловскихъ келій, а на свободѣ, подъ открытымъ небомъ, на берегахъ родной ему рѣки Волги, въ присутствіи многочи-сленной толпы народа, трогательно заявившаго свое сочув-ствіе къ нему, какъ своему любимому пастырю.

Архимандритъ Спасскаго монастыря съ соборомъ мона-ховъ отслужилъ литію надъ тѣломъ усопшаго патріарха въ присутствіи городского воеводы и множества народа. Дьякъ

Чепелевъ тотчасъ же поскакалъ въ Москву съ вѣстью къ го-
сударю о смерти Никона. Царь надѣялся видѣть Никона жи-
вымъ и послалъ было за нимъ свою карету съ лучшими ко-
нями, но ѿхать въ ней, не пришлоось Никону. Тѣло его по-
ложили въ дубовый гробъ и на особо устроенныхъ дорогахъ
(«возилахъ») повезли по дорогѣ въ Москву. На пути въ го-
родахъ и селахъ духовенство съ народомъ выходило на встрѣчу,
служило литію. Близъ слободы Александровской игуменья та-
мѡннаго монастыря со своими 200 монахинями устроила тор-
жественную встрѣчу тѣлу почившаго патріарха. Въ Троицко-
Сергіевой лаврѣ вышли навстрѣчу гробу Никона всѣ монахи
во главѣ съ архимандритомъ Викентіемъ, который пошелъ по-
томъ провожать тѣло патріарха взамѣнъ кирилловскаго архи-
мандрита Никиты, вызваннаго царемъ въ Москву.

Государь, получившій оть дьяка извѣстіе о смерти Ни-
кона, съ интересомъ распрашивалъ его о послѣднихъ дняхъ
жизни Никона и обстоятельствахъ его смерти. Дьякъ подробно
разказалъ царю о кончинѣ Никона. На вопросъ царя, не
оставилъ ли Никонъ духовной, дьякъ отвѣчалъ: «я напоми-
налъ блаженному Никону о духовной, но онъ сказалъ мнѣ:
не хочу я писать духовной, но скажу одно вмѣсто моей ду-
ховной: да будетъ миръ и благословеніе благочестивѣшему го-
сударю Феодору Алексѣевичу и всему его царскому дому, а
о душѣ моей и о грѣшномъ тѣлѣ, о погребеніи и поминове-
ніи пусть царь распорядится, какъ ему угодно»¹.

Растроганный царь съ охотой взялъ на себя обязанности
душеприказчика покойнаго патріарха и задумалъ устроить ему
торжественные похороны. Онъ хотѣлъ было сначала, чтобы
самъ патріархъ Іоакимъ совершилъ погребеніе Никона, но
Іоакимъ соглашался на это только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы
поминать Никона на погребеніи не патріархомъ, а простымъ
монахомъ. Напрасно царь убѣждалъ Іоакима, бралъ на себя
всю отвѣтственность предъ восточными патріархами, на кото-
рыхъ опять ссылался Іоакимъ, обѣщалъ снова писать имъ отъ
своего имени — Іоакимъ оставался непреклоненъ. Онъ отпу-
стилъ вмѣсто себя новгородскаго митрополита Корнилія, давъ
ему уклончивое распоряженіе поступать такъ, какъ велитъ
царь.

¹ Шуперинъ, 105.

25 августа наканунѣ прибытія тѣла Никона въ Воскресенскій монастырь царь прѣѣхалъ туда изъ Москвы съ боярами и всѣми многочисленными членами царской семьи. Митрополит Корнилій служилъ заупокойную всенощную. Рано утромъ 26 августа процессія съ гробомъ Никона приближалась къ Воскресенскому монастырю. За версту отъ монастыря на монастырскомъ мельничномъ дворѣ тѣло Никона внесли въ келью и одѣли въ особую одежду, еще при жизни заготовленную имъ для своего погребенія и хранившуюся въ Воскресенскомъ монастырѣ; сверхъ ея одѣли бархатную рясу, архіерейскую мантію съ панагіей и схиму. Шушеринъ сообщаетъ, что при облаченіи тѣла Никона не было замѣтно на немъ ни малѣйшихъ признаковъ разложения, не смотря на теплое время года и на то, что уже шелъ десятый день со времени его смерти¹. При колокольномъ звонѣ митрополитъ вышелъ изъ монастыря съ крестнымъ ходомъ и встрѣтилъ гробъ патріарха у часовни. Въ процессіи принимали участіе и самъ царь съ боярами. Всѣмъ розданы были особыя заготовленныя на царскій счетъ свѣчи чернаго цвѣта отъ полуаршинна до сажени длиной. Священники подняли гробъ патріарха и крестный ходъ двинулся обратно въ монастырь. Царские пѣвчіе иѣли стихиры, благочестивый царь самъ подгѣвалъ имъ.

Началась заупокойная обѣдня. По приказу царя Никона поминали патріархомъ. Во время пѣнія «пріидите поклонимся» гробъ съ тѣломъ патріарха, согласно тогдашнимъ церковнымъ обычаямъ быль внесенъ въ алтарь. На отпѣваніи самъ царь читалъ каѳизмы и апостоль и пѣлъ со своими пѣвчими. Когда настало время «послѣдняго цѣлованія», царь взялъ изъ подъ схимы руку покойнаго патріарха и поцѣловалъ ее, его примеру послѣдовали члены царской семьи, бояре и всѣ присутствовавшіе. Дубовый гробъ съ тѣломъ Никона вложенъ быль въ другой — мраморный гробъ и похороненъ въ приделью Иоанна Предтечи подъ Голгоѳой на мѣстѣ, которое патріархъ самъ указалъ еще задолго до своей смерти. Вся церемонія погребенія тѣла Никона, включая сюда крестный ходъ, литургію и отпѣваніе, продолжалась 10^{1/2}, часовъ.

Послѣ погребенія царь одарилъ участовавшихъ въ немъ духовныхъ лицъ деньгами и вѣщами изъ ризницы Никона и

¹ Шушеринъ, 111.

его имущества, привезенного за нимъ изъ Кириллова монастыря. Онъ разсыпалъ потомъ архіерейль изъ поминъ души Никона разныя вещи изъ его архіерейской ризницы. Патріарху Іоакиму онъ послалъ митру Никона, но тотъ ее не принялъ и отоспалъ обратно, желая этимъ показать, что онъ по прежнему признаетъ Никона простымъ монахомъ. Но вотъ спустя годъ послѣ похоронъ Никона получены были въ отвѣтъ на просьбу царя разрѣшительные грамоты отъ восточныхъ патріарховъ, которые снимали съ Никона соборное запрещеніе, восстановляли его въ прежнемъ санѣ и повелѣвали поминать его отнынѣ на раду съ прочими московскими патріархами. Федора Алексѣевича тогда уже не было въ живыхъ († 27 апрѣля 1682 г.). Іоакимъ и тутъ было усумнился въ подлинности присланныхъ грамотъ, но долженъ быть подчиниться опредѣленію вселенскихъ патріарховъ, сталъ поминать Никона патріархомъ и даже служить по немъ панихиды въ Воскресенскомъ монастырѣ. Честь многострадального Никона была, наконецъ, восстановлена, и съ того времени вся русская церковь поминаетъ Никона въ числѣ московскихъ патріарховъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ донынѣ свято чтится память Никона; народъ почитаетъ Никона чудотворцемъ, разсказываетъ о его чудесахъ¹ и постоянно служить панихиды у его гробницы. Здѣсь висятъ его вериги (въсомъ въ 15 фунтовъ), которыя онъ носилъ на себѣ во всю жизнь: И простолюдинъ и интеллигентъ въ раздумъѣ останавливаются иредь гробницей этого необыкновеннаго человѣка, сдѣлавшагося изъ нижегородскаго крестьянина всероссийскимъ патріархомъ, и съ восторгомъ любуются «на дивный не имѣющій себѣ ничего подобнаго у насъ»² Воскресенскій храмъ, построенный по мысли Никона и донынѣ остающійся «лучшимъ памятникомъ надъ гробницей великаго патріарха, которому по силѣ энергіи, широтѣ и величію дѣлъ нѣть равнаго между остальными патріархами русской церкви»³.

¹ Записи чудесъ при гробѣ Никона см. въ Чт. О. Ист. 1887, I.

² См. А. А. Навроцкій. „Русская Старина“ 1884 г. августъ. 255—270.

³ П. Ф. Николаевскій, 140.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

---

1. Списки настоятелей Ферапонтова монастыря.

Списки настоятелей Ферапонтова монастыря напечатаны въ Исторіи Россійской Іерархіи (т. VI, 856) и у Строева (Списки іерарховъ. 1877. стр. 81—83). Первый списокъ заключаеть въ себѣ только 22 имени, да и изъ нихъ нѣсколько именъ Строевъ (вѣроятно, имъя на то основаніе) не включилъ въ свой списокъ. Замѣчательно, что въ рукописномъ синодикѣ Ферапонтова монастыря XVII в. (переписанъ въ 7149 = 1641 году) есть еще третій списокъ, который весьма отличается отъ двухъ вышеупомянутыхъ. Вотъ онъ: „помяни, Господи, святых обитателей сей начальниковъ именемъ: ферапонта. итумена мартина. и. германа. и. юакима. и. зоина. генадия. мисаила. цурия. ефросина. касиана. юсафа. филарета. юсафа. селивестра. амфилохия. геронтия. туртия. еливарха, инатия. кирила. генадия. саву. иннатия. галасию. абраамия. евфимию. антония, затѣмъ другими руками приписаны имена: „варлаама. варлаама. афанасія“. Въ этотъ списокъ не внесено многихъ именъ, имѣющихся у Строева (быть можетъ, сюда вносились только имена игуменовъ, погребенныхъ въ монастырѣ), но съ другой стороны здѣсь стоять имена, какихъ нѣть у Строева. Въ вкладной книжѣ Ферапонтова монастыря (нынѣ утраченной и извѣстной намъ по описанію покойнаго о. Арсения Разумовскаго) упоминаются имена нѣсколькихъ игуменовъ, неизвѣстныхъ Строеву. Приводимъ здѣсь списокъ Строева, ставя въ скобкахъ имена, опущен-

ныя имъ изъ списка И. Р. Іерархіи, и отмѣчая курсивомъ тѣ имена, какими мы нашли возможнымъ дополнить его списокъ на основаніи данныхъ, имѣвшихся у насъ подъ руками.

Пр. Ферапонтъ (основатель монастыря, но игуменомъ въ немъ онъ не былъ; вызванъ Можайскимъ княземъ Андреемъ Димитріевичемъ въ 1408 г. † 27 мая 1426 г.).

Пр. Мартиніанъ [съ 1482 (?) см. выше стр. 20 пр.] съ 1447 по 1455 г. быль игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря, а потоmъ строителемъ въ Ферапонтовѣ, † 12 янв. 1483 г.

Германъ 1450 — 54.

Іоакимъ (при князѣ Михаилѣ Андреевичѣ).

Филоeей упоминается въ 1467, а 2-го ноября 1471 хиротонисанъ въ епископа Пермскаго; † 1508 въ Ферапонтовѣ, см. выше стр. 48.

Іоасафъ князь Оболенскій 22 іюля 1481 хиротонисанъ въ архіепископа Ростовскаго, † 6 окт. 1513 (?) на покой въ Ферапонтовѣ, см. о немъ стр. 49 — 55.

Сильвестръ 1511 — 14.

Акакій 1522.

Мартиніанъ 1526.

Ферапонтъ 1530; 9 марта 1589 г. хиротонисанъ въ епископа Сузdalскаго см. стр. 55, 70, 71 пр.

Нектарій 1540 (и 1541 см. А. Э. I, № 193).

[Феодосій упоминается въ 1542].

[Алексій упом. 17 февр. 1548].

[Макарій упом. 16 марта 1548].

Кассіанъ 1543.

? Арсеній 1543 — 1551. Вкладная книга: 7051 — 7059 sic.

[Іона упом. 21 февр. 1544.

Савва 1544].

Гурій 1545 — 1551.

Корнилій 1554 — 1557.

Филоeей 1559 (7067) вкл. кн.

Сергій 1563.

[Макарій упом. въ 1564 г. декабря 31.

Акакій въ 1567 г. скончался въ Москвѣ].

Арсеній 1567.

Игнатій 1568.

Иринархъ 1573 — 1577 (7081 — 7085) вкл. кн.

Гурій 1578 (7086) вкл. кн.

Евфимій упом. 15 янв. 1580.

Антоній упом. 15 янв. 1581 (А. А. Э. I, № 308).

Геннадій 1583 — 1585.

Павелъ 1587 (7095) вкл. кн.

Сильвестръ 1590 (7098) тамъ же.

Кириллъ 1591 — 1594 (7099 — 7102); † въ мартѣ 7102 г.,
вкл. кн.

Кириллъ 1595 (7108) тамъ же.

Савва 1597 — 1599 также и въ вкл. кн.; но въ грамотѣ
утвержденія обѣ избраніи царемъ Бориса Годунова
4 авг. 1598 г. встрѣчается подпись еер. игумена
Іоны. А. Э. II, № 7.

Геласій 1600 — 1604 (7108 — 7112); вкл. кн.

Сильвестръ 1604 — 1606 (7112 — 7114); тамъ же.

Ігнатій 1606 (7114) тамъ же.

Макарій переведенъ изъ Корниліева Комельского 31 марта
1618, упом. въ 1614.

Герасимъ 1620 — 1628.

Матеїй 1624 и 1625.

Евсімій 1625 — 1634.

Антоній 1636 — 1640; уволенъ 25 апр.

Герасимъ 1640 и 1641; увол. 21 ноября.

Іоакимъ 1641 и 1642.

Арсеній 1642 — 1644.

Варлаамъ 1644 — 1651.

Аѳанасій 1651 — 1655.

Варлаамъ 1655 — 1658.

Ферапонтъ 1658 — 1661.

Аѳанасій 1661 — 1680. Два сего имени: одинъ уволенъ, а
другой опредѣленъ въ іюнь 1678. См. стр. 96 — 97.

Діонисій 1681 — 1683.

Іона Сямскій 1683 — 1685.

Варлаамъ 1686 и 1687.

Іона 1688 и 1689.

Мардарій 1690 — 1692.

Филиппъ 1692 — 1694.

Геннадій 21 янв. 1695.

Герасимъ 1696 — 1700 (?).

Кирилль   } упоминаются одинъ за другимъ въ грамотѣ Петра I
Флавіанъ   } отъ 28 мая 7205 (1697) года. „Новг. Губ. Вѣд.“
              1852 № 20.

Кирилль (упомянутый выше ?) 1700 — 1704 ноябрь ?

Іосифъ 1705 и 1706.

Георгій 1707 — 1713 см. стр. 101.

Іоиль 1615 и 1616.

Іоасафъ 1718 и 1719 см. стр. 101.

Филиппъ опредѣленъ 6 марта 1720 — 1723.

Матеей 1726 — 1728.

Вавила 1729 — 1782.

Іона 1783 — 1786 отставленъ.

Павель 1736 — 1741 переведенъ въ Корнильевъ.

Варлаамъ 1741 — 1750; въ мартѣ взять въ Тайную канцелярію. См. о немъ выше стр. 101.

? Іеофанъ упом. 15 октября 1747 въ надписи на колоколѣ. См. стр. 114.

Іероѳей 1751 — 1768.

Архимандриты: Филаретъ 1763 — 1767.

Пахомій 1767 перев. изъ Вологодскаго Арсеньева, въ 1771 переведенъ въ Вологодскій Павловъ.

Павель въ 1771 перев. изъ Волог. Павлова; былъ до 1785.

Іеофилактъ 1785 — 1790.

Герасимъ Іонинъ (игуменъ) 1790 — 1792, переведенъ въ Клопскій мон.

Іеофилактъ (игуменъ) 1793 — 1798; 28 июля переведенъ въ Бѣлевскій Спасскій монастырь, а Іерапонтовъ монастырь закрыть и обращенъ въ приходскую церковь. См. стр. 103 — 105.

2. Планъ Ферапонтова монастыря и карта его окрестностей.

Прилагаемый здѣсь планъ Ферапонтова монастыря представляетъ уменьшенную копію плана, снятаго архитекторомъ въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ виду предпринятыхъ тогда перестроекъ въ упраздненномъ монастырѣ. Въ 1857 году была окончена постройка каменной ограды (10), которая замѣнила собою прежнюю деревянную (11) съ шестиугольными деревянными башнями („карасами“) по угламъ. Входъ въ монастырь съ запада чрезъ святыя ворота, надъ которыми расположены два небольшихъ приదѣла: во имя Богоявленія — церковь п. Никона (Г) и пр. Ферапонта (Д). А — соборный храмъ Рождества Богородицы, окруженный папертью съ сѣверной и западной стороны; съ юга къ собору примыкаетъ ризница (1) и церковь пр. Мартиніана (Б). В — церковь Благовѣщенія (бывшая трапеза), 2 — келарская келья, разломанная при передѣлкѣ трапезы въ церковь въ 1851—3 годахъ, 3 — казенная (прежде ризничная) палата, 4 — стѣнка съ воротами, нынѣ не существующая, 5 — недавно построенный деревянный церковный домъ („келии“), 6 — каменная двухъ-этажная пристройка, въ верхнемъ этажѣ ея небольшое помѣщеніе, соединяющееся дверью съ церковью Никона, 7 — большое каменное сушило, имѣвшее два этажа, 8 и 9 — каменные кельи, на мѣстѣ которыхъ находится теперь садъ.

Въ дополненіе къ этому плану приводимъ видъ Ферапонтова монастыря, помѣщенный на старинной иконѣ пр. Ферапонта и Мартиніана. Икона эта небольшихъ размѣровъ ($4\frac{1}{2}$ вершка въ ширину и $5\frac{1}{2}$ — въ длину) имѣется въ нѣсколькихъ копіяхъ, на одной изъ нихъ сдѣлана надпись: „видъ Ферапонтова монастыря въ 1687 году“. На оригиналѣ средняя часть изображенія отпала вмѣстѣ съ левкасомъ и воспроизводится здѣсь по копіи. Въ этомъ схематическомъ изображеніи помѣщено нѣсколько зданій, нынѣ уже не существующихъ, а также мостъ, двѣ мельницы, амбаръ и конюшенній дворъ, согласно описанію, сохранившемуся въ отписныхъ книгахъ монастыря XVII в. (см. выше стр. 78 и 79) и описанію автора Исторіи Россійской Іерархіи въ началѣ нынѣшняго вѣка (см. т. VI, 853 — 855).

Быть можетъ, не будетъ излишня и помѣщаемая піже карта окрестностей Ферапонтова монастыря, хотя бы напр., въ виду того довольно распространенного мнѣнія, что Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь стоитъ на берегу Бѣлаго озера. Карта эта составлена на основаніи семитопографической карты Новгородской губерніи 1847 года съемки полковника Безкорниловича (изданіе военно-топографического отдѣла Главнаго Штаба). Погосты обозначены крестиками. Замѣтимъ кстати, что Кирилловъ монастырь стоитъ почти на одной параллели съ Петербургомъ — $59^{\circ}52'$ с. ш. (Петербургъ — $59^{\circ}57'$) и на $56^{\circ}2'$ вост. долготы отъ Ферро.

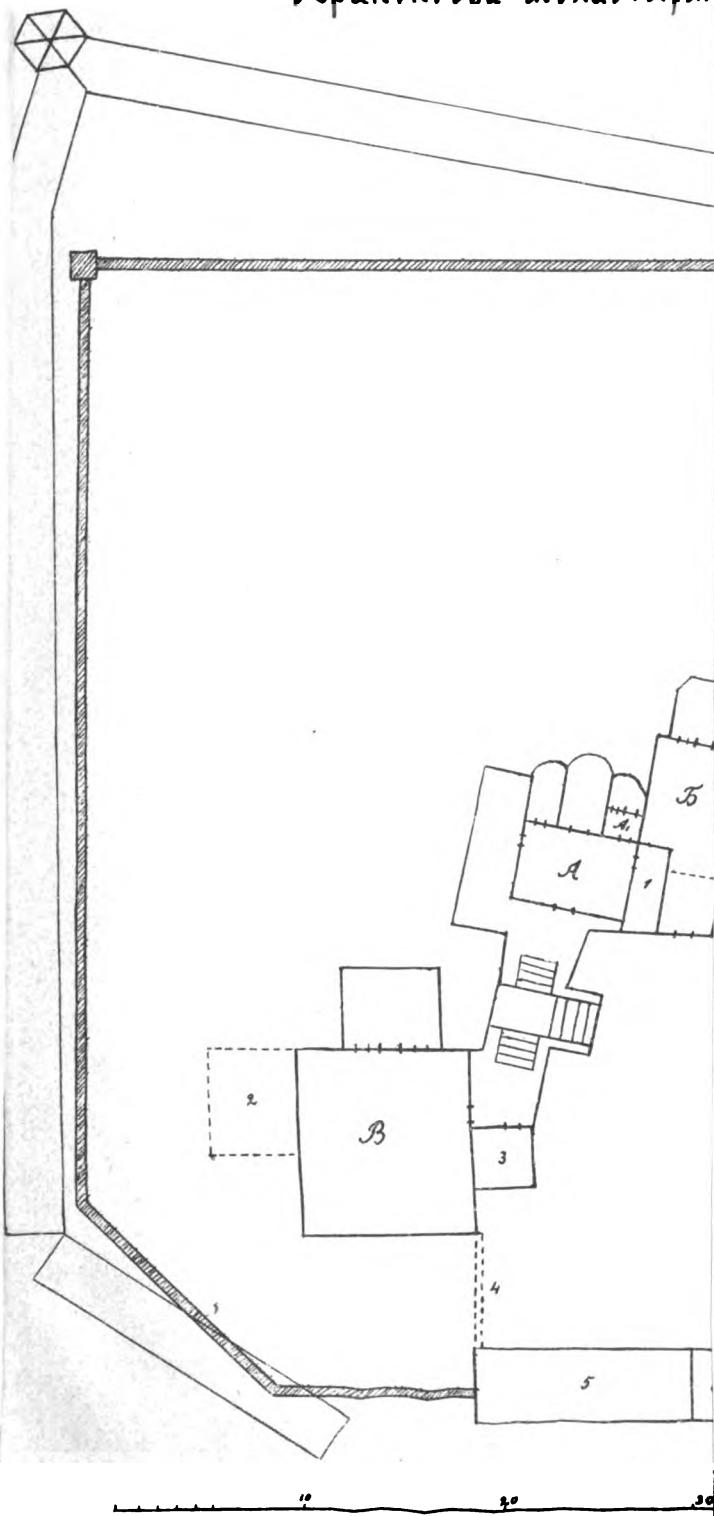
ПОПРАВКИ.

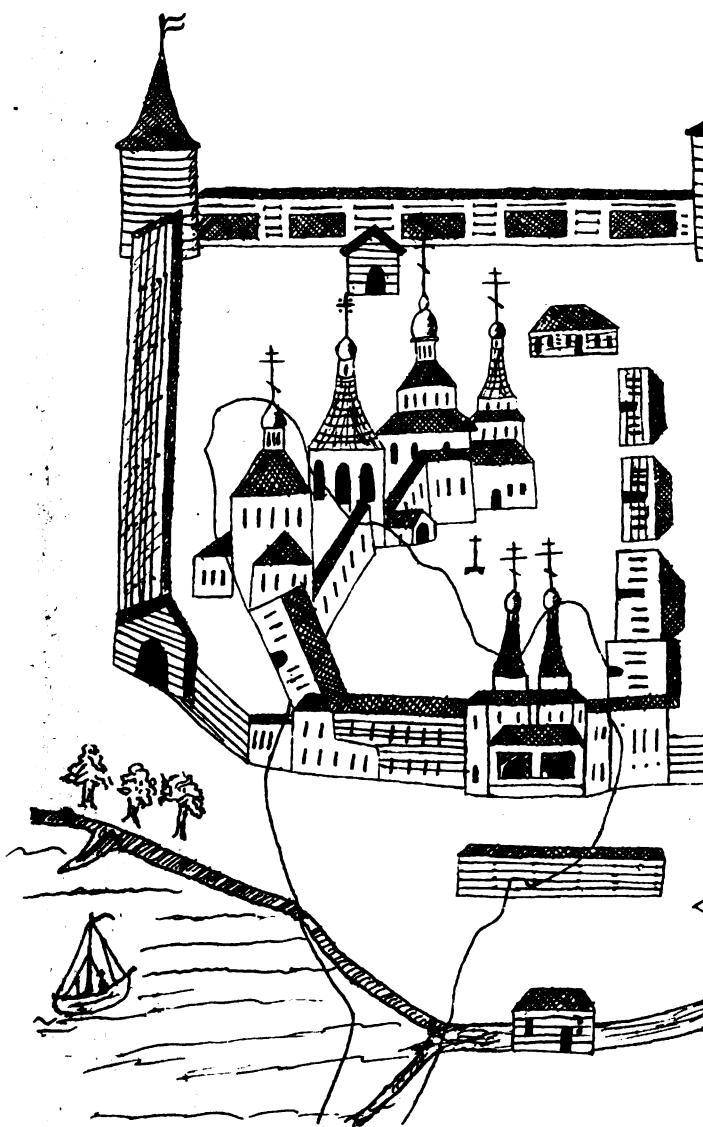
<i>На 38 стран.</i>	<i>11 строка сверху</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
" 54 "	6 " снизу	Мартинина о	Мартинана. что
" 78 "	8 " сверху	Богоявленія	Богоявленія
" — "	11 " сверху	идъ	видъ
" 128 "	10 " сверху	А. В. Муравьевъ	А. Н. Муравьевъ
" 124 "	4 " снизу (въ пр.)	нынѣ напечата-	будуть изданы
		ны имъ въ „Хри- стіанск. Чтеніи“.	въ печати
" 128 "	12 " снизу	ни въ чѣмъ	ни въ чѣмъ
" 143 "	14 " сверху	велено	велько
" 144 "	1 " снизу	—	—

Планъ
Ферапонтова монастыря.

Видъ
Берапинтова монастыря в XVII

окрестностей Оера.

5 4 3 2 1 0   5   10   15 *Capone*

та
октова монастыря.

